

Морская летопись

ТАЙНА БРИГА
«МЕРКУРИЙ»

ТАЙНА БРИГА «МЕРКУРИЙ»

В.В. Шигин

Annotation

Книга известного российского писателя-мариниста капитана 1-го ранга Владимира Шигина посвящена драматическим событиям, происходившим на Российском Черноморском флоте в 20—30-х годах XIX века и связанных с деятельностью адмирала А.С. Грейга и его супруги, завладевших всей внешней торговлей юга России и пытавшихся превратить Черноморский флот в особое «удельное княжество». Вот уже почти двести лет эти события были сокрыты непроницаемой завесой тайны. Собрав и обобщив редкие архивные материалы, свидетельства современников, автору книги впервые удалось воссоздать полную и правдивую картину тех давних событий, раскрыть тайну смерти легендарного командира брига «Меркурий» А.И. Казарского, ответить на многие другие загадки военно-морской отечественной истории.

- [В.В. Шигин](#)
 -
 - [Часть первая.](#)
 - [Глава первая.](#)
 - [Глава вторая.](#)
 - [Глава третья.](#)
 - [Глава четвертая.](#)
 - [Глава пятая.](#)
 - [Глава шестая.](#)
 - [Часть вторая.](#)
 - [Глава первая.](#)
 - [Глава вторая.](#)
 - [Глава третья.](#)
 - [Глава четвертая.](#)
 - [Глава пятая.](#)
 - [Глава шестая.](#)
 - [Глава седьмая.](#)
 - [Часть третья.](#)
 - [Глава первая.](#)
 - [Глава вторая.](#)
 - [Глава третья.](#)
 - [Глава четвертая.](#)

- [Глава пятая.](#)
 - [Глава шестая.](#)
 - [Иллюстрации](#)
-

В.В. Шигин

ТАЙНА БРИГА «МЕРКУРИЙ»

Неизвестная история Черноморского флота

Ты кончил жизни путь, герой!
Теперь твоя начнется слава...

Д. Байрон

Если вам доведется побывать в Севастополе, найдите время и поднимитесь на Матросский бульвар. Пойдите у памятника, увенчанного античной триерой. Вспомните о том, в честь кого он поставлен. Право, он стоит нашей памяти!

...Матросский бульвар — место, почитаемое в Севастополе особо. Сегодня он почти всегда малолюднен. Горожане и гости города предпочитают ему более шумные места. На Матросском же всегда тишина и покой...

Бульвар в иные времена звался иначе — Мичманским или, по-местному, Малым Он и вправду мал. По существу, это всего лишь одна тенистая аллея на склоне Городского холма. На Матросском бульваре всегда хорошо посидеть одному и не спеша подумать о чем-нибудь несуетном и вечном.

Однако когда-то именно здесь, а не где-нибудь в другом месте, бился пульс местной светской жизни: гремела медь оркестров, завязывались знакомства и начинались романы, рассказывались столичные новости и обсуждались вопросы высокой политики. Здесь было излюбленное место отдыха многих поколений черноморских офицеров. Вспомним хотя бы

«Севастопольские рассказы» Льва Толстого: «В осажденном Севастополе, на бульваре, около павильона играла музыка и толпы веселого народа, и женщин празднично двигались по дорожкам».

На Мичманском (ныне Матросском) бульваре бывали, наверное, все севастопольские герои. А потому неудивительно, что именно здесь был поставлен первый памятник города, и поставлен одному из первых его героев...

...Усеченную каменную пирамиду венчает древняя медная галера. Ниже ее — барельефы богини победы Ники и Меркурия... Надпись на камне предельно лаконична и значима: «Потомству в пример!»

Что же совершил офицер, подвиг которого стал примером для потомков? Все ли мы знаем о жизненном пути этого мужественного человека?

Часть первая.
ГЕРОИ И ПОДВИГИ

Глава первая.

ПОДВИГ, КОТОРЫЙ ПОТРЯС МИР

Русско-турецкая война 1828–1829 годов уже близилась к победоносному концу, когда три русских судна — 44-пушечный фрегат «Штандарт» (командир капитан-лейтенант П.Я. Сахновский), 20-пушечный бриг «Орфей» (командир капитан-лейтенант Е.И. Колтовский) и 20-пушечный бриг «Меркурий» (командир капитан-лейтенант А.И. Казарский) получили приказ крейсировать у выхода из пролива Босфор. Общее командование отрядом было возложено на капитан-лейтенанта Сахновского. 12 (24) мая 1829 года корабли снялись с якоря и взяли курс к Босфору.

На рассвете 14 (26) мая, в 13 милях от пролива, отряд заметил турецкую эскадру, в числе 14 судов шедшую от берегов Анатолии. Сахновскому очень хотелось поближе разглядеть противника, чтобы определить, с какими силами на этот раз вышел в Черное море капудан-паша. На фалах «Штандарта» затрепетал сигнал: «“Меркурию” — лечь в дрейф». Сахновский оберегал самый тихоходный корабль своего отряда. Сосчитав турецкие вымпелы, «Штандарт» и «Орфей» повернули назад. Обычно турки не слишком стремились гоняться за разведчиками, обходясь тем, что отгоняли их легкими судами. Но на этот раз все вышло иначе. Практически вся неприятельская эскадра устремила в погоню за нашими судами. Причины столь необычного поведения турок станут известны несколько позднее. Увидев возвращающихся разведчиков, Казарский, быстро оценив ситуацию, самостоятельно приказал сниматься с дрейфа и поднимать паруса. Очень скоро быстроходный «Штандарт» поравнялся с «Меркурием». На его мачте взвился новый сигнал: «Избрать каждому курс, каким судно имеет преимущественный ход». Этим Сахновский снимал с себя ответственность за последствия погони. Отныне каждое судно было предоставлено само себе. Казарский избрал NNW, «Штандарт» и «Орфей», взяв курс N W, резко вырвались вперед и быстро превратились в два пушистых облачка на горизонте. Честно говоря, поведение Сахновского мне кажется не слишком офицерским. По существу, тихоходный «Меркурий» был брошен на произвол судьбы и почти обречен. Разумеется, командиру «Штандарта» было важно известить командующего о выходе турок, но для этого хватило бы и одного судна, а второе могло поддержать «Меркурий», ведь вдвоем всегда легче драться, чем одному. Разумеется, на

войне всегда превалирует целесообразность, и все же. Впрочем, как случилось, так случилось.

Тем временем за кормой «Меркурия», который нес все возможные паруса, неумолимо вырастал лес мачт турецких кораблей. Ветер был WSW; неприятель шел строго на север. Лучшие турецкие ходоки — 110-пушечный «Селимие» под флагом капудан-паши и 74-пушечный «Реал-бей» под флагом младшего флагмана — постепенно настигали «Меркурий». Вся остальная турецкая эскадра поначалу также участвовала в погоне, но затем легла в дрейф, ожидая, когда адмиралы захватят или сожгут маленький русский бриг. Шансы на спасение у «Меркурия» были ничтожны — 184 пушки против 20, даже не принимая во внимание калибры орудий!

Около двух часов дня ветер стих, и ход преследующих кораблей уменьшился. Пользуясь этим обстоятельством, Казарский, используя весла брига, предпринял попытку увеличить дистанцию до противника. Поначалу это ему удалось, но через полчаса ветер снова посвежел, и турецкие корабли стали снова приближаться. В исходе третьего часа дня, выйдя на дистанцию стрельбы, турки открыли огонь из погонных пушек. Превосходство неприятеля было более чем тридцатикратное!

Понимая, что надежд на отрыв нет никаких и впереди неравный бой, командир брига капитан-лейтенант Казарский наскоро собрал офицерский совет. По давней воинской традиции первым имел привилегию высказать свое мнение младший по чину.

— Нам рке не уйти, — взял слово поручик корпуса флотских штурманов Прокофьев. — Следует драться. При этом «Меркурий» не должен достаться врагу, а потому последний из оставшихся в живых должен будет взорвать его.

Все остальные офицеры были того же мнения. Затем Казарский в нескольких словах (на большее уже не было времени) объяснил нижним чинам, чего ожидает от них государь и что затронута честь императорского флага, и, к удовольствию, нашел в людях те же чувства, как и в офицерах: все единогласно объявили, что будут до конца верны своему долгу и присяге. Сообщение командира о скором бое криками «ура» встретила и команда. Получив согласие команды на сражение, командир приказал открыть огонь из ретирадных орудий. Одновременно на глазах у всех Казарский положил заряженный пистолет на шпиль перед входом в кюйт-камеру.

Позже в своем донесении адмиралу Грейгу Казарский писал: «...Мы единодушно решили драться до последней крайности, и если будет сбит

рангоут или в трюме вода прибудет до невозможности откачиваться, то, свалившись с каким-нибудь кораблем, тот, кто еще в живых из офицеров, выстрелом из пистолета должен зажечь крюйт-камеру».

Между тем турецкие корабли уже почти нагоняли бриг, пытаясь подвернуть к нему бортами. Спускаясь под корму брига, открыли по нему стрельбу ядрами, книппелями и брандскугелями.

Было 2 часа 30 минут, когда турецкие снаряды начали попадать в паруса и такелаж «Меркурия», а один попал в весла, выбив гребцов с банок. В это время Казарский стоял на юте, наблюдая за развитием ситуации и не разрешая стрелять, чтобы не тратить напрасно заряды, чем вызвал замешательство команды. Видя это, он немедленно успокоил матросов, сказав:

— Что вы, ребята? Ничего, пускай пугают — они везут нам Георгии!

Через несколько минут он приказал открыть ретирадные порты и сам, вместе с другими офицерами, чтобы не убирать весла и не отвлекать матросов от работы, сделал первый выстрел из ретирадного орудия. Первым «Меркурий» атаковал вырвавшийся вперед 110-пушечный «Селимие». Турецкий корабль пытался зайти в корму брига чтобы единственным продольным залпом решить исход боя. Лишь тогда Казарский пробил боевую тревогу. Одновременно, грамотно сманеврировав, Казарский вывел «Меркурий» от всесокрушающих бортовых залпов противника. При этом он принял решение бить не в корпус турецких кораблей, а в такелаж. При пальбе в корпус наносился большой вред живой силе, при пальбе в такелаж можно было надеяться на повреждения в рангоуте и такелаже, что сразу лишило бы турок маневра. В этом был небольшой, но шанс, и Казарский совершенно правильно решил им воспользоваться. Переведя турецкий флагман на кормовые курсовые углы, Казарский энергично подвернул веслами бриг и сам дал ответный залп правым бортом. Бой начался. Теперь вся надежда была на артиллеристов, а потому командир «Меркурия» сразу отказался и от залповой стрельбы, при которой точность попаданий была ниже, чем при индивидуальной. Теперь ему надлежало вертеться на бриге так, чтобы ни в коем случае не подставить его под бортовой залп, который мог стать для брига первым и последним, да надеяться на своих артиллеристов.

Через несколько минут к левому борту «Меркурия» подошел двухдечный «Реал-бей», и русский бриг оказался почти зажатым между двумя вражескими кораблями. С «Селимие» уже кричали по-русски: «Сдавайся, убирай паруса!» В ответ на это на бриге с громогласным «ура» открыли огонь из всех орудий и ружей. В результате туркам пришлось

убрать с марсов и реев уже готовые абордажные команды. Помимо ядер в бриг летели книппели и брандскугели. Тем не менее мачты оставались невредимыми и «Меркурий» сохранял подвижность. Одновременно Казарский, используя весла, ловко вывернул бриг из-под двойного удара. Из-за обстрела на брига периодически возникали пожары, но матросы, ни на минуту не прерывая стрельбу, в считанные минуты заливали их водой.

* * *

Вот как описывает начало боя в докладе на имя императора Николая I командующий Черноморским флотом адмирал Грейп «Когда по случаю замечательного приближения к нему неприятеля, за крейсерами нашими в погоню устремившегося, командиром фрегата “Штандарт” приказано было каждому судну взять такой курс, при коем оное имеет наилучший ход, тогда бриг “Меркурий” привел в галфвинд на румб NNW, имея у себя флот турецкий к SSO, и поставил все паруса; однако сия перемена курса не могла отдалить его от преследующих, и лучшие ходы неприятельского флота, два корабля, один 110-пушечный под флагом капудан-паши, а другой 74-пушечный под адмиральским флагом, настигали бриг чувствительно и в ходе 2-го часа пополудни находились от него на полтора пушечных выстрела, а как в это время стихающий ветер еще более уменьшал ход, то капитан-лейтенант Казарский в надежде удалиться обратился к действию веслами, но и сия утешительная надежда недолго продолжалась, ибо в половине 3-го часа ветер опять посвежел, и корабли начали приближаться, открыв огонь из погонных своих орудий. Видя совершенную невозможность избежать столь неравного сражения, капитан-лейтенант Казарский, собрав всех офицеров своих, составил военный консилиум, на котором корпуса штурманов поручик Прокофьев первый предложил взорвать бриг на воздух, и вследствие того положено единогласно: защищаться до последней крайности, и наконец, если будет сбит рангоут или откроется в судне течь, до невозможности откачивать оную, тогда свалиться с каким-либо неприятельским кораблем, и из офицеров кто останется еще в живых, должен зажечь крьюйт-камеру, для чего был положен на шпиль заряженный пистолет.

После сего командир брига долгом поставил напомнить нижним чинам об обязанностях их к Государю и Отечеству и, к удовольствию, нашел в людях решимость драться до последней капли крови. Успокоенный таковыми чувствами экипажа, капитан-лейтенант Казарский прекратил

действие веслами и, приказав отрубить ял, за кормою висевший, открыл огонь из ретиральных пушек. Вскоре за тем 110-пушечный корабль начал спускаться, чтобы занять правую сторону, а может быть, сделать залп вдоль брига, но сей последний избежал столь пагубного действия, взяв направление к Н; таким образом, еще около получаса он терпел только от одних погонных пушек; но после того был поставлен между двумя кораблями, из коих каждым сделано по бригу два залпа, и с корабля капудан-паши закричали: “Сдавайся и убирай паруса!” На сие ответствовали с брига огнем всей артиллерии и ружей при громком “ура”, и оба корабля, сдавшись несколько за корму брига, продолжали до 4^{1/2} часов непрерывную пальбу ядрами, кнппелями, картечью и брандскугелями, из коих один горящий завязнул между гаспицами, произвел пожар, но, к счастью, оный вскоре был потушен».

В начале шестого часа удачными выстрелами канонира Ивана Лисенко удалось повредить ватер-штаг и бейфут гротмарса-рея «Селимие», после чего его марсель и брамсель заполоскали и беспомощно повисли. На «Селимие» поднялся страшный шум и крики. Благодаря этому попаданию корабль неприятеля немного отстал и привелся к ветру для починки. Тем не менее вслед «Меркурию» был дан полный залп, сбивший со станка одну из пушек.

* * *

В ряде описаний боя бытует версия о некоей решительной атаке Казарского «Реал-Бея». К примеру: «Маленький бриг отважно приближался к огромному турецкому кораблю. Думая, что русские решили взорвать себя вместе с “Реал-Беем”, турки один за другим прыгали в воду. Но Казарский поступил иначе: сблизившись вплотную с неприятельским линейным кораблем, перебил сразу несколько его рей. Те рухнули, и “Реал-Бей” беспомощно закачался на волнах. Дав по турецкому кораблю последний залп, “Меркурий” продолжил свой путь».

На самом деле никакой «отважной атаки», разумеется, не было. «Меркурий», как и раньше, маневрируя, уходил из-под продольных залпов второго турецкого линейного корабля, ведя артиллерийский бой и сосредотачивая свой огонь по такелажу противника. Как и раньше, Казарский продолжал придерживаться принятого плана. В отношении «Селимие» его расчет оказался верен, верным он оказался и в отношении

«Реал-бея».

Около шести часов было нанесено серьезное повреждение и второму кораблю. На этот раз «Меркурию» удалось перебить его фор-брам-рей и нок фор-марса-рея, который, падая, увлек за собой лисели. Упав, лисели закрыли порты носовых пушек, а свертывание марселя лишило корабль возможности маневрировать. «Реал-бей» привелся в бейдевинд и лег в дрейф.

Из рапорта адмирала Грейга: «Во все время сражения бриг упорно отпаливался, уклоняясь по возможности, дабы избегать продольных выстрелов. Между тем, действуя по 110-пушечному кораблю правым бортом, перебил у него ватер-штаги и повредил гротовый рангоут, от чего корабль сей, закрепив трюсели, рот-бом-брамсель и брамсель, привел к ветру, на левую сторону и, сделав залп со всего борта, лег в дрейф. Другой корабль еще продолжал действовать, переменяя галсы под кормою брига, и бил его ужасно продольными выстрелами, коих никаким движением избежать было невозможно, но и сие отчаянное положение не могло ослабить твердой решимости храброго Казарского и неустрашимой его команды; они продолжали действовать артиллериею, и, наконец, счастливыми выстрелами удалось им повредить на неприятельском корабле грот-руслень, перебить фор-брам-рей и левый нок фор-марса-рея, падение коего увлекло за собою лисели, на той стороне поставленные, тогда и сей корабль в 5¹/₂ часов привел в бейдевинд. Во время сего ужасного и столь неравного боя, продолжавшегося около 3 часов в виду турецкого флота, состоявшего из 6 линейных кораблей (в том числе и двух атаковавших бриг (двух фрегатов, двух корветов, одного брига и трех одномоачтовых судов), с нашей стороны убито рядовых 4 человека, ранено 6, пробоин в корпусе судна с подводными 22, в рангоуте 16, в парусах 133, перебитого такелажа 148 штук, разбиты гребные суда и карронада.

В заключение капитан-лейтенант Казарский доносит, что он не находит ни слов, ни возможности к описанию жара сражения, им выдержанного, а еще менее той отличной храбрости, усердия и точности в исполнении своих обязанностей, какие оказаны всеми вообще офицерами и нижними чинами, на брига находящимися, и что сему токмо достойному удивления духу всего экипажа, при помощи Божией, приписать должно спасение флага и судна Вашего Императорского Величества Итак, 18-пушечный российский бриг в продолжение 3 часов сражался с достигшими его двумя огромными кораблями турецкого флота, под личную команду главных адмиралов состоящими, и сих превосходных противников своих

заставил удалиться.

Столь необыкновенное происшествие, доказывающее в чрезвычайной степени храбрость и твердость духа командира судна и всех чинов оногo, обрекших себя на смерть для спасения чести флага, ими носимого, превышает всякую обыкновенную меру награды, какую я могу назначить сим людям, и токмо благодать и неограниченные щедроты Вашего Императорского Величества в состоянии вознаградить столь достойный удивления подвиг, который, подвергая всеподданнейше на благоусмотрение Ваше, Всемилостивейший Государь, подношу для себя табель о числе людей, на бриге состоящих, и список офицерам оногo».

* * *

Разумеется, что нельзя говорить о бое «Меркурия», не ознакомившись и с рапортом самого А.И. Казарского: «Когда замечено было приближение Турецкого флота к бригу, я, следуя сигналу командира фрегата “Штандарт”, лег гальвиндом (направление к ветру 90 градусов, т.е. полветра) при юго-западном ветре, имея неприятеля на юг. Вскоре оказалось, что перемена курса принесла мало пользы. Лучшие ходоки неприятельского флота — два корабля, один 110-пушечный “Селение”, под флагом командующего флотом — капудан-паши, а другой 74-пушечный “Реал-бей”, под адмиральским флагом младшего флагмана, приметно настигали бриг, а в исход второго часа пополудни они были от меня в расстоянии полутора пушечного выстрела. В это время ветер стих, и ход преследующих кораблей уменьшился. Пользуясь этим обстоятельством, я прибегнул к единственному средству ускорения хода, к веслам, надеясь посредством их увеличить расстояние, отделявшее бриг от неприятеля; но не прошло и получаса, как ветер посвежел снова, корабли стали приближаться к бригу и открыли по нему огонь из погонных пушек. Видя совершенную невозможность уклониться от неравного боя, я собрал совет из офицеров. Поручик корпуса штурманов Прокофьев, от которого первого было потребовано мнение, предложил “взорвать бриг, когда он будет доведен до крайности”.

Вследствие этого мнения, принятого единогласно, было положено защищаться до последней возможности и, если будет сбит рангоут или откроется большая течь, тогда схватиться с ближайшим неприятельским кораблем, и тот офицер, который останется в живых, должен зажечь крюйт-камору (пороховой погреб), для чего был положен на шпиль пистолет.

После этого, обратившись к нижним чинам, объяснил я им, чего ожидает от них Государь и требует честь императорского флага, нашел в команде те же чувства, как и в офицерах: все единогласно объявили, что будут до конца верны своему долгу и присяге.

Успокоенный таким единодушием, я приказал прекратить действие веслами, поставить людей к пушкам, сбросить в море ял, висевший за кормой, и открыть огонь из ретиральных портов. Вскоре 110-пушечный корабль начал спускаться с тем, чтобы занять место с правой стороны брига и дать продольный залп; но Меркурий избежал последнего, приспустившись вовремя. Таким образом, еще около получаса бриг подвергался выстрелам одних погонных пушек, но потом был поставлен между двумя кораблями, каждый из которых сделал два залпа по бригу, после чего с корабля капудан-паши закричали: “Сдавайся и убирай паруса”. Ответом на это были залп всей артиллерии и дружный ружейный огонь. Тогда оба корабля, сдавшись к корме брига, открыли по нему непрерывную канонаду ядрами, кнйпелями и брандскугелями, которыми был произведен пожар, вскоре, однако, потушенный. Во все время Меркурий не прерывал своего огня, стараясь по возможности уклоняться от продольных выстрелов, пока канонирам брига удалось перебить ватер-штанги бугшприта (горизонтальное или наклонное дерево, выдающееся с носа судна, к которому крепятся косые маневренные паруса) и повредить гротовый рангоут (грот-мачта) “Селемие”, что заставило последний закрепить трюсели, грот-бом-брамсель и брамсель (грот, гротмарсель-второй, снизу парус над гротом, над ним брамсель, выше бом-брамсель), привести к ветру и лечь в дрейф; но прежде прекращения действия он послал бригу залп со всего борта. Другой корабль продолжал сражение, переменяя галсы под кормой брига, и бил его продольными выстрелами, которых никакими движениями невозможно было избежать, но все же “Меркурий” отстреливался до того времени, пока счастливым выстрелом удалось повредить грот-руслень (площадка рулевого управления у грот-мачты), перебить фор-брам-рей, левый нок фор-марса-рея, падение коего увлекло за собой лисели (дополнительные паруса), на той стороне поставленные; тогда и этот корабль привел в бейдевинд (курс, близкий к линии ветра), через пять часов сражения...»

В воспоминаниях участника этих событий штурманского кондуктора С. Дмитриева рассказывается о некоторых весьма любопытных деталях боя. Весьма интересна информация о подвиге матроса Щербакова, который погиб от турецкой пули, заслонив своим телом Казарского, о корабельном плотнике Пальчикове, который во время боя умудрялся, несмотря

пролетающие мимо пули, заделывать многочисленные пробоины корпуса судна. Описывает Дмитриев и то, что команде с большим трудом удалось потушить пожар, возникший от брандсбургеля, врезавшегося в борт рядом с пороховым погребом, как канониры Лисенко и Кабанов меткими выстрелами повредили рангоуты обоих вражеских кораблей, заставив их лечь в дрейф, и, как вся команда, борясь за живучесть корабля, изнемогая от усталости, откачивала воду из поврежденного трюма.

Отметим, что если о поразительной меткости Лисенко (в некоторых источниках он указан как Лысенко) и Кабанова, которая обеспечила победу «Меркурию», известно достаточно хорошо, то подвиг матроса Щербакова описан только в воспоминаниях С. Дмитриева. Это достаточно удивительно, ведь не каждый день матросы заслоняют своей грудью командиров. Когда в 1854 году при обороне Севастополя произошел подобный случай и матрос Шевченко ценой своей жизни спас от смерти лейтенанта Бирилева, об этом узнала вся Россия. О подвиге Шевченко писали стихи и рисовали картины, ставили памятники. В данном же случае — полное молчание. О подвиге Щербакова не упомянул в своем рапорте ни адмирал Грейг, ни сам командир «Меркурия». Это по меньшей мере странно. Не хочется думать, что Казарский проявил такую вопиющую неблагодарность по отношению к спасшему его матросу. Единственно возможное объяснение молчанию о Щербакове, что он находился рядом с Казарским, был убит (ранен?) подле него, а потому заслонял его или нет, командир брига сказать в точности не мог. Выстрел, полет пули и падение пораженного пулей матроса было делом одного мгновения, а потому, возможно, занятые каждый своим делом матросы «Меркурия» не имели возможности в точности определить нюансы гибели Щербакова. Разговоры между ними о том, что Щербаков погиб, закрыв собой Казарского, могли возникнуть во время разговоров на баке рке после боя. Впрочем, все могло быть и так, как описал С. Дмитриев и о чем промолчал Казарский.

Поскольку артиллерийская канонада, доносившаяся по направлению скрывшегося за горизонтом «Меркурия», смолкла, командиры «Штандарта» и «Орфея», считая «Меркурий» погибшим или захваченным турками, спустили в знак траура флаги.

На следующий день, 15 мая, «Меркурий» присоединился у Сизополя к главным силам Черноморского флота, стоявшим у Сизополя. Извещенный «Штандартом», в 14 часов 30 минут Черноморский флот в полном составе уже шел к Босфору на перехват турок.

Когда на горизонте появились русские корабли, Казарский разрядил лежавший у кюйт-каморы пистолет в воздух. Повреждения «Меркурия» в

результате беспримерного боя сразу с двумя сильнейшими турецкими линейными кораблями были впечатляющими: и в корпусе, и в рангоуте, и в такелаже. То, что из команды было убито всего четыре матроса, а еще шесть ранено, можно считать огромным везением, так как потери могли быть намного больше. Контужен в голову пролетевшим рядом ядром был и сам Казарский. Разумеется, что с такими серьезными повреждениями «Меркурий» уже не мог сопровождать флот, а потому адмирал Грейг отправил «Меркурий» в Севастополь. По прибытии в главную базу бриг сразу встал в ремонт.

Глава вторая.

КТО ОН, ЭТОТ ГЕРОЙ КАЗАРСКИЙ

Для того чтобы немного ознакомиться с биографией командира «Меркурия», отметим, что его дед Кузьма Иванович Казарский служил на Черноморском флоте в лейтенантском чине еще в екатерининское время и сражался против турок вместе со знаменитым голландцем Кинсбергенем.

Александр Иванович Казарский родился 16 июня 1798 года на белорусской земле в местечке Дубровно Витебской губернии в весьма небогатой семье отставного губернского секретаря, управляющего имением князя Любомирского. Отец Саши — Иван Кузьмич Казарский, мать — Татьяна Гавриловна. В семье Казарских было пятеро детей: Прасковья, Екатерина, Матрена, Александр и Иван.

В разных источниках фамилия Казарского пишется по-разному: как Казарский и как Козарский. Впрочем, для первой половины XIX века это было не редкость. Согласно «Словарю русских фамилий», фамилия Казарский имеет в своей основе слова «козар» — «казар», которые являются либо причастной формой от тюркского глагола «нарастать, увеличиваться» или «копать, рыть», т.е. или «нарастающий», или «роющий». Подругой версии, фамилия Казарский представляет собой название древнего тюркского народа — хазаров. Менее вероятно происхождение фамилии Казарский от тюркского слова со значением «осторожность», «осторожный». Общий вывод таков — фамилия писалась и так и этак, все от писавшего зависело, при этом никто особенно не заморачивался на этом.

Обучение грамоте Казарский получил в церковноприходской школе. Священник Дубровненского православного прихода обучал его грамоте, а местный ксендз преподавал основы математики, латыни и французского языка.

В 1808 году к Казарскому приехал двоюродный брат отца и крестный Александра надводный советник Василий Семенович Казарский, недавно назначенный на чиновничью должность в интендантском управлении Черноморского флота. Надворный советник согласно табелю о рангах соответствовал подполковнику. Чин не столь уже велик, но в черноморских кругах все же заметный. Дядя предложил отвезти двоюродного племянника в Николаев и определить в Черноморское штурманское училище.

На прощание Иван Кузьмич якобы сказал сыну: «Честное имя, Саша,

— это единственное, что оставляю тебе в наследство». Первый биограф А.И. Казарского капитан-лейтенант Иван Николаевич Суцев, побывавший в Дубровно в 40-х годах прошлого века, со слов очевидцев записал подробности этой сцены, в частности признание И.К. Казарского, что честное имя — единственное достояние, которое он оставляет в наследство сыну. Помимо этого в завещании отца фигурировало еще старое охотничье ружье. Много лет спустя, заполняя очередной «формулярный список о службе и достоинствах», флигель-адъютант и кавалер гвардейского экипажа капитан 1-го ранга А.И. Казарский в графе «имеет ли за собою, за родителями или, когда женат, за женою недвижимое имение», напишет: «Не имею».

Занятия проводили весьма опытные и грамотные преподаватели Латышев, Жданов, Дружинин. Лука Андреевич Латышев, к примеру, участвовал во взятии Корфу и многих других плаваниях и сражениях.

30 августа 1813 года волонтер Александр Казарский был записан в Черноморский флот гардемаринном. А еще через год в одном из местных греческих трактиров однокашники отмечали свое производство в первый офицерский чин. В кают-компании бригантин «Десна» и «Клеопатра», на которых мичман Казарский плавал после окончания училища, хорошо помнят веселого, стройного и красивого мичмана. Надеясь найти живое дело в пограничной службе, Казарский подал рапорт о переводе на Дунайскую флотилию, после чего и был назначен в Измаил командиром отряда канонерских лодок.

Перед отъездом в Измаил Казарский испросил отпуск, который провел на родине в Дубровно. Отца и младшей сестры Матрены к этому времени уже не было в живых, а сам дом был разграблен. Сохранились свидетельства, что во время французской оккупации Матрена бросилась в Днепр, спасаясь от насильников. Мать Татьяна Гавриловна, похоронив мужа и дочь, уехала к своим родственникам в Малороссию. Не сложилась судьба и еще у одной сестры Казарского — Екатерины, которая вышла замуж за обманувшего ее пехотного поручика-двоеженца. Когда обман раскрылся, Екатерина с горя постриглась в монахини. Устроить свою жизнь смогла лишь старшая сестра Прасковья, которая вышла замуж за помещика средней руки и вполне счастливо жила недалеко от Орла. Посетив отеческое пепелище, Казарский уже больше никогда туда не возвращался.

Последующая служба Казарского на Дунае растянулась на пять лет. Затем была служба на фрегате «Евстафий» под командой капитана 2-го ранга Ивана Скаловского. Думаю, что именно служба под началом Скаловского оказала наибольшее влияние на Казарского, как на боевого

офицера Иван Скаловский был личностью замечательной. В свое время мы еще подробно поговорим о его подвиге при поединке брига «Александр» с несколькими французскими судами. Тогда же он оказался командиром и учителем для капитан-лейтенанта Казарского, которому в самом скором времени предстояло повторить и превзойти подвиг командира «Александра»! Зигзаги человеческих судеб порой настолько удивительны, что перед ними меркнет любая фантазия...

После фрегата «Евстафия» Казарский плавал на шхуне «Севастополь», транспортах «Ингул» и «Соперник», командовал катером «Сокол», служил на бриге «Меркурий», на линейном корабле и снова на бриге «Меркурий».

А как он выглядел, Александр Казарский? Хорошо знавшая его Е. Фаренникова оставила нам такие воспоминания: «Молодой человек, невысокого роста, худенький, с темными волосами, приятным, умным, подвижным лицом. Когда, бывало, приезжал он к нам... всех обласкает, всю прислугу обделит подарками. Живой говорун, остряк, шутник и любезный со всеми, он не любил сидеть на одном месте. Как теперь вижу скорую его походку по комнате, слышу живой, приятный разговор, громкий смех и неустанное истребление изюма».

А теперь заглянем в «Общий морской список», содержащий основные служебные данные на всех офицеров российского флота. В отношении А.И. Казарского там сказано следующее:

«1811 г. Поступил на службу в Черноморский флот волонтером. Принят в штурманский класс Николаевского училища на собственный кошт.

1813 г. Пожалован в гардемарины.

1815 г. Произведен в мичманы.

1816–1819 гг. Командуя военными лодками в составе Дунайской флотилии, плавал между Измаилом и Килией.

1819 г. Произведен в лейтенанты.

1822 г. На транспорте “Ингул” плавал между Севастополем и Глубокой пристанью.

1823 и 1824 гг. На корабле “Император Франц” крейсировал в Черном море.

1826 г. Командуя транспортом “Соперник”, плавал у крымских берегов.

1827 г. Командуя тем же бригом, доставил из Одессы и Очакова мостовые понтоны к Килийским гирлам Дуная».

1828 г. Бриг «Соперник», ставший на военное время транспортом, под командованием Казарского участвовал в доставке войск 3-й бригады и

вооружения. По приказу адмирала Грейга на «Сопернике» был установлен единорог. Так «Соперник» стал бомбардирским судном. Вовремя снесло его к Анапе Мелководье не позволяло флоту подойти к крепости на близкое расстояние, а навесной огонь его артиллерии не причинял бастионам серьезного вреда. «Соперник» же мог подойти близко к берегу. Три недели маневрировал Казарский под стенами Анапы, громя ее бастионы, увертываясь от прицельного огня крепостных орудий и батарей. «Соперник» получил десятки повреждений, но оставался в строю до последнего дня осады. Произведен в капитан-лейтенанты за отличия, оказанные при взятии Анапы.

К 29 августа нашей армией была обложена со всех сторон Варна. Как и под Анапой, Казарский на своем «Сопернике» маневрировал в непосредственной близости у стен крепости, прикрывая огнем осадные работы со стороны моря. К 25 сентября все было готово к решающему штурму Варны. Бомбардирские суда, в том числе и «Соперник», артиллерия гребной флотилии и осадные батареи капитана 2-го ранга Залесского сосредоточили огонь на бастионе, окончательно подавив сопротивление неприятеля. Бастион был взят. За взятие Варны Казарский в том же году награжден золотою саблею «за храбрость».

* * *

Вскоре после этого адмирал Грейг назначил Казарского командиром 20-пушечного брига «Меркурий», вместо ушедшего командиром фрегата «Рафаил» капитан-лейтенанта Строиnikова. За плечами тридцатилетнего Казарского было к тому времени уже пятнадцать лет службы на флоте. На бриге «Меркурий» новому командиру было все знакомо. И пяти лет не минуло с того дня, как он ушел с него на «Соперник» по аттестации тогдашнего командира брига капитан-лейтенанта Аристарха Конотопцев. И вот теперь он сам — командир «Меркурия».

По распоряжению Грейга бриг «Меркурий» крейсировал у берегов Крыма, в непосредственной близости от главной базы. Основные же события войны происходили у берегов Румелии и Анатолии. А в апреле 1829 года «Меркурий» был отправлен к Сизополю на соединение с отрядом крейсеров капитана 1-го ранга Скаловского.

А вскоре и первый успех «Меркурий» находился в разведке у Босфора. Поздней ночью впередсмотрящий доложил вахтенному, что наперерез бригу движется чектырма (небольшое турецкое судно), с которой

доносились громкие крики. Переводчик Федор Папиуто объяснил Казарскому, что капитан чектырмы просит разрешения подойти к борту. «Меркурий» лег в дрейф. Греческий шкипер сообщил, что в Пендераклии в спешном порядке достраивается линейный корабль. Шкипер рассказал и о расположении батарей, прикрывающих вход в бухту, и о числе судов в гавани. С этим важным известием «Меркурий» на всех парусах помчался в Сизополь. Отряд линейных кораблей и фрегатов незамедлительно снялся с якоря. Однако участвовать в самой операции Казарскому не удалось: Скаловский отправил его с донесением о предстоящей операции к Грейгу.

Пендераклийское дело отряда судов капитана 1-го ранга Скаловского стало одним из самых больших успехов Черноморского флота в ту войну. Группа охотников во главе с мичманом Иваном Трескиным подкралась ночью к недостроенному турецкому кораблю и подожгла его. Охвативший корабль пожар перекинулся на другие суда и береговые склады. Всего, включая линейный корабль, неприятель потерял в Пендераклии семнадцать судов. Да еще на рейде Акчераса отряд Скаловского потопил неприятельский корвет.

Вне всяких сомнений, Казарский переживал, что ему не пришлось участвовать в столь славном для русского флота деле. Увы, такова судьба маленьких посыльных судов!

Глава третья.

БРИГ «МЕРКУРИЙ» И ЕГО КОМАНДА

Из пятитомного научного труда «Истории отечественного судостроения» под редакцией академика И.Д. Спасского: «Наличие военных брига в составе Черноморского флота определялось штатами 1803 года: их должно было быть пять. Однако до 1819 года построили только одно судно этого класса — небольшой 16-пушечный бриг “Мингрия” (на котором А.С. Пушкин с семьей Раевских совершил плавание вдоль берегов Крыма. — *В.Ш.*). Начатое А.С. Грейгом активное внедрение брига в состав флота обуславливалось острой потребностью в судах для несения патрульной службы у кавказского побережья. Из всех классов судов, имевшихся в Черноморском флоте, быстроходные, маневренные и достаточно сильно вооруженные брига лучше других подходили для защиты торгового судоходства у “абазинских берегов” от участвовавших набегов горцев. Заложенный в конце 1819 года корабельным мастером И.Я. Осминским в Севастопольском адмиралтействе бриг был знаменитый “Меркурий”... Третий 20-пушечный бриг должен был строиться в Херсоне корабельным мастером М.И. Суравцевым. Однако возникла серьезная загвоздка. Дело в том, что последний, являясь старшим корабельным мастером Черноморского ведомства, в обязанность которого входили общий надзор за постройкой всех судов на Херсонской, Николаевской и Севастопольской верфях, освидетельствование и дефектация кораблей флота и много других работ подобного рода, вследствие своей занятости и частых разъездов практически не занимался порученным ему бригам. Поэтому, когда в декабре 1819 года купец Д. Исаков обратился в исполнительную экспедицию с предложением построить бриг с подряда, оно нашло поддержку со стороны администрации. Контракт с подрядчиком был подписан в июне 1820 года с условием, что бриг будет строиться не в Херсоне, а в Николаеве. Задержки привели к тому, что третий бриг, получивший название “Орфей”, был заложен корабельным мастером А.И. Мелиховым только в сентябре 1820 года». Несколько позднее Черноморский флот пополнился еще двумя бригами — «Везувий» и «Ганимед».

Бриг «Меркурий» был построен на Севастопольской верфи известным корабельным мастером подполковником корпуса корабельных инженеров Иваном Яковлевичем Осминичевым. Судно предназначалось специально для

охраны кавказского побережья, несения дозорной службы и разведки. В качестве материала для постройки «Меркурия» был выбран крепкий крымский дуб. После окончания постройки «Меркурий» вошел в состав 32-го флотского экипажа.

Свое имя бриг получил в честь катера «Меркурий», отличившегося во время Русско-шведской войны 1788–1790 годов под командованием капитан-лейтенанта Романа Кроуна. Этот катер 29 апреля 1789 года атаковал и сумел захватить в плен шведский 12-пушечный тендер «Снапоп», а менее чем через месяц, 21 мая, пленил еще и 44-пушечный фрегат «Венус». За это Кроун получил от Екатерины II на грудь Святого Георгия 4-й степени, произведен в следующий чин и получил пожизненную пенсию. В бою участвовала и жена Кроуна Екатерина, которая везде сопровождала своему мужу. Императрица не обошла наградой и храбрую капитаншу. Екатерина Кроун получила от нее недавно учрежденный женский орден Святой Екатерины.

Бриг «Меркурий» — 18-пушечный двухмачтовый парусный военный корабль. Был заложен в Севастополе 28 января (9 февраля) 1819 года и спущен на воду 7 (19) мая 1820 года. Увековечил свое имя победой в неравном бою с двумя турецкими кораблями 14 мая 1829 года, за что был награжден кормовым Георгиевским флагом.

Будучи бригом, судно имело две мачты — фок и грот. Каждая из них несла по четыре рея и, соответственно, четыре прямых паруса: фок, формарсель, фор-брамсель и фор-бом-брамсель на фок-мачте; грот, грот-марсель, грот-брамсель и грот-бомбрамсель на грот-мачте. Также на грот-мачте имелся гафельный парус, улучшающий маневренность. На штагах располагались стаксели (грот-стаксель, грот-стенъ-стаксель, грот-брам-стенъ-стаксель) и кливер. Кроме того, бриг имел и вспомогательные паруса — лисели, применяемые на полных курсах. Нос «Меркурия» украшала фигура бога торговли Меркурия, наверное, самого невоенного из пантеона римских богов. Носовая фигура была поясной, хотя на изначальных чертежах Осминина предполагалось изображение фигуры в полный рост. На голове носовой фигуры красовался положенный богу торговли крылатый шлем.

Вооружение брига было достаточно солидным и состояло из восемнадцати 24-фунтовых карронад для ближнего боя и двух переносных пушек меньшего калибра, имевших больший радиус действия. При необходимости эти пушки можно было использовать как в качестве ретирадных в портах гакоборта, так и в качестве погонных в носовых портах, то есть они могли применяться как при уходе от противника, так и

при его преследовании. Что касается карронад, то они были установлены на верхней палубе, причем орудийные порты не закрывались, так как они одновременно играли и роль шпигатов, то есть через них осуществлялся сток воды, попадающей на палубу.

«Меркурий» отличался от других бригов русского флота гораздо меньшей осадкой и оснащением веслами (по семь весел с каждого борта). Это позволяло с успехом использовать его в прибрежной зоне, для чего, собственно, он и строился. Примечательно, что гребли на «Меркурии» веслами стоя. Из-за меньшей осадки бриг имел и меньшую глубину интрюма, что ухудшало его ходовые качества. «Меркурий» был достаточно крепким кораблем, но достаточно тяжелым на ходу. При этом бриг был устойчив и хорошо держал высокую волну, однако в тихую погоду грузнел.

Новый бриг имел водоизмещение в 390 тонн, длину 29,46 метра, ширину 9,4 метра (с обшивкой 9,7 метра) высоту борта 4,11 метра, осадку форштевнем 2,74 метра и ахтерштевнем 3,9 метра. Площадь парусов судна составляла 856 квадратных метров.

Приписан бриг «Меркурий» был к 32-му флотскому экипажу.

Первым командиром «Меркурия» стал капитан-лейтенант Иван Максимович Головин, командовавший бригом с 1820 по 1821 год. Следующим командиром «Меркурия» стал капитан-лейтенант Лука Андреевич Мельников, которого сменил капитан-лейтенант Аристарх Григорьевич Конотопцев, прокомандовавший «Меркурием» намного больше своих предшественников — четыре года. Конотопцева сменил в 1826 году капитан-лейтенант Семен Михайлович.

В 1820–1827 годах «Меркурий» находился в плаваниях по Черному морю, занимаясь боевой подготовкой и выполняя отдельные приказания командования. В кампании 1827 года бриг крейсировал у берегов Абхазии, успешно борясь с судами контрабандистов.

С началом Русско-турецкой войны 1828–1829 годов «Меркурий» участвовал во взятии Черноморским флотом крепостей Анапа, Варна, Инада, Бургас, Сизополь. 9 мая 1828 года вместе с бригом «Ганимед» принимал участие в захвате у Геленджика двух турецких транспортов, перевозящих войска, после чего отконвоировал их в Сизополь. В 1828 году бриг «Меркурий» участвовал в конвоировании наших транспортов.

* * *

На май 1829 года численность команды брига «Меркурий» составляла

115 человек, среди них: 5 офицеров, 5 квартирмейстеров, 24 матросов 1-й статьи, 12 матросов 2-й статьи, 43 старших юнгов (т.е. вчерашних рекрутов), 2 барабанщика, 1 флейтщик, 9 бомбардиров и канониров и 14 остальных (плотников, конопатчиков, коков и денщиков).

Помимо командира брига капитан-лейтенанта Александра Ивановича Казарского на бригае в офицерских должностях состояли: старший офицер и командир первой вахты лейтенант Федор Михайлович Новосильский, командир второй вахты лейтенант Сергей Иосифович Скарятин, командир третьей вахты мичман Дмитрий Петрович Притупов и штурман брига поручик корпуса флотских штурманов Иван Петрович Прокофьев.

Сразу же после возвращения в Севастополь после знаменитого боя 14 (26) мая 1929 года на «Меркурии» произошли перемещения в офицерском составе.

В эти годы бригам командовал лейтенант Алексей Иванович Рогуля, который уже 30 мая 1829 года принял дела у капитан-лейтенанта Казарского и прослужил на ремонтирующемся бригае до 1831 года, и капитан-лейтенант Мефодий Петрович Панютин — с 1831 по 1835 год, на долю которого и выпал почти весь ремонт судна. В 1835 году бриг принял капитан-лейтенант Федор Новосильский, которого три года спустя сменил капитан-лейтенант Николай Вульф. В кампаниях 1837–1839 годов бриг участвовал в высадках десантов на кавказском побережье. В 1840 году командиром «Меркурия» был младший брат А.И. Казарского капитан-лейтенант Николай Казарский. Заметим, что из всех командиров брига он прокомандовал им более всех — целых восемь лет — и лишь в 1849 году сдал судно лейтенанту Николаю Макухину.

В 1847 году «Меркурий» капитально отремонтировали, но судно все равно быстро ветшало. Через несколько лет носовая фигура брига — бог торговли Меркурий — была передана в военно-морской музей, из медной обшивки сделали памятные пластины, а из дубовой обшивки — рамы для картин знаменитого боя.

В эти годы «Меркурий» не застаивался в гаванях, а ежегодно находился в длительных крейсерствах у берегов Кавказа. В кампанию 1850 года бригам командовал капитан-лейтенант Николай Каландес, которого сменил капитан-лейтенант Константин Явленский, ставший последним командиром легендарного судна. В 1851–1852 годах «Меркурий» находился в практическом плавании в составе 1-й эскадры 4-й флотской дивизии. В 1853 году бриг вновь курсировал у восточных берегов Черного моря в составе отряда контр-адмирала Федора Михайловича Новосильского, который, будучи лейтенантом, принимал участие в знаменитом бое брига с

турецкими кораблями.

Это была последняя морская кампания знаменитого брига. По ее завершении бриг был выведен из боевого состава и разоружен. Однако, даже перестав быть боевым судном, бывший «Меркурий» продолжал служить Отечеству. Во время обороны Севастополя в 1855 году корпус «Меркурия» использовался в качестве понтона при наведении моста через Южную бухту. Именно по нему отходили на Северную сторону Севастополя русские войска после падения Малахова кургана. В 1856 году корпус бывшего брига, который оказался на удивление прочным, отбуксировали в Николаев, где некоторое время использовали в качестве плавучего склада 9 ноября 1857 года приказом генерал-адмирала № 180 бывший бриг «Меркурий» «по причине крайней ветхости» был исключен из списков флота и окончательно разобран. Увы, ничего нет вечного в этом мире...

* * *

Как сложилась дальнейшая жизнь офицеров брига? О судьбе командира «Меркурия» Александре Ивановиче Казарском наша речь еще впереди.

Старший офицер «Меркуртш» лейтенант Федор Новосильский за бой 14 мая получил капитан-лейтенантский чин и Владимирский крест с бантом 4-й степени, и, как все остальные офицеры, пистолет в родовой герб, «как орудие, избранное для взрыва брига на воздух на случай невозможности продолжать оборону». Затем участвовал во взятии крепостей Агатополь и Инада. Затем была служба старшим офицером на фрегате «Эривань», линейном корабле «Императрица Екатерина II» и «Пимен», принимал участие в знаменитой Босфорской экспедиции контр-адмирала Лазарева, за что получил Анну 3-й степени. В 1834 году Новосильский стал командиром брига «Меркурий» и проплавал под его георгиевским флагом три года, участвуя в боях с горцами при реке Шапсухо. В 1837 году он принял под свое начало линейный корабль «Три Святителя». И снова новые сражения при Сочи и Туапсе. В 1840 году Новосильский — уже капитан 1-го ранга. Еще семь лет спустя он становится георгиевским кавалером, а в 1849 году — контр-адмиралом и командиром бригады. Ежегодно опытный моряк выводил в море свои корабли. В июне 1852 года становится командиром 4-й флотской дивизии. А затем было участие в знаменитом Синопском сражении с турецким

флотом, где контр-адмирал Новосильский возглавил колонну линейных кораблей, как младший флагман вице-адмирала Нахимова Наградой за Синопскую победу был вице-адмиральский чин. Всю одиннадцатимесячную оборону Севастополя Новосильский провел на бастионах, командуя 2-м отделением оборонительной линии, а на завершающем этапе обороны — командиром Севастопольского порта и военным губернатором города. Если бы он был убит, то, несомненно, вошел бы в пантеон адмиралов-героев, наравне с Нахимовым, Корниловым и Истоминным. Но пули и ядра пощадили Новосильского, а потому имя его незаслуженно осталось в тени. В последующие годы черноморский ветеран был главным командиром Кронштадтского порта и военным губернатором. В 1863 году Новосильский становится полным адмиралом и генерал-адъютантом. В 1966 году он в последний раз поднимает свой флаг на линейном корабле «Император Николай I», перейдя с действующего флота в Государственный совет. По отзывам современников, Новосильский отличался интеллигентностью, вежливостью с подчиненными и хладнокровием в любых ситуациях. Из жизни герой «Меркурия», Синопа и Севастополя ушел на исходе XIX века на девятом десятке, когда в морях уже дымили столь непривычные взору старого парусника тяжелые броненосцы.

Лейтенант Сергей Скарятин, который положил заряженный пистолет на бочку с порохом, за проявленный героизм был награжден капитан-лейтенантским чином и Владимиром 4-й степени, и, как все остальные офицеры, пистолетом в родовой герб.

По другой версии, Скарятин весь бой просидел в крюйт-камере с взведенным пистолетом в руке, чтобы по команде Казарского взорвать бриг. Однако, учитывая, что офицеров на «Меркурии» было всего ничего, вряд ли Казарский стал бы отсылать в крюйт-камеру в столь тяжелейшем бою одного из двух своих лейтенантов. Скорее всего, взорвать бриг должен был последний из оставшихся в живых офицеров.

До конца войны Скарятин успел еще повоевать под Василиском, Агатоподем и Инадой на фрегате «Поспешный». Окончание войны Скарятин встретил уже командиром корвета «Ольга» в дозоре у Месемврии. Затем в течение долгих лет Скарятин непрерывно командовал различными судами Черноморского флота, плавал в Эгейском и Средиземном морях. В 1841 году за 18 морских кампаний стал георгиевским кавалером. В следующем 1842 году бывший лейтенант «Меркурия» был уволен в отставку с чином капитана 1-го ранга. О последующих годах Скарятин нам ничего не известно, кроме того, что он

умер до 1869 года. Не сделав особой карьеры, Скарятин остался в памяти современников, как настоящий моряк и прекрасный командир.

Третьим офицером брига был мичман Дмитрий Петрович Притупов. Мичмана Притупова историки и писатели, пишущие на тему «Меркурия», традиционно не любят. Все почему-то характеризуют его как барина, причем на том лишь основании, что он, как мичман, не имея права на казенного денщика, имел на судне крепостного. Но не следует мерить нормы поведения начала XIX века нормами сегодняшнего дня. Если в то время возможности семьи Притуповых позволяли содержать слугу при сыне, и это официально разрешалось, то почему бы такого человека не иметь? Наличие личного слуги говорит лишь о том, что помещики Притуповы были если не богаты, то и не совсем бедны, а потому родители, волнуясь за сына, приставили к нему дядьку-опекуна. Такой же дядька, кстати, был и у пушкинского Гринёва в «Капитанской дочке», так что ничего сверхъестественного в наличии собственной прислуги при офицере даже небольшого чина не было. Больше никаких фактов относительно особого «барства» меркурьевского мичмана никто нигде не приводил, а потому будем считать, что барство Притупова — это всего лишь плод фантазии историков периода 40–70-х годов XX века. Возможно, что таким образом они старались подчеркнуть «народное» происхождение Казарского.

Из всех офицеров «Меркурия» Притупов — личность самая скромная, как по своей незначительной должности на брига (младше его считался лишь штурман Прокофьев), так и по дальнейшей своей карьере. Впрочем, в его службе имеется определенная загадка. Но обо всем по порядку. Итак, согласно «Общему морскому списку», Дмитрий Притупов был принят в Морской корпус в 1822 году, а уже два года спустя, в 1824-м, произведен в гардемарины. Это говорит, что учился он весьма неплохо. Последующие два года Притупов плавает на фрегатах «Урания» и «Малый» между Петербургом и Кронштадтом. Фрегаты были учебные, да и плавания не ахти какие, впрочем, опыт корабельной службы гардемарины получали. В 1827 году Притупов получает мичманский чин, тогда же его переводят на Черноморский флот. Там молодой мичман получает назначение на фрегат «Штандарт», на котором находится в крейсерстве у берегов Абхазии. Но на «Штандарте» Притупов пробыл всего несколько месяцев, после чего его переводят на «Меркурий». На «Меркурии» Притупов отплавал все два года войны с турками, участвовал в блокаде Анапы и Варны, находился на брандвахте у Сухум-кале и в дозорах у Босфора.

Думается, что во время знаменитого боя он действовал неплохо, так

как никаких нареканий со стороны Казарского в его адрес не имелось. По итогам боя Притупов, как и все остальные офицеры брига, был осыпан дождем наград: Владимир 4-й степени с бантом, двойная пенсия по смерти, пистолет в родовой герб и производство в лейтенанты «за отличие».

В следующем 1830 году Притупов плавает вахтенным начальником на линейном корабле «Иоанн Златоуст», который перевозит наши войска из Румелии в черноморские порты. Вахтенный начальник на линейном корабле — это и большое повышение в должности после маленького брига, и большая ответственность. Как справлялся с новой должностью Дмитрий Притупов, нам неизвестно. Однако уже в следующем году он служит на брандвахтенной бригадине «Елизавета» в Сухум-кале. И снова вопрос если Притупова перевели на непрестижное брандвахтенное судно, да еще в такую дыру, как Сухум-кале, вахтенным начальником, — это явное понижение, и, значит, со своей должностью на «Иоанне Златоусте» он не справился. Если же он был переведен на бригадину старшим офицером — это повышение. К сожалению, «Общий морской список» о занимаемой Притуповым должности на «Елизавете» ничего не говорит. На бригадине Дмитрий Притупов служит два года, а затем переводится на фрегат «Архипелаг», на котором совершает плавание из Севастополя на рейд Константинополя в составе эскадры контр-адмирала Лазарева, а по завершении экспедиции, с десантом на борту, возвращается в Феодосию. На этом служба лейтенанта Притупова на Черноморском флоте заканчивается. В следующем 1834 году он уже служит на Балтийском флоте, но без назначения на какое-либо судно, а состоит при флотском экипаже на берегу. В 1835 году Притупов увольняется в бессрочный отпуск к «кавказским минеральным водам с состоянием по флоту». Такая формулировка говорит, во-первых, о какой-то серьезной болезни, а во-вторых, о том, что к Притупову отнеслись весьма заботливо, оставив его в кадрах флота. В отпуске Дмитрий Притупов пребывает два года и только после этого, в 1837 году, окончательно выбывает с флота. Дальнейшая судьба бывшего мичмана Притупова нам неизвестна. Наверное, его след можно определить, изучив дворянские губернские книги.

Любопытно, что у Дмитрия Притупова был старший брат Николай. Этот брат поступил в Морской корпус на два года раньше младшего, но закончили они его одновременно. Затем братья вместе плавали на учебных фрегатах, а с получением мичманского чина Николай, в отличие от Дмитрия, остался служить на Балтике. А дальше мы видим нечто интересное. В 1833 году Николай Притупов переводится на Черноморский флот, а дальше там с ним что-то происходит, и почти сразу после этого

перевода Николай увольняется с флота с присвоением чина лейтенанта. О причинах увольнения мы можем только догадываться. О непростом 1833 году в истории Черноморского флота мы еще будем много говорить ниже, пока же можно предположить, что проходящая в тот год смена флотской элиты неким образом могла задеть и братьев Притуповых. И столь быстрое увольнение одного с флота, как и перевод второго на Балтику, возможно, взаимосвязаны. Это косвенно подтверждает и тот факт, что Николай Притупов, едва уволившись с Черноморского флота, уже через несколько месяцев восстанавливается в службе в мичманском чине, но уже на Балтике Там он служит до 1841 года и увольняется в капитан-лейтенантском чине Учитывая неослабевающий интерес к бригу «Меркурий», думаю, что история службы и жизни Дмитрия Петровича Притупова еще найдет своего пытливого биографа.

Штурман Иван Петрович Прокофьев, тот самый, что первым высказался на офицерском совете за бой до последней капли крови, прослужил на Черноморском флоте 45 лет. Впоследствии был участником Крымской войны и обороны Севастополя. Дослужился на флоте до чина полковника корпуса флотских штурманов, что было в то время пределом карьеры для флотского штурмана. Пользовался большим авторитетом и уважением среди сослуживцев. Перед смертью Прокофьев попросил похоронить его рядом со своим командиром, но по каким-то причинам воля бывшего штурмана исполнена не была. В августе 1877 года сын штурмана «Меркурия» капитан 2-го ранга Михаил Иванович Прокофьев (также участник Крымской войны и обороны Севастополя) обратился к главному командиру Черноморского флота адмиралу Аркасу с просьбой о перезахоронении останков отца в склеп у Всехсвятской церкви Николаевского городского кладбища. Установлением памятника на могиле штурмана «Меркурия» занимался лично командующий Черноморским флотом. Севастопольский историк П.А. Денисов написал: «...адмирал Н.А. Аркас счел своим долгом озаботиться, чтобы на могиле этого храброго офицера был сооружен приличный памятник, который мог бы служить доказательством, что подобные заслуги остаются навсегда неизгладимыми в памяти не одних только современников, но и потомства»... По ходатайству Аркаса император разрешил взять из бюджета морского министерства 1500 рублей на сооружение памятника.

Ныне могилы Казарского и Прокофьева находятся в ограде Всехсвятской церкви Николаева рядом друг с другом. Там же находятся и несколько могил матросов брига «Меркурий», также завещавших положить их после смерти со своим командиром.

Николаевский краевед Татьяна Губская проследила судьбы потомков штурмана Прокофьева. Сын героя «Меркурия» Михаил Иванович Прокофьев имел сына Владимира и дочь Зинаиду. Владимир Михайлович умер в 1911 году. Что касается дочери, то она вышла замуж за черноморского офицера Александра Ивановича Мязговского. Он командовал эскадренным броненосцем «Двенадцать Апостолов», затем был командиром Николаевского порта и николаевским градоначальником. Именно при нем в Николаеве началось строительство новейших дредноутов. В 1919 году Мязговский был расстрелян чекистами. Зинаида Михайловна умерла несколько лет спустя в эмиграции. Последний потомок Прокофьева — сын Александра Ивановича и Зинаиды Михайловны Евгений — в чине лейтенанта погиб во время боя линейного корабля «Евстафий» с германским линейным крейсером «Гебен» в ноябре 1914 года.

Об остальных членах экипажа «Меркурия» у автора сведений нет.

Глава четвертая.

ОТЗВУКИ ПОБЕДЫ

Уже через день после знаменитого боя в донесении на имя командующего Черноморским флотом командир «Меркурия» написал: «Имея честь донести Вашему Превосходительству о деяниях вверенного мне брига, я не имею ни слов, ни возможности описать жара сражения... А еще менее выразить отличную храбрость и усердие офицеров и команды, коих мужеством и расторопностью спасен российский флаг и бриг от неизбежной гибели...» И хотя свое донесение Казарский составил с присущей ему скромностью, известие о небывалой победе маленького, почти безоружного брига над двумя сильнейшими турецкими кораблями облетело всю Россию. Страна ликовала! В те дни газета «Одесский вестник» писала: «Подвиг сей таков, что не находится другого ему подобного в истории мореплавания; он столь удивителен, что едва можно оному поверить. Мужество, неустрашимость и самоотвержение, оказанные при сем командиром и экипажем “Меркурия”, славнее тысячи побед обыкновенных».

Будущий герой Севастополя контр-адмирал Истомин о моряках «Меркурия» в одном из своих писем писал так: «Такого самоотвержения, такой геройской стойкости пусть ищут в других нациях со свечой...»

Вице-адмирал В.И. Мелихов в статье в № 9 «Морского сборника» за 1850 год «Описание действий Черноморского флота в продолжение войны с Турцией в 1828 и 1829 годах» писал: «Действия брига “Меркурий” представляют пример отваги, которому подобный едва ли сыщется в летописях морских держав. Мы считаем излишним распространяться о подвиге Казарского, вполне и совершенно оцененном Государем Императором, как то можно видеть из Высочайшего повеления и указов... мы считаем нужным заметить только одно обстоятельство, что нашлись люди, которые сомневались, чтобы действия брига происходили точно так, как они описаны в рапорте Казарского. Но мы и весь флот, выдавший бриг через несколько часов после сражения, можем засвидетельствовать; что в донесении командира брига не было никакого преувеличения; знавшие хорошо покойного Казарского поручаются, что по своей скромности он скорее был способен умолчать о своих действиях, нежели преувеличивать их. Он вполне достоин памятника, воздвигнутого ему в Севастополе его сослуживцами, с соизволения Государя Императора».

Современник писал: «Предпочитая явную смерть бесчестию плена, командир брига с твердостью выдержал трехчасовое сражение со своими исполинскими противниками и, наконец, заставил их удалиться. Поражение турок в нравственном отношении было полное и совершенное. В подвиге брига “Меркурий” проявился вполне дух, господствовавший между всеми чинами флота».

Победа «Меркурия» была настолько фантастична, что некоторые знатоки военно-морского искусства отказывались в это верить. Английский историк Ф. Джейн, узнав о происшедшем сражении, заявил во всеуслышание: «Совершенно невозможно допустить, чтобы такое маленькое судно, как Меркурий, вывело из строя два линейных корабля за четыре часа, даже если бы они вовсе не стреляли. Самым вероятным предположением будет то, что турецкие корабли были фрегатами, выросшими в донесении в линейные корабли».

— У страха глаза велики! — рассуждали завистники и недоброжелатели. — Казарскому кораблю линейные просто померещились. Если у турок что-то и было, то в лучшем случае каких-нибудь два фрегата!

Но когда факт блестящей победы официально подтвердила турецкая сторона, завистники приумолкли.

Накануне Крымской войны 1853–1856 годов в архиве бывшего вице-канцлера Нессельроде было обнаружено и опубликовано письмо, доставленное в Россию секретным агентом. Автором письма был штурман «Реал-бей». Часть письма была посвящена бою «Меркурия». Это письмо было опубликовано в одной из тетрадок журнала «Морской сборник» за 1850 год и стало достоянием российской общественности. Вот что писал турок: «Биюлиман, 27 мая 1829 года 22-го числа сего месяца мы вышли из пролива, и к ночи, после различных эволюции, мы стали править к “Ost”, чтобы взойти в залив Пендараклии, на встречу одного отряда русского флота. По приходе мы нашли там только один турецкий фрегат, переделанный из корабля, который был сожжен русскими, немного времени спустя, после спуска его на воду. Русский флот, состоящий из 14 судов, между которыми были шесть линейных кораблей, много потерпел от огня с батарей, как узнали мы от коменданта крепости. Мы пошли снова к проливу, и 25 взяли один 36-пушечный фрегат, который спустил флаг при нашем приближении. Капитан того фрегата оставался до вчерашнего дня на нашем судне, он украшен многими орденами и очень хорошо объясняется на итальянском языке, имя его Семен Михайлович, а фрегат называется “Рафаил”. Во вторник, с рассветом, приближаясь к Босфору, мы заметили три русских судна: фрегат и два брига; мы погнались за ними, но только

догнать могли один бриг, в три часа пополудни. Корабль капитан-паши и наш открыли тогда сильный огонь. Дело неслыханное и невероятное. Мы не могли заставить его сдаться, он дрался, ретируясь и маневрируя со всем искусством опытного военного капитана, до того, что, стыдно сказать, мы прекратили сражение, и он со славою продолжал свой путь. Бриг сей должен потерять, без сомнения, половину своей команды, потому что один раз он был от нашего корабля на пистолетный выстрел, и он, конечно, еще более был поврежден, если бы капитан-паша не прекратил огня часом ранее нас и сигналом не приказал нам то же сделать. В продолжение сражения командир русского фрегата говорил мне, что капитан сего брига никогда не сдастся, и если он потеряет всю надежду, то тогда взорвет брик свой на воздух. Ежели в великих деяниях древних и наших времен находятся подвиги храбрости, то сей поступок должен все оные помрачить, и имя сего героя достойно быть начертано золотыми литерами на храме Славы: Он называется капитан-лейтенант Казарский, а бриг — «Меркурием»; с 20-ю пушками, не более, он дрался против 220 в виду неприятельского флота, бывшего у него на ветре».

Имя Казарского было на устах у всей России. Еще вчера скромный морской офицер, не окончивший даже Морского корпуса, он в один день стал национальным героем. Подвиг «Меркурия» вдохновлял художников и поэтов. Лучшие баталисты страны Айвазовский и Чернецов описывали это событие масляными красками на многометровых холстяных полотнах. Известный поэт-партизан, герой Отечественной войны 1812 года Денис Давыдов посвятил ему возвышенные строки:

Мужайся! — Казарский, живой Леонид,
Ждет друга на новый пир славы...
О, будьте вы оба отечества щит,
Перун вековой державы!
И гимны победы с ладей окриленных
Пусть искрами брызнут от струн вдохновенных!

Не отставала от России и Европа Французский сочинитель Сен-Томе откликнулся на победу брига одой «Меркурий».

Многим позднее, когда Казарского уже не было в живых, бывший начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал В.И. Мелихов в статье в «Морском сборнике» за 1850 год «Описание действий Черноморского флота в продолжение войны с Турцией в 1828 и 1829 годах»

написал: «Действия брига «Меркурий» представляют пример отваги, которому подобный едва ли сыщется в летописях морских держав. Мы считаем излишним распространяться о подвиге Казарского, вполне и совершенно оцененном Государем Императором, как то можно видеть из Высочайшего повеления и указов, изложенных в главе 23 и 26 нашего повествования; мы считаем нужным заметить только одно обстоятельство, что нашлись люди, которые сомневались, чтобы действия брига происходили точно так, как они описаны в рапорте Казарского. Но мы и весь флот, выдавший бриг через несколько часов после сражения, можем засвидетельствовать; что в донесении командира брига не было никакого преувеличения; знавшие хорошо покойного Казарского поручаются, что по своей скромности он скорее был способен умолчать о своих действиях, нежели преувеличивать их. Он вполне достоин памятника, воздвигнутого ему в Севастополе его сослуживцами, с соизволения Государя Императора».

А матросы Черноморского флота вечерами на баке уже давно распевали сочиненную ими незатейливую, но искреннюю песню о подвиге брига;

Наш красавец бриг «Меркурий» флот турецкий отразил
И могучей своей грудью Черно море переплыл.
Все готовы были дружно флаг родной наш отстоять
И Казарского-героя все приказы исполнять.
В море, встретившись с врагами, наш «Меркурий» не бежал —
Пред турецкими судами, как орел, наш бриг летал.
По волнам морским носился, словно сокол в небесах,
Черно море переходит на всех полных парусах.
Ах, меркурьевские братья, как мы счастливо пришли
И меркурьевское знамя в Севастополь принесли.
Мы тебя, рыцарь «Меркурий», будем вечно вспоминать.
В наших песнях и повсюду всегда будем вспоминать!

Подвиг брига «Меркурий» уже стал легендой, а его командир — народным героем. 4 июля 1829 года приказом главного командира Черноморского флота от 4 июля было объявлено: «В воздаяние блистательного подвига брига «Меркурий», вышедшего победителем из беспримерного боя 14 мая, им выдержанного против двух турецких кораблей, Государь Император всемилостивейше пожаловать соизволил:

командира капитан-лейтенанта Казарского в капитаны 2-го ранга, и сверх того кавалером ордена Св. Георгия 4-го класса; лейтенантов Сварятина и Новосильского, мичмана Притулова и поручика корпуса флотских штурманов Прокофьева следующими чинами, и первых орденами Св. Владимира 4-й степени, а Прокофьева, как предложившего мужественный совет взорвать бриг, орденом Св. Георгия 4-го класса. Всем нижним чинам знаки отличия Военного Ордена. Всем вообще, как офицерам, так и нижним чинам, в пожизненный пенсион двойной оклад жалованья по окладу, какой они получали до настоящего времени. Вместе с тем Его Императорское Величество соизволил отличить и сам бриг, пожалованием на оный Георгиевского флага. А дабы увековечить в роде сих офицеров памятью примерной их храбрости и мужественной решимости на очевидную гибель, Государь Император соизволил повелеть, чтобы пистолет, как оружие избранное ими для взорвания на воздух при невозможности продолжать оборону, был внесен в гербы их».

Отметим, что гербы офицеров «Меркурия» с пожалованными им пистолетами были внесены в десятую часть «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи» и по списку расположены рядом. При этом анализ гербов говорит о том, что до знаменитого сражения «Меркурия» ни у одного из офицеров брига, кроме Казарского, не было настоящего фамильного герба, то есть все они принадлежали к далеко не родовитым дворянским семьям, возможно даже, к однодворцам.

Все пожалованные офицерам «Меркурия» гербы увенчаны дворянским шлемом с короной и тремя страусиными перьями. Сами гербы разделены на три части: верхнюю — синего (морского) цвета и нижние: левую — золотого и правую — серебряного цветов. Верхняя часть гербов у всех «меркурьевцев» одинакова — в синем поле изображен золотой пистолет, а под ним опрокинутая серебряная луна, символы готовности жертвовать жизнью во имя победы над врагом.

Изображения же на двух нижних полях гербов были разные в зависимости от должности их владельца. Так, у Казарского в нижнем левом золотом поле были изображены переплетенные между собой масленичная и лавровая ветви, а в правом серебряном — бриг «Меркурий» под всеми парусами. Изображение целиком всего брига подчеркивало, что этот герб принадлежит командиру судна. Помимо этого на гербе Казарского нашлось место и родовому знаку дворян Казарских: извивающемуся на красном поле ужу с яблоком во рту и дворянской короной на голове. У старшего офицера «Меркурия» лейтенанта Новосильского масленичная ветвь была помещена в правом золотом поле, а Андреевский флаг — в левом

серебряном, что подчеркивало вторую по значимости должность на судне владельца герба У второго лейтенанта брига, лейтенанта Скарятина, соответственно, внизу были помещены масленичная ветвь и якорь. На гербе мичмана Притупова была изображена такая же масленичная ветвь славы, а вместо якоря — мачта с распущенными парусами. У штурмана Прокофьева в золотом поле был помещен дуб, а в правом серебряном — венок из лавровой и масленичной ветвей, обрамляющих морской компас. Помимо всех других наград тогда же Николай I назначил Казарского и флигель-адъютантом, то есть личным адъютантом для исполнения особо важных дел и имеющего прямой доступ к императору. Со стороны императора это было проявлением особого доверия. Тогда же была выбита и специальная памятная медаль в честь этого достославного события.

А 29 июля 1829 года состоялся высочайший указ на имя морского министра; «32-го флотского экипажа 18-пушечного бригау “Меркурий”, за славные подвиги с двумя неприятельскими кораблями, дарован флаг с знаменiem св. великомученика и победоносца Георгия. Мы желаем, дабы память беспримерного дела сего сохранилась до позднейших времен, вследствие сего повелеваем вам распорядиться: когда бриг сей будет приходить в неспособность продолжать более служение на море, построить по одному с ним чертежу и совершенным с ним сходством во всем другое такое же судно, наименовав его “Меркурий”, приписав к тому же экипажу, на который перенести и пожалованный флаг с вымпелом; когда же и сие судно станет приходить в ветхость, заменить его новым, по тому же чертежу построенным, продолжая сие таким образом до времен позднейших. Мы же желаем, дабы память знаменитых заслуг команды брига “Меркурий” и его никогда во флоте не исчезала, а, переходя в род на вечные времена, служила примером потомству».

В живописи наибольшую известность получили картины, посвященные подвигу «Меркурия», написанные И. Айвазовским В 1847 году Айвазовский получил звание профессора, а в июле 1848 года открылась его юбилейная выставка в Феодосии, где были выставлены его новые произведения, в том числе и картина «Бриг “Меркурий”» после победы над двумя турецкими судами встречается с Русской эскадрой». Несколько позднее Айвазовский написал еще одну картину — «Бриг “Меркурий” ведет бой с двумя турецкими судами». Еще раз художник возвратился к теме подвига брига «Меркурий» уже в 1892 году, написав новую картину — «Бриг “Меркурий” атакован двумя турецкими кораблями». Заметим, что на картине «Бриг “Меркурий” ведет бой с двумя турецкими судами» бриг изображен буквально зажатым между двумя

турецкими кораблями, на такой «кинжально» малой дистанции, что, будь такое в реальности, он не имел бы никаких шансов уцелеть. До сих пор историки и искусствоведы спорят, специально или нет художник изобразил «Меркурий» в столь безнадежном положении. Возможно, он хотел усилить драматизм ситуации, которая бы усилила эффект картины и еще более значимо высветила подвиг маленького брига. В разные годы к теме боя брига «Меркурий» обращались и такие известные отечественные художники-маринисты, как Барри, Иванов, Лубянов, Красовский, Чернецов, Печатин. Любопытно, что раму для картины Красовского изготовили из дерева корпуса самого «Меркурия». На картине, авторство которой предположительно принадлежит А. Шифлару, хорошо видно использование экипажем «Меркурия» весел. Отметим и такой факт, что картины боя всех других авторов куда более реалистичнее, чем знаменитое полотно Айвазовского.

Спустя некоторое время началось и серьезное историческое изучение боя «Меркурия». Разумеется, главным документом являлся рапорт Казарского. Рапорт командира брига, написанный по форме того времени, как и положено командирскому рапорту, предельно лаконичен. В нем почти не было деталей боя. Как выяснилось позднее, Казарский допустил в своем рапорте и неточность (более чем простительную в его положении!), указав количество орудий у противника в 184, тогда как впоследствии сами турки констатировали, что на обоих их линейных кораблях было 220 пушек. Неточность, которая делает нашу победу еще весомей!

Но были ли еще какие-либо документы помимо рапорта командира? Оказывается, были! Вскоре после боя штурманский кондуктор «Меркурия» Селивестр Дмитриев написал небольшие записки под названием «Из журнала служившего на бригае “Меркурий” в день сражения 14 мая 1829 года», где рассказывается о некоторых деталях сражения.

Во время приезда Казарского в Николаев в 1833 году Дмитриев передал свои записки на суд своему бывшему командиру. Но тот так и не успел дать на них свой отзыв, так как скоропостижно умер. Затем записки Дмитриева были найдены при составлении описи бумаг Казарского и поступили в Петербургский Цензурный комитет, где опубликование запретили, мотивируя это так: «Запрещено разглашать подробности о современных военных действиях». Комитет постановил далее направить для предварительного рассмотрения к военному министру. Затем записки оказались в Морском научном комитете. Так как записки были без подписи, поначалу думали, что они принадлежат перу самого Казарского, но после прочтения стало очевидным: автор записок — не командир брига, а один из

его подчиненных.

А в сентябре 1834 года выходит специальный циркуляр Главного управления цензуры, извещающий цензоров Минска, Риги, Казани, цензурные комитеты Москвы, Дерпта, Вильно и других городов о запрещении публиковать материалы, связанные с «Меркурием» и Казарским, как материалы, раскрывающие секреты современных боевых действий.

Первым историей боя брига «Меркурий» заинтересовался офицер Балтийского флота капитан-лейтенант Иван Николаевич Суцев. Во время его службы в 40-х годах XIX века на Средиземном море его много расспрашивали о «Меркурии» и его командире, после чего Суцев и сам заинтересовался боем брига.

«Я часто получал вопросы, — писал впоследствии Суцев, — от английских и французских моряков о русском капитане, который на бриге сражался с двумя линейными кораблями».

Когда же Суцев был переведен на Черноморский флот, то занялся сбором информации о деталях знаменитого боя, изучая документы и записывая рассказы его участников. К сожалению, завершить свой труд Суцев так и не смог. Командуя корветом «Оливуца», он совершил плавание из Кронштадта в Петропавловск-на-Камчатке и там трагически погиб в сентябре 1851 года.

В 1853 году записки Суцева о Казарском попали в руки историку флота капитан-лейтенанту Александру Петровичу Соколову. Имея доступ в архивы, Соколов дополнил материалы Суцева новыми документами. Нашел он и безымянный «Журнал служившего на бриге “Меркурий”».

С этим «Журналом» Соколов отправился к вице-адмиралу Новосильскому, бывшему в 1829 году лейтенантом на «Меркурии». Новосильский прочел «Журнал» и сразу же, не задумываясь, назвал его автора — штурманского кондуктора Селивестра Дмитриева. Достоверность статьи и авторство Дмитриева Новосильский засвидетельствовал подписью.

Вскоре подборка документов о бое брига «Меркурий» была наконец-то опубликована в журнале «Морской сборник» и стала достоянием российской общественности. На собранных Суцевым и Соколовым материалах и основываются в своих работах о «Меркурии» все последующие историки.

Подвиг брига «Меркурий» был увековечен и в названиях еще нескольких кораблей отечественного флота. Разумеется, что повеление Николая I строить суда по чертежам легендарного «Меркурия» выполнить

не могли. Время и технический прогресс диктовали свои правила. Поэтому спущенный на воду в 1865 году корвет Черноморского флота был назван «Память Меркурия». После его списания в 1883 году с николаевских стапелей сошел на воду крейсер «Память Меркурия», а в 1907 году еще один из новейших крейсеров Черноморского флота был назван этим именем. В советское время название «Память Меркурия» носило гидрографическое судно Черноморского флота. Именем капитана 1-го ранга А.И. Казарского был в свое время назван бриг Балтийского флота, а затем и минный крейсер Черноморского флота. Остается надеяться, что имена «Меркурия» и его доблестного командира в скором времени снова появятся на борту кораблей российского Черноморского флота.

Глава пятая.

ТАК КАК ЖЕ ПОБЕДИЛ «МЕРКУРИЙ»?

Как это ни может показаться странным, но сих пор находятся те, кто всеми силами старается обличить А.И. Казарского в обмане, в том, что никакого боя не было, а весь подвиг «Меркурия» был от начала до конца выдуман командиром брига. Никаких конкретных фактов обычно не приводится, а ставится вопрос ну как маленький бриг мог победить два крупнейших линейных корабля? И сразу делается вывод — а никак!

Однако нашлись те, которые сомневались, что подвиг брига «Меркурий» происходил именно так, как описан. Уже через двадцать лет после подвига брига «Меркурий» оставшиеся в живых соратники Казарского вынуждены были защищать его честь от несправедливых нападок. Вице-адмирал В.И. Мелихов в статье в «Морском сборнике» за 1850 год «Описание действий Черноморского флота в продолжение войны с Турцией в 1828 и 1829 годах» пишет: «Действия брига “Меркурий” представляют пример отваги, которому подобный едва ли сыщется в летописях морских держав. Мы считаем излишним распространяться о подвиге Казарского, вполне и совершенно оцененном Государем Императором, как то можно видеть из Высочайшего повеления и указов, изложенных в главе 23 и 26 нашего повествования; мы считаем нужным заметить только одно обстоятельство, что нашлись люди, которые сомневались, чтобы действия брига происходили точно так, как они описаны в рапорте Казарского. Но мы и весь флот, выдавший бриг через несколько часов после сражения, можем засвидетельствовать, что в донесении командира брига не было никакого преувеличения; знавшие хорошо покойного Казарского поручаются, что по своей скромности он скорее был способен умолчать о своих действиях, нежели преувеличивать их. Он вполне достоин памятника, воздвигнутого ему в Севастополе его сослуживцами, с соизволения Государя Императора».

В описании хулителей Казарского события выглядели приблизительно так. С самого начала турки начали погоню за русскими дозорными судами при тихом ветре (около 2-х баллов по Бофорту) и сумели сблизиться с отставшим от остальных бригам «Меркурием». Первыми на дистанцию досягаемости артиллерийского огня носовых пушек вышли те два линейных корабля, о которых и шла речь выше. Ветер постепенно стихал, и скорость сближения была столь мала, что в течение полутора часов обстрел

«Меркурия» производился с расстояния от полутора километров до полукилометра из немногочисленных погонных пушек. После чего ветер окончательно «скис» и на воду опустилась обычная для Черного моря при безветрии туманная дымка. Штиль позволил «Меркурию» медленно, но верно удаляться на веслах от турецкой эскадры до той поры, пока та окончательно не скрылась из глаз в туманной мгле (благоприятствовало и то, что на юге темнеет раньше, чем, например, на широте Москвы). После чего бриг изменил курс, дабы ввести противника в заблуждение относительно направления своего движения на случай возобновления ветра. С момента обнаружения турками русских кораблей до потери визуального контакта с «Меркурием» прошло 3,5–4 часа. За это время турки не понесли никакого материального урона — две русские малокалиберные ретирадные пушки не доставали до них, а предназначенные для ведения ближнего боя карронады — и тем более. «Меркурий» получил 22 пробоины в корпусе, тем не менее не получил ни одного разрушительного попадания крупнокалиберным чугунным или каменным ядром.

Действительно, при численном сравнении военной мощи турецких кораблей и русского брига — 184 орудия против 20, даже не считая разницу калибров, то есть при 10-кратном преимуществе турок, победа «Меркурия» на первый взгляд представляется просто невозможной. Однако при детальном анализе условий боя можно сделать вывод о том, что победа брига не является столь уж невероятным событием. По сравнению с турецкими линейными кораблями, учитывая условия маловетрия, при котором происходил бой, «Меркурий» имел следующие преимущества:

Во-первых, каждый из турецких кораблей мог стрелять только одним бортом, в то время как «Меркурий», при умелом маневрировании и быстрых разворотах с помощью весел, мог использовать все имеющиеся у него орудия. Бывшие на вооружении у «Меркурия» карронады были очень эффективны именно в ближнем бою, кроме того, они позволяли стрелять в более высоком темпе из-за простоты перезарядки.

Во-вторых, в течение всего боя турецкие корабли, как мы уже знаем, так и не смогли занять наивыгоднейшего для них траверзного положения относительно «Меркурия». Это произошло по нескольким причинам: благодаря грамотному маневрированию брига, по причине малой дистанции боя и из-за маловетрия.

В-третьих, при нахождении близко, но несколько позади «Меркурия» большие трехдечные линейные корабли (учитывая их обводы и высоту борта) могли прицельно стрелять только из 8–10 носовых пушек, поскольку

в бортовых портах пушки могли поворачиваться не более чем на 15 градусов, в то время как короткие карронады «Меркурия» имели куда большие возможности для прицеливания и могли вести прицельный огонь по рангоуту и такелажу противника. Таким образом, практически в течение всего боя, за исключением двух эпизодов, соотношение действующих стволов, при всем внешнем преимуществе турок, фактически составляло 16–20 у турок против 18 у наших.

В-четвертых, при «пистолетной» дистанции боя турецкие корабли могли попадать в более низкий борт «Меркурия» только выстрелами с нижних деков, а это могло иметь место только при траверзном расположении линкоров и брига друг относительно друга. Но Казарский, как мы уже говорили, этой возможности туркам так и не дал.

В-пятых, безусловно, Казарскому и его подчиненным помогла и погода. Слабый ветер, временами совсем стихающий, практически обездвиживал турецкие линейные корабли, тогда как «Меркурий», имея весла, мог не только маневрировать, но и постепенно увеличивать дистанцию отрыва от противника.

Наконец, в произошедшем всего полутора годами ранее Наваринском сражении была уничтожена лучшая часть турецкого флота, что существенно ослабило морские силы Турции, а потому команда «Меркурия» столкнулась с гораздо менее опытными турецкими командами. Причем это касалось не только рядового состава, но, прежде всего, командного. Если рядовой состав турецких кораблей медленно заряжал орудия и плохо стрелял, не слишком умело управлялся с парусами, то командный состав не слишком грамотно действовал тактически. Кроме этого, при маловетрии особо много зависит от умения грамотно и быстро управляться с парусами, чтобы использовать в свою пользу малейшую перемену ветра, для чего офицеры и командиры должны иметь большой опыт управления парусами. У турецких командиров и офицеров такого опыта, судя по всему, не было.

Мог ли Меркурий оказаться в «клещах» между двумя турецкими линкорами, как это показано на известной картине И. Айвазовского, и попасть, таким образом, в «два огня»?

Разумеется, что такая ситуация вполне могла произойти, бой есть бой. Однако, попав одновременно под два бортовых залпа, бриг не имел никаких шансов не то что выйти победителем из боя, но вообще остаться на плаву. При «пистолетной» дистанции (25–50 метров), которую показал на своей картине Айвазовский, он непременно получил бы сразу в оба борта мощнейший залп двух линейных кораблей. При этом дистанция была

(если, опять же, судить по Айвазовскому) столь мала, что даже таким не слишком метким артиллеристам, как турки, промахнуться было практически невозможно. По большому счету им не надо было даже целиться. Но и это не всё! Если даже орудия на верхней палубе и верхнего дека палили по рангоуту и такелажу «Меркурия», то крупнокалиберные 36-фунтовые орудия нижних деков, находившихся на одном уровне с корпусом брига, в несколько попаданий превратили бы «Меркурий» в развалину. Однако, как мы знаем, ничего подобного так и не произошло. Сразу же возникает вопрос почему? Ответ здесь может быть только один — в течение всего боя с турецкими линейными кораблями «Меркурий» ни разу не оказывался между турецкими линейными кораблями.

Вспомним, что в рапорте Казарского есть упоминание, что турки приближались к нему на «пистолетный выстрел», т.е. фактически вплотную. Сомневаться в правдивости рапорта Казарского у нас нет. Как же все обстояло на самом деле? Ведь мы понимаем, что сразу двух бортовых залпов в упор маленьких бриг ни за что бы не выдержал. На самом деле никаких противоречий здесь нет! Действительно в течение боя турецкие корабли при недолгих усилениях ветра несколько раз сокращали свою дистанцию до минимума. Но при этом им ни разу так и не удалось развернуться к бригу бортом, а тем более одновременно двоим. Даже при максимальном сближении с «Меркурием» турецкие корабли могли вести по нему огонь лишь несколькими мелкокалиберными носовыми (т.е. погонными) пушками. При этом стоявшие в носу пушки располагались значительно выше корпуса русского брига. И огонь, по обыкновению турок, велся, как всегда, исключительно по парусам, причем не слишком точно. Помимо этого, учитывая не слишком хорошую морскую подготовку турецких команд, корабли сближались с «Меркурием» разновременно, что позволяло Казарскому грамотными маневрами отбиваться от них по отдельности. При этом, даже при утихом ветре, «Меркурий», используя весла, мог время от времени поочередно подворачивать к линейным кораблям разными бортами и добиваться, таким образом, даже некоторого превосходства в огне.

Почему же тогда Айвазовский изобразил на своем полотне нереальный эпизод сражения? Ответ, думается, в данном случае лежит на поверхности. Во-первых, при всей своей любви к морю и к флоту, Айвазовский не был профессиональным моряком, тем более он не был моряком военно-морского флота. Именно поэтому его батальные картины всегда существенно уступают в правдивости изображения кораблей, прорисовке деталей, нюансов погоды и т.п. батальным маринам А. Боголюбова,

который, как известно, окончил Морской корпус и имел чин лейтенанта. Кроме этого, желая усилить драматизм боя и тем самым еще более возвысить подвиг «Меркурия», Айвазовский вполне сознательно решился изобразить героический бриг в самой невыгодной для него ситуации. Осуждать за это Айвазовского сложно. Художник имеет право на воображение! При этом непререкаемый авторитет Айвазовского, известность самой картины привели к тому, что не только позднейшие художники, но и писатели начали описывать бой «Меркурия», принимая картину знаменитого художника за документ. Такой случай в нашей истории не единственен. Так, после выхода в свет знаменитого фильма С. Эйзенштейна «Броненосец “Потемкин”», в котором много выдуманных режиссером сцен (сцена приготовления расстрела матросов под брезентом, расстрел демонстрации в Одессе на Потемкинской лестнице и т.д.), писатели и историки сразу же начали описывать не реальные события на мятежном броненосце, а пересказывать фильм Эйзенштейна. Такова сила искусства. Думается, что в случае с картиной И. Айвазовского произошло то же самое.

Исследователь боя «Меркурия» А.И. Иоффе разбил его на несколько последовательных эпизодов. Эпизод первый. «Селимие» и «Реал-бей» начинают погоню за «Меркурием», следуя курсом на норд. Бриг вначале держит курс норд-вест, а затем также поворачивает к норду. Турки тоже начинают доворачивать влево.

Эпизод второй. Турецкие линейные корабли сближаются с «Меркурием» строем фронта: «Селимие» справа, «Реал-бей» слева. «Селимие» пытается обойти бриг справа и дает полновесный залп левым бортом, от которого Казарскому удалось, впрочем, в самый последний момент уклониться. После этого он уже удерживает обоих противников на кормовых углах, так что те могут задействовать лишь носовые орудия. Общее направление всех трех судов строго на норд. Такое взаимное положение продолжается достаточно долго.

Эпизод третий. «Меркурий» постепенно меняет курс на норд-вест. Турки подворачивают вслед за ним, при этом они несколько расходятся в стороны. Казарский, воспользовавшись ошибкой турок, оставляет «Селимие» за кормой, а бортом успевает развернуться к носовой части «Реал-бея» и произвести по нему несколько бортовых залпов. Вскоре «Селимие» ложится на курс, параллельный «Реал-бею», и «Меркурий» вынужден снова оставить их обоих за кормой, ведя огонь, лишь изредка попеременно подворачивая свои борта то к одному, то к другому кораблю.

Эпизод четвертый. Турецким линейным кораблям удастся наконец-то

нагнать бриг и почти взять «в клещи». Именно в этот момент артиллеристы «Меркурия» поражают «Селимие». Флагманский линейный корабль сразу же прекращает преследование и ложится в дрейф. Но и «Меркурий» почти сразу подставляется кормой под продольный залп «Реал-бея». Казарский пытается оторваться от преследования второго линейного корабля, но капитан «Реал-бея» снова удачно подворачивает бортом к корме русского брига. При этом «Меркурий» по-прежнему упорно стремится в норд-вестовую четверть. Ценой больших усилий Казарскому все же удается увернуться от очередного бортового залпа и снова перевести преследователя на кормовые углы.

Эпизод пятый. «Реал-бей» снова успешно маневрирует и выходит на новый бортовой залп. В это время артиллеристы «Меркурия» наносят повреждения «Реал-бею» и тот выходит из боя, прекращая преследование. «Меркурий» же продолжает движение, следуя все тем же курсом норд-вест.

Историк Атавин в статье «Бой брига “Меркурий”» в сборнике по истории флота и судостроения «Гангут», номер 28 от 2001 года, пишет об артиллерийской составляющей боя следующее (цитирую): «Соотношение артиллерийских орудий подавляет воображение: 184 пушки у турок и всего 20 — у русских! Сражение неминуемо должно было привести к печальному исходу для “Меркурия”. Но таким ли было количественное соотношение действующей артиллерии в бою? Парусный корабль, имея противника с одной стороны, может стрелять только одним бортом. Следовательно, количественное соотношение уже меняется как 92 к 18 (бортовые карронады). Из числа 92 турецких пушек при ближнем бое необходимо вычесть по четыре погонных и не менее чем по шесть ретиранных пушек. Остаются 72 активные бортовые пушки на двух турецких кораблях. Но и это еще не все! Турецкие корабли не смогли в течение всего боя занять траверзного положения относительно русского брига, как вследствие грамотного маневрирования “Меркурия” “змейкой”, так и по причине малой дистанции боя, иначе ядра одного турецкого корабля могли попадать в другой. Далее, при нахождении близко, но сзади “Меркурия”, “Селимие” и “Реал-Бей”, учитывая обводы кораблей, могли прицельно стрелять только из восьми или десяти носовых пушек, так как в бортовых амбразурах (видимо, все же в портах. — В.Ш.) пушки поворачиваются не более чем на 15 градусов на сторону. В итоге, фактически, за исключением двух эпизодов, соотношение действующих стволов составляло 16–20 у турок против 18 у русских. Следует учесть еще один немаловажный фактор артиллерийской дуэли на малых расстояниях, а именно малую высоту борта “Меркурия” и большую высоту бортов

турецких кораблей. В результате турецкие ядра могли попадать в борта брига только после выстрелов с нижних деков, тогда как с верхних деков ядра и другие снаряды попадали в основном в рангоут, такелаж и паруса российского корабля. В это же время «Меркурий», уклоняясь от одного корабля и стреляя в него из кормовых пушек, всем бортом, то есть карронадами, давал залп по другому турецкому кораблю».

Кроме пробоин в корпусе «Меркурия» официальные документы отмечают 16 повреждений в рангоуте, 133 повреждения в парусах и 148 повреждений в такелаже «Меркурия». Также разбиты шлюпки и слегка повреждена одна карронада. Повреждения были настолько существенны, что судно едва добралось до Севастополя, где затем его ремонтировали целых семь лет!

Общеизвестно, что «Меркурий» добился своих знаменитых попаданий книпелями. А вот чем стреляли турки, какие конкретно повреждения были нанесены «Меркурию» и почему турецкие корабли потеряли возможность вести бой всего лишь от нескольких удачных попаданий, а «Меркурий» этой возможности не потерял, несмотря на сотни повреждений в рангоуте, такелаже и парусах, в точности неизвестно.

Стреляли ли турки книпелями? Ответа на этот вопрос в документах нет, но мне думается, что, судя по многочисленным повреждениям такелажа, все же стреляли. Однако книпеля (полуядра, скрепленные между собой цепью) весьма эффективны для поражения такелажа исключительно на близкой дистанции (не более 200 метров), а на большей совершенно бесполезны, так как просто не долетят до противника. Отсюда можно предположить, что большую часть времени боя «Меркурий» удерживался от противника исключительно на выгодных курсовых углах, при достаточно малой дистанции. Подтверждением этому служит и то, что на вооружении «Меркурия», за исключением двух мелкокалиберных «погонных» пушек, были исключительно карронады, которые можно использовать только в ближнем бою. «Меркурий» как мы знаем, не нанес противнику несколько повреждений, повлиявших на исход боя. Сделать это можно было на дистанции в 200–250 метров. Расстояние до противника стало увеличиваться лишь к концу сражения.

Теперь попробуем определить, какие именно повреждения нанесли артиллеристы брига турецким линейным кораблям, и насколько эти повреждения повлияли на исход боя. Для начала еще раз обратимся к рапорту А.И. Казарского: «Во все время “Меркурий” не прерывал своего огня, стараясь по возможности уклоняться от продольных выстрелов, пока удалось перебить ватер-штаги (ватер-штаги — тросы под бушпритом,

служащие для его оттягивания вниз. — В.Ш.) и повредить гротовый рангоут стопушечного корабля, что заставило его закрепить бом-брамсели (бом-брамсели — прямые паруса четвертого яруса снизу. — В.Ш.), привести к ветру и лечь в дрейф, но прежде прекращения действия он послал бригу залп со всего борта. Другой корабль продолжал сражение, переменяя галсы (т.е. курс относительно ветра. — В.Ш.) под кормой брига и бил его продольными выстрелами, которых никакими движениями невозможно было избежать, но со всем тем “Меркурий” отстреливался до того времени, пока счастливым выстрелом удалось перебить у неприятеля нок-фор-марс-рея (оконечность на втором снизу рее фок-мачты. — В.Ш.), падение которой увлекло за собой лисели (добавочные прямые паруса, устанавливаемые по бокам основных. — В.Ш.), тогда и этот корабль привел в бейдевинд (курс под острыми углами, от 30 до 60 градусов, навстречу направлению ветра. — В.Ш.)».

В своих воспоминаниях о бое «Меркурия» бывший начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал В.И. Мелихов пишет так: «Во все время “Меркурий” не прерывал огня, стараясь между тем уклоняться, по возможности, от продольных выстрелов; наконец ему удалось перебить ватер-штаги и повредить гротовый рангоут 110-пушечного корабля, что побудило его... лечь в дрейф; но прежде совершенного прекращения действия он послал в бриг прощальный залп со всего борта... Другой корабль продолжал сражение, переменяя галсы под кормою брига, и бил его ужасно продольными выстрелами, которых никакими движениями избежать было невозможно; за всем тем “Меркурий” продолжал отпаливаться до тех пор, пока счастливым выстрелом удалось перебить у неприятеля нок фор-марса-рея, падение коего увлекло за собою лисели; тогда и этот корабль, в 5^{1/2} часов, привел в бейдевинд».

Мелихов в целом повторяет рапорт Казарского, за тем лишь исключением, что не упоминает о «закреплении бомбрамселей» на турецком 110-пушечном корабле и его «приведении к ветру». Все последующие авторы, описывающие бой «Меркурия», или повторяли Казарского и Мелихова, или придумывали что-то свое. Позднее они будут выдумывать всякую несусветицу о том, что турки в пороховом дыму палили друг в друга, а Лысенко вообще перебил ядром грот-мачту «Селимие», которая упала, о некой решительной атаке «Меркурия» в конце боя, о рухнувших на палубу всех парусах фок-мачты «Реал-бея» и т.д., оказывая медвежью услугу и Казарскому, и его храброй команде.

Что же представляли из себя противники «Меркурия»? Не так давно в

Интернете (<http://wap.tsushima2.borda.ru>) были опубликованы данные по турецкому флагману — 128-пушечному гиганту «Селимие», взятые из материалов тогдашнего турецкого «Комитета для приведения флота в лучшее состояние», который учитывал в своих документах только орудия калибром от 18 фунтов и более: на нижней батарейной палубе (на нижнем деке) — 4–48-фунтовые и 28–36-фунтовых пушек, на средней батарейной палубе (на среднем деке) — 34–24-фунтовые пушки, на верхней батарейной палубе (на верхнем деке) — 34–18-фунтовые пушки, на верхней (открытой) палубе — неуказанное число легких пушек и, возможно, карронад. Данные по артиллерийскому вооружению «Селимие» по состоянию на 1829 год исходят от английского моряка на турецкой службе Адольфуса Слейда, участвовавшего в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов: на нижней батарейной палубе — 4–110-фунтовых камнемёта и неуказанное число 36-фунтовых пушек, на средней батарейной палубе — 4–75-фунтовых камнемёта и неуказанное число 26-фунтовых пушек, на верхней батарейной палубе — неуказанное число 20-фунтовых пушек, на верхней открытой палубе — неуказанное число 12-фунтовых и 9-фунтовых пушек. Камнемётами называли относительно короткоствольные тонкостенные артиллерийские орудия, стрелявшие каменными ядрами на небольшие расстояния и чаще всего заряжавшиеся с казенной части. Всего на «Селимие» было 128 орудий, все пушки — французского происхождения. К сожалению, количественной разбивки по калибрам нет. О наличии карронад или их отсутствии также не упоминается. Экипаж «Селимие» — около 1400 человек, большая часть состояла из набранных незадолго до войны рекрутов.

О «Реал-бее» у автора точных данных нет, но можно предположить, что укомплектован артиллерией он был приблизительно в той же пропорции, как и «Селимие», с той лишь поправкой, что общее число орудий у него достигало 74-х. Вопрос, были ли на турецких линейных кораблях карронады, остается открытым. В артиллерийском штате русского 110-пушечного линейного корабля того времени находились четыре 24-фунтовые, шесть 8-фунтовых и двадцать 6-фунтовых карронад, а на русском 74-пушечном линейном корабле устанавливалось шесть 24-фунтовых карронад. Однако у турок их вполне могло еще и не быть.

Итак, Казарский конкретно сообщает, что ядро «Меркурия» перебило ватер-штаги под бушпритом «Селимие». Насколько это серьезное повреждение и мог ли 110-пушечный линейный корабль выйти из боя?

Упомянутый Казарским «гrotовый рангоут» (а вернее, горизонтальные элементы средней и одновременно самой высокой мачты, называемой гrot-

мачтой) на 110-пушечных линейных кораблях первой половины XIX века занимал (в зависимости от конструкции) следующие высоты: грота-рей (самый нижний на грот-мачте) располагался над водной поверхностью на высоте 22–23 метра, грот-марса-рей — на высоте 30–39 метров, грот-брам-рей — на 44–48 метрах, грот-бом-брам-рей — на 51–57 метрах. Фок-мачта (передняя мачта) тех же 110-пушечных кораблей имела высоты над водой, аналогичные реям, но примерно на 10% меньшие, а бизань-мачта (ближайшая к корме) — на 15–20% меньшие, чем грот-мачта. На 74-пушечных линейных кораблях горизонтальные элементы рангоута (реи) возвышались над водой, как правило, на 10% ниже, чем на 110-пушечных. Это говорит о том, что ядра с «Меркурия», поднимаясь, как указано выше, максимум на 18 метров над водой, да и то в узком диапазоне дистанций стрельбы от 270 до 340 метров, могли «дотянуться» в лучшем случае лишь до нижних рей 74-пушечного корабля.

Что подразумевал Казарский под «повреждением гротового рангоута» турецкого 110-пушечного линейного корабля? По-видимому, это было повреждение грот-ундер-лисель-спирта (нижнего горизонтального шеста на высоте верхней палубы), служившего для растягивания за пределы борта нижнего края гротового лиселя — добавочного прямого паруса (гротового лиселя). Затем еще одно перебивает ватер-штаги, крепящие бушприт к княвдигеду галюна. Так как речь идет обо всех ватер-штагах, то ядро с «Меркурия» удачно поразило их в районе их общего крепежа. Разумеется, что от этого бушприт не отвалился, так как сверху держался еще и фок-штагами и фотстенъ-штагами, но жесткость конструкции была нарушена, и он закачался. Повреждение гротового рангоута с падением гротового лиселя и ватер-штагов не было слишком серьезным для «Селимие», но вызвало определенные трудности в управлении кораблем. Однако, учитывая то, что почти вся команда состояла из насильно пойманных и посаженных на корабль рекрутов, быстро исправить эти повреждения не представлялось возможным.

Теперь относительно «Реал-бея». Насколько мог повлиять на боеспособность линейного корабля перебитый нок формарса-рея с марсеями и упавшие лиселя?

Что касается «Реал-бея», то нанесенные ему повреждения тоже не были слишком серьезными — «счастливым выстрелом удалось перебить у неприятеля нок-фор-марс-рею, падение которой увлекло за собой лисели». При этом никакие «все» паруса фок-мачты на палубу, разумеется, разом не рухнули, как выдумывали позднейшие авторы. Для этого надо было много еще чего перебить. Однако, к счастью для «Меркурия», и упавших лиселей

оказалось вполне достаточно. Пример вышедшего из боя флагмана и суматошная паника на нем, скорее всего, уже смущали умы матросов «Реал-бея», когда же полетели вниз лиселя, что, повторюсь, было не страшно для боеспособности корабля, но выглядело весьма эффектно, то паника началась и на нем. Капитана второго линейного корабля тоже понять можно: с необученной командой исправлять повреждения — дело долгое, к тому же без лиселей «Реал-бей» сразу потерял возможность ловить и так едва двигавший корабль тихий ветер. Да и вышедший к этому времени из боя «Селимие» давал гарантию, что никакого наказания от адмирала за отказ от преследования русского брига также не последует.

И все же почему турецкие адмиралы прекратили преследование «Меркурия», тем самым фактически признав свое поражение в этом далеко не равном бою? Думается, что такое решение было вызвано не одним, а сразу несколькими факторами.

1. Повреждения, нанесенные «Меркурием», хоть и не носили решающего характера, однако создали определенные трудности с управлением линейных кораблей и при тихом ветре замедлили их и без того не слишком большую скорость

2. Повреждения и упорное сопротивление маленького брига деморализующе подействовало на сборные и не слишком обученные команды линейных кораблей. Еще очень свежи были воспоминания о недавнем Наваринском погроме. Именно поэтому в течение всей войны 1828–1829 годов турецкий флот вел себя исключительно пассивно. Майский 1829 года выход в море был едва ли не самым отважным его мероприятием за всю войну.

3. Было очевидно, что русский бриг будет отчаянно драться до самого конца и, возможно, даже попытается в критической ситуации, сойдясь вплотную с одним из линейных кораблей, совместно взорваться. Это турок, разумеется, никак не устраивало, а реальная возможность при отсутствии ветра и наличии у брига весел у «Меркурия» для этого была.

4. Сама погоня и бой явно затягивались. Без внимания турецких адмиралов не могло остаться и то, что Казарский упрямо держал курс на норд-вест в сторону Сизополя, где стоял тогда весь Черноморский флот во главе с адмиралом Грейгом. В том же направлении ушли и давно скрылись за горизонтом и два дозорных русских фрегата. Это не могло не беспокоить капуданпашу. В любой момент на горизонте мог показаться Черноморский флот. При этом основные силы турецкого флота остались далеко позади адмиральских кораблей. Принимая же во внимание повреждения в такелаже и рангоуте, оба линейных корабля могли сами превратиться из

охотников в достаточно легкую добычу. Продолжать погоню, все дальше отдаляясь от Босфора и сближаясь с главными силами противника, становилось уже реально опасным

5. Ценность самого маленького брига была не столь велика, чтобы ради него рисковать двумя сильнейшими кораблями. К тому же во время этого выхода турецкий флот уже одержал неожиданную для себя победу и взял куда более ценный приз (об этом мы будем подробно говорить в следующей главе).

Подводя итог вышесказанному, мы не ошибемся, если сделаем следующий вывод — бой «Меркурия» действительно был самый героический, а успех ошеломляющим. То, что нашей победе способствовала и погода, слабая обученность турецких команд и тактическая и оперативная ситуация не должно нас смущать. На войне как на войне, и Бог всегда на стороне храбрых, а победа всегда есть победа!

Глава шестая.

ТЕНЬ «РАФАИЛА»

Еще некоторое время после своего победного сражения Александр Иванович Казарский командовал «Меркурием». Война меж тем закончилась, начались мирные переговоры, обмены пленными. Последний выход в море на «Меркурии» для Казарского был достаточно знаменателен. Из воспоминаний бывшего начальника штаба Черноморского флота вице-адмирала В.И. Мелихова: «На траверзе Инады сошлись на randevu два корабля, неприятельский и наш, бриг “Меркурий”. С борта “Меркурия” 70 пленных турок перешло на борт своего корабля. С борта турецкого судна 70 пленных русских перешло на борт “Меркурия”. Все семьдесят были русскими моряками».

Что же это были за пленные? Дело в том, что незадолго до подвига «Меркурия» на Черноморском флоте произошло чрезвычайное для российского флота событие. К «Меркурию» оно имело самое непосредственное отношение, а поэтому представляет для нас особый интерес

Находившийся в дозоре неподалеку от турецкого порта Пендераклия фрегат «Рафаил» под командованием капитана 2-го ранга Стройникова был застигнут врасплох турецкой эскадрой и, даже не предприняв попытки вступить в бой, спустил перед турками свой Андреевский флаг. Обрадованные неожиданной победой турки включили захваченный фрегат в состав своего флота под названием «Фазли Аллах», что значит «Дарованный Аллахом». Случай с «Рафаилом» — для русского флота небывалый, а потому особенно болезненный. В негодовании были все: от бывших сослуживцев Стройникова до императора Николая.

Пленные, которых принимал от турок Казарский, и были с «Рафаила». Это были все, кто к моменту подписания мира остались в живых из команды фрегата «Рафаил», без малого двести человек. Среди них — и бывший командир бывшего «Рафаила» С.М. Стройников. Как гласит легенда, император Николай I запретил Стройникову до конца его дней жениться и иметь детей, сказав при этом так: «От такого труса могут родиться только трусы, а потому обойдемся без оных!»

Разумеется, что пришедшее вскоре после сдачи «Рафаила» известие о небывалой победе «Меркурия» было для Николая I особенно приятно.

В отношении же самого фрегата «Рафаил» император был не менее

категоричен, чем в отношении его командира

— Если когда-либо представится возможность уничтожить бывший «Рафаил», то каждый офицер Черноморского флота должен считать это делом своей чести!

В указе император написал так: «Уповая на помощь Всевышнего, пребываю в надежде, что неустрашимый Флот Черноморский, горя желанием смыть бесславие фрегата “Рафаил”, не оставит его в руках неприятеля. Но когда он будет возвращен во власть нашу, то, почитая фрегат сей впредь недостойным носить Флаг России и служить наряду с прочими судами нашего флота, повелеваю вам предать оный огню».

... Долгое время Казарский и Стройников приятельствовали, соперничали в продвижении по службе: Казарский командовал старым транспортом «Соперник», а Стройников — бригам «Меркурий». Впрочем, перспективы у Стройникова были многим лучше, чем не только у Казарского, но и у многих других офицеров. Еще недавно Стройников состоял в адъютантах у командующего флотом, причем пользовался расположением не только самого Грейга, но и его всесильной гражданской жены. Ниже мы еще подробно остановимся на личности супруги адмирала Грейга. Пока же констатируем тот факт, что, судя по всему, Стройников был весьма тесно связан и с полусветом Николаева, причем весьма удачно извлекал из этого свою выгоду. Помимо всего прочего Стройников являлся и георгиевским кавалером, правда, свой крест 4-го класса он получил не за одновременный подвиг, а за 18 морских кампаний. Чтобы получить крест за морские кампании, надо было иметь еще и «удостоение начальства». Такое «удостоение начальства» у Стройникова имелось. Именно такой вывод можно сделать из послужного списка «удачливого» капитан-лейтенанта.

К служебному соперничеству Казарского со Стройниковым прибавилось и их соперничество в любви. Исследованием этих отношений занималась в свое время известная севастопольская писательница Валентина Фролова. По ее версии, оба офицера были влюблены в одну и ту же женщину — молодую вдову морского офицера Вознесенскую. Оба были принимаемы в ее доме, но если к Казарскому вдова относилась чисто по-дружески, то Стройникову Вознесенская отдавала явное предпочтение. Возможно, что в данном случае помимо любви имел место и простой расчет: быть женой любимца Грейга, которого ждала блестящая карьера, было куда заманчивей, чем числиться в женах небогатого офицера, не окончившего даже Морского корпуса!

Разумеется, последовало выяснение отношений, в результате которого Казарский получил отставку по всем пунктам, а Стройников вскоре

обручился с Вознесенской. Жених с невестой решили, что свадьбу отпразднуют после окончания боевых действий.

О капитане 2-го ранга Стройникове историк Черноморского флота писал так: «...Последний не отличался особенными способностями... всегда пользовался репутацией опытного и храброго офицера; будучи еще мичманом, в эскадре вице-адмирала Сенявина в Архипелаге, Стройников был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом за храбрость, оказанную 15 июля 1807 года в сражении на бриге “Богоявленск” с турецким флотом, и при защите Тенедосской крепости... находясь в продолжении этого времени на важнейших крепостных батареях; в 1828 году, командуя бригам “Меркурий”, за взятие турецкого судна с войском, следовавшим в подкрепление Анапского гарнизона, получил орден Св. Анны 2-й степени; при атаке Ахиолло... командуя фрегатом “Рафаил”, Стройников действовал мужественно, заняв позицию, в которой подвергался огню всех неприятельских батарей; наконец, доказательством доверенности к нему начальства может служить поручение ему, 2 мая того же года, отряда судов для овладения Агатоподем.

Обойти Стройникова при назначении на суда командиров, было бы несправедливостью, к которой не представлялось ни малейшего повода».

Разумеется, что, когда освободилась вакансия командира только что спущенного на воду фрегата «Рафаил», начальство без долгих раздумий предпочло Казарскому и подобным ему любимца николаевского полусвета Стройникова. Тогда казалось, что карьера его обеспечена...

Сдача в плен новейшего фрегата «Рафаил» произошла всего за три дня до подвига «Меркурия». Но и это не все! И бывший командир «Рафаила» Стройников, и остальные офицеры фрегата во время боя «Меркурия» находились на борту линейного корабля капудан-паши «Селимие» и были свидетелями этого боя. Интересно, какие чувства испытывал Стройников, когда на его глазах его бывшее судно, под началом его старого сослуживца, в самой отчаянной ситуации, сумело выйти победителем?

Что же представлял собой «Рафаил», и каковы были обстоятельства пленения нашего фрегата?

Черноморский фрегат «Рафаил» был спущен в начале 1828 года и вступил в состав флота под началом капитана 2-го ранга Юрьева. Едва вооружившись — сразу в крейсерство в отряде контр-адмирала Мессера к берегам Болгарии. Базируясь на Каварну, крейсировал между Варной и Каварной. В июле команда «Рафаила» на шлюпках участвовала в захвате и выводе из бухты Варны 14 турецких судов. В конце июля «Рафаил» участвовал в трехдневном бомбардировании Варны, получив 26

повреждений и сквозную пробоину в борту.

В августе 1828 года «Рафаил» крейсировал у Босфора. Затем фрегат участвовал в захвате крепости Инада. Огнем пушек Рафаила была подавлена береговая турецкая батарея, а команда участвовала в десанте и захвате крепости. В боях под Инадой «Рафаил» получил еще два десятка повреждений от ядер противника. Однако, несмотря на это, прямо от Инады фрегат ушел в крейсерство к Босфору. В сентябре «Рафаил» снова у Варны участвует в бомбардировке крепости. В октябре 1828 года после капитуляции Варны «Рафаил» с пленным комендантом крепости Юсуф-пашою на борту прибыл в Одессу, а затем в Севастополь, где встал в непродолжительный ремонт.

Во время ремонта в команде «Рафаила» произошли некоторые изменения. При этом сменился и командир, вместо ушедшего командиром линейного корабля Юрьева командиром «Рафаила» был назначен капитан 2-го ранга Стройников (бывший командир брига «Меркурий»). Как одно из наиболее подготовленных судов Черноморского флота, «Рафаил» был «назначен для зимнего плавания у берегов Турции в состав первого отряда контр-адмирала Кумани».

11 ноября «Рафаил» в составе отряда Кумани уже вышел из Севастополя для крейсерства у Босфора и Варны. Любопытно приказание Кумани своим командирам судов на случай форс-мажорных обстоятельств: «Если кто-нибудь... будет снесен бурей к Босфору и поставлен в невозможность отойти от пролива, в таком случае, он должен идти под всеми парусами через пролив в Мраморное море. А оттуда в Архипелаг, для соединения с эскадрою Балтийского флота, блокирующего Дарданеллы».

В феврале «Рафаил» участвует в уничтожении береговых батарей турецкой крепости Сизополь, а команда — в десанте на берег и штурме Сизополя. За доблесть при овладении Сизополем именно «Рафаилу» предоставляется честь доставить ключи от крепости в Варну командующему флотом.

В марте «Рафаил» участвует в обстреле крепости Ахиолло, потеряв в бою одного убитым и 4 ранеными и серьезные повреждения в оснастке и 13 пробоин корпуса. Повреждения корпуса оказались настолько опасными, что Кумани он немедленно отправил фрегат на ремонт в Севастополь. В конце апреля, по исправлении всех повреждений, «Рафаил» уже соединился с флотом у Сизополя.

В мае «Рафаил» в составе отряда судов участвует в бомбардировке крепости Агатополь. Из доклада Стройникова: «Подойдя утром сегодня (2

мая) к городу (Агатополю), фрегат “Рафаил” стал против северной батареи на картечный от нее выстрел, но не открывал огня, поджидал фрегат “Флора”, который от беспрестанных перемен ветра не мог приблизиться к берегу; нашедшим вскоре от Н шквалом “Рафаил” стало дрейфовать на камень, и когда они были уже довольно близко, фрегат, по уверению лоцмана, должен был стать на мель, тогда он, Стройников, в необходимости нашелся, обрубив канат, вступил под паруса. Обстоятельство это и сильный прибой по берегу не позволили приступить к высадке десанта».

9 мая 1829 года «Рафаил» был определен для усиления между Синопом, Трапезондом и Батумом вместе со шлюпом «Диана», бригом «Пегас», бригантиной «Елизавета» и шхуной «Гонец». При этом Стройникову было предписано: «По соединению с теми судами принять начальство над ними, определить каждому судну пункт крейсерства и содержать в самой тесной блокаде все места между Синопом, Трапезондом и Батумом лежащие, стараясь прекратить между ними всякое сообщение; в случае недостатка воды и провизии, посылать суда за первую в Сухум-кале, а за вторую в Севастополь, но с тем, чтобы они немедленно возвращались к своим постам, и чтобы более одного судна не было уволено в одно время». 10 мая в 5 часов пополудни «Рафаил» снялся с Сизопольского рейда для следования по назначению.

20 мая флот под началом адмирала Грейга крейсировал между Пендераклией и Босфором. Именно тогда от датского посла в Турции барона Гибша (который представлял интересы России) была получена депеша о захвате турецким флотом у Пендераклии фрегата «Рафаил». Сообщение было столь невероятным, что в него вначале не поверили. Да, «Рафаил» находился в отдельном плавании, да, могло иметь место столкновение фрегата с турками, но в то, что наш фрегат мог спустить флаг перед противником, не мог поверить никто. Смущало и место, где был пленен фрегат. По всем расчетам, у Пендераклии «Рафаил» просто не мог находиться, так как должен был направляться совсем в другую часть Черного моря, где появление линейных сил турецкого флота почти исключалось. В ответном письме адмирал Грейг попросил Гибша, чтобы Стройников, старший офицер фрегата капитан-лейтенант Киселев и поручик корпуса флотских штурманов Поляков представили подробное объяснение об обстоятельствах сдачи ими фрегата. Затем больше месяца о «Рафаиле» больше не было никаких сведений.

А 24 июня на флот доставили Высочайший указ от 4 июня 1829 года относительно пленения «Рафаила». В императорском указе адмиралу Грейгу после слов восхищения подвигам экипажа и командира брига

«Меркурий» содержались гневные выражения в адрес капитана 2-го ранга Строиникова: «Вместе с донесением вашим о блистательном подвиге брига “Меркурий”, мужественно вступившего в бой с двумя неприятельскими линейными кораблями, предпочитая очевидную гибель бесчестию плена, получил я прилагаемый при сем рапорт командира фрегата “Рафаил” капитана 2-го ранга Строиникова. Вы увидите из сей бумаги, какими обстоятельствами офицер этот оправдывает позорное пленение судна, ему вверенного, выставляя экипаж оного воспротивившимся всякой обороне; он считает это достаточным для прикрытия собственного постыдного малодушия, коим обесславлен в сем случае флаг Российский. Разделяя справедливое негодование, внушенное без сомнения всему Черноморскому флоту поступками, столь недостойными оного, повелеваю вам учредить немедленно комиссию, под личным председательством вашим, для разбора изложенных капитаном Строиниковым обстоятельств, побудивших его к сдаче фрегата. Заключение, которое комиссией сделано будет, вы имеете представить на Мое усмотрение. Уповаю на помощь Всевышнего, пребываю в надежде, что неустрашимый флот Черноморский, горя желанием смыть бесславление фрегата “Рафаил”, не оставит его в руках неприятеля. Но когда он будет возвращен во власть нашу, то почитая фрегат сей впредь недостойным носить флаг русский и служить наряду с прочими судами нашего флота, повелеваю вам предать оный огню».

Адмирал Грейг в приказе по флоту объявил о воле императора Николая I, выраженную в указе от 4 июня, и обязал всех командиров кораблей, и в особенности фрегатов, в случае встречи с неприятельским флотом обратить главное внимание на овладение бывшим фрегатом «Рафаил», чтобы сжечь его, истребив тем самым самую память о нем. С этих пор ни одно новое судно русского флота не должно было носить это имя.

В конце июля на Черноморском флоте были получены переправленные бароном Гишем рапорта Строиникова, Киселева и Полякова. Во всех трех объяснительных было в принципе написано одно и то же. А потому ограничимся рапортом командира «Рафаила», который представляет для нас особый интерес. Итак, что же писал о сдаче в плен своего фрегата капитан 2-го ранга Строиников?

«Фрегат “Рафаил” снялся с Сизопольского рейда утром 10 мая, при маловетрии между S и W нашел шквал с дождем от WNW, почему в предосторожность были закреплены все паруса и фрегат оставлен под одним зарифленным фор-марселем и фока-стакселем, ходу было 7,5 узлов, под ветром находился отряд капитана 1-го ранга Скаловского. В 11 часов пополудни ветер установился, и тогда были поставлены все паруса и взят

курс на Амасеру; этим курсом шли до 5 часов вечера 11 числа; в это же время, находясь, по счислению, в 40 милях от Пендераклии, привели на OtN; в 9 часов ветер перешел к N, и вскоре потом к NO, что вынудило поворотить на правый галс; между тем ветер, усиливаясь постепенно, развел в короткое время большое волнение.

Лежа под зарифленными марселями, фоком и фор-стенъги-стакселем, фрегат имел ходу от 1,5 до 2 узлов, дрейфу 4 румба, течение было по направлению ветра, к проливу. 12 числа, на рассвете, находясь, по счислению, в 45 милях от ближайшего Анатолийского берега усмотрели на N, в расстоянии около 5 миль, сначала одно, а потом несколько судов; вскоре открылось, что то был авангард турецкого флота, состоявший из 3 кораблей, 2 фрегатов и 1 корвета, которые шли полным ветром под зарифленными марселями. Немедленно были поставлены все паруса и взято направление на WNW; фрегат имел ходу 5,5 узлов. Спустя немного усмотрены на NO 58 градусов, в расстоянии 6,5 миль, еще 3 корабля, 5 корветов и 2 брига. В 5 часов суда, составлявшие авангард турецкого флота, поставили все паруса и устремились за фрегатом; в 8 часов ветер сделался тише, но волнение не уменьшилось; в это время авангард неприятеля начал спускаться на пересечку фрегата, который, чтобы не быть окруженным и в намерении продлить время до ночи, переменил курсы, смотря по надобности; последний был SW. Неприятель, имея превосходный ход, при постепенно затихавшем ветре заметно приближался. В 11 часов был составлен совет из всех офицеров, которые положили обороняться до последней крайности и, в случае нужды, приблизиться к неприятелю и взорвать фрегат; но нижние чины, узнав о намерении офицеров, объявили, что сжечь фрегат не позволят. До 2 часов пополудни “Рафаил” имел ходу около 2,5 узлов; сделавшийся же в это время штиль и продолжающаяся зыбь лишили его, Стройникова, и последних способов к защищению и нанесению вреда неприятелю. В исходе 4 часа авангард неприятеля пересек все направления и окружил “Рафаил”: два корабля шли прямо на него, правее их находился 110-пушечный корабль и фрегат, а с левой стороны — фрегат и корвет; остальная часть турецкого флота была назади в расстоянии около 5 кабельтовых; ходу было не более одной четверти узла. Вскоре один из кораблей, подняв флаг, начал палить, и след засим надобно было ожидать нападения и от прочих; ко всему этому большая часть команды от качки не могла быть при своих местах. Тогда, видя себя окруженным неприятельским флотом, и, будучи в столь гибельном положении, он, Стройников, не мог предпринять никаких мер, как только послать парламентаров на ближайший адмиральский корабль с предложением сдать

фрегат с тем, чтобы команда в непродолжительном времени была возвращена в Россию. Вследствие такого намерения, приказав поднять переговорный флаг, отправил парламентарями капитан-лейтенанта Киселева и морской артиллерии унтер-офицера Панкевича; задержав их, турки прислали своих чиновников, которые, объявив согласие адмирала на предложение его, Стройникова, изъявили желание, чтобы он со всеми офицерами отправился на адмиральский корабль, что и было исполнено; на фрегате остался с командой только один мичман Измайлов».

В конце своего рапорта Стройников доводит до сведения главного командира, что сигнальные книги, инструкции и все бумаги заблаговременно опущены в море. Капитан-лейтенант Киселев в своем рапорте дополнил командира, что по прибытии на турецкий корабль командира и офицеров он, Киселев и мичман Карели были отправлены к капудан-паше, который подтвердил все обещанное его адмиралом.

После высочайшего указа и получения рапортов из Константинополя адмирал Грейг учредил комиссию под своим председательством (в комиссию вошли все флагманы, начальник штаба флота и командиры кораблей) для разбора изложенных в рапорте Стройникова обстоятельств. Этот рапорт был передан через того же барона Гибша в Петербург.

Комиссия начала работу, но в рапорте командира «Рафаила» было много неясного и полную картину событий представить было весьма сложно. Поэтому комиссия ограничилась всего лишь тремя пунктами:

- «1. Фрегат сдан неприятелю без сопротивления.
2. Хотя офицеры и положили драться до последней капли крови и потом взорвать фрегат, но ничего этого не исполнили
3. Нижние чины, узнав о намерении офицеров взорвать фрегат, объявили, что не допустят сжечь его, впрочем, и они не приняли никаких мер для побуждения своего командира к защите».

Вывод же комиссии был следующим: «...Каковы бы ни были обстоятельства, предшествовавшие сдаче, экипаж фрегата должен подлежать действию законов, изображенных: Морского устава, книги 3, главы 1, в артикуле 90 и книги 5, главы 10, в артикуле 73... Обращаем внимание на положение нижних чинов, которые... не имели совершенно никакой возможности исполнить поставленного в последнем артикуле правила относительно арестования командира и выбора на его место достойнейшего. Кроме того, что подобного рода действие превышало понятия нижних чинов и не согласовывалось с привычкою их к безотчетному повиновению начальству, оно не могло быть исполнено ими и потому, что на стороне нижних чинов не было ни одного офицера, который

мог бы руководить их действиями; что, будучи рассеяны по палубам, марсам, крюйт-камерам и проч. и считая себя не вправе советоваться предварительно между собою насчет использования предписываемой законом меры, которая могла быть приведена в действие только всею командою; наконец, потому, что поступок их легко мог быть принят за возмущение и повести к более строжайшей ответственности. Что касается до объявления нижних чинов, что они не допустят сжечь фрегат, то комиссия полагала, что командир не был вправе и требовать такой жертвы».

Понимая, что нынешнему читателю мало что говорят главы и артикулы Морского устава Петра Великого, считаю нужным познакомиться с этими весьма важными положениями. Итак, артикул 90 гласил: «В случае боя, должен капитан или командующий кораблем не только сам мужественно против неприятеля биться, но и людей к тому словами, а паче дая образ собою побуждать, дабы мужественно бились до последней возможности и не должен корабля неприятелю отдать, ни в каком случае, под потеряннем живота и чести».

Толкование 90 артикула же было следующим: «Однако ж, ежели следующие нужды случатся, тогда, за подписанием консилиума от всех обер- и унтер-офицеров, для сохранения людей можно корабль отдать:

1. Ежели так пробит будет, что помпами одолеть лекажи или теки невозможно.

2. Ежели пороху и амуниции весьма ничего не станет. Однако ж, ежели она издержана прямо, а не на ветер стреляно для нарочной траты.

3. Ежели в обеих вышеописанных нуждах никакой мели близко не случится, где б корабль простреля, можно на мель опустить».

Артикул 73 гласил: «Буде же офицеры, матросы и солдаты без всякой причины допустят командира своего корабль сдать, или из линии боевой уйти без всякой причины, и ему от того не отсоветуют, или в том его не удержат, тогда офицеры казнены будут смертию, а прочие с жеребья десятым повешены».

Так что наказание и командиру «Рафаила», и офицерам с матросами грозило самое жестокое. Отправляя Николаю I постановление комиссии, адмирал Грейг от себя приписал, что «пленение “Рафаила” возбудило во всех служащих в Черноморском флоте сильное негодование и, вместе с тем, непоколебимую решимость смыть бесславие, этим несчастным событием флоту нанесенное, и что все, и каждый, имеют одно желание, чтобы неприятельский флот вышел в море и обстоятельства позволили нам с ним встретиться».

Однако Грейга со Стройниковым связывали не только служебные

отношения. Дело в том, что командир «Рафаила» принадлежал к ближайшему окружению супруги Грейга Юлии, фактически руководившей многими делами Черноморского флота Поэтому Грейг принимает решение попытаться обелить своего любимца В письме императору он пишет: «Представляя на Высочайшее усмотрение рапорты Стройникова, Киселева и Полякова.. ежели донесения эти и подтверждают, что фрегат взят без малейшего сопротивления, по крайней мере, приятно видеть, что он сдался, быв окружен совершенно Турецким флотом и когда стихнувший ветер отнял средства уйти от неприятеля; показание командира, что многие из нижних чинов не могли быть при своих местах по причине качки, заслуживает внимания потому, что в числе 216 человек, состоявших на фрегате, было 129 рекрутов».

В заключение рапорта Грейг писал: «Осмеливаюсь всеподданнейше доложить, что весьма много есть примеров, где английские и французские суда сдавались без боя превосходному против них неприятелю и командиры их были оправданы, и если этого нельзя отнести к экипажу фрегата “Рафаил”, как не исполнившему предписанного законом, за всем тем, никакая морская держава не может считать сдачу его бесчестьем для русского флота потому, что командиры судов их, следуя законам своего отечества, не только в положении, подобном нашему фрегату, но и при несравненно меньшем превосходстве неприятеля, могли бы сдаться без обороны».

Однако из Петербурга следует окрик. Николай I не просто возмущен, а взбешен происшествием на Черноморском флоте. Поняв, что спасти Стройникова ему уже не удастся, зато он может лишиться доверия императора, адмирал Грейг сразу же меняет мнение на противоположное: «Стройникова казнить смертию...»

Вскоре после подписания мира между Петербургом и Константинополем Казарский доставляет в Николаев офицеров и команду «Рафаила». Сразу же начинается следствие, а затем и суд. Однако незадолго до начала процесса происходит неожиданное — уходит из жизни один из главных фигурантов дела. Официально было объявлено, что капитан-лейтенант Киселев умер в Сизополе до начала военного суда. По слухам, он не умер, а сам свел счеты с жизнью, понимая, что впереди у него пустота.

Из приговора военного суда: «Капитана 2-го ранга Стройникова за отступление от данной ему инструкции взятием курса вместо Трапезонда на Амасеру, что подвергло его встрече с неприятельским флотом; за несообразное с законами собиравание консилиума, причем нерешительностью своею вовлек в такую же нерешительность и всех

подчиненных ему офицеров, а паче молодых и неопытных; за неправильное донесение о сопротивлении нижних чинов и, что многие из них по причине качки не находились при своих местах и наконец, за сдачу фрегата без боя — казнить смертью. Офицеров за невоспрепятствование, по содержанию артикула 73, сдаче фрегата — казнить смертью. Нижних чинов, за исключением находившихся в крюйт-камерах, трюме и на кубрике, за неприятие мер, по силе того же артикула — казнить смертью по жребию десятого».

Адмирал Грейг имел на сей счет свое мнение: «Стройникова казнить смертью. Лейтенанта Броуна, как бывшего в болезненном состоянии и не имевшего бодрости духа, подобно здоровому, подвергнуть аресту с содержанием на гауптвахте. Унтер-лейтенанта Панкевича, хотя не употребившего никаких мер к исполнению закона, но предлагавшего защищать фрегат, содержать арестованным в продолжение года на гауптвахте. Мичмана Вердемана, находившегося в крюйт-камере, шкиперского помощника Цыганкова и лекаря Дорогоневского оставить свободными от наказания. Наконец, всех прочих офицеров разжаловать в рядовые с лишением дворянского достоинства».

Относительно нижних чинов мнение Грейга было следующим: «Принимая с одной стороны во внимание совершенную готовность их к защите, а с другой, привычку к слепому, почти, повиновению своим начальникам, что составляет главное достоинство дисциплины, и чувствуя, сколь затруднительно должно быть для нижних чинов в критических обстоятельствах видеть и различить ту черту, за пределами которой они освобождаются от повиновения начальникам и делаются распорядителями их; равномерно, соображая о крайнем затруднении, в котором бы находились нижние чины, приняв на себя власть, действовать без начальства, нахожу требуемое законом (артикул 73), воспрепятствование со стороны нижних чинов сдаче фрегата, против желания начальников их, невозможным к исполнению».

Получив решение военного суда с приложением «особого» мнения адмирала Грейга, император Николай повелел: «Лейтенанта Броуна, мичмана Вердемана, лекаря Дорогоневского, шкиперского помощника Цыганкова и всех нижних чинов — простить. Стройникова, лишив чинов, орденов и дворянского достоинства, сослать в Бобруйск в арестантские роты; прочих офицеров разжаловать в рядовые до выслуги».

В ходе расследования в деле «Рафиала» вскрылась и еще одна гнусность, причем такая, равной которой в истории нашего флота рк точно не было. Авторами ее были два негодяя — командир фрегата и его старший

офицер. Именно они фактически составили заговор по сдаче судна, это они давили на офицеров, не стесняясь прямых угроз, и это они, наконец, обвинили виновными в сдаче «Рафаила» своих матросов. Что ж, порой действительно бывало так, что команда выходила из повиновения своих офицеров. Так, в 1787 году после тяжелейшего поединка со всем турецким флотом и посадки на мель команда плавбатареи № 2 вышла из повиновения капитана 2-го ранга Веревкина и отказалась рубить днище. Но тогда был тяжелейший многочасовой бой, полностью расстрелянный боезапас и огромные потери. В деле же «Рафаила» не было ни того ни другого. При этом, к чести Веревкина, он несколько не обвинял своих матросов, взяв всю вину за случившееся на себя.

По версии Стройникова, именно матросы, фактически выйдя из повиновения, заявили, что не желают взрывать фрегат, а предпочитают сдачу в плен, а потому у него просто не оставалось выбора... Ну а как же все обстояло на самом деле?

Отметим, что, несмотря на то что в команде «Рафаила» было много рекрутов, в целом она была весьма опытная. Чтобы понять это, достаточно еще раз посмотреть боевые дела фрегата в 1828–1829 годах: непрерывные крейсерства и походы, бомбардировки крепостей и высадки десантов. Поэтому даже рекруты, прибывшие на фрегат к моменту его вступления в боевой строй, на самом деле к маю 1829 года уже имели немалый боевой опыт. Да и к качке команда уже попривыкла, а потому утверждение, что матросы валялись в беспамятстве и не желали ничего делать, — очередная напраслина на матросов организаторами сдачи. Во время суда матросы «Рафаила» дали показания, которые полностью изобличали командира и старшего офицера в обмане:

1. На выходе из Сизополя вместо прямого курса, соответствующего цели назначения, взято было направление на Амасеру, удалявшее фрегат от прямого пути, приближавшее его, без всякой необходимости, к азиатскому берегу и бывшее причиною встречи с турецким флотом

2. Взаимное положение фрегата и турецкого флота с того времени. Как он был усмотрен, до самой сдачи; составление совета, на котором положено было сражаться до последней возможности и потом взорвать фрегат; отправление парламентариев; прибытие турецких чиновников и последовавшее, по их предложению, оставление командиром и офицерами фрегата — все это происходило точно так, как описано в приведенном выше рапорте Стройникова

3. Показание Стройникова, что нижние чины, узнав о намерении офицеров взорвать фрегат, объявили, что сжечь его не допустят,

опровергнуто единогласно офицерами, которые объявили, что никакого сопротивления, ниже воспрепятствования, ни от кого из нижних чинов не слышали, никакой перемены в их лицах не заметили и полагают, что постановление совета им было неизвестно.

4. Показание Стройникова, что из числа нижних чинов было много страдавших качкою, также опровергнуто единогласно; по объяснению нижних чинов, все люди были на своих местах в готовности действовать.

5. Перед отправлением парламентаров на турецкий адмиральский корабль офицеры были вновь созваны командиром на совет. Объяснив им о безнадежном положении фрегата, а также о несогласии команды на сожжение его, о чем донесено ему, Стройникову, капитан-лейтенантом Киселевым, командир фрегата объявил засим, что хотя сам он готов не щадить жизни, но для спасения 300 человек, составлявших экипаж фрегата, полагает вступить с турками в переговоры насчет сдачи, с тем, чтобы команда в непродолжительном времени была возвращена в Россию. На это предложение изъявили согласие все приглашенные на совет офицеры, исключая унтер-офицера Панкевича, который полагал не отдавать фрегата без боя, но мнение этого офицера не было никем поддержано. По отправлении парламентаров по приказанию Стройникова были спущены на фрегате флаг, пойс и вымпел и отданы фалы у марселей и брамселей.

6. Наконец, объяснение, данное шкиперским помощником 14-го класса Цыганковым, подтвержденное вполне нижними чинами и некоторыми офицерами, открывает положительно, каким образом был доведен фрегат до сдачи. Объяснение это заключалось в следующем: когда фрегат был окружен неприятелем, тогда ему, Цыганкову, поручено было собрать на баке унтер-офицеров и старослужащих матросов; по исполнении им этого приказания капитан-лейтенант Киселев, придя на бак, говорил собранным тут нижним чинам: «Ребята, видите ли, мы со всех сторон атакованы, что мы должны делать?» — тогда некоторые из команды отвечали: «Власть ваша, что хотите, то и делайте, мы на все готовы, хоть сейчас откроем огонь». Потом Киселев начал опять: «Мы и сами согласны защищаться до последней капли крови и потом, сблизившись с неприятельским кораблем, взорвать фрегат», — на это боцман Иванов, квартирмейстер Бирючек и некоторые из нижних чинов отвечали: «Да для чего же взрывать фрегат, мы еще ничего не видим; лучше открыть огонь, посмотрим, что будет, может статься, и уйдем от неприятеля; мы будем стараться до конца своей жизни». Тогда Киселев говорил в третий раз: «Никак нельзя с ним сражаться, мы находимся под ветром, он нас с первых выстрелов потопит, мы же ему никакого вреда сделать не можем». После этого действительно некоторые

из унтер-офицеров и матросов взрывать фрегат не соглашались, говоря: «Лучше начнем палить, а после, что Бог даст, то и будет», — другие же отвечали Киселеву: «Вы командиры, власть ваша, делайте, что хотите». Слыша все это, Цыганков осмелился с своей стороны сказать: «Неужели вы думаете сдаться без одного выстрела, на что это будет похоже?» На что Киселев отвечал грубо: «Не ваше дело об этом рассуждать, есть старше вас». Унтер-офицер Панкевич показал, между прочим, что капитан-лейтенант Киселев после разговора с нижними чинами на баке, возвращаясь оттуда, объявил командиру и офицерам, что команда взорвать фрегат допустить не хочет, а потому драться будет совершенно бесполезно: сколько ни дерись, все же быть в руках неприятеля; что начавши бой, не сделаем ничего, а только ожесточим турок. Лейтенант, находившийся у управления парусами, объяснил, что Киселев приказывал ему, еще прежде отправления парламентариев, спустить флаг и отдать фалы, но он отвечал, что не сделает этого без личного приказа командира фрегата.

Комментарии, как говорят, в данном случае излишни... Если у кого-то и были какие-то сомнения в трусости командира фрегата и его старшего офицера, то после опроса матросов все стало на свои места, причем обнаружилась не только трусость Стройникова и Киселева, но их обман и подлость. Жалкие уверения Стройникова, что он передоверился своему старшему офицеру, который сообщил ему о нежелании команды взрывать фрегат, то перед нами лишь жалкие потуги обмана. Фрегат не настолько уж огромный, чтобы командир сам не мог узнать мнение своих матросов, а удовлетворился докладом старшего офицера. Не на Луне же был в тот момент Стройников! Понятно, что командир «Рафаила» слышал от Киселева то, что хотел услышать. Этим была соблюдена формальность для будущего отчета начальству и некое оправдание перед офицерами фрегата. Сразу же после этого Стройников лихорадочно приступил к сдаче в плен, хотя времени и для личного общения с командой, и для приготовления судна к бою у него имелось в избытке.

Из воспоминаний вице-адмирала В.И. Мелихова: «Не входя в подробное рассмотрение обстоятельств, сопровождавших потерю фрегата “Рафаил” и уже подвергшихся окончательному суду, мы считаем, однако ж, не излишним присовокупить, что в этом несчастном событии нет ничего, что могло бы послужить к укоризне кого-либо, кроме главнейших участников сдачи. При отправлении к Трапезонду фрегата “Рафаил” не было ничего решительно, что могло бы возбудить сомнение за безопасность его в пути, а долговременная, ничем до тех пор не опороченная служба офицера, командовавшего фрегатом, представляла

ручательство в том, что, будучи поставлен вне непосредственного на него влияния главного командира, он найдет в самом себе довольно твердости и благоразумия, чтобы удовлетворительным образом исполнить возложенное на него поручение. Не раз предприятия великих полководцев не удавались от неточности в исполнении подчиненными данных инструкций или от неожиданных ошибок со стороны лиц, которым доверялись отдельные команды, но, в таком случае, несчастье, более или менее заслуженное, постигшее начальника отдельного отряда, не в состоянии помрачить славы ни главного вождя, ни войска».

Безусловно, «Рафаил» действительно был в крайне тяжелом положении. Уйти от турок было практически невозможно. Однако все было не столь трагично, как описывал Стройников. На момент сдачи фрегат еще не был атакован, и прошло бы около часа, а может и больше, пока «Рафаил» сблизился бы с ближайшими турецкими судами. За это время вполне мог снова задуть ветер. Тогда у «Рафаила» сразу же появилась бы реальная надежда на спасение, так как турки при северных и восточных ветрах вряд ли решились далеко уйти от Босфора вблизи от Сизополя, где находился весь наш Черноморский флот. Наконец, даже если бы при северном ветре «Рафаил» был прижат турками к Босфору, все равно оставалась надежда на прорыв через Босфор и Дарданеллы в Эгейское море. Незадолго до истории с «Рафаилом» в Константинополь с депешами под парламентским флагом ходил наш бриг «Орфей». При этом наших моряков поразило то, что при входе в Босфор «Орфей» не встретил ни одного турецкого дозорного судна. Никто даже не пытался остановить российский бриг. Об этом знали все командиры судов Черноморского флота, так как приказом Грейга вариант прорыва через Босфор и Дарданеллы предлагался командирам судов, прижатых ветром к Босфору.

«Рафаил» был отличным ходоком, а потому не было оснований полагать, что все турецкие суда имели столь же хороший ход и могли догнать, уходящий в отрыв «Рафаил». По всей вероятности, наш фрегат был бы атакован судами турецкого авангарда. И здесь могла сказаться куда более качественная подготовка команды российского фрегата, обученность работавших на мачтах и особенно артиллеристов. Пример подготовки артиллеристов «Меркурия» — тому наглядное подтверждение.

Историк пишет: «Поступая подобно Казарскому, с твердостью и хладнокровием, и Стройникову удалось бы, может статься, повредить рангоут у турецких кораблей или же зажечь который-нибудь из них посредством брандскугелей, что могло привести неприятеля в замешательство и заставить его прекратить погоню и, во всяком случае,

продлить дело до ночи, которая могла способствовать спасению. Исполни Стройников в точности свой долг и не предайся малодушию, которое имело такое губительное влияние сперва на него самого, а потом на подчиненных ему офицеров, тогда, может статься, блистательный жребий, выпавший на долю экипажа брига “Меркурий”, был бы достоянием и экипажа фрегата “Рафаил”.

Наконец, если бы не представилось ничего благоприятного и если бы неприятель решился во что бы то ни стало овладеть фрегатом и последний, через потерю рангоута, или значительную убыль в людях, был доведен до невозможности продолжать оборону, тогда он сдался бы с честью и с уверенностью, что вполне исполнил свою обязанность; но послать парламентариев с предложением о сдаче, находясь еще вне выстрелов неприятеля, и когда обстоятельства каждую минуту могли измениться — для такого поступка нет оправдания.

Показания офицеров и нижних чинов не оставляют сомнений в том, что сдача фрегата была следствием: во-первых, доверенности офицеров, большею частью молодых, к своему командиру и его опытности; во-вторых, малодушия последнего, дошедшего в этом случае до крайней степени, и, в-третьих, преступления старшего по нем офицера, который, доказывая нижним чинам невозможность защищаться и необходимость сдачи, и получая ответы, обнаруживающие безусловную готовность их сражаться до последней крайности, донес командиру совершенно противное».

В современной историографии поступок Стройникова-старшего однозначно оценивается как проявление малодушия и трусости (и по праву!), однако Владислав Крапивин в своем романе «Бронзовый мальчик» устами его героев засомневается, что причиной сдачи фрегата стала обычная трусость и желание спасти собственную шкуру. В романе автор выдвигает две гипотезы: 1. Перед лицом пятнадцати неприятельских кораблей у Стройникова случился «надлом души» и он осознал бессмысленность подобной гибели. 2. Несмотря на решение, принятое офицерами, учитывая безнадежность ситуации, корабль был сдан ради спасения жизней более чем двух сотен матросов.

Один из героев романа Крапивина, некий Корнеич, так говорит о поступке Стройникова: «Стройников ужаснулся (!), когда понял, что своим приказом к бою он просто-напросто убьет две с лишним сотни человек. Причем это ради одной идеи (!), потому что на исход войны тот бой, конечно, никак не влиял... Стройников не за себя испугался... Ведь после плена матросы могли вернуться, служить дальше, потом прийти в свои

деревни, жить, землю пахать, детей растить... А он все это должен был зачеркнуть одной командой... Конечно, высокая доблесть — взорвать себя, не сдаться врагу. Но мне кажется, Стройников счел, что есть еще более высокая доблесть. Пожертвовать своим именем, честью, шпагой, свободой, чтобы спасти других».

Рассуждать так, как рассуждает В. Крапивин, может только человек, весьма далекий от военной службы, а тем более от военно-морского флота. Боевой корабль — это не санитарная повозка, и люди идут в бой, чтобы не прикидывать, выгоднее им в данном случае сдаться сразу или чуть погодя, а для того, чтобы победить или умереть.

Помимо этого надо знать и реалии сражений военно-морских флотов в парусную эпоху. Дело в том, что, так как корабли были деревянные и обладали большой плавучестью, то даже при больших преступлениях тонули они редко. Поэтому когда корабль (или судно) был разбит вдреизг, но все еще держался на плаву, а команда уже понесла большие потери, то принять почетную капитуляцию не считалось зазорным. Наоборот, такая капитуляция считалась очень почетной, как для проигравших, так и для победителей. Есть тому примеры и в российском флоте. Линейный корабль «Владислав» (командир — капитан 1-го ранга Берх), потеряв в Гогландском сражении треть команды и оказавшись снесенным в середину шведского флота, после упорного сопротивления, расстреляв весь свой боезапас, был вынужден во имя еще остававшихся в живых спустить флаг. Однако Берху ТАКУЮ сдачу никто никогда не ставил в вину. Наоборот, они заслужили Георгиевские кресты и были весьма уважаемы как начальством, так и сослуживцами. Так что мешало поступить Стройникову именно так? Начать бой, драться столько, сколько хватит сил, а там уж как придется. Отметим, что из двухсот членов экипажа «Рафаила» в живых к моменту освобождения из турецкого плена осталось всего семьдесят. Так что на самом деле Стройников никого не спас, а, наоборот, опозорил. Погибнув в бою, а не в турецких тюрьмах, матросы по крайней мере остались бы не только героями в памяти потомков, но реально обеспечили бы свои семьи неплохими пенсиями. А так, кто теперь помянет их хотя бы добрым словом (хотя, как мы теперь знаем, матросы были ни в чем не виноваты), как и их струсившего командира!

* * *

Более позорного дела, чем сдача «Рафаила», в истории Черноморского

флота не было, однако двадцатью годами ранее имело место событие, которое едва не привело к столь же позорному финалу. Это история с фрегатом «Назарет», который во время предыдущей Русско-турецкой войны в октябре 1809 года попал почти в такое же положение, как и «Рафаил». О фрегате «Назарет» у нас писать какого не принято. Историков понять можно: обошлось, и ладно...

4 октября 1809 года на 36-пушечном «Назарете», бывшем в плавании недалеко от Варны, обнаружили, что фрегат оказался на близком расстоянии от турецкого флота. Согласно рапорту командира фрегата лейтенанта Ланге, понимая, что избежать неравного боя почти невозможно, он собрал офицеров на военный совет. Те согласились с его решением прорываться мимо турецкой эскадры, затем спуститься к Каварне, чтобы там выбросить «Назарет» на берег, свезти команду на берег, а фрегат сжечь. Если же во время прорыва будут получены повреждения в рангоуте и нельзя будет достичь берега, то он, Ланге, решил поджечь фрегат, а самим спастись по способности. Решение командира и офицеров было сообщено команде, которая его одобрила.

После этого были проведены все приготовления к бою. Далее события развивались по сценарию, достаточно схожим с «меркурьевским». Первым с «Назаретом» с подветра сблизился флагманский турецкий 100-пушечный турецкий корабль, открывший огонь с предельной дистанции. Стреляли турки довольно точно, и скоро одно из тяжелых ядер пробило корпус фрегата, от чего образовалась течь по 8 дюймов в час. Почти одновременно еще один 74-пушечный линейный корабль подошел к фрегату, также сблизился и открыл огонь. Однако линейный корабль маневрировал столь неудачно, что едва не протаранил свой же флагман, и тот вынужден был отойти от «Назарета». Турецкий адмирал пытался сманеврировать, но выйти на ветер так и не смог.

Это позволило «Назарету» проскочить мимо обоих турецких кораблей. Но на пересечку ему уже спешил неприятельский фрегат. Так как встречи с ним избежать было уже невозможно, «Назарет» подошел к нему на пистолетный выстрел и дал залп брандскугелей. Турецкий фрегат отвернул на SW и больше не приближался. Во время прорыва ядра повредили на «Назарете» такелаж и порвали крюсель. Впрочем, повреждения были вскоре исправлены, и фрегат пошел в отрыв к Каварне. Идя правым галсом при бейдевинде SSO ветре, «Назарет» в 16 часов прошел в 8 милях мыс Калиакрия, и к вечеру турецкий флот уже не был виден. 5 октября при SSO ветре «Назарет» направился к Крыму и у Феодосии присоединился к своему отряду.

Казалось бы, поведение и командира, и команды вполне геройское и заслуживающее самых высоких наград. А потому совершенно непонятно, почему вскоре после возвращения «Назарета» в Севастополь его командир был отстранен от должности, отдан под суд, по итогам которого разжалован в матросы. Но почему? Неужели назначенный всего два месяца назад командующим Черноморским флотом вице-адмирал Языков, а вместе с ним и судьи, совершенно не понимали, что творят?

В «Краткой истории» Ф. Веселаго говорится, что «в донесении командира фрегата “Назарет” лейтенанта Ланге этот случай представлен таким подвигом каким впоследствии прославился Меркурий; на самом же деле раскрытые следствием подробности этого случая доказали растерянность командира и готовность его сдаться неприятелю, отсутствие на фрегате должной дисциплины, ссоры и интриги, бывшие между Ланге, начальником отряда Стули и также между офицерами фрегата. После разбора дела генерал-аудитор присудил командира и четырех офицеров разжаловать в матросы, но впоследствии офицеры были помилованы и разжалован только один командир».

Как оказалось на самом деле, свой рапорт Ланге, мягко говоря, приукрасил. В реальности все обстояло несколько иначе. То, что Ланге оказался посреди турецкого флота, произошло исключительно по его вине. Он не разобрал сигнала начальника отряда о повороте, а затем, отделившись от остальных наших судов, даже не сделал попытки с ними соединиться. Опрос же офицеров, да и матросов показал, что командир фрегата на самом деле пребывал в полной прострации и готов был сдать фрегат туркам, если бы не решительное выступление остальных офицеров. Оказалось, что и отделился от отряда Ланге вовсе не случайно. Сигнал о повороте он прекрасно видел и не выполнил сознательно. Причиной своеволия стала его ссора с командиром отряда. Не лучше была и ситуация на «Назарете», так как командир постоянно стравливал офицеров между собой, поощрял ссоры и интриги. То, что «Назарету» удалось вырваться из турецкой ловушки, можно считать просто счастливой случайностью.

История с «Назаретом» позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, все командирские рапорты тщательно изучались командованием флота на предмет их правдивости. Во-вторых, помимо рапорта производился опрос офицеров, а может, и матросов, на предмет соответствия происходивших на борту событий рапорту командира. В-третьих, даже счастливое стечение обстоятельств не могло спасти командира судна от наказания, если он не исполнил своего долга, как того требовал Морской устав.

История с «Назаретом» показывает, что если даже командиру «Рафаила» удалось бы улизнуть от турок, то за свои необдуманные действия он все равно понес бы наказание. История с «Назаретом» показывает и то, что рапорт Казарского проверялся и изучался самым тщательным образом и о подвиге «Меркурия» было доложено наверх лишь после того, когда стало ясно, что подвиг действительно имел место.

В деле «Назарета» много темных мест. Во-первых, весьма интересна личность самого командира. То, что он командовал линейным фрегатом в чине лейтенанта, говорит или о его выдающихся качествах как моряка, или же о том, что у Ланге были высокие покровители. О морских качествах командира «Назарета» нам говорить сложно. С одной стороны, судя по рапорту самого командира, действовал он весьма грамотно и умело. С другой стороны, обвинения его в трусости своими же офицерами говорят об обратном. Чему верить? Приговору суда? Все это так, но ведь и суды иногда ошибаются. О возможных покровителях. Возможно, что совсем не случайно история с разжалованием Ланге произошла в момент, когда Черноморский флот оставил бывший командующий де Траверсе, а его дела принял вице-адмирал Языков. Мог ли Языков и его окружение свести счеты с любимцем предыдущего командующего? Вряд ли! Дело в том, что де Траверсе хоть и выехал в Петербург принимать дела морского министра, но официально все еще считался главным командиром Черноморского флота и портов. Языков же только временно исполнял его обязанности. Да и небезопасное это дело — разжаловать любимца морского министра, если на то не было серьезных оснований.

Что касается меня, то я склоняюсь к мнению, что де Траверсе на самом деле в известной степени протектировал своему земляку, который не отличался ни особыми знаниями, ни храбростью, а кроме этого, как человек, был неуживчивым и склочным. Оказавшись в критической ситуации, Ланге действительно растерялся и вел себя неподобающим образом. К этому присовокупилась ненависть к командиру офицеров фрегата, которые в своих обвинениях выступили против него единым фронтом. Случай на флоте, прямо скажем, не частый. Тяжелый характер Ланге был хорошо известен на всем Черноморском флоте, шила в мешке не утаишь. Поэтому во время судебного процесса ему припомнили всё и невыполнения приказа старшего начальника, и растерянность в бою, и интриги между офицерами. Что касается маркиза де Траверсе, то он, как известно, был опытным царедворцем, а потому, получив бумаги на своего бывшего любимца, понял, что ввязываться в это дело ему не стоит. Скандал очень громкий, против Ланге в едином строю выступили все офицеры

Черноморского флота, а он еще толком не назначен морским министром. Стоит ли в такой ситуации рисковать своей репутацией, спасая какого-то лейтенанта? Впрочем, это лишь мое мнение, и ситуация могла в реальности быть несколько иной.

* * *

..Любимец адмирала Грейга командир «Рафаила» Стройников и командир «Меркурия» трудяга Казарский. Еще совсем недавно они были если не друзьями, то приятелями и одновременно соперниками. Теперь же все обстояло иначе. Совершенное Стройниковым преступление было настолько чудовищно для российского флота, что тут уж не мог помочь ни Грейг, ни его жена. Да они, скорее всего, и не пытались особо что-то делать, ибо всем было совершенно ясно, что со Стройниковым покончено навсегда и любая попытка заступиться за него вызовет лишь дополнительный гнев императора. Теперь между Казарским и Стройниковым в служебном положении была пропасть. Казарский стал настоящим национальным героем России, а Стройников, как человек, опозоривший Андреевский флаг, был обречен на жалкое существование, презрение современников и забвение потомков.

Николай I, которого недруги прозвали Палкиным, на деле оказался не столь уж и кровожадным. Решение черноморского суда он значительно смягчил. Стройникова, лишив чинов, наград и дворянства, император повелел сослать в Бобруйск. Из последней записи в служебной биографии С.М. Стройникова «1830 г. Июля 6-го. По высочайшей конфирмации лишен чинов и дворянства и назначен в Бобруйскую крепость в арестантские роты. 1834 год. Апреля 11-го. Освобожден из арестантской роты и написан в матросы на суда Черноморского флота».

После известных событий свадьба Вознесенской со Стройниковым расстроилась. Согласно исследованиям В. Фроловой, Казарский еще раз попытался устроить свою жизнь с женщиной, которую любил, но и в этот раз его ждала неудача. Вознесенская ему отказала. Случившееся с женихом Вознесенская перенесла очень тяжело, однако отказываться от него не собиралась. Она якобы решила даже ехать вслед за ним в Бобруйск. Но когда ей стало известно об указе императора, запрещающем Стройникову жениться и иметь детей, Вознесенская немедленно постриглась в монахини. Валентина Фролова считает, что позор Стройникова. Вознесенская восприняла как свой собственный, а в монастырь ушла,

чтобы отмаливать грехи своего жениха.

Скажу честно, что мне так и не удалось отыскать документов, подтверждающих, что на 1829 год Стройников, имея двух сыновей, уже состоял в разводе и был увлечен новой женщиной. Впрочем, все могло обстоять и именно так. Иначе чего бы императору Николаю навечно запрещать ему и жениться, и заводить новых детей? Это он мог повелеть, только зная о том, что Стройников находится в разводе.

Офицеров «Рафаила» Николай приказал разжаловать в рядовые до выслуги, палубную команду — простить. Так закончилось это неприятное для истории русского флота событие.

* * *

К чести Николая I, он не распространил свой гнев на семью и сыновей командира «Рафаила», что, увы, было обычным явлением в гораздо более поздние времена нашей истории. В 1835 году было подтверждено право владения бывшей женой Стройникова дачей в Килен-балке в Севастополе. От первого брака у Стройникова остались двое сыновей: Николай и Александр. Судьбы обоим выпали непростые. Отметим, что оба сына стали морскими офицерами!

На службе сыновьям Стройникова приходилось нелегко. Многие, помня о трусости их отца, братьев откровенно сторонились. Известен случай, когда один из братьев был оскорблен сослуживцем, который публично обозвал молодого офицера сыном труса. В ситуацию вмешался оказавшийся неподалеку контр-адмирал Нахимов и наказал оскорбившего Стройникова офицера

Вот как описывает еще одну ситуацию с одним из братьев Стройниковых писатель Сергеев-Ценский: «Однажды, уже в адмиральском чине, Нахимов командовал отрядом судов у берегов Кавказа. Став на якорь против небольшого укрепления Субаши, он отпустил офицеров на берег. Тут узнали они, что в лазарете лежит лейтенант Стройников, офицер корвета “Пилад”, заболевший рожей.

Пошли проведать, и нашли его в жалком виде: без денег, без необходимых вещей, под маской из толстой синей бумаги, в солдатском белье. Стройников жаловался, что несколько дней не пил чаю, и просил прислать ему чаю и сахару.

Вернувшись, офицеры доложили об этом Нахимову — и как же забеспокоился тот об участии лейтенанта чужого отряда!

— Много ли у нас денег? — спросил Нахимов своего адъютанта, ведавшего расходами, так как сам он никогда не занимался этим.

— Всего-навсего только двести рублей, — ответил адъютант.

— Ну, что же-с, вот и пошлите-ка ему все двести! — приказал Нахимов. — Пошлите также ему белья, чаю, сахару, лимонов, провизии, какая найдется.

— Павел Степанович, и лимонов и провизии у нас теперь очень мало, — возразил адъютант, — и достать здесь нам этого будет негде.

— Лучше уж мы обойдемся, а больному надо.

И деньги, и чай, и сахар, и лимоны, и провизия, и белье были тотчас же отправлены Стройникову, но Нахимов не ограничился этим.

Когда эскадра снялась с якоря и отправилась дальше, он приказал направить свой крейсер “Кагул” на сближение с корветом “Пилад”, которому был дан сигнал: «Подойти для переговоров».

“Пилад” подошел, и командир его явился на “Кагул” с рапортом

Приняв рапорт, Нахимов спросил очень сухо:

— Скажите-с, вы как же это бросили своего больного офицера на берегу, почти на произвол судьбы-с?

— Развело тогда сильную зыбь, поэтому поторопились отойти от берега, — объяснил командир “Пилада”.

— Однако несколько дней уже лежит он там, и вы о нем не вспомнили-с! Как же это так, а? Стыдно-с! Срам-с... Я человек холостой, одинокий, и это скорее мне позволительно было бы иметь такое черствое сердце, а не вам — отцу семейства-с! Ведь у вас есть уж на возрасте сыновья-с.. Что, если бы с одним из ваших сыновей так поступили? Заболел бы он на корабле, — его бы и сбросили на пустой почти берег... Хорошо бы это было, а? Прощайте-с, больше я ничего не имею вам сказать!

Но ничего больше не сказав командиру «Пилада», он тут же распорядился перевезти Стройникова для лечения в Севастополь на шхуне из своего отряда».

Честно говоря, из всего вышеизложенного у меня возникло твердое мнение, что сыновья Стройникова дали друг другу некую клятву чести служить именно на Черноморском (а не на каком-либо другом) флоте «не щадя живота своего», несмотря на все недомолвки вокруг них, и истовой службой возратить доброе имя своей фамилии. Забегая вперед, скажу, что эту клятву они сдержали.

Что касается Нахимова, да и не только Нахимова, а вообще черноморских адмиралов, то они, как могли, всегда поддерживали братьев Стройниковых в их стремлении. Отметим и такой весьма любопытный

факт: во время знаменитого Синопского сражения младший из братьев, Александр, состоял адъютантом у младшего флагмана эскадры контр-адмирала Новосильского. Как известно флагманы сами определяли офицеров к себе в адъютанты. Зададимся вопросом: почему бывший старший офицер «Меркурия» взял к себе в адъютанты именно сына бывшего командира «Рафаила»?

Возможно, что и Нахимов, и Новосильский имели возможность по достоинству оценить мужество братьев, твердо решивших смыть позор, содеянный их отцом, а может быть, и в самом деле Стройникова-старшего не все было так просто и однозначно?

Из послужного списка контр-адмирала Стройникова Николая Семеновича: «Родился 10 января 1813 г., умер 14 апреля 1872 г.; будучи произведен 2 марта 1829 г. из кадетов морского корпуса в гардемарины Черноморского флота, он на корабле “Иоанн Златоуст” крейсировал у анатолийских и румелийских берегов, участвовал при сожжении под Пендераклией турецкого корабля и под Акчесарой — корвета и за отличие в этих делах получил чин мичмана. Между 1832–1833 и 1835–1837 гг. Стройников на различных судах дважды сделал переход в Константинополь, а оттуда в Архипелаг и Средиземное море, за первый из которых был удостоен ордена Владимира 4-й степени и чина лейтенанта, и в течение следующих трех лет (1838–1841) нес сторожевую службу у абхазских берегов. Получив 23 февраля 1847 г. чин капитан-лейтенанта, он через три года впервые был назначен командиром отдельного судна, брига “Орфей”. Незадолго до начала Севастопольской кампании, именно в сентябре 1853 г., Стройников, состоя командиром корвета “Андромаха” и входя в состав эскадры вице-адмирала П.С. Нахимова, участвовал в замечательной перевозке десанта из Севастополя на кавказский берег, а в октябре того же года был в отряде вице-адмирала Серебрякова при двухчасовой бомбардировке укрепления “Святого Николая”, занятого турками, причем его корвет “Андромаха” понес серьезные повреждения, а команда — небольшие потери. После недолгого стояния на Севастопольском рейде, с 13 сентября 1854 г. был переведен в гарнизон осаждаемой крепости, в которой находился до 8 августа 1855 г.; раненный 10 декабря 1854 г. в голову и контуженный в плечо, он, тем не менее, оставался и дальше на своем посту и за ряд отличий был пожалован Владимиром 4-й степени, Анной 2-й степени с Императорской короною и мечами и произведен в капитаны 2-го ранга. С производством в капитаны 1-го ранга (2 октября 1858 г.) Стройников был отчислен в запас, но после непродолжительного перерыва вновь поступил на действительную службу

с прикомандированием к Черноморской штурманской роте, и которой состоял до 1867 г., когда был причислен к Черноморскому экипажу. В контр-адмиралы Стройников был произведен 1 января 1868 г. и вместе с тем зачислен по резервному флоту. Кроме упомянутых имел еще следующие знаки отличия: ордена — Анны 3-й степени (1850 г.) и Георгия 4-го класса “за 18 морских кампаний” (1855 г.) и крест “за службу на Кавказе” (1860 г.).

Из послужного списка контр-адмирала Стройникова Александра Семеновича: “Родился 30 мая 1824 г. В 1839 г, 8 июня, произведен в гардемарины Черноморского флота, с 1839 по 1841 г. на корабле “Память Евстафия” крейсировал у восточного берега Черного моря и участвовал — в 1839 г. при занятии местечка Псезуапсе, а в 1840 г. — местечка Туапсе. 25 июня 1843 г. произведен в мичманы с переводом в Балтийский флот, на судах которого, сначала на корабле “Арсис”, потом на фрегате “Екатерина”, крейсировал до 1845 г, когда был командирован к работам по описи и промеру глубин Балтийского моря. В следующем году Стройников возвращен был в Черноморский флот, где сначала плавал на транспорте “Рион” между Николаевом и Севастополем, а потом (1847 г.) крейсировал на корабле “Три Святителя”. В 1848 г. на пароходе “Силач” он находился в составе Дунайской гребной флотилии флаг-офицером при контр-адмирале Мессере. Следующие пять лет Стройников плавал на кораблях “Три Святителя”, “Три Иерарха”, “Ягудиил”, фрегатах “Флора” и “Мидия”. Стройников крейсировал у восточного берега Черного моря, на корабле “Париж” участвовал в Синопском сражении, за которое получил орден Святого Владимира 4-й степени с бантом. 2 марта 1850 г. назначен адъютантом 5-й бригады 5-й флотской дивизии, а 23 апреля произведен в лейтенанты. В 1854 г. на корабле “Три Святителя” Стройников был на севастопольском рейде, а с 10 сентября по 11 октября состоял в гарнизоне Севастополя. В следующем году он командовал яхтой “Орианда” при Николаевском порте, в 1856 г. был в кампании на Одесском рейде, 26 августа назначен старшим адъютантом штаба командира Севастопольского порта, а 8 сентября произведен в капитан-лейтенанты. В 1860 г. он был переведен в 3-й сводный флотский экипаж, в котором командовал транспортом “Килия” и корветом “Волк”, плавая на них по черноморским портам, причем в 1864 г. за труды, оказанные при перевозке морем десантных войск кавказской армии и при высадке их у мыса Адлер, награжден орденом Святого Станислава 2-й степени с Императорской короною. 1 января 1866 г. Стройников был произведен в капитаны 2-го ранга, пожалован крестом за службу на Кавказе, а 10 февраля следующего

года назначен исправляющим должность николаевского полицеймейстера 1 января 1870 г. произведен в капитаны 1-го ранга 6 сентября 1873 г. зачислен в состав 2-го черноморского герцога Эдинбургского экипажа, в котором и находился до отставки, последовавшей 2 августа 1882 г. вместе с производством в контр-адмиралы. Скончался 21 мая 1886 г, на 62 году жизни».

Думаю, читатель согласится со мной, что биографии у братьев Стройниковых самые героические. Свою клятву братья исполнили с честью и смыли позор со своей семьи.

Что касается самого фрегата «Рафаил», то приказание Николая I о его безусловном уничтожении исполнил в 1853 году вице-адмирал Нахимов. Бывший «Рафаил» (ставший у турок «Фазли Аллахом») был уничтожен в Синопской бухте огнем линейного корабля «Императрица Мария» и взлетел на воздух в виду всей нашей эскадры. Можно только представить при этом чувства бывшего старшего офицера «Меркурия» Новосильского и его адъютанта Александра Стройникова... Вот начало донесения Нахимова об итогах Синопского боя: «Воля Вашего Императорского Величества исполнена — фрегат “Рафаил” не существует...»

* * *

К сожалению, истории с «Рафаилом» и «Меркурием» ничему не научили Грейга. Он по-прежнему категорически не желал начать тесную блокаду Босфора линейными силами, чтобы при первой же попытке противника выйти в Черное море вступить с ним в генеральное сражение. Вместо этого он упорно держал флот в Сизополе, а в дозор посылал легкие суда, каждый раз рискуя их потерять без всякой пользы.

При этом Черноморский флот насчитывал 9 линейных кораблей и 5 фрегатов, против 6 линейных кораблей и 3 фрегатов турок. Намного выше была и морская выучка черноморцев. Да и турки старались не отсиживаться за босфорскими крепостями и при каждом удобном случае совершали вылазки в Черное море.

Контр-адмирал Авраамий Асланбегов в биографическом очерке «Адмирал Алексей Самуилович Грейг» писал: «Погоня за бригам “Меркурий” далеко отвлекла турок от Босфора; несмотря на это, однако, и на поспешное выступление нашего флота из Сизополя 15 мая, неприятель не только не был догнан, но даже и усмотрен передовыми судами нашего флота. Если бы наши крейсера успели приблизиться к проливу

несколькими часами прежде турок, то адмирал был бы извещен ими гораздо ранее, что турецкого флота нет в Босфоре, и тогда погоня за бригам “Меркурий” привела бы неприятеля прямо навстречу нашего флота. Однако турки свои вылазки из Босфора все продолжали. Так, уже 26 мая турецкий флот вновь вышел из пролива и гнался за дозорным фрегатом “Флора” до самой Инады, однако, не догнав, вернулся к Босфору. Однако на этот раз Грейг так и не вышел навстречу неприятельскому флоту. В письме Николаю I он оправдывался тяжелым положением нашей армии под Сизополем и ожиданием атаки турок на город.

31 мая турецкий флот снова покидает Босфорский пролив и на сей раз преследует дозорный бриг “Орфей”, но опять не догоняет и, не доходя 10 миль до Сизополя, поворачивает к Босфору. И снова Грейг ограничился лишь посылкой вдогонку уходящему неприятелю фрегатом и бригам, так и не сдвинув с места линейные корабли. Только одно необыкновенное стечение самых благоприятных для турок обстоятельств было в состоянии лишить нас средства встретиться с их флотом; и ветры и погода как будто располагались по воле неприятеля; куда бы ни пошел он, ему всегда сопутствовали ветры, между тем как мы и наши крейсера испытывали постоянно противное. Избавляя неприятелей от встречи с нашим флотом и далее с отрядом, который в состоянии был остановить их, счастье как будто нарочно посылало в руки турок наших отдельных крейсеров. Ко всему этому надлежит присовокупить еще одно, много содействовавшее неприятелю обстоятельство. О движениях его мы могли знать только через крейсеров при Босфоре, но они не всегда могли оставлять посты свои и при противных ветрах не скоро достигали до Сизополя, тогда как все наши действия по открытому положению Сизопольского рейда для большей части побережья Фаросского залива совершались пред самыми глазами турок и, следовательно, были передаваемы в Константинополь, в то же самое время; наконец, нельзя ручаться и за то, чтобы в самом Сизополе не было агентов турецких».

Русско-турецкая война 1828–1829 годов по своим результатам является самой блестящей из всех наших войн с турками. Армия, разгромив турецкие войска в полевых сражениях и последовательно захватив все крепости в Румелии, перешла Балканские горы и вплотную подступила к Константинополю, который наши офицеры разглядывали в подзорные трубы.

Осень 1829 года стала подлинным триумфом России. Победоносная армия Дибича стояла у стен Константинополя, опираясь обоими своими флангами на флот! Со стороны Черного моря ее надежно прикрывали

черноморцы, а со стороны Эгейского моря — эскадра Гейдена. На победителей обрушился целый дождь наград. Главнокомандующий армией Дибич в одночасье стал генерал-фельдмаршалом и графом «Забалканским», был награжден Георгием 1-й степени и получил миллион рублей. Император Николай писал в те дни Дибичу: «Положение ваше достойно главнокомандующего русской армии, стоящей у ворот Константинополя. В военном отношении оно БАСНОСЛОВНО, и воображением едва можно себе его представить: правый фланг, упирающийся на флот, отправленный из Кронштадта, левый — на севастопольский флот; прусский посланник, являющийся в вашу главную квартиру и приносящий мольбы султана и свидетельство о гибели, подписанное послами французским и английским! После этого остается только сказать: велик Бог русский и спасибо Забалканскому».

Пушкин откликнулся на Константинопольский триумф, как и пристало поэту:

Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И развила победный стяг,
Тогда во Славу Руси ратной
Ты пригвоздил свой щит булатный
На Цареградских воротах.
Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрели.
К Стамбулу грозно потекли,
Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.

Победа России была полной и блестящей. Турки смиренно выслушали волю победителей. Верный своему слову, Николай I потребовал от султана признания независимости Греции, и оно было немедленно получено. За Грецией признавался весь полуостров Пелопоннес, часть материковой Греции от залива Воло в Архипелаге до залива Амвракийского в Адриатике, а кроме этого, острова Негропонт и Циклады. Греческим купцам разрешалось напрямую торговать с Россией через проливы. При

всем этом требования России к побежденным были весьма умеренными. Однако это все равно не понравилось Лондону и Парижу. Последовал обмен возмущенными нотами. На этом дело и закончилось. Драться за турок никому особо не хотелось.

Несмотря на успешные действия по обеспечению приморского фланга армии, Черноморский флот, за исключением нескольких блестящих эпизодов, включая подвиг «Меркурия», ничем особым себя не проявил. Адмирал Грейг повсеместно проявлял излишнюю осторожность, граничащую порой с откровенной боязливостью, в поиске противника.

Контр-адмирал Авраамий Асланбегов в биографическом очерке «Адмирал Алексей Самуилович Грейг», написанном с восхвалениями Грейгу, все же попытался объективно оценить действия адмирала в годы турецкой войны. «Главное назначение Черноморского флота Указанное ему Государем Императором... состояло в истреблении турецкого флота, следовательно, понятно, что общественное мнение во время войны и по окончании ее восставало, почему неприятельский флот, осмеливавшийся 4 раза выходить в море, не был атакован нашим флотом Мнение это еще сильнее стало себя заявлять вследствие взятия “Рафаила”, которому хотя через 2 дня последовал бой “Меркурия”, но оскорбленное национальное чувство нелегко может быть удовлетворено. Оно трепетно ожидало известия об истреблении всего турецкого флота, который имел такой легкий, такой неожиданный успех... Невольно придем к заключению, что почему-то русский флот не искал этого столкновения, не употреблял всех усилий к достижению этой цели. Несмотря на свой долг перед Отечеством, на волю Царя, на клик соотечественников. Ответ на подобное предположение надобно будет искать в малодушии, трусости, неуверенности в себе, в недостаточности энергии адмиралов и капитанов, в незнании управляться судами или, наконец, в отсутствии мужества их главного вождя.

Но кто осмелится бросить камень в тех людей, которые оставили за собою такие отважные, геройские и даже беспримерные подвиги? Неужели с теми людьми, которые в траншеях и на осадных батареях Анапы и Варны заслужили такое высокое мнение всей армии! Неужели с теми командами, которые вырезали флотилии из-под самой крепости, штурмовали Инаду, Агатополь, брали Сизополь, Мтидею, Ахиоло, дрались на “Меркурии”, жгли суда у самого пролива, подходили с кораблями под стены крепостей на картечный выстрел, может найтись военный начальник, который затруднится вести их в дело?»

Мы прощаемся с Александром Ивановичем Казарским, но не

насовсем. Спустя некоторое время нам предстоит еще одна встреча с бывшим командиром легендарного брига «Меркурий», чтобы узнать еще об одном его подвиге, который, по мнению автора, стоит не ниже, а даже выше совершенного им 14 мая 1829 года на палубе «Меркурия». Пока же нас ждет непростой разговор о делах Черноморского флота.

Часть вторая.
МАФИЯ ЧЕРНОГО МОРЯ

Глава первая.

О ЧЕМ МОЛЧАТ ИСТОРИКИ

Несмотря на многочисленные публикации о героическом командире брига «Меркурий», несмотря на то, что его недолгая жизнь, в общем-то, неплохо исследована, о последних днях пребывания Казарского в Николаеве историки и писатели хранят упорное молчание. Все единодушно отмечают одно: смерть героя настолько внезапна и скоропостижна, что была громом среди ясного неба для всех его многочисленных друзей и знакомых... А ведь стоило задуматься и поискать на страницах русской прессы следы того печального события, и многое бы перестало казаться таким ясным и простым.

В 1886 году популярный отечественный журнал «Русская старина» за июнь — сентябрь опубликовал воспоминания Елизаветы Фаренниковой, близкой знакомой всей семьи Казарских и лично Александра Ивановича. «Русская старина» являлась одним из самых серьезных исторических журналов России и публиковала только те материалы, в достоверности которых сотрудники редакции были уверены. Но, несмотря на всю сенсационность статьи о причинах смерти Казарского, публикация прошла незамеченной. Почему? Может, потому, что была уже иная эпоха. Может, еще почему-то...

Достоверность публикации Елизаветы Фаренниковой полностью подтверждается всей ситуацией, сложившейся на Черноморском флоте к 1833 году. А то, что статья появилась на страницах журнала только спустя пятьдесят три года после трагических событий, может, вероятно, служить лишним доказательством того, что автор до поры до времени не могла опубликовать свой материал. Возможно, по каким-то личным соображениям, возможно, боясь чьей-то мести...

Для того, чтобы понять, что же произошло с капитаном 1-го ранга Казарским летом 1833 года, и хотя бы приблизительно проследить цепь событий, происходивших в 20–30-е годы XIX века на Черноморском флоте, надо хотя бы в общих чертах представлять, что в то время происходило в экономической жизни России.

Начиная этот непростой разговор, оговоримся сразу, что многие из происходивших в это время событий в жизни Черноморского флота во многом подвели страну к будущей катастрофе в Крымской войне. Какова была общая экономическая ситуация в России в 20–30-е годы XIX века? А

она была далеко не проста. К 20-м годам XIX века Россия только-только начала приходить в себя от последствий Наполеоновских войн. При этом государственный долг продолжал расти, а мировые цены на главный предмет российского экспорта — хлеб (который вывозился, прежде всего, через черноморские и азовские порты) — падали. Еще вчера союзная Англия приняла драконовские «хлебные законы», закрывавшие русскому хлебу доступ на внутренний английский рынок. Это разорило сотни и сотни российских купцов. Падали и такие доходные прежде статьи русского сырьевого экспорта, как лен, пенька, лес и чугун. На смену нашему льну Англия стала ввозить, а потом и экспортировать индийский хлопок. Рост индустриализации в Европе уменьшил и экспорт нашего чугуна. При этом вместо российского древесного угля Европа переходит на английский кокс. Высокими остаются лишь закупки нашего леса, но одного этого мало для развития российской экономики. Историки считают, что понижение цен на сырье к середине 20-х годов XIX века сократило стоимость нашего экспорта по сравнению с донаполеоновским периодом почти в 12 раз. Это была настоящая экономическая катастрофа. При этом ни о каком объективном экономическом кризисе речи не шло. Это были последствия яростной финансовой войны, которую вела Европа против России, убирая с пути опасного конкурента. Несмотря на столь отчаянное экономическое положение, николаевская Россия была еще столь могуча, что смогла в это время блестяще выиграть подряд четыре тяжелые войны: Русско-персидскую 1826–1828 гг., Русско-турецкую 1827–1829 гг., польский мятеж 1830–1831 гг. и сепаратистское движение Кази-Мухаммеда на Кавказе. Не лишне вспомнить и попытку военного государственного переворота в декабре 1825 года гвардейцами-масонами. Несмотря на все это, именно в этот период стараниями российского императора была восстановлена система европейской и ближневосточной коллективной безопасности (Мюнхенгретский, Берлинский и Ункяр-Ескелесийский договоры 1833 года). Так что императору Николаю I приходилось крутиться, как на раскаленной сковороде!

Но вернемся к вопросам экономическим. Зная нелегкое положение России, Европа начала переходить от экономических санкций к политическому шантажу.

Известно, что многие негативные оценки личности императора Николая и его царствования исходили от небезызвестного А.И. Герцена. Эмигрировав в Париж, Герцен начал активно заниматься антироссийской деятельностью. При этом он жил за счет труда своих крепостных. Когда же разгневанный император Николай объявил имущество эмигранта-

революционера конфискованным, за того неожиданно вступились сильные мира сего. Неожиданно за незаконного сына русского помещика вступился сам Джеймс Ротшильд. Он написал российскому императору гневное письмо, требуя вернуть Герцену его крепостных, в противном случае грозя отказом в международном кредите. И Николаю пришлось смирить свою гордыню.

О том, как Ротшильд отстаивал его интересы, Герцен писал так: «Письмо (Ротшильда. — *В.Ш.*) было превосходно, резко, настойчиво, как следует — когда власть говорит с властью. Он писал Гассеру (английский посол в Петербурге. — *В.Ш.*), чтоб тот немедленно требовал аудиенции у Нессельроде (министр иностранных дел России. — *В.Ш.*) и у министра финансов, чтоб он им сказал, что Ротшильд знать не хочет, кому принадлежали билеты, что он их купил и требует уплаты или ясного законного изложения — почему уплата остановлена, что, в случае отказа, он подвергнет дело обсуждению юрисконсультов и советует очень подумать о последствиях отказа, особенно странного в то время, когда русское правительство хлопочет заключить через него новый заем. Ротшильд заключал тем, что, в случае дальнейших проволочек, он должен будет дать гласность этому делу — через журналы для предупреждения других капиталистов. Письмо это он рекомендовал Гассеру показать Нессельроде.... Через месяц или полтора тугой на уплату петербургский 1-й гильдии купец Николай Романов, уstraшенный конкурсом и опубликованием в “Ведомостях”, уплатил, по высочайшему повелению Ротшильда, незаконно задержанные деньги с процентами и процентами на проценты, оправдываясь неведением законов, которых он действительно не мог знать по своему общественному положению.... С тех пор мы были с Ротшильдом в наилучших отношениях; он любил во мне поле сражения, на котором он побил Николая, я был для него нечто вроде Маренго или Аустерлица, и он несколько раз рассказывал при мне подробности дела, слегка улыбаясь, но великодушно щадя побитого противника».

В другом месте «Былого и дум» Герцен пишет о своем разговоре с Ротшильдом с нескрываемой гордостью: «Царь иудейский сидел спокойно за своим столом, смотрел бумаги, писал что-то на них, верно, все миллионы или, по крайней мере, сотни тысяч.

— Ну, что, — сказал он, обращаясь ко мне, — довольны?

— Совершенно, — отвечал я».

Любопытно, что «царь иудейский» — это, как известно, слова из обвинения Христа иудеями перед Пилатом. Таким образом, Герцен сообщает читателю свою нравственную позицию, гласящую, что Христос и

Ротшильд для него понятия равнозначные. Так оно и было на самом деле. Отныне до конца своих дней Герцен усердно отрабатывал свои деньги перед кланом Ротшильдов.

Думается, вполне уместным будет привести здесь и мнение А.И. Герцена вообще о современной ему цивилизации из работы «С того берега», во многом характеризующее истинные цели его «революционной» деятельности: «Наша цивилизация — цивилизация меньшинства, она только возможна при большинстве чернорабочих. Я не моралист и не сентиментальный человек, мне кажется, если меньшинству было действительно хорошо и привольно, если большинство молчало, то эта форма жизни в прошедшем оправдана. Я не жалею о двадцати поколениях немцев, потраченных на то, чтобы сделать возможным Гете, и радуюсь, что псковский оброк дал возможность воспитать Пушкина Природа безжалостна ...она мать и мачеха вместе; она ничего не имеет против того, что две трети ее произведений идут на питание одной трети, лишь бы они развивались. Когда не могут все хорошо жить, пусть живут несколько, пусть живет один — за счет других, лишь бы кому-нибудь было хорошо и широко».

А мы, наивные, полагали, что декабристы разбудили демократа Герцена, когда на самом деле они разбудили одного из самых яростных ненавистников России, а в придачу человека, уже тогда мечтавшего о «золотом миллиарде», который будет царствовать над остальным человеческим быдлом!

Случайно ли отношения с простым помещиком Герценом оказались для Ротшильда важнее, чем отношения с российским императором? Герцен пишет, что все дело в прихоти знаменитого ростовщика. Так ли это на самом деле? Странное дело, но вскоре именно на Герцена возложена миссия главного борца с русским царизмом. Именно он становится главным агентом влияния Запада, начав своими журналами идеологическую обработку российской интеллигенции и студенчества, пытаясь именно в преддверии общеевропейского «крестового похода» против России (известного нам как Крымская война) сплотить и организовать всех недовольных властью внутри России. Не напоминает ли это нам во многом день сегодняшний? Вся разница лишь в масштабах, тогда как принципы остались неизменными.

Что касается Николая I, то он прекрасно понимал, кому принадлежит финансовая власть в мире. Впрочем, выбора у императора особого не было. Для экономического развития России необходимы были кредиты, а потому приходилось прибегать к помощи международных ростовщиков, включая

Ротшильда. Во главе российской финансовой системы стоял в ту пору сын литовского раввина граф Канкрин. Финансистом Канкрин был опытным. Он обуздал инфляцию, сделал российский бюджет бездефицитным, серьезно укрепил рубль. Но при этом Канкрин не забывал и о своих единоверцах, всячески помогая им внедряться в российскую финансовую и хозяйственную систему. Особую протекцию Канкрин оказывал барону Штиглицу. Именно в 20–30-х годах XIX века банкирский дом немецкого иудея барона Штиглица становится крупнейшим в России. Заметим, что Штиглица связывали самые тесные партнерские отношения с адмиралом Грейга и всем его окружением. Не без поддержки министра финансов Канкрин и капиталов грейговского клана Штиглицу удалось «свалить» тогдашнего придворного банкира немца Ралля (прадеда известного советского адмирала) и захватить первенство на Петербургской бирже. Впоследствии кланы Штиглицев и Грейгов вообще породнятся, объединив свои капиталы и свое влияние. В свое время мы еще поговорим об этом стратегическом слиянии кланов подробнее.

На фоне общегосударственной отсталости и застоя всюду процветали взяточничество и воровство, подкупы и подлоги (впрочем, а когда этого не было?). Не было исключением из общего правила в 20–30-х годах XIX века и Черноморский флот, в особенности же его береговые конторы. Однако помимо вопиющего воровства, процветавшего в то время на Черноморском флоте, там происходили события, о которых историки предпочитают почему-то стыдливо умалчивать.

С первых дней своего царствования до самых последних дней своей жизни Николай I активно занимался флотом. Он сразу же учредил Комитет образования флота, который разработал программу судостроения и усовершенствования устройства Морского министерства. Отныне Россия должна была иметь третий флот в мире, уступая лишь Франции и Англии. Глядя правде в глаза, следует отметить, что организации по переустройству флота учреждали при восшествии на престол практически все наши императоры и императрицы (так сказать, обязательный политес в сторону моряков). Однако что касается Николая I, то он, в отличие от некоторых других, засучил рукава по-настоящему. Были и другие отличия его царствования от предшественников.

Известный российский военно-морской историк начала XX века Е.А. Арене так характеризовал отношение Николая I к флоту: «Екатерине большей частью помогали иностранцы, Николаю I — русские... Николай как мужчина имел больше возможности лично входить во все отрасли морского дела, что и не замедлило благотворно отразиться на состоянии

последнего, особенно в начале царствования... Требования службы ставились в то время, безусловно, на первом плане... личное доверие государя к некоторым лицам (например, к Лазареву) не исключало самого строгого и беспристрастного к ним отношения...»

В конце царствования Александра I и в начале царствования Николая I и без того всегда процветавшая коррупция начала приобретать всероссийские масштабы. Не говоря о мелких сошках, даже многие министры вполне искренне обижались, когда им указывали на законы. Говоря современным языком, все пытались править не по законам, а по понятиям. Но Черноморский флот выделялся размерами коррупции на фоне всей остальной России.

В начале 20-х годов XIX века на Черном море началась ожесточенная финансово-экономическая война. Боевые действия шли по всем правилам военной стратегии — атаки и осады, контратаки и глухая оборона, в ход тоже шли все средства, от убийств до подкупов и засылки лазутчиков во вражеский стан. При этом для большинства историков эта многолетняя ожесточенная схватка осталась как бы незамеченной, хотя ее отголоски еще долго икались всей России. То была смертельная схватка старой греческой торговой мафии с молодой еврейской. Оговоримся сразу, что национальный состав обеих смертельно враждующих группировок был весьма интернационален, однако основу группировок составляли именно представители вышеозначенных национальностей. И если в Николаеве, Одессе, Таганроге и других портах эта война протекала в основном в береговых конторах, то в Севастополе она докатилась и до боевых кораблей. По существу, две влиятельнейшие финансово-этнические группировки начали между собой настоящую войну за передел сфер влияния в Черноморском регионе.

Николаевский историк Ю.С. Крючков пишет: «Иностранная колонизация земель нынешней Николаевщины началась при Екатерине, желавшей поскорей заселить эти богатые, но пустующие земли — Дикое Поле, по которому кочевали ногайские татары. По просьбе балтского кагана новороссийский генерал-губернатор Муромцев указом от 1775 года разрешил переселяться сюда польским евреям, повелев, чтобы каждый иудей привел с собой пять христиан. Так сложилась структура населения южной Новороссии, где и сейчас еврейское население в городах (например, в Николаеве, Херсоне и Одессе) составляет 20–25%. Из Польши, после ее раздела, хлынули сюда католики-поляки и окатоличенные украинцы. К ним присоединились греки, немцы, французы, англичане и итальянцы. Греки, как правило, служили еще со времен Потемкина на флоте, а их

родственники занимались торговлей. Немцы занимались, в основном, ремесленничеством; итальянцы, французы и англичане служили по договорам на флоте, а некоторые занимались и торговлей».

Относительно влияния греческой диаспоры на Черноморском флоте служивший в то время на Черноморском флоте И.А. Шестаков писал много лет спустя: «Балаклавская колония (т.е. греческая. — *В.Ш.*), имея под рукой целый флот, вползла в него со всей ловкостью и хитростью, свойственными племени, заняла все места и до того сохранила свою особенность, что еще в 1836 г. случалось слышать комментарии русских командных слов на греческом языке, и я сам был свидетелем, как лейтенант Левшин обратился к адмиралу с просьбой перевести его с корабля “Анапа” на другой, так как он не слышал в кают-компании русского наречия».

Да и местные греки, традиционно занимавшиеся торговлей, жили в целом гораздо богаче местного русского населения. Врач Н. Закревский в своих «Записках врача морской службы» вспоминал: «... Большая часть греков и весьма немного русских старожилов имели у Севастополя собственные участки земли (хутора)...»

К этому можно добавить, что изначально у правительства была мечта переселить в южные степи из переполненных местечек евреев и дать им возможность заниматься сельским хозяйством. Подробно об этой идее и ее крахе писал в свое время А. Солженицын. Что касается евреев, то в Северное Причерноморье они переселились, но занялись в основном торговлей, то есть тем, что было им ближе по менталитету. Впрочем, и торговать тоже кому-то надо.

Увы, к моменту появления в причерноморских городах евреев вся торговля была в руках не менее предприимчивых греков. Отдавать конкурентам свой бизнес они, разумеется, не желали. Да и с какой стати? Бороться с греками евреям на первых порах было очень сложно. Греческая диаспора в Причерноморье к тому времени была уже хорошо сложившейся структурой с большими связями на верхах местного общества. Элиту ее составляли греки — представители черноморского адмиралитета и офицерства, добывшие себе чины и ордена вполне заслуженными подвигами в прошлых турецких войнах.

Из воспоминаний черноморца А. Зайчковского: «Черноморский флот, основанный императрицей Екатериной II, с течением времени приобрел несколько своеобразный колорит. Обилие греческих колоний на северном берегу Черного моря повело к тому, что в составе офицеров этого флота преобладал греческий элемент; воспитанники морского кадетского корпуса, в особенности, принадлежащие к русским дворянским семьям, с неохотой

выходили на службу в Черное море. Такой состав офицеров должен был отразиться и на деятельности нашего Черноморского флота. Он как бы окунулся в спячку, погруженный всецело в мелкие береговые интересы, мало заботясь о том, чтобы находиться на высоте возложенной на него задачи — быть стражем России на юге и постоянной угрозой Константинополю».

Перечень адмиралов и офицеров-греков достаточно внушителен. Вот лишь некоторые из них: братья Аркасы, братья Кумани, Рафтопуло, Гунаропуло, Папахристо, Папаиоану, Папандопуло, Критский, братья Манганари и другие. А потому, когда позднее адмирал Лазарев говорил о греческом засилье среди офицерства и затирании ими российских офицеров, это, по-видимому, соответствовало истине. При этом я сразу же хочу оговориться: не надо делать из адмиралов-греков врагов. Они поступали точно так же, как во все времена поступали в чужой стране представители всех иных диаспор — изо всех сил и всеми возможными способами продвигая вперед представителей своей национальности. Это была единственно возможная стратегия выживания и упрочения в другой стране. То же самое делают и сегодня в России и представители практически всех диаспор бывшего СССР, чему мы все с вами свидетели. Именно в это время ведущие инженерные должности в Черноморском регионе занимают выходцы из Западной Европы: Гаюи, Вунш, Фан-дер-Флис, Вектон, Акرويد, Уптон, Опацкий и прочие. В Одессе и Николаеве появляются торговые дома Стомати, Бакстера, Алиауди и т.д.

Именно в это время особенно заметным становится в Причерноморье и засилье еврейского торгового капитала. В 20-х годах XIX века ежегодный финансовый оборот Черноморского флота составлял 8–10 миллионов рублей. Флоту требовался корабельный лес и металл, порох и пенька, пища и парусина, питье и одежда, то есть все, что необходимо для повседневного существования и ведения боевых действий. На эти миллионы, как мухи на мед, слетелись отовсюду еврей-купцы и поставщики. Они приезжали из далеких и близких мест. Это были купцы первой и второй гильдии из Одессы, Херсона, Умани, Киева, Кременчуга, Елисаветграда, Могилева, Таганрога, Брянска, Гайсина и прочих мест.

В журнале «Морской Сборник» № 2 за 1863 год была опубликована статья морского врача Закревского, который в свое время входил в близкий круг адмирала Грейга и его супруги. В своей статье отставной врач попытался показать экономическое значение евреев в процветании Николаева и вскрыть истинную причину их выселения. Рассуждения Закревского таковы: «Когда в Николаеве была основана главная верфь для

создания Черноморского флота, евреи оказались весьма полезными для правительства; но позже обнаружили хищения в адмиралтействе, и тогда, несмотря на то, что виновниками чаще всего являлись чиновники, было решено удалить евреев, так как будто бы при их отсутствии некому будет продавать краденые вещи; правда, немногие евреи, причастные к подрядам, все же остались на жительство в Николаеве, но бедняки были выселены с помощью суровых полицейских мер; а вскоре вместо прежних жалких еврейских домишек выросли богатые чиновничьи дома...» Жалостно, слезливо, но, увы, неубедительно.

* * *

Пришла пора подробнее познакомиться с биографией тогдашнего главного командира Черноморского флота и портов адмирала Алексея Самуиловича Грейга. Как считает ряд исследователей, адмирал Алексей Самуилович Грейг происходил по отцу из рода шотландских евреев. По матери, Сарре Грейг (двоюродной сестре мореплавателя Джеймса Кука), он, вполне вероятно, тоже имел семитское происхождение. Само собой это, разумеется, еще ни о чем не говорит, если бы впоследствии данный фактор не стал стимулом антигосударственной деятельности.

Остановимся несколько подробнее на личности адмирала Алексея Самуиловича Грейга, который в нашем повествовании является далеко не последним лицом. Родился будущий адмирал в 1775 году в семье известного екатерининского флотоводца, героя Чесмы и Гогланда Самуила Грейга. В уважение заслуг отца императрица Екатерина II присвоила новорожденному чин мичмана. С десяти лет Алексей служил адъютантом при своем отце, дважды стажировался в Англии. Адмирал Самуил Грейг, командуя Балтийским флотом, одновременно являлся и руководителем масонской ложи «Нептун», состоявшей из морских офицеров и подчиненной командующему шведским флотом герцогу Карлу Зюдерманландскому. Однако в 1788 году началась Прусско-шведская война, и Грейг разбил Карла Зюдерманландского в сражении при Гогланде. Это вызвало в его адрес шквал обвинений со стороны масонов. Случайно или нет, но спустя буквально пару месяцев Грейг скоропостижно умирает прямо на своем флагманском корабле. Тайна смерти адмирала Грейга оставляет массу вопросов и поныне. Масонское прошлое отца и его трагический конец, думается, наложили печать на все последующие отношения Грейга-младшего с закулисными силами — лучше не рисковать

и жить в согласии. В 1798 году, командуя кораблем «Ретвизан», Алексей Грейг отличился при высадке десанта в Голландии у крепости Гельдер, потом заведовал экспедицией по исправлению Кронштадтского порта, затем в качестве младшего флагмана участвовал в Средиземноморской экспедиции вице-адмирала Сенявина, храбро сражался при Тенедосе и Афоне. Во время войны с Наполеоном в 1812–1814 годах Грейг исполнял отдельные поручения при армии. В 1816 году Грейг был назначен на должность главного командира Черноморского флота и портов. В 1828–1829 годах руководил флотом в Русско-турецкой войне. Участвовал во взятии Анапы, Варны, Мессемрии, Ахиолло, Инады и Мидии, крейсировал с флотом у Константинополя. С 1828 года — полный адмирал. По окончании войны получил императорский вензель на эполеты. Историки неоднозначно оценивают Грейга как флотоводца, отмечая его излишнюю осторожность и боязнь генерального сражения с турецким флотом и полное отсутствие инициативы. При этом весьма положительно оценивается первый период руководства адмиралом Черноморским флотом. В ту пору Грейг много занимался совершенствованием конструкций кораблей, гидрографией, развитием береговой инфраструктуры. Разительный контраст представляют последние годы его пребывания на Черном море. Адмирал практически самоустранился от руководства флотом, фактически передав все в руки своей супруги и ближайшего окружения. Историки характеризуют Грейга как хорошего моряка-практика, при этом лично достаточно либерального и бескорыстного, но внушаемого и легко попадающего под влияние более сильных личностей, при этом человека весьма злопамятного и упрямого. В первый период своего командования Грейг не имел прямого отношения к финансовым кругам. Это был обычный адмирал с хорошим морским и боевым опытом, склонный к изобретательству и не чуждый наукам. Однако затем в жизни Грейга произошли большие изменения, коренным образом повлиявшие на ситуацию на Черноморском флоте.

Дело в том, что адмирал никогда не был женат. Мало того, он просто сторонился женщин. Современники отмечают природную застенчивость Алексея Грейга при общении с дамами, а потому сердце известного адмирала на протяжении долгих лет было свободным. Один из современников так и пишет: «Грейг был ужасно застенчив в любовных делах. Многие думали, что Грейг так и останется вечным холостяком, но в одночасье все переменилось. Будучи уже в весьма зрелых годах, командующий флотом неожиданно для всех сходится с молодой еврейкой Лией из Могилева». Появление Лии в доме адмирала Грейга имеет для

всего нашего дальнейшего рассказа определяющее значение, а потому познакомимся поближе с личностью сожительницы адмирала.

Лия Моисеевна Витман (Сталинская) происходила из семьи трактирщика, начинала жизнь простой служанкой в корчме.

По другой версии, она служила в трактире отца. Затем занялась коммерцией, а позже вышла замуж за капитана Кульчинского, перейдя в католицизм. Однако вскоре развелась. Причина развода нам неизвестна. В 1820 году Лия приехала в Николаев с поставками корабельного леса. Уже в начале биографии Лии Витман-Сталинской появляется первая загадка. Если при вступлении в свой первый брак с Кульчицким она приняла католическую веру, то как же она развелась, когда католиков в те времена мог развести только лично папа римский, да и тот разрешал это только в особых случаях. Так вступала ли Лия в католицизм и была ли она официально замужем за Кульчинским? Считается, что Лия тайно обвенчалась (по какому, интересно, обряду?) с Грейгом в 1827 году, после рождения первого сына. Однако при наличии жены и сына адмирал Грейг в 1831 году в «формулярном списке о службе и достоинстве» преспокойно пишет: «Английской нации и закона, холост». А ведь к этому времени у него было уже двое сыновей и дочь. Забегая вперед, скажем, что официально Лия Моисеевна была признана женой адмирала Грейга лишь в 1873 году, спустя почти тридцать лет после его смерти, при открытии памятника адмиралу в Николаеве. Впрочем, это уже была дань прошлому, ничего не меняло и ни на что не влияло.

Почему Лия подалась из Могилева именно в Николаев? Скорее всего, она приехала к своей сестре Бэле, которая жила с офицером греком Лизаром именно в Николаеве. Именно сестра сообщила ей, что в Николаеве можно получить очень богатый подряд на поставку корабельного леса и быстро разбогатеть. Но предприимчивую мадам ждало разочарование. В Черноморском адмиралтейском департаменте ей дали от ворот поворот. Там хватало и своих давно прикормленных подрядчиков. Но Лия решила идти до конца. Через мужа сестры она в конце концов пробивается на прием к самому Грейгу. В кабинет адмирала она заходила в надежде лишь на выгодный подряд, но все пошло по иному сценарию. Красивая и сексуальная, она влюбила в себя сорокапятилетнего холостяка, и вскоре Грейг был у ее ног.

Молодая, красивая и очень энергичная женщина быстро не только стала хозяйкой в доме стареющего адмирала, но и вскоре полностью подчинила его себе. При этом, так как Грейг был лютеранином, а Юлия Михайловна иудейкой, ни о каком официальном браке речи не шло. Имело

место лишь сожительство, что не мешало неофициальной жене адмирала вести себя на правах законной.

Став сожительницей адмирала А.Г. Грейга, Лия сохранила связи со своей многочисленной еврейской родней. Несмотря на декларированный переход в христианство (что до сих пор, впрочем, не доказано), она так осталась ревностной почитательницей Ружинского цадика, регулярно отсылая взносы на его содержание и переписываясь с ним. Тот, в свою очередь, в благодарность за щедрые пожертвования не замечал «позорного» в глазах правоверных евреев поведения своей подопечной. Благодаря своему протекционизму братьям по вере Лия прославилась по всей «черте оседлости» под прозвищем «ди муме Леа» (мать Лия).

Энциклопедический словарь «“Николаевцы” 1789–1999 гг.» дает следующую информацию о гражданской жене Грейга: «Грейг (Сталинская) Юлия Михайловна (1800, г. Могилев, — 1882, г. Санкт-Петербург), жена А.С. Грейга. Еврейка. Из семьи трактирщика М. Сталинского. В молодости служила в трактире отца. Вышла замк за офицера польских войск капитана Кульчинского. Вскоре развелась и в 1820 году приехала в г. Николаев с поставками корабельного леса (!), выдавая себя за польку. Добилась аудиенции у А.С. Грейга, став со временем его гражданской женой. Будучи хорошо воспитана, зная языки и обладая тонким вкусом и обаянием, постепенно сумела создать в адмиральском доме салон, в который входили в основном молодые офицеры и чиновники Черноморского флота и Адмиралтейства (братья Дали, К.Х. Кнорре, братья Рогули, П.И. Вавилов, супруги Зонтаг и др.). Со временем Юлии Михайловне удалось привлечь к себе николаевское благородное общество, став законодательницей мод и введя в свой круг влиятельных лиц (НД Критский, В. Метакса, Ш. Рафалович и др.). Около 1827 года тайно обвенчалась с А.С. Грейгом, что вызвало резкие нападки на адмирала и Ю.М. со стороны некоторых шовинистов и антисемитов (Ф. Вигель, Яцын, М.П. Лазарев и пр.). Обладая сильным характером, ЮМ оказывала некоторое (!) влияние на Д.С. Грейга в житейских делах. В Николаеве у Грейгов родилось три сына — Самуил, Иван и Василий и дочь Юлия. После перевода А.С. Грейга в Петербург Ю.М. посвятила свою жизнь устройству карьер и судеб детей, стремясь направить их по финансовой линии. Официально признана женой А.С. Грейга была только в 1873 г. при открытии памятника адмиралу в Николаеве. В г. Николаеве, в Диком Саду, на месте, где Александр I любовался видом водных просторов, по распоряжению адмирала была сооружена каменная беседка (проект Р. Кузьмина) под названием “Храм Весты”, которую Грейг посвятил Ю.М. в

честь рождения первого сына — Самуила».

А вот перевод главы из книги Иосифа Ицхака Каминецкого о хасидских реббе Николаева Книга издана в Израиле на иврите и английском. Кстати перевод ее отрывка был сделан для николаевского историка Ю. Крючкова. Вот что пишет Каминецкий: «Тетушка Лия. Первые годы поселения евреев в Николаеве связаны с одним из самых таинственных и захватывающих эпизодов в истории евреев в России — историей “тетушки Лии”. Тетушку Лию прозвали “царицей Эсфирь Николаевской”. Она родилась в семье хасидов и была благопристойной и честной молодой женщиной. По некоторым непостижимым причинам ее взял в жены главный адмирал Российского военно-морского флота адмирал Грейг, который, по утверждению некоторых, был еврейского происхождения. Адмирал Грейг был личным другом царя Николая, и имеющий скверную репутацию царь был даже гостем на их свадьбе. Адмирал Грейг заложил основы Российского военно-морского флота в Николаеве. Тетушка Лия, несмотря на то, что была замужем, продолжала жить как религиозная иудейка во всех отношениях. Она была предана знаменитому хасидскому раввину — ребе Израилю Розгину, которому посылала “пидионоты” (просьбы о благословении. — Ю.К.). Много грешных указов, касающихся еврейского населения России и которые царь Николай хотел издать, были отменены тетужкой Лией. Тетушка Лия была сестрой матери братьев Рафаловичей из Николаева. Она пригласила семью Рафаловичей в Николаев и гарантировала им права на строительство кораблей для русской армии».

При всех огрехах в понятиях «главный адмирал», надуманной «задушевной дружбе императора Николая с Грейгом», Каминецкий поведал много интересного. Разумеется, не могла Лия и отменять царские указы. Но вера во всесильность тетужки Лии у ее единоверцев была такова, что они и распространяли такие слухи.

Об отношении к вере Лии даже ее поклонник историк Ю. Крючков должен был признать: «Юлия Михайловна стала уже законной “хранительницей домашнего очага” в доме адмирала: около 1827 года, когда Грейги ожидали рождения первого ребенка, они тайно обвенчались. В какой церкви и по какому обряду — история умалчивает. То ли Юлия снова сменила веру и стала протестанткой (лютеранкой), как Грейг, то ли осталась католичкой? Видимо, религия не представляла для нее нравственной проблемы: она подходила к ней практически, оказывая услуги всем культам. Как известно, все ее дети были лютеранами, да и она сама похоронена на лютеранском кладбище. Вместе с тем известно также,

что она охотно поддерживала еврейских купцов — поставщиков флота; как утверждает Каминецкий, она была правоверной хасидкой и “жила как религиозная иудейка во всех отношениях”, поддерживая связи с раввинами, в особенности с Израилем Розгиным. И тут же узнаем из благодарственного письма ксендза, что Юлия Михайловна оказывала большие услуги и католической церкви».

Называя вещи своими именами, Лия была женщиной, готовой молиться ради выгоды любым богам. Отметим тот факт, что она оказывала свое расположение и католикам, и лютеранам, и хасидам. Но совершенно игнорировала православие, факт весьма показательный. После смерти в 1882 году Лею похоронили на Смоленском кладбище Петербурга по лютеранскому обряду. Но в душе она, если верить И. Каминецкому, так и осталась хасидкой.

Ближайшее окружение Лии составляли: братья Рогули, астроном Кнорре, адъютант Грейга Павел Вавилов, супруги Анна и Егор Зонтаги, обер-интендант Черноморского флота Критский, управляющий хозяйственной экспедицией действительный статский советник Богданович, купцы-миллионщики Метакса, Серебряный, Рафалович, муж сестры Лизар.

Историк Анатолий Нойман пишет: «По мере вхождения еврейских купцов в русское общество воспитание девушек в семьях становилось более светским, европейским. Дочь Бенъямина Шпеера, выйдя замуж за князя Долгорукова, превратилась не просто в княгиню, но в звезду света Лия Рафалович-Сталинская, дочка трактирщика, выйдя за адмирала Грейга, сделалась чрезвычайно влиятельной фигурой на Черноморском флоте России. Оставаясь, несмотря на крещение и появление буквы “Ю” перед именем (Ю-лия), преданной почитательницей Ружинского цадика, она уже в качестве “тетки Лии” оказывала заступничество притесняемым евреям. Тут образ “прекрасной еврейки”, и без того тяготеющий к библейским образцам, неизбежно пересекался с историями Эсфири и Юдифи. Заметим, что по причине ли почитания Девы Марии, или по еще каким, антисемитизм куда реже распространяется на женщин, нежели на мужчин».

Известный отечественный мемуарист XIX века Ф.Ф. Вигель так описал свои встречи с сожительницей адмирала: «В Новороссийском краю все знали, что у Грейга есть любовница-жидовка и что мало-помалу, одна за другой, все жены служащих в Черноморском флоте начали к ней ездить как бы к законной супруге адмирала. Проезжим она не показывалась, особенно пряталась от Воронцова и людей, его окружающих, только не по доброй воле, а по требованию Грейга. Любопытство насчет этой таинственной

женщины было возбуждено до крайности, и оттого узнали в подробности все происшествия ее прежней жизни. Так же, как Потоцкая, была она сначала служанкой в жидовской корчме под именем Лии или под простым названием Лейки. Она была красива, ловка и умением нравиться наживала деньги. Когда прелести стали удаляться и доставляемые ими доходы уменьшаться, имела она уже порядочный капитал, с которым и нашла себе жениха, прежних польских войск капитана Кульчинского. Надобно было переменить веру, с принятием св. крещения к прежнему имени Лия прибавила она только литеру “ю” и сделалась Юлией Михайловной. Через несколько времени, следуя польскому обычаю, она развелась с ним и под предлогом продажи какого-то строевого корабельного леса приехала в Николаев. Ни с кем, кроме главного начальника, не хотела она иметь дела, добилась до свидания с ним, потом до другого и до третьего. Как все люди с чрезмерным самолюбием, которые страшатся неудач, в любовных делах Грейг был ужасно застенчив; она на две трети сократила ему путь к успеху. Ей отменно хотелось выказать свое торжество; из угождения же гордому адмиралу, который стыдился своей слабости, жила она сначала уединенно и ради скуки принимала у себя мелких чиновниц; но скоро весь город или, лучше сказать, весь флот пожелал с нею познакомиться. Она мастерски вела свое дело, не давала чувствовать оков, ею наложенных, и осторожно шла к цели своей, законному браку. Говорили даже, что он совершился и что у нее есть двое детей; тогда не понимаю, зачем было так долго скрывать его.

Оправдываясь и неумышленной нескромности, я слагал вину на слугу, а Юлия Михайловна сказала, что не бранить его, а благодарить должна. Сам же Алексей Самойлович, видя мое учтивое, приветливое, хотя свободное с нею обхождение, начал улыбаться и заставил у себя обедать. В ее наружности ничего не было еврейского; кокетством и смелостию она скорее походила на мелкопоместных польских паней, так же, как они, не знала иностранных языков, а с польским выговором хорошо и умно выражалась по-русски. За столом сидел я между нею и адмиралом. Неожиданно с сим последним зашел у нас разговор довольно серьезный. Речь коснулась до завоевательницы и создательницы Новороссийского края (Екатерины II).

На другой день, 27-го, помаленьку я начал собираться в дорогу, когда явился ко мне курьер с приглашением Алексея Самоиловича и Юлии Михайловны пожаловать к ним на вечер, бал и маскарад 28-го числа. Мне следовало бы отказаться, во-первых, потому, что это был день кончины отца моего, во-вторых, что я два лишних дня должен был потерять в пути;

но мне не хотелось невниманием платить за учтивость, да и любопытство увидеть николаевское общество во всем его блеске взяло верх над долгом. Дней за десять перед тем видел я одесское, но не мог судить о великой разнице между ними, не будучи ни с кем знаком. Мужчины несколько пожилые и степенные, равно как и барыни их, сидели чинно в молчании; барышни же и офицерики плясали без памяти. Масок не было, а только две или три костюмированные кадрили. Женщины были все одеты очень хорошо и прилично по моде, и госпожа Юлия уверяла меня, что она всех выучила одеваться, а что до нее они казались уродами. Сама она, нарядившись будто магдебургской мещанкой, выступила сначала под покрывалом; ее вел под руку адъютант адмирала Вавилов, также одетый немецким ремесленником, который очень забавно передразнивал их и коверкал русский язык. На лице Грейга не было видно ни удовольствия, ни скуки, и он прехладнокровно расхаживал, мало с кем вступая в разговоры. Сильно возбудил во мне удивление своим присутствием один человек в капucinском платье; он был не наряженный, а настоящий капуцин с бородой, отец Мартин, католический капеллан черноморского флота, который, как мне сказывали после, тайно венчал Грейга с Юлией. Оттого при всех случаях старалась она выставить его живым доказательством ее христианства и законности ее брака; только странно было видеть монаха на бале...»

Здесь следует сделать некоторое уточнение. Так как капелланов на Черноморском православном флоте отродясь не существовало, то, скорее всего, венчание протестанта Грейга с недавно обращенной в православие Леей происходило по протестантскому обряду в Николаевской протестантской церкви, не имеющей никакого отношения к флоту. Информации Вигеля относительно вероисповедания жены Грейга противоречит ряд других исследователей, которые считают, что Лия-Юлия не желала принимать ни православия, ни становиться протестанткой, оставаясь в иудействе, а поэтому венчание адмирала с девицей было невозможно, а потому она на всем протяжении их совместного проживания оставалась лишь гражданской женой Грейга. О том, что Лия-Юлия была именно гражданской женой Грейга, пишет в своих письмах и адмирал Лазарев.

В 1820 году происходит нечто весьма интересное. Ни с того ни с сего Меншикову император Александр I вдруг предлагает возглавить Черноморский флот. С чего бы это вдруг? Меншиков и корабли-то видел только с берега. Рассуждаем логически: если возникла потребность в срочной смене командующего флотом, да еще на непрофессионала в

морском деле, значит, этот командующий совершенно не удовлетворял предъявляемым ему требованиям. Другого ответа я здесь не вижу. Ну а кто же был в это время у нас во главе Черноморского флота? Искать долго не надо. С 1816 года главным командиром Черноморского флота и портов, а также одновременно военным губернатором Николаева и Севастополя являлся не кто иной, как вице-адмирал Грейг. С чего бы снимать Грейга? Он всего четыре года в столь высокой должности (по тем временам весьма немного), и даже еще не стал полным адмиралом (этот чин Грейг получит лишь восемь лет спустя). По отзывам современников, в этот период Грейг, еще не пресытившийся и уставший от должности, был достаточно энергичен и занимался флотом. Ни на повышение, ни на равнозначную должность в 1820 году вице-адмирала Грейга назначить не могли. На более высокой должности морского министра уверенно пребывал в ту пору маркиз де Траверсе, главным командиром Балтийского флота был вице-адмирал Кроун, а начальником Главного штаба (который тогда имел не слишком высокий ранг) являлся контр-адмирал Моллер-2-й. Отсюда вывод — в 1820 году Грейга намеревались снимать с должности за какие-то прегрешения. Но за какие? Что же произошло на Черноморском флоте в том году? Никаких боевых действий в тот год не было, корабли занимались боевой подготовкой. Серьезных кораблекрушений с гибелью кораблей и людей тоже не было. Так что же произошло? А произошло в 1820 году следующее — в Николаеве появилась Лия Сталинская и не только появилась, но и стала открыто жить с адмиралом.

Но в 1820 году роман Грейга с Леей еще только начался. К тому же появление любовницы низкого происхождения у вельможи аристократа не было чем-то из ряда выходящим. Думаю, что на первых порах в Петербурге просто посудачили над пикантной новостью — старый и убежденный холостяк Алексей Грейг наконец-то завел себе любовницу, она, говорят, еврейка, но, однако, очень хорошенькая. К этому времени с «княгиней» Лович уже открыто жил младший брат императора великий князь Константин, так чего уж пенять на Грейга!

Так в чем же тогда было дело? А дело было в том, что Лия время даром не теряла, и едва она переехала в дом главного командира, как в Николаев кинулись и толпы ее алчных соплеменников, которым новая полуцарица Причерноморья с легкостью раздавала наиболее выгодные подряды на максимально выгодных условиях. Это и вызвало легкую оторопь в Петербурге и желание императора Александра срочно сменить Грейга на Меншикова. То, что последний не был моряком, Александра I не смущало, главное, что он был лично честен и неподкупен, а это в России

встречалось тогда (да и сейчас) не так уж и часто. Но замена тогда все же не состоялась. Почему? Возможно, узнав от своих людей в столице о возникшей угрозе, Грейг сразу же сбавил обороты дележа флотского бюджета. Возможно, императора отвлекли какие-то другие дела, и он решил не торопить события. Александр I вообще был в последний период своего царствования весьма сомневающимся человеком. Зная о готовящемся мятеже в гвардии, он ровным счетом ничего не сделал, чтобы арестовать заговорщиков. Оставил на своем месте и Грейга. Однако для нас интересно, что «первый звонок» Грейгу был еще за 13 лет до его фактического снятия с должности!

Сегодня, смотря из далей XXI века на сословно-национальные ограничения века XIX, мы прекрасно понимаем, что на самом деле Грейг в отношении любимой им женщины поступил так, как считал нужным. То, что он не побоялся молвы ради любви, может вызвать лишь уважение. И если бы избранница адмирала стала, как и положено любящей женщине, хранительницей домашнего очага и воспитательницей детей, то, думаю, что и современники, и историки отнеслись бы к избраннице Грейга куда более снисходительно. Но Лия Сталинская была не из тех дам, для кого муж и семья являются пределом мечтаний. Пределом ее мечтаний были богатство и власть.

Вообще, любопытно само появление Лии в Николаеве. Как пишут ее биографы, дама приехала в этот город, чтобы заняться продажей корабельного леса. Сегодня бизнесумен — это само собой разумеющееся, но для того времени об этом и речи не было. Женщина-купец — о таком в России и не слышали. Чего она хотела от адмирала? Конечно же, заключения выгодного подряда на поставку леса, это как минимум. Ну а там как получится. И ведь все получилось. Красота, ум, опыт обольщения мужчин молодой вдовы поразил не искушенного в амурных делах, застенчивого и неуверенного в себе Грейга, и он почти сразу капитулировал. Что и говорить, торговка из Могилева сорвала джекпот!

С большой долей вероятности можно предположить, что встреча Грейга с Леей произошла вообще не случайно, а была тщательно организована и срежессированна еврейскими купцами. Увы, но когда речь идет об очень больших деньгах, вопросы нравственности во внимание не принимаются. Зная стеснительность и робость адмирала, а также тип женщин, который ему нравится, купцы-миллионщики вполне могли подобрать соответствующую даму, без комплексов, соответствующе проинструктировали ее и отправили прямоиком в кабинет, а потом сразу и в постель закомплексованного Грейга. Впервые в жизни попав в объятия

красивой, сексуальной, страстной и умной женщины, Грейг испытал чувство полного счастья, и с этой минуты все остальное было для него уже вторично. Если все обстояло именно так, то после «вхождения» в дом Грейга Лия должна была оправдывать оказанное ей доверие, и она его по полной программе оправдывала. Признаюсь, но Юлия Грейг очень напоминает мне другую Юлию земли украинской, с той лишь разницей, что их разделяют два столетия. Объединяет же двух Юлей многое: и одинаковое происхождение, и стремительное возвышение, и поистине мужской характер и, наконец, невероятная хитрость и напористость в достижении поставленной цели. Порой я даже думаю, а вдруг душа мадам Грейг просто переселилась в тело мадам Тимошенко! Так ли это невероятно?

Высшая аристократия, разумеется, далеко не сразу приняла в свое общество Лею-Юлию, но та, судя по всему, не слишком переживала из-за этого, так как власти «матери-командирши» Черноморского флота ей вполне хватало. Что касается Грейга, то он, как это часто бывает в случаях, когда пожилые мужчины сходятся с молодыми девицами, полностью попал под ее влияние. Теперь всеми хозяйственными делами Черноморского флота (да и не только хозяйственными!), по существу, заправляла сожительница командующего и ее ближайшее окружение. Вначале сожительница Грейга прибрала к своим рукам все поставки флоту корабельного леса, а затем наложила свою длань и на другие направления хозяйственной деятельности флота. Грейг, к большому сожалению, сам, быть может, до конца того не понимая, быстро стал лишь ширмой в умелых, жадных и цепких руках. Впрочем, и в отношении Грейга имеется достаточно «странный» факт: командующий Черноморским флотом и портов, как оказывается, являлся одновременно... председателем Николаевского ссудного банка. Главный командир Черноморского флота и портов, генерал-губернатор Николаева и Севастополя — это не просто командующий флотом! Это человек, которому помимо военного флота подчинен и весь торговый флот Черного и Азовского морей, а помимо этого все порты, портовые склады и таможня. При этом, в отличие от Балтийского флота, флот Черноморский традиционно сохранял известную самостоятельность от Морского министерства в финансово-хозяйственных делах. И ко всему этому адмирал Грейг внезапно для всех оказался еще и преуспевающим банкиром. Надо ли говорить, как можно было направлять (и куда теперь направлялись!) финансовые потоки. На должность председателя Николаевского ссудного банка адмирала, скорее всего, определила именно не в меру предприимчивая сожительница. Лучшего

прикрытия для финансовых махинаций, чем командующий Черноморским флотом и портами, придумать было просто невозможно!

Дело в том, что в период командования Черноморским флотом Грейгом там сложилась небывало напряженная и взрывоопасная обстановка, связанная с формированием особого этнического «грейговского клана», не только полностью взявшего в руки все финансовые и хозяйственные флотские дела, но и, говоря современным языком, «приватизировавшего» хозяйственную деятельность всех черноморских и азовских портов России. Любой новый начальник всегда приводил и приводит с собой свою команду, но то, что происходило на Черноморском флоте в период правления адмирала Грейга, вышло очень далеко за общепринятые рамки.

Черноморский флот был лакомым куском; ежегодно через него проходило от 8 до 12 миллионов рублей золотом, поэтому еврейские купцы охотно занимались поставками флоту. Подсчитано, что из 52 подрядчиков Черноморского флота с 1813 по 1830 год 30 были евреями. При этом речь идет не об отдельных подрядчиках, а о фамильных кланах, во главе которых стояли купцы: Фавель Исаков, Абрам Перетц, Самуил Бертензон, Маркус Варшавский, Михель Серебряный, Файбиш Бланк, Шлема Рафалович, Моисей Дубенский, Нусин Пуретц, Лейб Зельцер, Шавель Рабинович, Натанзон Аусландер, Берко Барановский, Лейба Айзеншток; Пейсих Бегун, Штулькарц, Нахман Берков, Ицка Финкельштейн и т.д. При этом одесские и николаевские купцы, разумеется, жили не в вакууме. Так, один из авторитетнейших николаевских купцов Рафалович, к примеру, поддерживал самые тесные отношения с уже известным нам домом Ротшильдов. Кстати, появление и самой Лии Сталинской в Николаеве было связано вовсе не с познавательным путешествием романтической барышни, а с деловой поездкой. Предприимчивая дама прибыла в Николаев договариваться с командованием Черноморского флота о поставках корабельного леса. Но дела пошли столь успешно, что вскоре она навсегда перебралась в дом главного командира Черноморского флота и портов.

С подачи Грейга и его сожительницы еврейская торговая община вскоре оказалась в гораздо более выгодных условиях, чем русская и греческая. Прошло совсем немного времени, и русские купцы вообще почти исчезли с горизонта, а греки были потеснены на второстепенные и третьестепенные роли. Все подряды теперь делила среди своих соплеменников Лия Грейг. Адмирал Грейг оказывал еврейским купцам открытое покровительство (сегодня бы сказали: «лоббировал их интересы»). При этом порой это носило вызывающий характер. Так, в 1819 году Грейг был почетным гостем при закладке Главной синагоги в

Николаеве. Авторитета среди офицеров флота и местной аристократии это ему не прибавило, однако на сей счет он, видимо, и не слишком переживал.

Казалось бы, если еврейские купцы в срок и качественно исполняют взятые подряды, то о чем речь? Какая, в конце концов, разница, кто делает работу, если делает ее в срок, качественно и выгодно для заказчика. Относительно сроков исполнения обязательств и их качественности надо рассматривать каждый случай отдельно, а вот относительно выгоды для заказчика вопрос открытый. Что касается самих друзей Лии, то они внакладе не оставались никогда, наоборот прибыль их превышала все мыслимые проценты.

Таков был фон, на котором разворачивались все последующие события.

Глава вторая.

ЗАСТЕНКИ МИЧМАНА ДАЛЯ

Власть управительницы Черноморским флотом Лии Грейг была поистине безгранична. Месть могла настичь кого угодно. Попал в опалу к сожительнице командующего и знаменитый в будущем собиратель русского языка Владимир Даль. История отношений Владимира Даля с Леей Грейг и самим адмиралом Грейгом весьма показательна в понимании всей ситуации тогдашнего времени на Черноморском флоте.

Мичман Владимир Даль служил в 28-м флотском экипаже, плавал на фрегате «Флора» и бриге «Менгрелия».

Поводом к расправе с молодым мичманом стала некая эпиграмма, сочиненная Далем, в которой он весьма нелестно и остроумно прошелся по нравственным качествам Юлии Михайловны, не была забыта там и ее национальность. Упоминался в эпиграмме и «глупый рогоносец» Грейг.

Биограф Владимира Даля Майя Бессараб в своей монографии «Владимир Даль» (Московский рабочий, 1968) так, в несколько завуалированной форме, передала суть происшедшего: «Единственный друг, с которым в это время Владимир мог отвести душу, был Карл Кнорре, астроном Николаевской обсерватории. Володе очень нравилась эта профессия, он жаждал знаний, душа требовала постоянных, полезных занятий — а между тем он носил ее с собою в караул, на знаменитую гауптвахту в молдаванском доме, иногда на переключку в казармы у вольного дока, и сам видел, что этой пищи для него было недостаточно».

Друзья засиживались допоздна в обсерватории, а потом долго гуляли по городу. Они любили ходить по бульвару вдоль Ингула или по главной улице. Теплыми летними вечерами здесь собиралось все местное общество. Знакомые и незнакомые барышни заглядывались на красавца мичмана

— Вашему брату, моряку, и старость нипочем, — сказал однажды Карл. — Грейг — ходячие мощи, а туда же, завел красотку.

— Так это правда? — удивился Володя. — Наш Алексей Самуилович?

— Он самый. Командующий Черноморским флотом, николаевский севастопольский военный губернатор Алексей Самуилович Грейг.

— Оно, конечно, это его личное дело, да зачем же тогда разыгрывать из себя такого святошу? — возмутился Даль.

— Да Домик ей купил на главной улице.

В этот вечер они больше не говорили об адмирале, а наутро Владимир принес Карлу сатирическое послание Грейгу. Карл расхохотался.

— Здорово, брат! Дай-ка я перепишу.

Через три дня стихотворение повторял весь город. Встречаясь на улице, люди спрашивали друг друга: «Слыхали?»

Дошли стихи и до Грейга Адмирал рассвирепел, его чуть не хватил удар. Он приказал немедленно выяснить имя автора.

Кому же писать стихи, как не «сочинителю»? К Далю пришли с обыском, но ничего не нашли. Мать, провожая полицмейстера, который перерыл у нее весь дом, чтобы унижить его, ткнула ногой в ящик комода, где лежала старая обувь, и сказала:

— Тут еще не искали.

— Что ж, поищем, — ответил полицмейстер.

И можно себе представить ужас бедной женщины, когда он вытащил из ящика случайно завалившийся туда черновик злополучной эпиграммы, написанный рукой ее сына.

В сентябре 1823 года по приказанию Грейга Даля арестовали. Адмирал Грейг предал Даля военному суду. Год тянулось дело Владимира Ивановича. Его замучили бесконечными допросами, а затем разжаловали в матросы «за сочинение пасквилей».

В судебном деле на мичмана Даля № 26 имеется 53 документа на 85 листах. Вот что там значится: «В ночь с 19-го на 20-е апреля 1823 года в разных частях города кто-то расклеил анонимные стихи, которые взбудоражили николаевских жителей, но на следующий же день они были сняты полицией.

С дозволения начальства
Профессор Мараки сим объявляет,
Что он бесподобный содержит трактир,
Причем всенароднейше напоминает
Он сброду, носящему флотский мундир,
Что теща его есть давно уж подруга
Той польки, что годика три назад
Приехала, взявши какой-то подряд.
Затем он советует жителям Буга
Как можно почаще его навещать,
Иначе, он всем, что есть свято, клянется,
Подрядчица скоро до них доберется».

Стихотворение Даля было не в бровь, а в глаз, потому что ярость Грейга была неопишуемой. Куда подевалась маска европейского либерала! Наверное, если бы Дalia можно было повесить, то Грейг это проделал бы с преогромным удовольствием. Но Далий был дворянином, и его надо было судить. Грейг и здесь требовал от судей немыслимого — лишить Далий чина и записать в матросы! Морской аудиторский комитет не утвердил приговор Грейга, признав достаточным пребывание Далий под арестом и судом в течение восьми (!) месяцев. Мичмана тут же перевели с Черного моря на Балтику. Однако было очевидно, что мстительный Грейг и его «подрядчица» доберутся до Далий и там. Для молодого офицера выход был один — подавать в отставку, и как можно быстрее.

Современный грейгофил Ю.С. Крючков в своей книге «На грани веков» пишет: «Стишки эти не выдерживали никакой критики с точки зрения стиля, формы, рифмы, грамматики и прочих тонкостей поэзии, да и не в этом дело. Главное — их нравственная (вернее, безнравственная) сторона. Они оскорбили не только Мараки и всех моряков, но бросили неприличную тень на жену Грейга Юлию Михайловну. Намек был слишком прозрачным: год появления в Николаеве, национальность (Юлия после первого замужества, как мы помним, выдавала себя за польку), покровительство трактирщице, подрядчица, сила Юлии и власть и т.д. Прижатый уликами Далий, однако, не растерялся и заявил, что он этот пасквиль не писал, а раз стишки написаны от имени Мараки, то он, очевидно, их и написал. Следуя букве и духу закона, полиция вызвала на дознание учителя (профессора) итальянского языка в Николаевской штурманской роте (училище) — губернского секретаря Александра Данжело Мараки. Учитель дал расписку, что он не сочинял (сам на себя) пасквиль, случайное — они куплены в одной и той же лавке и т.д. На предъявленный в качестве обвинения его собственный пасквиль Далий возразил совсем уж оригинально: первый пасквиль он не писал и, возмущенный его содержанием, якобы выступил в защиту оскорбленного Мараки, написав “Антикритику”. Трудно сказать, чего тут больше, наивного нахальства или самоуверенной наглости. Как видим, Далий лицемерил и в приведенной выше автобиографии, заявив, что он не писал пасквиль, что не было названо ни одного имени, что в стишках он касался только “городских властей”, что без всяких доказательств он был привлечен к суду. Однако, почему все же в конце автобиографии он признает свой “проступок”, достойный наказания? Одно из двух: или виноват, тогда наказан за дело, а если не виноват, тогда как же понимать признание за собой “проступка”, за который Далий, по его же словам, “пострадал

довольно”? Видимо, Даль, запутывая в своей автобиографии дело, все же не мог отречься совсем от того, что было на самом деле. А была далеко не “шалость”».

В конце концов, Даль сознался лишь в том, что его авторству принадлежит стих, написанный в защиту преподавателя итальянского языка в штурманской роте Мараки. Вот этот стих:

Без дозволения начальства Антикритика
Дурак, как Мараки над ним забавлялся,
Марая Мараку, он сам замарался
На всех, как Мараки пасквили писать.
Ума хоть не станет, бумаги читать.
Та полька — не полька, а Лейка жидовка,
Сатирик в герольдии знать не служил:
Сестра ее, мать — такие торговки.
Подрядами ставят, чем Бог наградил.
В таком-то местечке меня уверяли.
Что Лейку прогнали и высекли там,
Я право же, верю, из зависти лгали:
Наш битого мяса не любит и сам!

Стихотворение отчаянно смелое, ставящее все точки над «и». Что же могло подвигнуть молодого мичмана к такому отчаянному шагу, как открытое и прямое обвинение рейговской клике. По-мальчишески нелепо? Возможно, да! Но что еще мог сделать мичман? Он вышел на бой с кликой с открытым забралом и уже только за это достоин нашей памяти.

В течение нескольких месяцев суд под председательством вице-адмирала Языкова добивался признания мичманом Далем своей вины за стихи. Языковым были составлен лист вопросов к арестованному мичману. Этот лист сохранился. Вот перечень изложенных на нем вопросов:

«1-й. Где и у кого видал он сочиненный пасквиль, противу которого сделал он возражение, соображаясь во всех словах оного, в своей им так называемой “Антикритике”, ибо Комиссии суда известно, что все листы, приклеенные по разным частям города, были на другой же день Николаевскою градскою полициею со всех мест оторваны, следовательно, ни у кого оного пасквиля не долженствовало оставаться.

2-й. На кого он относит слово: “та полька не полька, а Лейка жидовка”; и почему он мог знать мысль сочинителя, на кого он именно разумел

называть полькой, какая именно ее сестра и мать “такие торговки, подрядами ставят, что Бог подарил”.

3-й. В каком местечке, кто и при ком именно его “уверяли, что Лейку прогнали и высекли там” и почему он может ссылаться на г. полицмейстера насчет написанного им в его “Антикритике”: “Та полька не полька, а Лейка жидовка”, тогда как Комиссия спрашивала его о сем, а ни кого другого, зная, что он верно известен о сей женщине, потому что пасквиль был написан прежде, чем он у него взят».

Несмотря на почти ежедневные допросы и моральное давление, Даль категорически отказался дать показания. Почти через месяц мичман официально заявил: «О женщине Лейке произносил слова в присутственном месте г. полицмейстер Федоров, который показал, что ему известно, о какой именно женщине в приклеенном пасквиле речь идет...»

Прошло еще несколько месяцев, и Даля все же заставили написать ответы на составленные вице-адмиралом Языковым вопросы. Вот что написал мичман Даль:

«1. Ежели сам сочинитель не известил о числе им прибитых пасквилей, то никак нельзя полиции ручаться в том, чтобы она успела захватить оные все до одного; кому случилось выйти на улицу раньше служителей полиции, тот мог увидеть и снять один или несколько из прибитых по углам листов. Доказательством сего служит то, что он видел упомянутую пасквиль на другой день публикации оного в руках у двух канцелярских служителей, читавших оную на улице против квартиры капитана I ранга Гаитани, имена коих он не знает. Догадка его в рассуждении мыслей сочинителя пасквиля основывается единственно на слухах.

2. Кто же такая “Лейка жидовка” г. полицмейстер подполковник Федоров может подать подробнейшие всем известия, ибо когда он допрашивал, для чего он в листах с найденными у него стихами взял партикулярное письмо, писанное к нему из Польши; не думал ли он найти в оном что-либо касательно сей “польки или жидовки”, то он отвечал: происхождение и дурное поведение сей женщины столько известно, что было бы излишним чинить подобные разыскания. Следовательно, он знал, о какой именно особе речь идет в прибитой пасквиле.

3. Выражение “в каком-то” он... не помнит. Под словом “наш” разумел он “наш Николаев”. Он, не смеючись говорит, не верит, чтобы здесь находилась жидовка Лейка, которая была бы высечена и выгнана из другого местечка, не верит, чтобы наш Николаев дал бы пристанище такой распутной женщине”.

Что ж, Владимир Даль держится весьма достойно. Он не только храбро защищается, но еще и сам переходит в атаку на самого полицмейстера.

Из показания полицмейстера Николаева Федорова: «Николаевский полицмейстер Федоров отозвался, что он не находит надобности объясняться вместо подсудимого, тем более, что г. мичман Даль (как может припомнить), бывши в присутствии на другой день по взятии в доме пасквильных листов, не открыл ему, до кого относились ругательства, в “Антикритике” его написанные».

Решением Комиссии военного суда мичман Даль был разжалован в матросы на шесть месяцев. Адмирал Грейг, разумеется, с большой радостью утвердил приговор. Впрочем Даль сдаваться не собирался и написал письмо императору Николаю I. Теперь дело о всесильной подрядчице вышло на всероссийский уровень. Приговор Черноморского суда был рассмотрен главным Аудиторским департаментом, и столичные юристы пришли к выводу, что мичман понес слишком суровое наказание за свою мальчишескую шалость. Решением Аудиторского департамента годовое заключение на гауптвахте было зачтено за отбытие наказания. Таким образом, можно считать, что Петербург фактически отменил репрессивные меры к мичману со стороны Грейга и в определенной мере оправдал. Однако нам неизвестно, было ли это сделано из приверженности к букве закона и справедливости или в отместку грейговскому клану, которым в столице были давно недовольны.

Летом 1824 года мичман Даль перевелся в Кронштадт. И хотя дело он свое знал и служил неплохо, вскоре вынужден был с морской службой расстаться. У Грейга и в Кронштадте было немало влиятельных друзей, которые сделали пребывание Даля на флоте невыносимым. Из указа об увольнении В. Даля: «...уволить, согласно прошению, за болезнью, в отставку, с мундирным полукафтаном».

Позднее историки выдумают историю о том, что Даль уволился с флота по собственной инициативе ввиду того, что «плохо переносил качку на море». Даже спустя столетия история расправы черноморской мафии над молодым мичманом была нежелательна для публикации. Почему? Может потому, что в эпиграмме Даля присутствовало юдофобское начало? Может, наоборот, потому, что именно после расправы он и стал ярым юдофобом? Историк флота Ф.Ф. Веселаго в «Общем морском списке» относительно эпиграммы писал так: «Это было собственно юношеское, шутливое, хотя и резкое стихотворение, но имевшее важное местное значение, по положению лиц, к которым оно относилось». Известно, что

само стихотворение называлась «С дозволения начальства» и велось от имени некоего преподавателя итальянского языка.

Как бы то ни было, но после изгнания с флота бывшему офицеру Далю пришлось начинать полуголодную учебу в Дерпте на врача. К слову сказать, Грейг до конца своей жизни не забыл о Дале и, уже став сенатором, сделал все, чтобы помешать его карьере. В течение тридцати лет за Далем следовала мрачная тень Грейга и его любовницы. Лишь в 1859 году, когда старик Даль собирался выходить в полную отставку, указом императора Александра II было велено «не считать дальнейшим препятствием к получению наград и преимуществ беспорочного служащим предоставленных дело о “сочинительстве пасквилей мичманом Далем”». Впрочем, как мы в дальнейшем увидим, с Далем поступили все же достаточно мягко. С флота он был изгнан, но по крайней мере остался в живых. А ведь могло быть и многим хуже...

В 1841 году, поступая на службу в Министерство внутренних дел, Владимир Даль написал автобиографию, в которой описал и свое видение давнего «николаевского дела»: «Воспитан, будучи в Морском кадетском корпусе, я с 1819 года служил во флоте, в продолжение семи лет. В Николаеве написал я не пасквиль, а шесть или восемь стишков, относившихся до тамошних городских властей; но тут не было ни одного имени, никто не был назван, и стихи ни в коем смысле не касались правительства. Около того же времени явился пасквиль на некоторые лица в городе, пасквиль, который я по сию пору не читал. Главный местный начальник (адмирал Грейг. — *В.Ш.*) предал меня военному суду, требуя моего сознания в сочинении и распространении этого пасквиля, тогда как я увидал его в первый раз на столе военного суда. Дело тянулось с лишком год, не было никакой возможности изобличить меня в деле, вовсе для меня чуждом, и несмотря ни на что, я был. Этот второй пасквиль написан был на жившую в доме адмирала Алексея Самуиловича Грейга, близкую к нему личность, наконец я был обвинен, без всяких доказательств, и приговорен к лишению чинов. Прибегая к единственному пути спасения, предоставленному в таком случае законом, я подал на высочайшее государя императора имя просьбу с объяснением всех обстоятельств дела. Вследствие просьбы этой, несмотря на силу главного морского начальника и мое пред ним ничтожество, генерал-аудиториат меня защитил мне возвращен был чин лейтенанта, со старшинством противу товарищей, и сам я переведен на Балтийский флот.

Не хочу оправдываться в проступке своем, но смею думать, что я пострадал за него довольно, и что это для молодого человека, едва только

оставившего корпус, есть достойная наказания и забвения шалость».

Современный защитник Грейга и ее сожительницы Лии николаевский инженер Ю.С. Крючков издал немало книг и написал немало статей в защиту своих любимых героев, попутно обвиняя во всех грехах всех, кто воевал с черноморской мафией (Лазарева и его сотоварищей, Даля и иных). Любопытно, что в «деле Даля» Крючков пытается самым бессовестным образом извратить причину, по которой молодой мичман мог решиться на столь отчаянный поступок, как сатиру на адмирала и его любовницу. Истинная причина весьма прозрачна — фантастическое воровство и беспредел грейговской банды, вдохновляемой и направляемой его любовницей Уж не знаю, кривит душой Ю.С. Крючков или на самом деле верит в собственную блажь, но в своей книжке «На грани веков» (Николаев: Издательство Ирины Гудым. 2007) он пишет следующее: «Вся эта история как-то выпадает из рассуждений здравого смысла. В самом деле, два брата, Владимир и Карл Дали, оба моряки самого низшего чина, оба служат в Николаеве. С младшим Карлом в дружеских и творческих отношениях находится главный командир Черноморского флота и военный губернатор города вице-адмирал Грейг, их самый старший начальник. Карл вхож в дом адмирала, вместе с ним и с главным астрономом Кнорре они по ночам проводят астрономические наблюдения в домашней обсерватории Грейга, вместе делают открытия и публикуют их. Владимир Даль также дружен с Кнорре. Не может быть, чтобы он также не был в числе желанных персон в доме адмирала, тем более, что Дали дружат также с Анной Зонтаг, женой Егора Зонтага, американца на русской службе, флаг-капитана Грейга, командира его яхты. Зайцевский, друг Даля и Пушкина, братья Рогули — все эти молодые моряки окружают Грейга; их объединяет общий интерес к литературе и поэзии, который, по-видимому, разделяет и Грейг — человек высокой культуры, знакомый с Пушкиным и встречавшийся с ним в Одессе у Воронцова. Все они прекрасно служат и при поддержке Грейга продвигаются по службе, сделав впоследствии заслуженную карьеру (кроме Карла Даля, который рано умер). И вдруг один из них пишет мерзкие стишки на жену своего главного начальника, с которой он и хорошо знаком, и которого она принимает в доме адмирала (неспроста полиция добивалась у Даля ответа, знает ли он “ту женщину”). В чем же причина? Нет, не желание “изобличить” порядки на флоте, безобразия и прочее. Их ведь в стишках нет, этих изобличений. Почему-то и мимо Порудоминского (биограф Даля, автор книги о нем в серии «ЖЗЛ». — В.Ш.) прошло незамеченным, что Мараки понадобился в обоих пасквилях только в качестве зацепки, что стишки направлены против одного лишь

человека — Юлии Михайловны. Несмотря на их низкий профессиональный уровень, они крепко сбиты одной идеей и всем строем выводят к Юлии. Писал их не “графоман-самородок”, а умный человек, причем с аналитическим умом. И по стилю оба стишка совпадают. И писались они, по-видимому, одновременно и по одной программе. Писал их не столько поэт, сколько ученый, который все “мерзопакостное” содержание пасквилей умело разложил по полочкам. Таким умом обладал В.И. Даль — будущий составитель словаря, аналитик и синтезатор. Так что же его заставило это сделать? Я сейчас выскажу естественную мысль, которая до сих пор никем еще не излагалась. Даль и Юлия были почти одногодки (разница около полугода). В год появления пасквилей им было по 22. Она еще не Юлия Михайловна Грейг, жена адмирала, а “полька — не полька”, “Юлька — не Юлька”, Лейка, тайная сожительница с намеками на темное прошлое, обворожительно красивая, но окруженная ореолом сплетен и догадок. Даль — молодой самоуверенный мичман с некоторыми литературными задатками и острым критическим взглядом на окружавшее его николаевское общество. У него уже небольшое реноме поэта, писателя-сатирика, чьи пьески ставит молодежь Николаева. В его возрасте мечтают о любви, добиваются расположения женщин, хвастаются своими победами в узком кругу друзей (вспомним Пушкина в эти годы). Возможно, Владимир Даль был влюблен в Юлию, как это часто бывало, когда молодые адъютанты влюблялись в жен и дочерей своих генералов и адмиралов, Юлия не отвечает ему взаимностью, храня верность адмиралу. А возможно, что Даль мог и просто решить, что добьется близкого расположения Юлии, наслышавшись о ее якобы легковесном прошлом. Можно лишь предположить, что в обоих случаях Юлия дала отпор самовлюбленному мичману, а в последнем варианте — и очень резкий. Нездоровое честолюбие Даля было задето. Молодости свойственен максимализм. Он решил отомстить, и сделал это продуманно, жестоко и мерзко. Это только версия. Но она имеет право на жизнь больше, чем другие. Чтобы оскорбить молодую, красивую женщину, близкую к адмиралу, самому высокому своему начальнику, не задумываясь над последствиями для нее и для себя, нужны были мотивы, и очень серьезные. Иначе просто так, ни за что оскорбить женщину мог только троглодит, ущербный ублюдок (каков стиль! — В.Ш.), но Даль им не был. Следовательно, должна быть причина, которая заставила его мстить, невзирая ни на что. А это — только неудача на любовной почве, это чувство унижения, связанное с отказом в притязаниях».

Итак, в версии Ю.С. Крюкова, Владимир Иванович Даль — будущий

знаменитый лингвист, почетный академик, «Казак Луганский», автор великого «Толкового словаря живого великорусского языка», человек, имя которого навечно будет произноситься с благоговением каждым русским человеком, представляется всего-навсего злобным параноиком, который стремится ни за что ни про что оклеветать и оскорбить идеальную женщину Лею, только за то, что она отвергла его грязные домогательства. За такие необоснованные и мерзкие обвинения в былые времена били канделябром... Увы, теперь можно вполне безопасно, сидя в независимом Николаеве, поливать грязью и великих русских флотоводцев лазаревской школы, и великого собирателя русского слова только за то, что они встали в свое время на защиту государственных интересов России.

Кстати, история с Далем была далеко не единственной. Время от времени молодые офицеры пытались что-то предпринять, хотя практически всегда их благие намерения выходили им боком. Весьма характерной выглядит история с мичманом Александром Спицыным. Молодой офицер отличался принципиальностью. В 1830 году он служил на брандвахтенной бригадине в Сухумском порту. В один из дней командир послал его проверить документы и фактический груз пришедшего в порт турецкого судна. Спицын не ограничился формальным отношением к заданию, а «вывернул турок наизнанку». В результате в трюмах судна были обнаружены три черкесских эмиссара, пробиравшихся к Шамилю, и контрабандный груз для имама; сталь, сера, оружие. За проявленную бдительность и ревность к службе Спицын был поощрен и переведен на брандвахту в Николаев. И тут-то разразился скандал. Когда в порт пришло очередное иностранное судно, Спицын отправился его досматривать и обнаружил груды контрабанды. На судно немедленно примчался таможенный аудитор, некто Михайлов, который вначале пытался уговорить Спицына закрыть глаза на контрабанду, а затем стал угрожать расправой. Спицын в долгу не остался и, отлупив аудитора, выбросил его за борт. После этого Грейг с подачи своей супруги немедленно арестовал не в меру ретивого мичмана. Следствие длилось полтора года, и в конце концов Спицын был осужден на два месяца содержания в крепости. Спицыну просто повезло, так как именно в это время на Черноморском флоте произошла смена руководства, и адмирал Лазарев буквально вытащил мичмана из тюрьмы.

В данной истории любопытна личность самого Спицына. Впоследствии этот блестящий офицер будет блестяще командовать фрегатом «Кагул» в Синопском сражении, а во время обороны Севастополя станет командиром самого страшного 4-го бастиона, на котором получит

четыре ранения, но не покинет поля боя. Впоследствии А.П. Спицын в течение двадцати лет будет исполнять должность керченского градоначальника и дослужится до чина полного адмирала. При этом на всех должностях современники отмечали его большую личную храбрость, честность и обостренное чувство справедливости.

Интересна и еще одна деталь. Фамилия пытавшегося спасти контрабанду николаевского аудитора была Михайлов. Хорошенько запомним эту фамилию! С этим человеком нам еще придется встретиться.

Что же касается Владимира Даля, то время все расставило на свои места. Кто ныне помнит адмирала Грейга и его сожительницу Лею? Почти никто! Память же о великом патриоте России и собирателе русского языка Владимире Ивановиче Дале будет жива, пока будет жива Россия.

Глава третья.

АДМИРАЛЫ-КУПЦЫ И КУПЦЫ-АДМИРАЛЫ

На фамильном гербе Грейгов значился девиз: «Ударяй метко». И Грейг ударял! К сожалению, метко «ударял» не только он один, но и все его окружение. Короля, как известно, делает его свита. В случае же с адмиралом Грейгом именно окружавшая его камарилья и творила основную массу преступлений: воровала, брала взятки, лоббировала «своих», интриговала против неудобных и обогащалась всеми возможными способами.

Говоря о коррупции того времени на Черноморском флоте, мы должны понимать, что речь в данном случае шла не только и не столько о воровстве непосредственно на самом Черноморском флоте, как таковом. Разумеется, что и на самом флоте воровали, но это была лишь часть (и далеко не самая главная) деятельности тогдашней черноморской «мафии». Сама «мафия» подразделялась (если так можно выразиться) на две ветви. Первую составляли представители Черноморского флота, обладающие административными правами, бюджетными деньгами и возможностью лоббирования. Первым лицом здесь, разумеется, являлся сам адмирал Грейг. Вторым лицом (а фактически, может, даже и первым) была его гражданская жена Лия. Что касается третьего места в данной иерархии, то оно безоговорочно и однозначно принадлежало обер-интенданту Черноморского флота контр-адмиралу Критскому. Следом за Критским выстраивалась целая пирамида флотских чиновников и офицеров разного ранга, занимавших в своем подавляющем большинстве береговые и тыловые должности. Вторая «партикулярная» ветвь черноморской «мафии» возглавлялась богатейшими одесскими и николаевскими купцами Серебряным и Рафаловичем, а также наиболее влиятельными «хлебными королями» российского юга Гильковичем и Гальперсоном. О купцах и «королях» мы еще более подробно будем говорить ниже, пока остановимся на личности контр-адмирала Критского.

Критский — личность в нашем расследовании далеко не последняя, а в какой-то мере даже знаковая, а потому стоит познакомиться с ним поближе. Николай Иванович Критский был родом из греков. Его отец Николаи Димитрос был вывезен в Россию с Крита (отсюда и фамилия) после окончания Чесменской кампании 1770–1775 годов. В 1789 году Николай Критский поступил в корпус чужестранных единоверцев кадетом,

в 1794 году был произведен в гардемарины. В 1796 году Критский был произведен в мичманы с назначением на Черное море. С 1799 года он командовал разными судами и неоднократно был назначен для производства гидрографических работ по съемке берегов Черного и Азовского морей. В 1804–1807 годах находился на службе на канонерских судах. В 1807 году, командуя отрядом канонерских лодок, Критский участвовал во взятии крепости Анконы, а затем в Трапезундской экспедиции, окончившейся, как известно, неудачей. Возглавив Черноморский флот, Грейг вскоре обратил внимание на энергичного и услужливого офицера, который добросовестно исполнял не только служебные, но и личные поручения. Грейг приближает Критского к себе. С появлением Лии, с которой Критский быстро нашел общий язык (по некоторым сведениям, они состояли в любовной связи), положение Критского еще более упрочивается. В 1827 году он состоит при главном командире Черноморского флота вице-адмирале Грейге офицером для особых поручений и вне очереди получает чин капитаном 1-го ранга. Любопытная деталь — Критский был одноглаз. Официально он потерял глаз в одном из сражений, по неофициальной версии — его выбило пробкой от шампанского во время одного из многочисленных застолий.

С началом Русско-турецкой войны 1828–1829 годов Грейг делает все возможное, чтобы создать своему протекже боевой авторитет и выгодно представить его в глазах императора. С прибытием на Черноморский флот для руководства боевыми действиями императора Николая I, Грейг немедленно назначает Критского командиром новейшего линейного корабля «Париж», на котором Николай поднимает свой флаг. Главной обязанностью Критского было обеспечение пребывания императора и его многочисленной свиты на борту вверенного ему корабля. С этим поручением Критский справился блестяще, оставив о себе приятное впечатление, как о расторопном и услужливом хозяйственнике.

На корабле «Париж» Критский участвовал при взятии Анапы и при осаде Варны и хотя на первых ролях там не был, но отмечен был и Грейгом, и Николаем I. После убийства императора с флота Грейг сразу же организует для своего любимца целую операцию, чтобы иметь возможность представить Критского перед Николаем и дать ему адмиральские эполеты. Именно так был организован набег на небольшое приморское селение Инаду, впоследствии в рапортах раздутое до масштабов штурма не существующей в реальности крепости. Согласно официальной версии, Критский, начальствуя отрядом судов, был послан для овладения местечком Инада, где произвел высадку десанта, овладел укреплением,

истребил запасы, взорвал пороховой погреб и взял несколько пушек. За это дело brave капитан 1-го ранга был награжден золотой саблей «за храбрость». На самом деле турки никакого сопротивления не оказали из-за недостатка сил, а по приближении наших судов попросту бежали в горы.

Из воспоминаний адмирала И. Шестакова о Критском: «Румелийский берег, на котором подвизались в 1828 и 1829 году наши предшественники, наводил на более живые и близкие воспоминания, нежели анатолийский. Инада, занятая капитаном Критским с шумной реляцией, если не с громовым боем, привлекла наше любопытство не в гидрографическом только отношении. Нам хотелось отыскать хотя бы следы форта и цитадели, так грозно расписанных в донесении Критского, но мы набрали лишь на едва заметные признаки временных насыпей. В двадцать лет прочные стены не могли совершенно изгладиться, и зорок был единственный глаз Критского. Вообще этот глаз служил ему во многих случаях. Впоследствии, когда он был уже интендантом флота, на все сетования командиров, жаловавшихся, что им не отпускают из Адмиралтейства ничего полагаемого по штату, хитрый интендант постоянно возражал: “По штату! По штату! По штату полагается два глаза, обхожусь же я одним”».

Вскоре после окончания войны по протекции Грейга Критский определен исправлять должность обер-интенданта Черноморского флота, а в 1832 году был произведен и в контр-адмиралы. На все протяжении их совместной службы на Черноморском флоте Критский оставался главным любимцем Грейга и наиболее близким ему человеком, решавшим вопросы самого личного характера. Помимо всего прочего, Критский являлся главным связующим звеном между старыми греческими торговыми кланами и новыми еврейскими, то есть был одной из центральных фигур во всей черноморской «пищевой цепочке», фактическим серым кардиналом всего грейговского клана.

* * *

В чем же фактически проявлялась деятельность черноморской «мафии», на чем конкретно зарабатывались ею огромные деньги? Дело в том, что командующий Черноморским флотом в то время одновременно являлся и главным командиром Черноморских портов. Главный командир Черноморских портов сосредоточивал в своих руках огромнейшую власть. Ему подчинялись все порты (в том числе и торговые) Черного и Азовского

морей, со всеми своими службами: портовым хозяйством, причалами, складами, таможней, карантинном, торговыми судами и так далее. К тому же, как мы уже говорили, в руках Грейга был сосредоточен и местный банковский капитал. Учитывая, что именно через порты Черного и Азовского морей шел в то время основной внешнеторговый грузооборот почти всей внешней российской торговли и, прежде всего, ее главной составляющей — пшеницы, трудно даже представить, какие деньги крутились вокруг всего этого и какие капиталы наживались теми, кто имел хоть какое-то отношение к бездонной черноморской кормушке.

Черноморская торговля и черноморские порты по сравнению со всей остальной тогдашней Россией процветали. Во всех черноморских и азовских портах появились открытые евреями банкирские дома и торгово-посреднические конторы: Бродского, Когана, Рабиновича и Гартенштейна, Рафаловича, Эфрусси... Гоф-маклером одесской биржи состоял Симон Бернштейн, его тезка Симон Гурович представлял здесь Лондонскую и Ливерпульскую страховые компании, а братья Перельман были известными «комиссионерами по хлебной торговле»... Торговый дом Рафаловича к началу 30-х годов XIX века уже поддерживал самые тесные отношения с домом Ротшильдов. Предприимчивый судостроитель и «хлебный король» основал еще и банк европейского уровня — «Рафалович и К°».

Любопытно, что именно в это время в Одессе начали свою активную деятельность два предпринимателя — некто Гельфанд и Бронштейн. Оба нажили немалые капиталы на спекуляциях с хлебом. Это были дедушки небезызвестных революционеров-интернационалистов Израиля Гельфанда (Александра Парвуса) и Лейбы Бронштейна (Льва Троцкого), принесших впоследствии немало горя народам России. Аналогия здесь напрашивается сама. Если дедушки входили в состав «черноморской мафии», (пусть и не на первых ролях) и, как могли, грабили Россию, то их внуки сделали все возможное для уничтожения уже самой России...

Из воспоминаний личного врача и биографа М.С. Воронцова К.З. Андриевского: «Перевалка пшеницы через хлебные магазины в порт привлекала своими высокими заработками в Южную Пальмиру (т.е. в Одессу. — В.Ш.) не только выходцев из-за границы, промышлявших хлеботорговлей, но и множество люда из соседних и даже северных губерний. Всяк находил в Одессе, при неизменном в страдную пору спросе на рабочие руки, если не постоянный кров, то верный себе заработок. Так, порт и хлебные магазины — эти устои морской торговли города, кроме одесских обывателей, сытно кормили, работы хватало на всех! — тьму народа из пришлых. На юге их нередко называли еще “бурлаками”. Эти

странствующие в поисках приличного заработка украинские крестьяне, в отличие от “беглых” в Новороссию крепостных, располагали “письменными видами” от своих помещиков.

Тысячи русских поденщиков проходили сотни верст в южные порты, куда их гнала из отчих краев скудость земельных угодий, желание заработать на семью и “сколотить копейку” на подушную подать помещику. При работе “у хлеба” недурственно жилось в Одессе и крестьянскому народу из коренных губерний России! Попадая сюда, в Южную Пальмиру, на вольную жизнь и обильные хлеба из крепостных обнищавших краев, многие из них всяческими правдами-неправдами добывали себе подложные паспорта. Природные россияне заметно выделялись в порту своею численностью среди прочих работников. До одиннадцати тысяч душ этого временного в городе сезонного люда подвизалось в пору хлебного бума в наймах на поденных работах, испытав в урожайный год воистину благодать Господню. Причем даже мужик без лошади и телеги мог в артели портовых грузчиков или при хлебном магазине заработать в горячие дни на погрузке пшеницы от рубля и выше на душу. Осмотревшись на месте и скопив денег, многие из холостяков обзаводились в Одессе семьями и оседали навсегда.

Да, в разгар хлебного бума работы в порту и в городе хватало на всех, и на одесских улицах не сыскать было тогда привычных для прочих городов империи толп нищих да убогих, что мыкались с протянутой рукою от церковной паперти до богадельни. Одесские жители нередко выдвали в страдную пору даже фурщачков и грузчиков, которые “для форсу” с шиком прикуривали папироски от рублевых ассигнаций. Высокому достатку всех своих обывателей Южная Пальмира была обязана тем, что еще не знала, к счастью, со дня своего рожденья стихийных бунтов погрязшей в нищете и пьянстве городской черни. При этом в Одессе деньги зазря никому не платили. Карантинная и Практическая гавани в Воронцовские времена были еще по своему оснащению весьма далеки от совершенства. Практически все операции с экспортным хлебом проводились тогда вручную, поэтому так ценился труд поденщиков в порту. Поэтому не только в Одессе, но и по всем портовым городам Черного моря всегда были дороги крепкие рабочие руки. Заморский купец, которому нужно было, к примеру, погрузить свои два или три судна, — все “вдруг”, когда “горел” срочный фрахт, естественно, за ценою не стоял. В таких случаях в порядке вещей предлагалось за работу вдвое, а то и втрое сверх обычно принятого. Понятно, что платили сполна не только грузчикам в порту, но и за работу, особенно сверхурочную, при хлебных магазинах. Плата работнику

выходила тогда до 3 и более рублей в день. Вот и случалось, что в “пик” навигации, в незабываемые будни хлебного бума, даже избалованная домашняя прислуга все бросала на произвол судьбы и, только ухмыляясь в ответ на самые щедрые посулы своих хозяев, бежала к городским житницам и в порт.

Вот живые картинки городского быта Южной Пальмиры Воронцовской поры. Хлебный бум беспристрастно обнажал мирские страсти, охватившие всех обывателей Воронцовской Одессы — от предприимчивости и трудолюбия, до меркантильности и стяжательства. В ажиотаже осенней торговли он властно накладывал повсюду свой отпечаток на образ жизни, род занятий, нравы и даже привычки горожан.

Обратимся к тем дням в воспоминаниях прежних одесситов: “Бесстыдство нашей прислуги перешло пределы дозволенного! Не только лакей или кучер, но кухарка, не дождавшись, чтобы обед был изготовлен и подан, кормилица, несмотря на крик бедного малютки и слезы матери, — сетовали одесские дамы, — бросает самые почтенные и щедрые для них семейства, бегут в хлебные магазины для того, чтобы увязывать мешки, сидеть на улицах и подбирать падающий хлеб...”

Но можно ль упрекать ближнего своего за стремление к достойному лучшему вознаграждению его же собственного, честного труда? Зная, что страда “у хлеба” дает им “натурально заработать” целый капитал, охочих прозябать в услужении у господ за... 2 целковых в месяц тогда действительно набиралось в Одессе не много...

Легкость получения работы в Одессе и высокие заработки людей рабочего сословия в страдную пору имели, увы, и оборотную сторону медали — злое, повальное пьянство. Например, пришлые поденщики, оседая в городе в округе порта, уже тогда вместе с аборигенами первой Матросской слободки положили на Канаве начало “люмпен-пролетариату” Южной Пальмиры.

Надо знать, что люди, занимающиеся перевозом пшеницы в гавани в Одессе, замечательная ракалия... Они тяготеют к торговле. Ломовые извозчики нанимают их только во время грузки и поденно. Поденная плата доходит иногда до 3 и даже более рублей одному работнику. Разбойники балуются, если грузка идет сильно, до того случалось, рвут рублевые бумажки для папирос Грузка кончилась, они ничего уже делать не хотят; пропивают все...»

Вообще, по данным за 1808 год лишь один одесский порт принял около 400 купеческих кораблей, а доходы городского бюджета составили 130 тысяч рублей. Чтобы понять масштаб этих денег, достаточно сказать,

что фунт (т.е. 400 грамм) ржаного хлеба стоил в ту пору 1 копейку, говядины — 4 копейки, поросенок обходился покупателю в 60 копеек, а гусь — в 30 копеек. Всего за один целковый, т.е. за рубль, на базаре можно было закупить две огромные корзины всякой снеди.

С 1803 по 1810 год в Одессе не было ни одного случая банкротства, в то время как капиталы некоторых местных купцов измерялись уже сотнями тысяч рублей. О размахе торговой деятельности говорит уже то, что в 1808 году в Одессе был учрежден Коммерческий суд, призванный разрешать многочисленные споры и тяжбы между участниками торгового процесса.

В 1817 году Одессе был дарован режим свободной торговли («порто-франко»). Статус «порто-франко» способствовал сказочно быстрому превращению Одессы в третий по величине и по значимости город Российской империи. Достаточно сказать, что в 1836 году чистый доход одесского бюджета превышал валовую выручку ВСЕХ российских городов, за исключением Петербурга и Москвы.

По данным одесского историка Ростислава Александрова, экспорт хлеба из одного лишь одесского порта был больше, чем из всех портов Соединенных Штатов Америки! Не многим меньшим был экспорт сахара и других российских товаров. На гребне «хлебного бума» только в одной Одессе появилось 11 новых «миллионщиков», т.е. купцов-предпринимателей, чей торговый оборот превысил миллион серебряных рублей. А обороты торговых домов Константина Папудова, Ивана Ралли, Павла Ираклиди превысили 2 миллиона рублей. Лидировал же в этом «соревновании» торговый дом купца 1-й гильдии Федора Родоконаки — 4 миллиона рублей оборота. Вообще же список богатейших одесских купцов включал 121 фамилию — Рафалович, Вагнер, Масс, Мавро и др.

Казалось бы, богатеют купцы — богатеет держава, что же здесь плохого? Однако все дело было в том, что размеры коррупции и воровства в черноморских портах тоже были поистине фантастические.

Необходимость наведения строжайшего порядка в сфере экспорта хлеба диктовалось непростой международной ситуацией и катастрофическим падением экспорта хлеба в целом, о чем мы уже более подробно говорили выше. Тогда мы говорили о состоянии экономики и внешней торговли России вообще, теперь же нас интересует, прежде всего, вывоз пшеницы.

Историк В. Брюханов пишет. «Еще политика Наполеона, пытавшегося установить “континентальную блокаду”, сильно ударила по международной торговле. Поскольку она проводилась не один год, то всюду в Европе создались национальные и региональные рынки,

защищенные от иностранной конкуренции. С падением Наполеона пали и все установленные им запреты. Запасы, не находившие сбыта внутри стран-производителей, были выброшены на международный рынок. Соответственно покатились вниз цены: на зерно, в частности, на Берлинской бирже — в три раза за несколько лет. И, о, ужас — волна банкротств, охватившая всю Европу, мгновенно доказала, что без таможенной защиты долее существовать невозможно. Дружной ответной волной все государства, защищая каждое свою собственную экономику, воздвигали таможенные барьеры — покруче наполеоновских. Это также сказалось на вывозе сельхозпродуктов из России, занявших преобладающую роль в российском экспорте — взамен чугуна в донаполеоновскую эпоху.

Падение вывоза имело прямо-таки роковые результаты. В 1817 году экспорт зерна из России составил 143,2 млн. пудов, в 1820 году — только 38,2, а в 1824 упал до 11,9 млн. пудов... В 1817–1825 годах сокращение экспорта было прямым ударом по и без того небогатым помещичьим карманам. Кризис сбыта зерна и падение покупательной способности потребителей ударили и по российской промышленности. Резко ухудшалось финансовое положение государства: только с 1820 года по 1822 государственный доход сократился с 475,5 млн. руб. (ассигнациями) до 399,0 млн. Соответственно дефицит бюджета вырос тогда же с 24,3 млн. до 57,6 млн. Осенью 1825 года министр финансов Канкрин писал к Аракчееву. “Внутреннее положение промышленности от низости цен на хлеб постепенно делается хуже, я, наконец, начинаю терять и дух. Денег нет”.

Сложившаяся ситуация заставила императора Николая I сразу после восшествия на престол обратить на механизм экспорта пшеницы самое пристальное внимание. Одно дело воровать, когда экспорт составлял 143,2 миллиона пудов и совсем другое дело, когда всего 11,9 миллиона пудов. Ежегодно казна недосчитывалась миллионов рублей, которые потоком растекались по карманам местных воротил-купцов, продажных чиновников и не менее продажных флотских начальников. Масштаба расхищения 30-х годов XIX века на Черном море, возможно, удалось достичь в России, наверное, лишь в эпоху Ельцина. Известно высказывание императора Николая I наследнику Александру: «В России не воруем только мы с тобой, Саша!»

Вспомним теперь загадочную запись Пушкина: «Держава в державе!» — которую великий поэт записал сразу за упоминанием имени Казарского в своем дневнике. Не рассказом ли Казарского о разгуле «черноморской мафии» была навеяна эта странная на первый взгляд фраза? Более точного

определения тогдашней ситуации на Черноморском флоте дать просто невозможно. Как мы увидим дальше именно для такой трактовки пушкинской записи, имелись большие основания.

Генерал-губернатор Новороссийского края граф М.С. Воронцов, чтобы хотя бы немного ослабить влияние грейговской мафии на экспорт хлеба решает всеми силами развивать достаточно удаленный от грейговцев Таганрог, расставив там своих людей. Разумеется, Грейг пытается наложить свою длань и на Таганрог, а потому между ним и Воронцовым начинается настоящая битва за этот порт, продолжавшаяся до самой отставки Грейга. Биограф М. Воронцова О. Захарова в своей книге «Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов» пишет «Отвечая за состояние огромного пограничного района империи, М.С. Воронцов был вынужден оправдываться лично и защищать городские власти Таганрога после строительства там набережной и конной дороги. Таким образом, ни генерал-губернатор, ни городские власти не могли самостоятельно распоряжаться доходами, получаемыми, к примеру, от таможенных сборов в городе». Еще бы, ведь вся черноморско-азовская таможня давным-давно была «приватизирована» Грейгом, и чужаков он там не терпел!

Второй по значению статьей дохода черноморской «мафии» после махинаций с отправкой пшеницы из черноморских и азовских портов было кораблестроение.

Украинский историк Дмитрий Корнейчук пишет: «Являясь членом правительственного Комитета образования флота, созданного в 1825 году указом императора Николая I, Грейг лоббировал интересы Черноморского флота. Согласно утвержденным планам, флот в скором будущем должен был представлять внушительную силу — пятнадцать 120-пушечных линкоров, десять 84-пушечных, десять 60-пушечных Прекрасно понимая, что мощностей Николаевского адмиралтейства недостаточно для столь широкомасштабной программы строительства, Грейг настаивал на привлечении к строительству частных подрядчиков. У наиболее состоятельных из них — еврейских купцов Серебряного, Варшавского, Рафаловича — были оборудованы собственные верфи в Николаеве, что позволило им построить часть утвержденных программой Морского министерства кораблей. Блестящую карьеру адмирала разрушили “еврейский вопрос” и родственники.

У многих высокопоставленных чинов Черноморского флота нарастало недовольство монопольным положением еврейских бизнесменов в качестве основных поставщиков необходимых материалов и продовольствия для Николаевского адмиралтейства (ежегодные закупки на десятки миллионов

рублей). Так, древесина для верфи покупалась только у купца Федора Рафаловича (основатель известной в будущем одесской зернотрейдерской и банкирской династии), близкого родственника Юлии Грейг — жены адмирала. Обвиняли командующего флота и в получении “откатов” за предоставление подрядов в ручном режиме, без объявления тендеров».

Из воспоминаний адмирала И.А. Шестакова, служившего в начале 30-х годов XIX века на Черноморском флоте: «(Нельзя) отвергать у правительства права пробудиться, стать чутким к истинным своим интересам и желать положить конец ненормальному антинациональному порядку вещей, оскорбляющему народное самолюбие в настоящем и чревату бедрами в будущем. Военная сила должна быть народная по преимуществу. В случаях, для которых она содержится с огромным бременем для страны, требуются не только познания, но напряжение всех нравственных сил; недостаточно мочь разить врага отечества, нужно сильно желать того. Подобное независимое душевное состояние требуется от защитника чести и целостности государства во всякой войне, безразлично от племени, с которым она ведется. Каким же образом допускать, чтоб столь дорогие интересы находились в грозные исторические моменты в руках людей, отделяющих подданство от племенного происхождения? На каком политическом расчете можно допускать неминуемо раздваивающемуся в известных условиях лицу, пользоваться выгодами военного учреждения в мирное время, при вероятности, что в военное, для которого учреждение исключительно существует, совесть или крик души помешают исполнению служебного долга?

Была и другая, чисто нравственная причина, требовавшая изменения приросших к службе невыгодных для нее условий... Соблазнительная близость арсенала и адмиралтейства, доставлявших огромные средства, вместе с властью распоряжаться рабочей государственной силой смешали понятия о частной собственности с казенной».

* * *

Разумеется, что коррупция, взяточничество и воровство в огромных масштабах были присущи не только Черноморскому флоту, возглавляемому Грейгом. Рядом с Черноморским флотом дислоцировалась знаменитая Южная (2-я) армия. Черноморцев с армейцами связывало многое — и соседство, и общие задачи. Главной задачей и Черноморского флота, и Южной армии было ведение боевых действий против Турции, что они

делали во время войн с турками в 1806–1812 годах, 1828–1829 годах и в дальнейшем в 1853–1856 годах и в 1877–1879 годах. В этой связи контакты и связи между генералитетами этих двух наиболее мощных военных объединений юга России были постоянными и весьма тесными. Исходя из этого, закономерен вопрос а как обстояло дело с воровством в Южной армии?

В Южной армии воровали ничуть не хуже, чем на Черноморском флоте. При этом там были свои особенности. Во-первых, масштаб расхищения государственных средств был все же значительно меньшим. Армия не контролировала черноморские порты — главный источник обогащения черноморской мафии, не имела она и таких возможностей, как манипуляции с дорогостоящими подрядами на строительство кораблей, как черноморские мафиози. Главным источником воровства у армейских мафиози были махинации с продовольствием и другими видами снабжения собственной армии.

Помимо различий существовало, впрочем, и много общего. Во-первых, во многих случаях армейские генералы-воры контактировали с теми же еврейскими купцами, что их флотские коллеги (Рафалович, Гилькович, Гальперсон и другие). Во-вторых, схема воровства продовольствия в обоих случаях была примерно одинаковой. В-третьих, «излишки» армейского хлеба зачастую реализовывались именно в черноморских портах, где за экспортный хлеб давали куда больше денег, чем на внутреннем рынке.

Историк декабристского движения на юге России Оксана Киянская пишет: «Особой проблемой была борьба с коррупцией в среде армейского командования. Собственно, эта проблема для российского войска была не новой. Но в ходе 1812 года, заграничных походов и последующей послевоенной неразберихи она сильно обострилась. Набить потуже собственный карман стремились все — от нищего армейского офицера до генерала. Особенно коррумпированной оказалась служба снабжения армии — интендантство. Возглавлялась эта служба генерал-интендантом.

Должность генерал-интенданта была в армии одной из ключевых. Согласно принятому в 1812 году “Учреждению для управления большой действующей армией” “должность” генерал-интенданта состояла также в “исправном и достаточном продовольствии армии во всех ее положениях съестными припасами, жалованьем, одеждою, амунициею, аптечными веществами, лошадьми и подводами”. Генерал-интендант напрямую подчинялся главнокомандующему армией, занимал второе — после главнокомандующего — место в армейской иерархии. Это второе место он делил с начальником армейского штаба. Для осуществления своих

обязанностей генерал-интенданту был положен большой штат сотрудников. Начальник службы армейского снабжения имел доступ к большим деньгам: именно он составлял армейский бюджет.

В 20-х годах XIX века снабжение армии хлебом и фуражом осуществлялось централизованно, на бюджетные деньги. Армия имела постоянные армейские магазины-склады, из которых близлежащие воинские части получали продовольствие. Генерал-интендант отвечал за своевременное заготовление хлеба и фуража, за заполнение армейских магазинов. Заполнялись же магазины, прежде всего, с помощью открытых торгов, к которым приглашались все желающие. Правильная организация торгов, заключение контрактов (“кондиций”) с поставщиками по выгодным для казны ценам, контроль за исправностью поставок — все это входило в зону ответственности генерал-интенданта.

Генерал-интендант лично отвечал и за устройство дорог, по которым могла двигаться армия, был обязан устраивать вдоль этих дорог продовольственные пункты. Его значение во много раз возрастало в случае начала военного похода. Согласно тому же “Учреждению...” при объявлении военного положения генерал-интендант автоматически становился генерал-губернатором всех губерний, в которых были расквартированы армейские части.

2-й армии с генерал-интендантами явно не везло. Проворовавшиеся чиновники смещались один за другим, но к искоренению злоупотреблений это не приводило. Более того, армейская коррупция расцветала все сильнее, постепенно опутывая армейское начальство.

В январе 1817 года, за два с половиной года до назначения Витгенштейна главнокомандующим, был снят со своего поста “исправляющий должность” армейского генерал-интенданта чиновник 5-го класса Порогский — “за разные злоупотребления”. Собственно, Порогский пострадал из-за своего подчиненного, “комиссионера 12-го класса” Лукьянова. Лукьянов был разжалован в рядовые “за ложное донесение своему начальству о состоянии в наличности провианта, порученного ему к заготовлению, о ценах производимой им покупки оного, растрату казенной суммы, фальшивое записывание оной по книгам в расход и прочие в делах изъясненные поступки”. Лукьянов оказался “несостоятельным” в финансовом отношении — и поэтому растраченные им казенные деньги, 6922 рубля 20 и $\frac{1}{2}$ копейки, было признано необходимым взыскать с Порогового.

Тем же указом генерал-интендантом был назначен статский советник

Степан Жуковский. Как “способнейший чиновник”, на эту должность он был выбран лично императором. Жуковский попытался наладить интендантскую часть во 2-й армии. Но столкнулся с практически непреодолимыми преградами — в лице главнокомандующего армией генерала от кавалерии Леонтия Беннигсена и его начальника штаба генерал-лейтенанта Александра Рудзевича. В мае 1817 года Жуковский писал начальнику Главного штаба князю Петру Волконскому: “Я пагубен здесь и вреден для службы; вреден потому, что образ отношений ко мне начальства имеет влияние на моих подчиненных и на весь ход дел интендантских”.

“Когда управление армии в болезненном состоянии подобно телу, можно ли исцелить, не истребив болезни? Главнокомандующий слабый может ли иметь повиновение, душу порядка? Начальник штаба, имеющий связь родства с подрядчиком, может ли быть равнодушен к делам подрядческим? Генерал-интендант малочиновен и беден, может ли иметь приличное званию его уважение и содержание? Корпусные командиры и проч., под слабым начальством, могут ли быть в границах порядка? Интендантство без шефа и верховного правительства может ли быть верным блюстителем правительственного интереса?” Жуковский утверждал, что главный коррупционер во 2-й армии — генерал Рудзевич, действительно состоявший в родстве с одним из армейских поставщиков.

Для того чтобы искоренить коррупцию в армии, Жуковский потребовал особых полномочий и независимости от главнокомандующего, но не получил их. Беннигсен, узнав о письме Жуковского к Волконскому, просил императора прислать в армию независимого ревизора — для расследования состояния армейского интендантства. В армию был прислан полковник Павел Киселев, “друг” Александра I, имевший “особую доверенность” со стороны государя. Через несколько лет именно Киселев сменил Рудзевича в должности начальника армейского штаба.

Киселев, проводя ревизию, обнаружил, что Жуковский в своих обвинениях во многом прав. Однако и сам генерал-интендант оказался не без греха. Жуковский погорел на махинациях с поставками армейского продовольствия.

Как правило, основными поставщиками провианта для армии были местные богатые евреи — купцы 1-й гильдии. Они жестко конкурировали между собою за право поставки и внимательно следили за тем, чтобы конкуренция была честной, чтобы армейское начальство не отдавало предпочтение тому или иному поставщику по “личным мотивам”. Поскольку речь шла о больших деньгах, каждый из них в случае малейшей

“обида” был готов подать донос на генерал-интенданта.

В начале 1818 года один из армейских поставщиков, “заславский купец 1-й гильдии” Гилькович, написал донос на Жуковского. Гилькович обвинил его в том, что он, вступив в сговор с “купцом 1-й гильдии Гальперсоном”, предоставил ему исключительное право на поставку продовольствия для воинских частей. И от этого казна потерпела значительные убытки. Обвинения Гильковича подтвердились: согласно заключению Аудиториатского департамента, Жуковский “лучше предпочел поставщика Гальперсона и выгоду его, нежели пользу казны, и в сем обоюдном желании поставку провианта на весь 1818 год, простирающуюся до 4 миллионов рублей, отдал Гальперсону по высоким ценам, без заключения контракта и соблюдения тех правил, какие на сей предмет законом установлены”. От действий Гальперсона и Жуковского казна потеряла 120 тысяч рублей.

В ходе расследования выяснилось также, что в истории с Жуковским замешан главнокомандующий Беннигсен. Именно он утвердил заключенные с Гальперсоном “кондиции”, получив за это от купца взятку в 17 тысяч рублей. Беннигсен был вынужден уйти в отставку “по состоянию здоровья”, и его место занял Витгенштейн. Справедливо опасаясь наказания, смещенный главнокомандующий уехал в свой родной Ганновер, так и не сдав дела своему преемнику. Витгенштейн сразу же сместил Жуковского с должности генерал-интенданта и начал расследование его деятельности.

Но вскоре оказалось, что простым смещением интенданта дело поправить сложно. Преемник Жуковского, генерал-майор Карл Стааль, принял интендантство в ноябре 1818 года; в декабре же следующего, 1819 года он тоже был смещен. Причем смещение это сопровождалось очередным большим скандалом.

Отставка Стааля была тесно связана с “делом Жуковского”. Расследуя по поручению нового главнокомандующего деятельность Жуковского и только еще готовясь сменить его в должности, Стааль подал Витгенштейну рапорт, в котором утверждал: “Кондиции с Гальперсоном заключены вопреки всем законным постановлениям”. На этом основании Стааль предлагал “решительно уничтожить” эти “кондиции”. Стааль утверждал: обличая Жуковского, он “исполняет долг не только предназначенному ему новому званию, но и по долгу присяги государю своему и самой чести”. Однако спустя несколько месяцев, уже утвердившись в новой должности, он повторил ошибку своего предшественника. В феврале 1819 года Стааль тоже написал “партикулярное” письмо к князю Волконскому, в котором

утверждал, что его предшественник ни в чем не виноват — он просто пал жертвой клеветы и интриг. Повторяя обвинения Жуковского, он — в качестве главного коррупционера и взяточника в штабе — называл Рудзевича.

Документы свидетельствуют: генерал Александр Рудзевич действительно был одним из самых опытных армейских интриганов. Занимавший при Беннигсене пост начальника армейского штаба, он сохранил свой пост и в первые месяцы командования Витгенштейна. Более того, когда Витгенштейн принял армию, Рудзевич сумел стать близким ему человеком, всячески помогал войти в курс армейских проблем. Правда, о своей роли в армейской коррупции при Беннигсене начальник штаба предпочитал не распространяться.

В письме Петру Волконскому Стааль сообщал, что рапорт с обвинениями Жуковского он составил “по наговорам начальника главного штаба армии”, который не дал ему “случая видеться и объясниться с Жуковским”. Более того, Стааль утверждал, что, “познакомившись лично с бывшим генерал-интендантом Жуковским”, понял, что тот — “рачительный и деятельный чиновник”. Рудзевича же он характеризовал в письме как человека “властолюбивого”, имевшего к тому же “беспокойный нрав”.

Содержались в письме нападки и на самого Витгенштейна, якобы попавшего, как и прежний главнокомандующий, в зависимость от Рудзевича. “Пришлите сюда генерал-интендантом человека ничтожного и прикажите следовать слепо приказаниям начальника, и мир восстановите, и его будут хвалить”, — утверждал Стааль. Он просил у Волконского особенной доверенности — для того чтобы до конца изобличить всех мздоимцев в армейском штабе.

Волконский переслал письмо Стааля императору Александру Первому; император же, в полном соответствии с крылатой фразой “разделяй и властвуй”, отправил это письмо обратно во 2-ю армию, к Витгенштейну. Витгенштейн получил “именное повеление” Александра — разобраться во всем случившемся.

Естественно, что реакция Витгенштейна была весьма бурной и однозначно негативной по отношению к Стаалю. Витгенштейн доверял Рудзевичу и утверждал в рапорте к императору, что “сей генерал во всех отношениях отличный и Вашему величеству с той стороны известен”. Жуковского же главнокомандующий твердо считал казнокрадом. Витгенштейн негодовал на Стааля за его “партикулярное и секретное письмо, посланное мимо начальства”.

После письма Стааля и переписки главнокомандующего с императором стало ясно, что в армии снова грядут большие перемены. И они не заставили себя ждать. В феврале 1819 года генерал Рудзевич потерял свою должность. Правда, его не отправили в отставку и даже повысили: назначили командиром 7-го пехотного корпуса во 2-й армии. Его прямое участие в растратах доказать не удалось, но все равно он навсегда потерял доверие императора. На его место был назначен нелюбимый Витгенштейном Киселев — бывший ревизор, произведенный в генерал-майоры. Киселев имел в армии репутацию человека неподкупного, и с этой точки зрения выбор императора был вполне объясним. Правда, своего места лишился и Стааль.

Витгенштейну, которому пришлось разбираться во всей этой штабной грязи, были необходимы лично преданные сотрудники. Сотрудники, не навязанные, подобно Киселеву, “сверху”, а выбранные им самим. Конечно же, сотрудники эти не должны были быть связаны и со старой администрацией Беннигсена. Отсюда — резко возросшее влияние на штабные дела ротмистра Павла Пестеля. Причем влияние Пестеля на Витгенштейна было столь велико, что могло сравниться лишь с влиянием на него нового армейского генерал-интенданта Алексея Юшневского, сына близкого друга главнокомандующего. В декабре 1819 года Юшневский сменил на этой должности Карла Стааля».

Итак, как мы видим, в Южной армии воровали ничуть не с меньшим усердием, чем на Черноморском флоте. Что самое печальное, в обоих случаях во главе коррупционной пирамиды стояли высшие руководители. На Черноморском флоте — адмирал Грейг, в Южной армии — ее главнокомандующий генерал Беннигсен, снятый со своего поста именно за воровство и бежавший от расследования за границу. Кроме этого, в Южной армии, как мы видим, воровали и начальник ее штаба, и все бесконечно сменяемые генерал-интенданты. В такой обстановке не многое могло изменить и назначение главнокомандующим лично честного Витгенштейна, который в хозяйственных делах не слишком разбирался, да и лезть туда особого желания никогда не имел.

Однако в 1825 году в Южной армии произошли весьма серьезные события, которые полностью перевернули там всю ситуацию. Хорошо известно, что генералитет и офицерский корпус Южной армии оказался самым непосредственным образом замешан в заговоре декабристов. Чудом избежал наказания новый начальник штаба армии генерал Киселев, были арестованы генералы Волконский и генерал-интендант Юшневский, любимец Витгенштейна полковник Пестель и многие другие. Разумеется,

что после разгрома заговора декабристов Южная армия подверглась серьезной кадровой перетряске. При этом помимо арестованных заговорщиков лишились своих должностей не только сочувствовавшие им, но и многие мздоимцы. Разумеется, свято место пусто не бывает, и спустя некоторое время место старых воров заняли новые, но до прежних масштабов им было уже далеко. Южная армия была теперь наводнена жандармами, инспекторами, легальными и нелегальными агентами, которые наряду с изысканием крамолы изыскивали и вскрывали незаконные финансово-торговые операции.

В отличие от Южной армии Черноморский флот оказался совершенно непричастным к делам заговорщиков-масонов. Офицеры-черноморцы доказали свою полную лояльность и династии, и лично императору. Что касается адмирала Грейга, то он был, как пишут его биографы, всегда политически аморфен и никогда не лез ни в какие политические дела. Возможно потому, что хорошо помнил печальный конец своего отца — адмирала Самуила Грейга, руководителя кронштадтской масонской ложи «Нептун», который вынужден был воевать против своего масонского начальника шведского герцога Зюдерманландского, и, как уже писалось выше, за отказ подчиниться его масонским указаниям был попросту убит.

В связи с декабристским мятежом внимание к событиям на Черноморском флоте со стороны столичных властей на длительное время было ослаблено. Да и потом в ходе расследований деятельности адмирала Грейга и его не в меру энергичной супруги Николай I всегда помнил, о том, что в 1825 году Грейг, в отличие от Витгенштейна, не дал императору никаких поводов сомневаться в преданности его подчиненных. Возможно, что именно этим и объясняется весьма мягкое и тактичное отстранение проворовавшегося адмирала и его окружения от руля Черноморского флота и постепенная замена их людьми из команды адмирала Лазарева.

Мало кто знает, но тогдашняя «мафия» распространила свое влияние не только на наш флот. Получили свое и турки. Об этой стороне деятельности международной банды известно мало. В то время, как в Николаеве и Одессе «трудилась» не покладая рук Грейг с супругой Юлией, по другую сторону Черного моря не менее усердно работал глава Адмиралтейства Турции, дальний отпрыск крымско-татарских ханов Менли-Гирей. По некоторой информации, матерью его была некая еврейская куртизанка конца XVIII века Клара Гасуль. Впрочем, происхождение отпрыска татарских ханов — не самое важное. Важно другое: Менли-Гирей был тесно связан с банком венских Ротшильдов, которые его, собственно говоря, и субсидировали. Активную роль в

разграблении турецкой казны играли банкиры и предприниматели из греков-фанариотов.

Заметим, что именно в это время в Одессе процветает весьма близкий к кругам Грейга и Юлии банкир Герш Мовшович. Он субсидирует проекты Грейга, дает кредиты Серебряному и всей остальной компании, одновременно являясь представителем... дома Ротшильдов в Одессе и во всей Новороссии.

А потому, думается, совсем не случайно, турецкая схема «приватизации» судостроения и морской торговли мало чем отличалась от российской. Она включала схожие пункты: уничтожение казенного судостроения, сосредоточение всего судостроения в руках узкого круга лиц предпринимателей определенной национальности, взвинчивание цен на постройку судов, захват торговых рынков, прежде всего, хлебной морской линии Египет — Турция, а также угольной линии Трапезонд — Константинополь.

В связи с этим, думается, было бы неправильно говорить о некоем заговоре именно против России. Вовсе нет! Никто такой задачи в тот момент не ставил, хотя фундамент будущих политических игр против России закладывался именно тогда. В тот момент шло обыкновенное наглое и циничное обворовывание тех государств, где только удавалось присосаться к кормушке. Шло первичное накопление капитала будущими банковскими воротилами мира. А потому и Турция грабилась ими с тем же усердием, что и ее соседка Россия. Несколько позднее начинается уже и расстановка на ключевые финансовые должности в этих странах своих ставленников (в России — это отпрыски Грейга и Юлии, чуть позднее Юлий Витте и т.д.). С этого момента игра начинает переходить уже в плоскость большой политики. Но это отдельная большая тема разговора.

Возьмем, к примеру, барона Горация Евзелевича Гинзбурга (Гинцбурга). Имя этого удачливого еврейского коммерсанта и лидера еврейской общины России до сих пор вызывает проклятия русских патриотов. Сволочь был тот Гинзбург еще та! В самом конце XIX века этот еврейский барон стал поставщиком угля для русского Тихоокеанского флота. Тогда, если вы помните, наша империя заняла Маньчжурию, устроила базу в китайском Порт-Артуре на Ляодунском полуострове, построила порт Дальний. Накануне войны с Японией 1904–1905 годов еврейский барон завел выгодный бизнес: стал поставщиком угля для русского флота. Драл он с казны как за поставки первосортного кардиффского угля, а сам покупал низкокачественный японский. Тот, который нещадно дымил, демаскируя русские корабли, давал кучу золы и

не обеспечивал высокой скорости хода Гинзбурга материли наши моряки — а он продолжал как ни в чем не бывало. Разницу между стоимостью угля хитрый еврей клал в карман. Только ли свой? Нет, конечно! Царским наместником на Дальнем Востоке сидел адмирал Алексеев с кучей сановников. Говорят, именно с ними и делился оборотистый барон. Россия потерпела поражение в войне с Японией, ее флот погиб — но чиновные русские мерзавцы на всем этом только нажились на пару с Гинзбургом.

* * *

Однако вернемся к черноморским делам начала 30-х годов XIX века. Было бы наивностью полгать, что император Николай I ничего не знал о происходящих на Черном море безобразиях и не желал изменить ситуацию к лучшему. И знал, и желал. Сегодня нам вбили в голову, что император Николай «Палкин» был настолько «абсолютным монархом», что по своему капризу мог карать и миловать целые губернии. Увы, на самом деле все было далеко не Таie Императору постоянно приходилось самому лавировать между теснящихся вокруг трона политических и экономических группировок, кого-то усиливать, чтобы ослабить других, внимательно следить за сферами влияния, чтобы не пропустить момента чьего-нибудь чрезмерного возвышения, и как следствие этого — возможности давления на него самого. Для этого постоянно приходилось идти как на политические, так и на экономические компромиссы. В ситуации с Черноморским флотом, думается, все обстояло именно так. Во время мятежа масонов-декабристов Черноморский флот во главе с адмиралом Грейгом продемонстрировал свою если не преданность, то по крайней мере лояльность трону. Это Николай оценил. Пока не закончились разборки с декабристами и наведение порядка в армии, пока не закончились сразу две войны — Персидская и Турецкая, у императора просто не было возможности вплотную заняться наведением порядка в Николаеве. Но это время все же настанет.

Глава четвертая.

ТАЙНЫ ЧЕРНОМОРСКОГО КОРАБЛЕСТРОЕНИЯ

Для того, чтобы глубже понять ситуацию на Черноморском флоте, необходимо ближе познакомиться с характером кораблестроения на Черном море. Дело в том, что с Балтикой здесь не было ничего общего. Если на Балтике практические все военные корабли строились на казенных верфях и обходились государству сравнительно недорого, то на Черном море все было наоборот: всем заправляли евреи подрядчики, строившие корабли на своих личных верфях и бравшие за это втридорога. За те деньги, которые казна платила за постройку одного линкора на Черном море, на Балтике и в Архангельске можно было бы построить целых три! Все попытки навести порядок с кораблестроением на Черном море ни к чему хорошему не привели, так как частные верфи курировал сам адмирал Грейг и в обиду своих друзей купцов не давал.

Журнал «Русский архив» № 2 за 1881 год писал о временах адмирала Грейга: «В то время во главе Черноморского флота стоял адмирал Грейг, немало послуживший делу, но уже состарившийся и утративший необходимую энергию. Кораблестроение заставляло многого желать благодаря пронырству евреев, сумевших завладеть с подрядов этою важною отраслью. Личный состав флота переполнился греками, стремившимися удержать значение не столько доблестью и любовью к делу, сколько подмеченной в них еще древним летописцем лестью. Заметно было отсутствие живой подбадривающей силы, способной пробудить дремавший дух и направить всех и каждого к благородной цели совершенствования.

Уже с 1818 года начинает работать частная верфь, построенная одесским (впоследствии николаевским) купцом 1-й гильдии Михелем Серебряным на левом берегу реки Ингул около Адмиралтейства. На этой верфи было построено несколько мелких судов. В конце 20-х годов Михель Серебряный получил заказ на строительство четырех судов более крупных. Для его выполнения на противоположном берегу был построен элинг, в котором в период с 1828 года до 1831 года и были построены 108-пушечные линейные корабли «Адрианополь» и «Память Евстафия», большие фрегаты «Эревань» и «Энею» 60-пушечного ранга. Всего купцом

Серебряным на своей верфи с подряда было построено более 60 различных судов, включая транспорты, баркасы и другие плавсредства.

Вторую частную верфь основал херсонский купец 1-й гильдии, подрядчик-поставщик Черноморского флота Маркус Варшавский, еще выше реки Ингул. Она получила название «Маркусов элинг». Маркус Варшавский, польский еврей, строил на собственной верфи в Херсоне с подряда суда для Черноморского флота (в частности канонерские лодки и транспорты), поставлял корабельный лес, дрова, провиант. На его элинге с подряда были построены транспорты: «Ингулец» (1826 г.), «Верблюды» (1825 г.), «Редут-Кале» (1827 г.), и первый товарно-пассажирский пароход «Одесса» (1827 г.) — для Новороссийской экспедиции.

Нельзя не отметить деятельность еще одного подрядчика-судостроителя — Абрама Перетца. С 1809 года он жил в Николаеве, занимался поставками флоту разных материалов, строил на собственной верфи в Херсоне мелкие суда для Черноморского флота, построил в Адмиралтействе с подряда элинг, пристани, магазины, корабль «Кульм» и ряд транспортов.

Больше того, со временем дошло до того, что лучшие казенные верфи отдавались в частные руки, причем отдавались за чисто символические деньги (своеобразная приватизация начала XIX века). Так, к примеру, произошло со Спасским Адмиралтейством, которое передали на подрядных началах (а практически «подарили») могилевскому купцу 2-й гильдии Шлеме Рафаловичу, который с женой (кишиневской купчихой) Ревеккой и сыном Александром в 20-х годах по приглашению жены адмирала А.С. Грейга переехал в Николаев, где сначала занимался поставками разных материалов и интендантских припасов для Черноморского флота. С выселением евреев из Николаева и Севастополя Рафаловичи вынуждены были уехать в Кишинев, а затем переехать в Одессу. Однако с разрешения царя Николая I во время строительства судов им разрешалось жить определенное время в Николаеве.

Будем объективны: в первый период своего руководства Черноморским флотом Грейг весьма деятельно и результативно занимался вопросами кораблестроения. Имея прекрасную не только практическую, но и теоретическую подготовку в области кораблестроения (в свое время Грейг несколько лет стажировался не только в английском флоте, но и на английских верфях), он знал все недостатки отечественного судостроения. И главное — имел готовые тактические и стратегические планы инноваций. По примеру английского кораблестроения, подводная часть строящихся на черноморских верфях кораблей и судов стала в

обязательном порядке обшиваться медными листами. Это было дорого, но зато защищало древесину от гниения, а корпус от обрастания, и, следовательно, продлевало службу самих кораблей и судов. Воплотил адмирал Грейг в жизнь и ряд иных технических изменений, сделавших корабли более маневренными и подвижными. Грейг провел тщательный аудит казенных закупок. Разорвал контракт на поставку вооружения (пушек различного калибра) с Луганским заводом, славившимся бракованными изделиями. В Севастополе была построена специальная мануфактурная фабрика, поставляющая флоту достаточно качественную парусину. Однако затем, когда адмирала взяла в оборот Лия и ее окружение, все пошло совершенно иначе.

Помимо всего прочего, являясь на основании высочайшего указа 1825 года членом правительственного Комитета образования флота, Грейг в открытую лоббировал интересы Черноморского флота уже во всероссийском масштабе. На первый взгляд в этом не было ничего особенного: каждый командующий лоббирует интересы своих подчиненных. Однако все дело было в том, что Грейг начал навязчиво продвигать на Балтийские верфи своих одесских и николаевских подрядчиков. Много в этом деле ему достичь не удалось, петербургские и архангельские купцы были и сами с усами. Атака черноморской «мафии» была отбита, но, как говорят, осадок остался.

Согласно утвержденным в 1826 году императором Николаем планам, Черноморский флот в скором будущем должен был представлять внушительную силу — пятнадцать 120-пушечных линкоров, десять 84-пушечных, десять 60-пушечных. Такой амбициозной кораблестроительной программы на Черном море у России еще не было. Деньги на строительство нового флота государство выделяло в полном объеме, но не одномоментно, а частями в течение нескольких лет, что было и остается обычной практикой. В свою очередь Грейг объявил, что для выполнения столь большой программы строительства флота мощности казенного Николаевского Адмиралтейства явно недостаточно. Поэтому Грейг настаивал на привлечении к строительству частных подрядчиков, утверждая, что только в этом случае он гарантирует выполнение столь грандиозной корабельной программы. От себя он гарантировал надзор за соблюдением финансовой дисциплины, пресечение малейших попыток воровства и проверку качества новостроенных кораблей и судов. В качестве доводов Грейг приводил то, что у наиболее состоятельных из них — еврейских купцов Серебряного, Варшавского, Рафаловича — не только к этому времени уже были оборудованы собственные верфи в Николаеве, а

кроме этого, у них имеются свободные капиталы и они готовы начинать немедленное строительство под небольшой процент, не дожидаясь поступления бюджетных денег. Общий вывод Грейга был таков: его план — это единственно реальный путь выполнения программы Морского министерства.

Помогая Грейгу продавливать его план, в Петербург примчались и сами одесские и николаевские подрядчики, подкреплявшие клятвенные обещания в честном партнерстве дорогими подарками чиновникам. Как бы то ни было, но план Грейга был принят, ему был дан карт-бланш выполнения кораблестроительной программы и он же был определен ответственным за ее исполнение. Забегая вперед, скажем, что эта кораблестроительная программа, на которую были в полном объеме выделены огромные государственные деньги, так никогда и не будет выполнена. Деньги растворятся в небытие (а черт их знает, куда делись!), а Грейг и его поделщики обложатся горами бумаг для своего оправдания. Попробуй их возьми за рубль с полтиной!

Однако корабли и суда, пусть не в намеченном объеме, но все же строились. Всего в 20-х годах XIX века в Николаеве на частных верфях было построено свыше 95 различных судов. Причем, заметим, что один М. Серебряный построил более 60 судов, а вместе с М. Варшавским они построили около 70% всех новых судов. Шесть человек (Серебряный, Варшавский, Перетц и семья Рафаловичей — папа, мама и сын) построили 25% Черноморского парусного флота, взяв за это деньги, за которые можно было построить несколько флотов. При этом казенное Адмиралтейство не построило и 30%, так как были и другие, более мелкие, частные верфи, которые тоже имели свой кусок с общего стола.

Купец Серебряный в октябре 1828 года начал строить для казны на правом берегу Ингула второй элинг за 437 000 руб. В мае 1829 года строитель Суравцев заложил на этом элинге 94-пушечный линкор «Память Евстафия», а на первом, левобережном, элинге в июле 1829 года Серебряный заложил такой же линкор «Адрианополь». На подрядных Спасских верфях Николаева в начале 1829 года достраивались заложенные в 1828 года линкор «Анапа» и 60-пушечный фрегат «Эривань». На казенных же верфях в это время строился только один фрегат — «Архипелаг», несмотря на то, что там стоимость постройки была почти вдвое меньше, чем у Серебряного. В Николаеве на казенной верфи удалось добиться разрешения на постройку только пары люгеров-катеров и пары небольших транспортов. Севастопольское казенное Адмиралтейство, вообще, занималось лишь починкой старых кораблей. Частное

судостроение буквально обдирало государство. Огромные суммы уходили в Николаев и навсегда исчезали там. Ни количество кораблей, ни качество их постройки ни в коей мере не соответствовали отпускаемым на это деньгам.

В личном архиве Николая I сохранилась любопытная бумага Это доклад адмирала Грейга о финансовых средствах, необходимых для оплаты владельцам частных верфей Николаева и Херсона На бумаге резолюция — яростный росчерк императора: «Еврейский щет! Но платить надобно!» Рядом с резолюцией раздражений Николай изобразил самого себя в фуражке набекрень и с раскрытым в гневном крике ртом и с припиской, отражающей душевное состояние императора: «Раз-з-зявы!!!» Увы, тут Николай I был не совсем точен. Раззявой был именно он, но никак не Грейг...

Как вспоминал современник: «Кораблестроение заставляло многого желать, благодаря пронырству евреев, сумевших завладеть с подрядов этой важной отраслью. Личный состав флота переполнился греками, стремившимися удержать значение не столько доблестью и любовью к делу, сколько подмеченной в них еще древним летописцем лостью».

В мае 1829 года Николай I утвердил представленную Грейгом программу черноморского судостроения на 1830 года. А в конце 1829 года предприниматель Шапошников построил на подрядной Спасской верфи второй эллинг, в проектировании которого участвовал приглашенный из Англии по особому дозволению Николая инженер И.И. Уптон. 18 декабря 1829 года на новом эллинге заложили 84-пушечный линкор «Императрица Мария». В тот же день Николай I утвердил состав Черноморского флота, определив его в 15 линкоров и 10 фрегатов. Однако недостаток денег сорвал выполнение программы 1830 года. Все выделенные на кораблестроение деньги были уже растрачены Грейгом и поделены между его сотоварищами, подрядчиками Рафаловичем и Серебряным. Это привело к тому, что вместо намеченных шести линейных кораблей в 1830 году в Николаеве заложили только 24-пушечный корвет «Пендераклия», а также с опозданием на год спустили 2 шхуны, 2 яхты и пароход «Громоносец». Между тем Грейг, как и прежде, распределял заказы на строительство кораблей только частным верфям, минуя казенные. Так, после спуска в 1830 году кораблей «Память Евстафия», «Адрианополь» и «Варна» на верфях Рафаловича и Серебряного были заложены по контракту 60-пушечные фрегаты «Бургас» и «Эноо, обошедшиеся казне почти в полтора раза выше стоимости 80-пушечных линкоров.

Отставание черноморского судостроения на этот раз серьезно встревожило Морское министерство, которое потребовало срочно наладить

постройку кораблей на казенных верфях и не рассчитывать более на подрядное строительство. Это требование Грейг, однако, проигнорировал. Возможно, что ситуация к этому времени на Черноморском флоте сложилась так, что он уже и не мог ничего изменить, даже если бы очень захотел, так как зависимость адмирала от черноморской мафии к этому времени была уже полной.

Черноморский флот в 1831 году состоял из одного 100-пушечного, пяти 84-, двух 80- и двух 74-пушечных линкоров, четырех 60- и трех 44-пушечных фрегатов, двух корветов, семи бригов и катеров. Гребные черноморские суда Николай I в марте 1831 года объединил в Дунайскую флотилию. Для поддержания боеспособности флота требовалось ежегодно строить по одному новому линкору и фрегату. Казенных мастеровых для такого строительства не было, так как их всех переманили на частные верфи. Недоставало на казенных верфях и квалифицированных рабочих, так как им там практически ничего не платили. Дело в том, что все казенные верфи Черного моря, как и порты, самым непосредственным образом подчинялись Грейгу. Надо ли говорить, что в его воле было сделать так, чтобы они владели самым жалкое существование рядом с соседствующими процветающими частными верфями Рафаловича и Серебряного.

В своих письмах императору Грейг постоянно писал одно и то же: надеяться можно исключительно на подрядное строительство. В январе 1832 года Грейг доложил императору и Главному морскому штабу о необходимости построить подрядным способом четыре линкора. Это был уже вызов. Терпение Николая I лопнуло, и он строжайше запретил подряд, а от адмирала потребовал предпринять «всевозможные старания к содержанию флота казенными средствами».

В ответ Грейг сослался на то, что на казенных верфях он ничего строить не может, а если императору хочется увеличить штат Черноморского флота, то он может лишь увеличить сроки службы судов. Продлить жизнь кораблей могла только полная чистка их корпусов в доке. Николай I дал на это согласие, но выразил желание иметь для регулярного ремонта кораблей два сухих дока в Севастополе. Первый проект этих доков для Севастополя подготовил адмиралтейский инженер фон дер Флисс. Морское министерство обратилось в Главное управление путей сообщения с ходатайством о разработке подробного проекта. Проект составил инженер-полковник Потье. Фон дер Флисс счел проект Потье неудачным и предложил свой для трех кораблей: двух линкоров и фрегата. Царь разрешил постройку доков в Севастополе, но в связи с тем, что все

документы существовали только в одном экземпляре, бумаги по мере их прохождения по разным ведомствам какого-то странно «затерялись», и про царский указ исполнители вроде как забыли. Разумеется, на самом деле ничего не затерялось, а попросту было преднамеренно уничтожено. Грешу и его окружению постройка доков в Севастополе была ни к чему. Контролировать финансово-судостроительную ситуацию в Севастополе всегда было труднее, так как там частных верфей не существовало, а в развитии казенных, как мы уже говорили, черноморская мафия была не заинтересована. Таким образом, местные воротилы вынуждали властителя России отказаться от всех своих задумок. Николая буквально заставляли вернуться к единственно приемлемому для мафии варианту — постройке кораблей на ее собственных верфях и по ее же установленным завышенным денежным суммам.

Но времена уже менялись. С каждым месяцем Николай I все сильнее и сильнее брал в руки вожжи государственного руководства. Не забыл император и о доках. Спустя некоторое время император снова спрашивает Грейга о начале строительства казенных доков в Севастополе. В ответ, как мы уже знаем, был инспирирован знаменитый Севастопольский чумной бунт, который, как и предполагали его организаторы, задержал развитие казенного кораблестроения в Севастополе, но, как оказалось, ненадолго. О самом бунте мы поговорим еще ниже.

Император Николай I оказался человеком последовательным и упрямым. Уже в начале 1831 года он снова требует от Грейга доложить ему о начале работ по строительству севастопольских сухих доков. В конце февраля 1831 года Грейг и директор департамента Главного управления путей сообщения инженер-генерал Опперман сообща представили Николаю I доклад о постройке доков и положение о строительном комитете севастопольских доков. Председателем комитета Грейг предложил назначить генерал-майора Берха, главным строителем — упомянутого выше английского инженера Уптона. Пока кандидатуры утверждались царем, Грейг попросил Берха подобрать в соответствии с положением штаты и немедленно начать работу.

Тем временем понемногу начали активизироваться и те немногие антигрейговские силы, которые еще сохранились к тому времени на Черноморском флоте. Возглавил их начальник штаба флота капитан 1-го ранга Мелихов. Дело в том, что согласно существовавшей тогда вертикали подчиненности начальник штаба флота не являлся заместителем командующего, а занимался исключительно канцелярскими вопросами, а

кроме этого, являлся подчиненным не только командующего флотом, а начальника Главного морского штаба. Последним обстоятельством Мелихов при передаче своего письма и воспользовался. Начальником Главного морского штаба в то время был любимец императора известный князь Меншиков. К его помощи и решил прибегнуть Мелихов.

Пока решался вопрос о доках, капитан 1-го ранга Мелихов весной 1829 года, минуя Грейга, представил в Морское министерство свой проект сосредоточения черноморского судостроения и руководства флотом в Севастополе. Мелихов указывал, что хотя Николаев удобно расположен для дешевой доставки туда из внутренних губерний необходимых материалов, но зато, во-первых, Ингул и Южный Буг замерзают на 4 месяца; во-вторых, малые глубины Буга и Днепро-Бугского лимана не позволяют проводить готовые линкоры с полной загрузкой из Николаева к Очакову, из-за чего теряются два месяца работы и возникают дополнительные трудовые затраты; в-третьих, по той же причине паровая землечерпалка в устье Ингула должна непрерывно работать 6 месяцев; в-четвертых, из Таганрога в Николаев ежегодно доставляется 20 тыс. пудов железных изделий, а путь от Таганрога до Севастополя вдвое короче; в-пятых, лес везут из Херсона в Николаев на транспортах или буксируют плотами, в то время как эти транспорты могут идти прямо в Севастополь. Кроме того, цена доставки леса из Подольской губернии в Николаев и Севастополь почти одинакова, и если устроить порт в Очакове, то можно будет сразу направлять лес туда без перевалки в Херсоне, а из Очакова везти в Севастополь, используя вместо транспортов старые линкоры и фрегаты. Перевод морских учреждений из Николаева в Севастополь и их слияние с соответствующими севастопольскими учреждениями позволяли вдвое сократить руководящий персонал. Сосредоточение всей главной администрации в Севастополе повышало оперативность в управлении флотом и боевую подготовку кораблей. Главным же был вывод начальника штаба флота: частное кораблестроение для военного флота на Черном море идет во вред флоту и государству и надо как можно скорее от него избавляться. Рассмотрев проект Мелихова, Меншиков полностью согласился с доводами автора и подготовил решение, по которому Николаев становился тыловой базой флота, т.е. все финансовые потоки пойдут теперь не туда, а в Севастополь. Свой проект Меншиков передал на отзыв Черноморскому ведомству. 9 июня 1833 года его дополнил проект указа императора прекратить расширение Николаевской базы и перевести часть подразделений флота из Николаева в Севастополь так, «чтобы сей порт находился к Николаеву в том отношении, как Кронштадт к Санкт-Петербургу».

Ответ последовал незамедлительно! Адмиралом Грейгом немедленно была организована собственная кораблестроительная экспедиция, в которую, разумеется, вошли лично преданные Грейгу люди — известные черноморские мафиози контр-адмирал Критский и купец-судостроитель Серебряный. Комиссия в самых резких тонах выступила против предложения Меншикова, ссылаясь на дороговизну доставки в Севастополь леса и большие затраты на сооружение там Адмиралтейства и пр. Грейг, разумеется, выводы экспедиции полностью поддержал и 23 сентября 1833 года в представлении в Морское министерство пополнил эти доводы еще одним соображением, указав на «угрозу одновременного уничтожения флота и судостроения на Черном море».

Последнее запугивание несколько поколебало уверенность Николая I в правильности позиции Меншикова, и вопрос был отложен. Что касается капитана 1-го ранга Мелихова, то он серьезно поплатился за свои правдоискания. Почти сразу же после того как стало известно о его письме, Грейг отстранил его от должности. Опального офицера забрал к себе в Петербург князь Меншиков, но карьера блестящего офицера была сломана.

Любопытный факт: если Балтийский флот всегда испрашивал на свое ассигнование разумные суммы, которые и бывали ему выделяемы, то Грейг всегда завышал количество просимых денег, как минимум в полтора раза. При этом он практически никогда не предоставлял по их расходу отчетности! Из-за этого постоянно вспыхивали скандалы между ним и Морским министерством, где казенные деньги все же считать умели. Так, в 1821 году Грейг обратился к морскому министру с требованием о немедленном выделении ему дополнительных денег в счет ассигнований будущего года. После долгой переписки и препирательств со стороны министра финансов он все же сумел вырвать миллион рублей. Отметим, что в следующем году Грейг добился не только того, что ему «скостили» прошлогодний долг, но попытался вырвать и новые сверхлимитные деньги. Повторюсь, что такое радение за обеспечение финансами вверенного ему флота было бы весьма похвально, если бы адмирал отчитывался о том, куда эти огромные суммы пошли. Но ничего подобного Грейг не делал. Миллионы исчезали один за другим без всякого следа.

Вторым после демарша капитана 1-го ранга Мелихова было письмо на имя императора бухгалтера Черноморского флота Яцына, который, будучи не в состоянии видеть происходящее вокруг разграбление, известил Николая I о творимых Грейгом и Критским безобразиях.

Бухгалтер Черноморского флота чиновник 6-го класса Яцын (что соответствовало согласно табелю о рангах чину полковника) в силу своего

положения знал очень много о финансовых махинациях на Черноморском флоте, в октябре 1825 года написал морскому министру письмо о творимых Грейгом и его окружениях расхищениях «О разных его ко вреду казны действиях». Главным обвинением в письме была преднамеренная переплата Грейгом купцу Михелю Серебряному за постройку с подряда двух кораблей и двух фрегатов.

Историк пишет: «Грейг, действительно, допустил неправильные по форме действия: вместо того, чтобы поручить расчет смет на постройку кораблей и эллингов Исполнительной экспедиции, т.е. Яцыну, он дал задание инспектору кораблестроения Черноморского флота М.И. Суровцову определить среднюю стоимость одной тонны подлежащих постройке судов на основе реальных цен». Однако в октябре 1825 года всем было уже не до разбирательств с Грейгом. В Таганроге умирал император Александр, в Петербурге и Тульчине готовились к захвату власти масоны-декабристы, и будущее России было не слишком ясным. Некоторое время спустя наскоро созданная комиссия во главе с генералом Сабаневым не признала за Грейгом никакой вины, сделав вывод, что Яцын из-за личной неприязни к Грейгу оклеветал его. Взойдя на престол, Николай I поначалу подмахнул приказ об отдаче бухгалтера Яцына под суд за клевету и даже выслал Грейгу бумагу о полной его невиновности, но когда получше разобрался с обстоятельствами дела, усмотрел в обстоятельствах переплаты денег Серебряному «стачку» чиновников с подрядчиками. Яцын, по-видимому, был освобожден.

Начиная с 1815 года, на стапелях Херсонской казенной адмиралтейской верфи в постройке одновременно находилось не более одного корабля, а в иные годы все эллинги вообще стояли пустыми. В это же время на частных николаевских верфях жизнь кипела! Туда шли миллионы рублей, там они отмывались и перераспределялись по карманам местных мафиози.

Отметим, что на верфях Серебряного и других членов своего клана Грейг всюду использовал более двух тысяч арестантов. Дело в том, что в ту пору арестантов можно было использовать лишь на валовых работах: что-то куда-то таскать. Грейг же начал назначать их на ответственные кораблестроительные работы, экономя на дармовых арестантах большие деньги, которые, разумеется, шли не в карман государства. При этом весьма страдало качество работ, так как арестанты в конечном результате своего труда были несколько не заинтересованы, а порой занимались откровенным саботажем и вредительством.

В фундаментальном пятитомном труде «История отечественного

судостроения» под редакцией академика И.Д. Спасского пишется: «Информация Лазарева о неблагоприятном состоянии Черноморского флота, которая, кстати, была не совсем объективной и, видимо, имела целью представить в невыгодном свете предшественника, была доведена до сведения царя. Следствием этого явилось распоряжение Николая I, которым Главное черноморское управление обязывалось строить за счет штатных сумм, назначаемых по статье “кораблестроение”, ежегодно по одному линейному кораблю и в два года по одному фрегату. Кроме того, предполагалось выделить управлению дополнительные ассигнования, сумма которых должна была позволить строить ежегодно на протяжении четырех лет по одному линейному кораблю. За счет этих и других средств предписывалось построить также столько фрегатов, сколько будет возможно, исходя из общей численности людей в 15 черноморских экипажах. При этом управлению предлагалось разработать по своему усмотрению проект штата судового состава флота, основываясь на числе флотских экипажей. Такой подход обеспечивал более полный учет всех возможностей и особенностей Черноморского ведомства, как в организации постройки судов, так и в комплектовании их личным составом. В то же время это не могло не привести к необходимости увеличения назначаемых по росписи бюджетных ассигнований. Проработка штаба Черноморского флота и служб обер-интенданта позволили к октябрю 1834 года составить три варианта штатного расписания, отличавшихся числом судов различных рангов».

Историки — авторы научного труда заступаются за Грейга и обвиняют в интриганстве возглавившего флот после него Лазарева! Насколько это соответствует исторической правде и насколько это этично? При этом авторы труда «История отечественного судостроения» здесь же указывают то запустение, которое оставил на черноморских верфях Грейг, и подробно описывают те срочные меры, которые предпринимает критикуемый ими Лазарев для выправления положения дел. Так кто же допустил это запустение, и кто наводил впоследствии порядок? Ответ, думаю, ясен.

К концу своего руководства Черноморским флотом Грейг довел его до самого бедственного состояния, флот практически не выходил в море, новые корабли сгнивали в порту, не сделав порой ни одной полноценной кампании. При этом адмирал требовал все новых и новых денег на постройку обреченных на сгнивание кораблей.

Вот весьма любопытное письмо контр-адмирала М.П. Лазарева к А.А. Шестакову, написанное в сентябре 1832 года, т.е. практически сразу после вступления в должность начальника штаба флота. Лазарев пишет

следующее: «...По приглашению адмирала Грейга сопровождал его на яхте “Резвая” (по имени, но не по качествам) к абхазским берегам — и я очень рад, что мне случилось сии места видеть. Был в Поты, Редут-Кале, Сухум-Кале, Бомборы, Пицунде, Гагре, Геленджике и Суджук-Кале... Гарнизоны наши в местах сих сожаления достойны, где люди, так сказать, гниют, ибо кругом болоты и нет казарм. Строевого лесу по всему берегу очень много... должен быть свойства самого крепкого, но, кажется, никто не обращает на сие внимания... что за порт Севастополь! Чудный! Кажется, что благодатная природа излила на него все свои щедроты и даровала все. Что нужно для лучшего порта в мире, но зато рука человеческая не очень заботилась, чтобы дарами сими воспользоваться... Не имея дока и до сего времени для разломки кораблей, ломали оные только до воды, а днища, одно за другим, тонули и засаривали тем лучшее место гавани!!!»

Глава пятая.

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ БУНТ

Одновременно с началом войны с Турцией в 1828 году на юге России начались события, которые повлекли за собой большие потрясения в этом крае. В 1828 году на юге России началась эпидемия чумы. Эпидемия захватила обширные районы и действующую армию. Не остался в стороне от этой беды и Черноморский флот.

Военный историк А. Керсновский пишет: «В 1831 году Россию и всю Европу посетила доселе неизвестная повальная болезнь, характеризовавшаяся молниеносным распространением, сильными мучениями больных и очень высокой смертностью. Врачам она была знакома и раньше понаслышке под именем “азиатской холеры”, но причины ее появления и способы лечения были им неизвестны. Старые, испытанные против чумы и различных “гнилых горячек” средства — устройство карантинных, оцепление зараженных местностей рогатками, окуливание проезжающих на больших дорогах — оказывались совершенно недейственными. Народ заволновался, обвиняя, как водится, в отравлении “дохтуров” и начальство. Беспорядки произошли по всей России — в Петербурге холерный бунт был сразу усмирён лично Государем. Стоя в коляске во весь свой богатырский рост, Император Николай Павлович командовал бунтовавшей на Сенной площади толпе: “На колени, мерзавцы! Шапки долой!” Эффект этих громовых слов был поразительный. Большое количество смутьянов Северо-западного края и столичной черни было выслано в рабочие батальоны и направлено в военные поселения Новгородской губернии».

Чтобы не пустить страшную болезнь в Николаев и Севастополь, в мае 1828 года вокруг городов установили карантинное оцепление. В оцеплении имелись заставы, пропускавшие скот на ближние пастбища и подводы с продовольствием в город.

При этом, если в Николаеве вопрос удалось решить более-менее спокойно, то в Севастополе из-за безответственности местных властей все произошло иначе. В июне 1829 года, несмотря на отсутствие чумы в самом городе, городские власти предельно ужесточили предохранительные меры: всякий желавший оставить Севастополь или въехать в него содержался в особом карантине от 14 до 19 дней. В результате окрестные крестьяне отказались везти в Севастополь дрова и продукты. Цены на все резко

подскочили, на карантинных заставах расцвела коррупция. Чумы в городе по-прежнему не было, но всех подозрительных больных собирали в пещеры Инкермана, на старые суда-блокшивы, в неприспособленные здания. Многие умирали там от бесчеловечного обращения и дурных условий. Из-за плохого продовольственного снабжения среди матросов Севастополя распространились желудочно-кишечные заболевания. Адмирал Грейг, занятый ведением боевых действий, оставил Севастополь без всякой помощи. Хлебные магнаты (Рафалович и другие) отказались везти в Севастополь хлеб по фиксированным ценам. Они требовали отпустить цены и открыто желали обогатиться на бедственном положении севастопольцев. При этом командование Черноморским флотом во главе с Грейгом фактически бросило город на произвол судьбы. Положение настолько обострилось, что император Николай I срочно направил в Севастополь собственную комиссию во главе с флигель-адъютантом Римским-Корсаковым. На месте к руководству комиссией присоединился и присланный с Балтики контр-адмирал Фаддей Беллинсгаузен (знаменитый мореплаватель и первооткрыватель Антарктиды). Черноморским адмиралам Николай в сложившейся ситуации уже не доверял!

Столичная комиссия работала до ноября 1829 года. В итоговом документе Римский-Корсаков отметил, что «по Севастопольскому порту допущены весьма важные злоупотребления», что «приказы главного командира насчет приема провианта и провизии вовсе не исполняются». Поразительно, но даже по окончании работы комиссии Грейг не принял никаких надлежащих мер. К этому времени война с Турцией уже два месяца назад как завершилась, и командующий вполне мог уделить хоть какое-то внимание бытовой стороне жизни собственного флота. «Непринятие мер» очень странным образом совпало с назначением обер-интендантом флота любимца Грейга капитана 1-го ранга Критского. Санитарные кордоны, не пропускающие продовольствие, отказ греко-еврейского хлебного сообщества от обеспечения Севастополя хлебом по старым ценам (т.е. самая настоящая ультимативная спекуляция!), весьма странное поведение флотского интенданта Критского и его покровителя Грейга, все это полностью исключает случайность совпадений. Перед нами самый настоящий спекулятивный заговор, возглавляемый, как это ни прискорбно, самим командующим. Голод должен был стать обоснованием для закупки хлеба по значительно более высоким ценам, а кордоны вокруг Севастополя исключали всякий альтернативный подвоз хлеба. Судя по всему, предполагалось, оголодив город до последней возможности, потом произвести оптовую закупку хлеба у Рафаловича и его компаньонов по тем

ценам, которые были выгодны купцам.

В этом деле потрясает не только жуткий цинизм ситуации, но и полная уверенность организаторов севастопольского голода в своей безнаказанности. Причем эта уверенность была вовсе не безосновательна. Едва комиссия закончила свою работу, как из Петербурга пришло указание немедленно прекратить всякие расследования деятельности черноморских интендантов, а само дело закрыть. Поразительно, но некие силы смогли перечеркнуть деятельность императорского флигель-адъютанта Римского-Корсакова и не последнего по своему влиянию на императора контр-адмирала Беллинсгаузена. Было очевидно, что центральная власть столкнулась с некой чрезвычайно могущественной тайной силой, не боящейся ни законов империи, ни самого императора. Ряд историков считает, что именно данный запрет во многом способствовал возникновению в Севастополе печально знаменитого «чумного бунта». Но зачем мафии надо было нагнетать обстановку в Севастополе — ведь понятно, что разница цен на хлеб не могла серьезно обогатить миллионеров Одессы и Николаева? В чем же причина этой провокации, да и была ли она вообще?

Оказывается, что причина была, и весьма серьезная. Дело в том, что черноморской мафии (да и Грейгу тоже) было весьма выгодно вызвать социальный взрыв в Севастополе, после которого там последовали бы неминуемые репрессии. В результате бунта и его последующего подавления можно было лишить город квалифицированной рабочей силы, объявить Севастополь неблагонадежным и надолго закрыть вопрос о развитии там казенного судостроения, на котором очень настаивал император Николай. Подробно о событиях, связанных с тяжелейшей борьбой Николая I с черноморскими мафиози в вопросах кораблестроения, мы еще поговорим в свое время.

Пока же отметим, что в 1929 году император Николай I еще не был столь авторитетным и непререкаемым повелителем империи, как в конце своего царствования. Всего четыре года минуло с момента мятежа декабристов-масонов, только что завершена тяжелейшая война с Турцией, вот-вот мог вспыхнуть мятеж в непокорной Польше. Еще не были расставлены на главенствующие посты честные и преданные государственные деятели, еще не была создана эффективная система спеллужб. Если в столице к этому времени Николай I в целом уже полностью контролировал обстановку, то на границах огромнейшей империи до полного контроля было еще далеко.

Отметим здесь и методу императора — в случае непонятной и

сложной обстановки на местах для выяснения ситуации посылать туда лично преданного и честного флигель-адъютанта. Что касается Римского-Корсакова, то в свете произошедших далее событий можно считать, что ему просто повезло — он остался жив. Возможно, николаевско-одесские воротилы просто не успели сориентироваться в обстановке, может, были уверены, что и так сумеют нейтрализовать императорского адъютанта, а может, посчитали, что произведенное им расследование не столь глубоко, что позволит им откупиться, что, собственно говоря, видимо, и произошло.

Однако черноморские мафиози в данном случае перегнули палку в расчете на долготерпение русского мужика. 10 марта 1830 года карантин в Севастополе стал еще строже: ввели сплошное оцепление, жителям запретили покидать дома и дворы. От плохого питания среди горожан тоже начали распространяться болезни, резко увеличилась смертность. Карантин держали до 27 мая. А для Корабельной слободки его продлили дополнительно еще на 7 дней.

В то время Корабельная слободка Севастополя начиналась у берега Корабельной бухты и доходила до Малахова кургана. В слободке насчитывалось 352 дома и 1120 жителей. Кроме Корабельной слободки беднейшее население Севастополя ютилось в Артиллерийской слободке по берегам балки и скатам холма за Артиллерийской бухтой, а также в Каторжной слободке вдоль глубокой балки в конце Южной бухты и в первом из севастопольских поселков такого типа — Хребте Беззакония (ныне центральный городской холм). Но карантин коснулся больше всего именно Корабельной слободки. Когда прошел и семидневный запрет, начальство приказало вывести жителей слободки за город и продлило карантин еще на две недели. Это распоряжение окончательно возмутило тамошних жителей и матросов.

В слободке проживало более трехсот матросов, у многих там были родные и знакомые. Губернатор Севастополя Столыпин направил в слободку контр-адмирала И.С. Скаловского и других высших командиров, но их уговоры оказались бесполезны. Тогда 31 мая Скаловский усилил оцепление слободки двумя батальонами пехоты при двух орудиях под командованием полковника Воробьева. По просьбе губернатора для увещевания непокорных явился протопоп Софроний Гаврилов. На его просьбы о смирении люди ответили, что больше не могут терпеть, у них нет ни заработка, ни пищи, ни дров, ни даже воды. Жаловались, что в самые холода их в гигиенических целях насильно купали не в бане, а в море, что карантинные чиновники (подчиняющиеся непосредственно Грейгу) продают им по баснословным ценам муку, которую нельзя есть.

Доведенные до отчаяния жители начали готовиться к вооруженному отпору опостылевшему «начальству». Под руководством квартирмейстера 37-го флотского экипажа Тимофея Иванова, отставного квартирмейстера яличника Кондратия Шкуропелова и боцмана 34-го флотского экипажа Федора Пискарева были сформированы три вооруженные группы. Военное обучение гражданского населения и организацию караульной службы поручили шкиперскому помощнику Кульмину. На приказ губернатора Столыпина выдать зачинщиков мятежные жители ответили: «Мы не бунтовщики, и зачинщиков между нами никаких нет, нам все равно, умереть ли с голоду или от чего другого». Квартальному надзирателю Юрьеву непокорные матросы заявили: «Скоро ли откроют огонь, мы только того и ожидаем, мы готовы».

Вечером 3 июня губернатор расставил в городе войска, полсотни солдат охраняли губернаторский дом. Караулы в городе вызвали негодование севастьяпольцев, особенно жителей слободок. Люди ударили на соборной колокольне в набат, толпа с криками «Ура!» двинулась к дому губернатора, Адмиралтейству и собору. Наибольшую активность проявляло население Корабельной и Артиллерийской слободок. К мятежникам примкнули матросы флотских экипажей, 17-й и 18-й рабочие экипажи и рабочие военного ведомства. Все они требовали отменить карантин и убрать ненавистных чиновников и начать доставку в город дешевого хлеба.

Восставших возглавила так называемая «Добрая партия» — совет, в который вошли Т. Иванов, Ф. Пискарев, К. Шкуропелов, а также фельдфебель Петр Щукин, слесарь Матвей Соловьев и мещанин Яков Попков.

У дома губернатора толпу встретил и пытался остановить генерал Примо. Но с него сорвали эполеты, мятежники ворвались в дом и убили губернатора. К бунту присоединились 29-й, 38-й и 39-й флотские и 16-й ластовый экипажи. С криками «Бей и коли офицеров!» толпа разделилась на две части. Одна направилась снимать блокаду с Корабельной слободки. Охранявшие слободку солдаты сочувствовали народу, и дело едва не кончилось мирно, как вдруг с тыла на солдат бросились в штыки матросы, за ними мастеровые с кольями и ломami, а жители слободки, видя это, напали на солдат с фронта. Тогда солдаты восстали, убили полковника Воробьева и присоединились к мятежникам,

Вторая часть бунтовщиков пошла к Хребту Беззакония, где схватила адмирала Скаловского, сорвала с него эполеты и потребовала выдать расписку об отсутствии в городе чумы. Такие же расписки были получены от городского головы Носова, протопопа С. Гаврилова и коменданта

Севастополя.

К 22 часам мятежники захватили весь город. Они разгромили дома и квартиры 42 чиновников и офицеров, убили одного из «чумных» комиссаров чиновника Степанова, инспектора военного карантина Стулли, избили плац-адъютанта военного губернатора Родионова. Вся полиция бежала из Севастополя. Войска гарнизона (860 человек при трех пушках) отказались подавлять бунт. Комиссар Батищев, капитан Матусевич, штабс-капитан Перекрестов, лейтенант Энгельгардт, прапорщики Дмитриев, Кулаков и многие другие офицеры сочувствовали восставшим. Этот факт весьма примечателен. Рядовые офицеры оказались в фактически осажденном Севастополе в таком же положении, как и матросские семьи. Они понимали суть происходившего, но одновременно были связаны присягой.

4 июня комендант Турчанинов издал по требованию народа следующий приказ: «Объявляю всем жителям города Севастополя, что внутренняя карантинная линия в городе снята, жители имеют беспрепятственное сообщение между собой, в церквях богослужение дозволяется производить, и цепь вокруг города от нынешнего учреждения перенесена далее на две версты». Свою победу над произволом администрации жители Севастополя отметили молебном и крестным ходом.

А тем временем губернские власти перебросили к Севастополю из Феодосии 12-ю дивизию генерала Тимофеева, 7 июня она вошла в город. Из Николаева наконец-то прибыл главный командир Черноморского флота Грейг. Адмирал обещал наказать карантинных чиновников, призывал горожан сознаться в участии в бунте и обещал помилование всем, кроме зачинщиков и убийц. Однако вел себя Грейг по меньшей мере странно. В городе он так и не появился, предпочитая отсиживаться на стоящем на рейде линейном корабле. Напомним, что полностью должность Грейга значилась так — главный командир Черноморского флота и портов, военный губернатор Николаева и Севастополя. Так что наведение порядка в Севастополе было его прямой обязанностью, тем более, что жители матросских слободок были его прямыми подчиненными. Действуя решительно и грамотно, Грейг вполне мог, не доводя бунт до его высшей точки, решить все вопросы миром. Но он абсолютно ничего не сделал, оставаясь, по существу, сторонним наблюдателем всех происходящих событий. Невольно напрашивается сравнение поведения адмирала Грейга в 1830 году и командующего Черноморским флотом вице-адмирала Чухнина в 1905 году. Если первый самоустранился от происходящих событий, то

второй, наоборот, сделал все от него возможное для наведения порядка на флоте и в Севастополе, за что, впрочем, впоследствии и поплатился своей жизнью...

Приехал в Севастополь и генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии граф М.С. Воронцов. При этом Грейг демонстративно не выполнил ни одного из данных им горожанам обещаний. Особой заботой адмирала стало лишь «выведение из-под удара» карантинных чиновников и интендантов. На этой почве между Воронцовым и Грейгом произошел острый конфликт. Воронцов прямо в лицо обвинил Грейга в преступной бездеятельности и попустительстве бунтовщикам и в непринятии мер для снятия социальной напряженности в городе. Отныне их отношения были навсегда разорваны. Дело в том, что генерал-губернатор (даже будучи наделенным огромными полномочиями!) не имел никакого права вмешиваться в дела флота и черноморских портов с их таможнями и карантинами. Это был единоличная вотчина Грейга. Но другого выхода не было, и, ввиду демонстративного поведения Грейга, Воронцову пришлось самому заниматься наведением порядка и наказанием виновных, от чего «либеральный» адмирал тоже самоустранился. Севастополь и севастопольцы адмирала нисколько не интересовали. Если кто его волновал, то это чиновничья братия.

В отчаянной попытке спасти от расследования своих подручных, а значит и себя самого, адмирал Грейг пишет Николаю I кляузу на вице-адмирала Беллинсгаузена и флигель-адъютанта Римского-Корсакова, которые слишком далеко залезли в его дела. Письмо Грейга достойно того, чтобы его процитировать. Итак, перед нами истинный шедевр бюрократической казуистики: «Имея в виду, что ожидание общей ревизии в государственном контроле может отдалить окончательное решение вышеизложенного дела на долгое время, к крайнему угнетению множества чиновников около двух лет *невинно, может быть, страждущих* (выделено Грейгом. — В.Ш.), я, как главный начальник сих несчастливцев, легко могущих впасть в уныние и даже самоотчаяние, дерзаю всеподданнейше повергнуть участь их милосердному вниманию Вашего Императорского Величества, священным долгом почитая испрашивать Высочайшего Вашего, Всемиловитейший Государь, повеления о начатии ныне же в государственном контроле ревизии сказанных отчетов и окончании оной в возможной скорости, дабы предав виновных справедливому наказанию, избавить невинно страждущих от горестного для них подозрения, могущего лишить службу Вашего императорского Величества многих способных и достойных доверенности правительства чиновников».

Ах, это страждущее и горестно-неубиваемое чиновничье племя! Уж давным-давно от праха императора Николая и Грейга не осталось и следа, а оно по-прежнему горестно страдает по всей России, наплевав на все революции и перевороты.

Одновременно Грейг шлет аналогичное письмо Меншикову, в котором также доносит на Беллинсгаузена с Римским-Корсаковым и пытается представить их лжецами и негодяями: «...Из всего вышеизложенного открывается, что тот, кто сие донес Государю Императору, что болезни, на флоте существующие, есть последствия чрезвычайно худой провизии для довольствия нижних чинов употребляемой, осмелился сделать Его Императорскому Величеству донос, обличенный *ложным* (выделено Грейгом. — *В.Ш.*) — командирами, офицерами и нижними чинами на флоте находящимися».

Не удовлетворяясь этим, буквально через несколько дней Грейг шлет Николаю I еще одно письмо: «Возможно ли думать, чтобы я дерзнул в чем-либо обмануть Всемиловейшего Моего Государя, *когда вся моя жизнь* (выделено Грейгом. — *В.Ш.*), могу смело сказать, и все мои действия доказывают неусыпное старание к отвращению зла и строгому соблюдению казенных выгод. Совесть моя ни посему, ни по какому другому делу службы меня не упрекает и душа моя покойна. После же получения мною столь лестного для меня Всемиловейшего рескрипта Вашего Величества, никакое судебное место в империи не вправе входить в какое-либо суждение насчет моих действий по этому предмету. Сей рескрипт служит мне и будет служить моему потомству неоспоримым доказательством моей невинности».

Честно говоря, читать эти письма Грейга неприятно. Адмирал производит жалкое впечатление. Умный человек, он прекрасно понимает, что на Черноморском флоте для него все подходит к логическому концу. Одновременно повязанный по рукам и ногам им же взлелеянной «мафией», он несуразно талдычит Николаю о множестве обиженных и страждущих (чего?) чиновников, призывая императора (о, наивность!) отказаться от наведения порядка на флоте во имя благоденствия своего окружения. Неужели Грейг всерьез полагал, что известный всему миру император-рыцарь пойдет на такое? Если полагал, то, значит, был не столь уж и умен, знал, что ничего не получится, но писал, так как уже не мог свернуть с определенного ему Леей пути, значит, не имел воли. Что из двух зол хуже, я не знаю.

Если первое письмо адмирала — это неуклюжая попытка вызвать жалость к вора и коррупционерам, то второе — это уже мольба о

собственном спасении, отчаянная попытка вызвать, вопреки фактам, жалость к себе. Признаюсь, что, обнаружив и прочитав оба эти письма, я окончательно поверил в то, что Грейг мог совершить то, что случилось несколько позднее в Николаеве. Если кто еще верит в благородство и высокую порядочность Алексея Самуиловича Грейга, то еще раз с толком и расстановкой прочитайте эти два его письма, и вам все станет ясно. Человек чести никогда бы подобное не написал.

Биограф М. Воронцова О. Захарова в своей книге «Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов» пишет: «Для ограничения распространения чумы М.С. Воронцов предписал адмиралу Грейгу, чтобы ни одно из судов флота вплоть до его приказа не покидало севастопольского рейда. Боясь в свою очередь заразы, адмирал Грейг поднял весь парус и ушел в море. Это страшно взволновало графа Михаила Семеновича, и он написал письмо Государю, прося чуть ли не о предании суду Грейга».

Свое письмо императору граф Воронцов приказал отправить чиновника особых поручений А. Фабра. Но и здесь генерал-губернатор оказался окруженным представителями «черноморской мафии». Из воспоминаний современника, напечатанных в журнале «Русский архив» № 6 за 1897 год: «Фабр стал читать и, окончив, изорвал его (письмо Воронцова. — *В.Ш.*) в мелкие куски. Граф, пораженный подобной дерзостью и дрожа от гнева, спросил Фабра, как он смел решиться на подобный поступок? “Эта жалоба недостойна великой души вашей противу человека, которого ваше сиятельство так уважает”, — спокойно ответил Фабр. Несколько минут граф оставался безмолвным, затем протянул руку Фабру, сказал: “Благодарю Вас, я погорячился”. Итак, вместо того, чтобы не то чтобы хоть как-то помочь генерал-губернатору в наведении порядка в Севастополе, а хотя бы сидеть на корабле и не мешать, Грейг демонстративно уводит флот в море, делая, таким образом, возможным перенос эпидемии в другие порты Черного моря, через встречных рыбаков и т.п. Это ли не предательство государственных интересов? Реакция Воронцова совершенно прогнозируема и понятна, но его чиновник для особых поручений? Согласитесь, случай сам по себе потрясающий, ведь уничтожая письмо начальника на его же глазах, Фабри рисковал всем, и ради кого, ради весьма, казалось бы, далекого от него Грейга! При этом на подобный шаг можно решиться лишь раз в жизни, когда вопрос стоит о собственной жизни и смерти, или жизни и смерти весьма близкого и дорогого человека! То, что граф Воронцов нашел в весьма непростой для себя ситуации достойный выход, разумеется, делает ему честь. Однако что-

то не очень верится, то обычный чиновник порвал письмо всесильного генерал-губернатора, исключительно заботясь о его «благородной репутации». Куда более логичным будет предположить, что на столь дерзкий шаг Фабр решился в отчаянном желании спасти того, с чьих рук он кормился и чьим агентом «при Воронцове» он, скорее всего, давно состоял. Помимо этого, демонстративно разрывая письмо Воронцова, Фабр дал ему понять, что Воронцов, прося ареста и суда над Грейгом, зарвался и адмирал в долгу не останется, а потому лучше решить дело миром. На это Воронцов, после нелегких раздумий, по существу, и согласился, не решившись идти на лобовое столкновение с черноморской мафией.

Однако по косвенным данным известно, что чуть позднее (вероятно, уже не прибегая к помощи грейговца Фабра) Воронцов все же пишет письмо императору и тот велит Грейгу поступить в полное распоряжение Воронцова. Воле Николая I адмирал вынужден был в данном случае подчиниться, но и здесь он возвращается в Севастополь только после того, как там все уже успокоилось. Известно и то, что во время севастопольских событий в своем кругу Грейг именoval Воронцова не иначе как «палачом», настраивая против деятельного графа и офицеров Черноморского флота. Разумеется, что вскоре об этом графу доложили. В одном из писем тех дней Воронцов с большой горечью пишет. «Все это вам показывает, до какой степени моя позиция была деликатной, сложной и неприятной». Помимо всего прочего, пока Воронцов в Севастополе вкалывал вместо Грейга, у него умерла заболевшая маленькая дочь, которую он так и не успел застать в живых.

Под руководством Воронцова начали действовать три военно-судные комиссии. Они рассмотрели дела шести тысяч человек. Семь главных зачинщиков приговорили к смертной казни: Т. Иванова, Ф. Пискарева, К. Шкуропелова, П. Щукина, М. Соловьева, Я. Попкова, а также унтер-офицера Крайненко. Приговор исполнили на территории слободок 11 августа 1830 года. Различным наказаниям подвергли 497 гражданских лиц (из них 423 женщины!), 470 мастеровых рабочих экипажей, 27 матросов ластовых экипажей, 380 матросов флотских экипажей, 128 солдат, 46 офицеров. Наказания им определили от битья линьками до 3 тысяч ударов шпицрутенами (6 раз сквозь строй из 500 человек) с последующей каторгой. Офицеров наказали дисциплинарно. 4200 штатских жителей этапом переселили в другие города, самым дальним из которых назначили Архангельск.

Севастопольский «чумной бунт» был не единственным в России. В условиях холерно-чумной эпидемии 1830–1831 годов мятежи из-за

непродуманных действий чиновников произошли в разных местах, особенно крупные — в Тамбове и Петербурге. Однако нигде они не сопровождались еще и «хлебной проблемой», как в Севастополе.

Историк Найда в своем труде «Революционное движение в российском флоте» пишет следующее: «В 1828 г. на юге России началась эпидемия чумы, совпавшая по времени с началом русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Чтобы не пустить чуму в Севастополь, в мае 1828 г. вокруг города установили карантинное оцепление из 500 солдат. В оцеплении имелись заставы, пропускавшие скот на ближние пастбища и подводы с продовольствием в город. В июне 1829 г., несмотря на отсутствие чумы в самом городе, предохранительные меры ужесточили: всякий желавший оставить Севастополь или въехать в него содержался в особом карантине от 14 до 19 дней. В результате окрестные крестьяне отказались везти в Севастополь дрова и продукты. Цены на все резко подскочили, на карантинных заставах расцвела коррупция. Чумы в городе по-прежнему не было, но всех подозрительных больных собирали в пещеры Инкермана, на старые суда-блочки, в непригодные здания. Многие умирали там от бесчеловечного обращения и дурных условий. Из-за плохого продовольственного снабжения среди матросов Севастополя распространились желудочно-кишечные заболевания. Положение настолько обострилось, что правительство направило в Севастополь комиссию флигель-адъютанта Римского-Корсакова. На месте к руководству комиссией присоединился контр-адмирал Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен (1778–1852 гг.), известный открыватель Антарктиды... Комиссия работала до ноября 1829 г. В итоговом документе Римский-Корсаков отметил, что “по Севастопольскому порту допущены весьма важные злоупотребления”, что “приказы Главного командира насчет приема провианта и провизии вовсе не исполняются”. Главком вице-адмирал А.С. Грейг, столь много сделавший для Черноморского флота, почему-то не принял в данном случае надлежащих мер, хотя война завершилась два месяца назад, и он мог уделять больше внимания бытовой стороне жизни флота. А впрочем, его действия были заранее обречены на неудачу: вскоре из Петербурга пришел приказ прекратить всякие расследования деятельности черноморских интендантов. Этот запрет немало способствовал возникновению в Севастополе “чумного бунта”».

Из вышесказанного следуют можно сделать любопытные выводы. Во-первых, в Севастополе на самом деле творилось беззаконие. Во-вторых, не доверяя черноморским начальникам, Николай I шлет туда своего личного флигель-адъютанта и балтийского контр-адмирала Беллинсгаузена. В-

третьих, комиссия вскрыла и нарушения и злоупотребления, причем и то и другое в огромных масштабах. В-четвертых, главным виновником всего этого Найда называет именно адмирала Грейга. И наконец (самое поразительное!), неожиданный окрик из Петербурга о прекращении расследования против черноморских интендантов. Если первые четыре позиции предельно понятны, то последняя достаточно загадочна. Ведь если уж император посылает специальную комиссию, то почему вдруг она получает указание срочно свернуть свою деятельность? Насчет этого имеется несколько предположений. Прежде всего, это могли организовать люди Грейга и его команды в Петербурге. Ставки игры были очень высоки, и размеры взяток за лоббирование такого указания могли быть фантастическими. Лоббистами вполне мог быть министр финансов Канкрин (?), другие лица из ближайшего окружения императора. Помимо этого, думается, ни флигель-адъютант Римский-Корсаков, ни контр-адмирал Беллинсгаузен не испытывали особого удовольствия от своей деятельности в карантинной зоне Севастополя в окружении не слишком доброжелательных черноморских чиновников. Констатируя то, что они успели выяснить, балтийские моряки с огромной радостью покинули не слишком гостеприимный для них Черноморский флот и поспешили отбыть в родные балтийские пенаты.

Что же касается Грейга и его команды, то севастопольские события им показали, власть пока еще уклоняется от прямого столкновения с «никولاевской партией», предпочитая решать дело миром. Это вселило в души черноморских «мафиози» новые, куда более масштабные планы. И зря, ибо в Петербурге уже появились люди, которые были настроены идти до конца и навести порядок на Черном море.

* * *

В 1829 году в Петербурге образовалась весьма сильная и авторитетная «антигрейговская партия». Кто же в нее входил? Скажем прямо, силы Грейгу в столице противостояли немалые.

Во главе «антигрейговской партии» стояли сразу три человека, каждый из которых являлся не только незаурядной личностью, но и навсегда остался в анналах отечественной истории. Дело в том, что, вступив на престол и разобравшись с мятежниками масонами, Николай I занялся и наведением порядка в министерствах империи. В Морском министерстве он сменил сразу три главные фигуры — министра и генерал-интенданта, а

кроме этого, ввел еще и новую должность начальника Главного Морского штаба, на которую тоже нужен был достойный кандидат. Главными критериями для выдвиженцев был не только высокий профессионализм, но и личная порядочность и честность. Таких людей император нашел. Забегая вперед, скажем, что ни один из новых выдвиженцев Николая I никогда не был, да и впоследствии не будет замешан ни в каких финансовых аферах.

Во главе созданной императором новой команды стоял адмирал Г.А. Сарычев, возглавивший Морское министерство. Имя Сарычева известно потомкам, не только как грамотного моряка и хорошего администратора, но и как всемирно известного полярного исследователя, выдающегося гидрографа, исследователя Тихого океана и Охотского моря, Берингова пролива и Алеутских островов. Кроме этого, Сарычев является основателем полярной археологии и первым отечественным писателем-маринистом.

Генерал-интендантом несколько ранее был назначен адмирал В.И. Головнин. За плечами у Головнина были два кругосветных плавания, потрясающий побег из английского плена в Столбовой бухте на мысе Доброй Надежды, долгие годы еще одного плена, на этот раз японского. Помимо всего прочего, как и Сарычев, Головнин был прекрасным литератором, оставившим после себя несколько томов сочинений, которые и сегодня читаются на одном дыхании. Ко всему прочему, Головнин был патологически честен и за всю свою жизнь не присвоил себе и медной полушки.

Особое место в обновленном руководстве министерства занял новый начальник Главного Морского штаба князь Александр Сергеевич Меншиков, армейский генерал и дипломат. Историки немало поизгалялись над Меншиковым, что тот исполнял обязанности начальника Главного Морского штаба, не будучи моряком по профессии. Им было невдомек, что этого Меншикову совсем не требовалось! Скажу даже больше, именно потому, что Меншиков не был моряком, он и был поставлен во главе всей канцелярской машины Морского министерства! В задачи Меншикова не входило командование кораблями и планирование морских операций. Он должен был заниматься повседневными рутинными делами, в том числе пресекать воровство.

Не настаивая стопроцентно, я все же хочу обратить внимание читателей на одно весьма странное совпадение. Первая атака новой команды Морского министерства на рейсовую камарилью, как известно, началась в начале 1830 года, когда противостояние Петербурга и Николаева достигло

наивысшего накала. Инициаторами этой атаки были трое: Сарычев, Меншиков и Головнин. Узнав о начале открытого противоборства, в Николаеве, конечно же, призадумались: уж больно сильны были петербургские адмиралы и по опыту, и по своему служебному положению. Противник был слишком опасен, и надо было срочно что-то предпринимать. Но что?

А дальше происходит нечто весьма неожиданное. 30 июля 1830 года неожиданно для всех скоропостижно умирает глава Морского министерства адмирал Сарычев, а 8 августа (т.е. всего через неделю!) столь же стремительно уходит из жизни генерал-интендант Морского министерства адмирал Головнин. Так как в это время в окрестностях Петербурга была обнаружена холера, смерть Сарычева и Головнина была определена как смерть от холеры. При этом никто, разумеется, никакого расследования обстоятельств смерти адмиралов, вскрытия и составления каких-либо документов не проводил. Мортусы закинули «холерных» адмиралов крючьями на телегу, а затем сбросили в углу Митрофаньевского кладбища в засыпанную гашеной известью братскую могилу. О последующей эксгумации тоже речи не могло быть никакой — кто же станет вскрывать братскую холерную могилу и искать там, среди сотен трупов, те, которые нужны!

Конечно, все могло быть так, что оба главных врага Грейга на самом деле одновременно умерли от холеры. Эпидемия в 1830 году в Петербурге была достаточно сильная, однако больше из числа адмиралитета и высшего флотского офицерства, кроме Сарычева и Головнина, почему-то никто больше не умер. Совпадение, что одновременно и внезапно ушли из жизни два главных противника Грейга, могло быть просто огромной удачей для него, ведь эти смерти отсрочили неизбежное на несколько лет. Но все же эта двойная смерть кажется мне весьма странной. И вот почему.

У грейговцев для устранения самых опасных врагов имелись немалые средства, на которые вполне можно было найти отравителей. В случае с Сарычевым и Головниным никто ничем особым не рисковал. Если николаевская команда действительно сыграла на опережение, то все выглядело вполне естественно. Что касается Меншикова, то он в это время в столице отсутствовал и, может быть, именно поэтому остался жив. Мы, наверное, никогда не узнаем, что думал о внезапной смерти двух своих соратников и единомышленников князь Меншиков. Однако то, каким непримиримым и последовательным врагом адмирала Грейга он стал, дает возможность предположить, что Меншиков все же кое о чем догадывался.

Почитатель Грейга Ю. Крючков так объясняет неприязненные

отношения князя Меншикова и адмирала Грейга: «Грейг... был в состоянии подавленности. После триумфального окончания русско-турецкой войны флот и его, как командующего, потрясли неприятные события объективного и субъективного характера: распространение холеры по всему Причерноморью (исключая Николаев) сковало всю деятельность и завершилось холерным бунтом в Севастополе, что навлекло гнев и немилость Меншикова, Николая I и Воронцова; поголовное выселение евреев из Николаева и Севастополя разрушило сложившиеся деловые и торговые связи флота, державшиеся на еврейских подрядчиках, а карантин, в связи с холерой, ограничил их еще более — прекратились поставки практически всех материалов флоту; суда, истрепанные сражениями и почти двухлетними непрерывными боевыми кампаниями, а также осенне-зимними штормами, не могли выходить в море, а ремонтировать их было нечем; требовались экстраординарные меры и суммы, но ссора Грейга с Меншиковым после русско-турецкой войны обратила Черноморский флот в полное забвение со стороны Морского министерства; разработанные под руководством Грейга планы береговых оборонительных сооружений в Севастополе и прекрасный проект севастопольских сухих доков не осуществлялись — денег не давали. Грейг оказался в умышленно созданной сверху изоляции, ему создавались такие условия, чтобы ничего невозможно было сделать; к этому надо добавить несправедливые обвинения его соратников, ревизии портов и всей хозяйственной деятельности, лихорадившие моряков и угнетавшие их утомительными судебными разбирательствами».

Сегодня мы не можем доказать, была ли смерть адмиралов Сарычева и Головнина результатом покушения или же они стали жертвой холеры, однако одновременный уход из жизни двух главных противников значительно облегчил жизнь Грейга. Впрочем, оставался еще князь Меншиков, который продолжил бой.

Так кто же такой этот человек, возглавивший в 1831 году антигрейговскую партию? А.С. Меншиков являлся правнуком знаменитого сподвижника Петра Великого А.Д. Меншикова.

Воспитание и образование правнук Данилыча получил за границей. Свободно владел несколькими иностранными языками. В 1805 году, вернувшись в Россию, поступил на службу в Коллегию иностранных дел. Четыре года спустя Александр Сергеевич начинает свою военную карьеру с подпоручика гвардейского артиллерийского батальона. Еще через год становится адъютантом главнокомандующего Молдавской армией. При взятии турецкой крепости Туртукай был ранен в ногу. За храбрость в боях

при форсировании Дуная удостоился Владимира 4-й степени. В 1811 году был пожалован во флигель-адъютанты. Ему довелось участвовать почти во всех крупных сражениях войны с Наполеоном. За отвагу и боевое отличие его наградили орденом Анны 2-й степени и золотой шпагой. В 1816 году Меншикову присвоили звание генерал-майора с зачислением в свиту его императора и назначением директором канцелярии Главного штаба. В октябре 1817 года он становится генерал-адъютантом и генерал-квартирмейстером канцелярии Главного штаба, а также входит в состав нескольких комитетов, в том числе и военно-научного. В 1821 году Меншиков представил императору Александру проект освобождения крестьян от крепостного права. Император, до этого благоволивший к деятельному Меншикову, усмотрел в «вольнодумном проекте» крамолу и предложил ему стать посланником в Дрездене. Меншиков посчитал это за оскорбление и в ноябре 1824 года вышел в отставку, уехав в свое имение.

После восшествия на престол императора Николая I, Меншиков снова был призван. Вначале его направили в Персию с чрезвычайной дипломатической миссией, которая оказалась столь опасной и трудной, что Меншиков некоторое время даже сидел в тюрьме у персов, но в итоге с поставленной задачей справился. За успешное выполнение миссии в Персии Николай восстанавливает его в звании генерал-адъютанта и награждает алмазными знаками ордена Анны 1-й степени. Ну а затем настало время проявить себя на новом поприще — наводить порядок на флоте.

Вначале А.С. Меншиков помогал морскому министру А.В. фон Моллеру, а затем был назначен начальником Главного морского штаба. Впрочем, этому предшествовал целый ряд примечательных как для флота, так и для самого Меншикова событий. Во-первых, был создан комитет по образованию флота, в котором светлейший князь генерал-адъютант А.С. Меншиков состоял пока в роли наблюдателя от лица императора. Новый орган выработал несколько законоположений по улучшению всех частей морского управления. В мае того же года состоялось утверждение «Положения о предварительном образовании морского министерства», которое заменяло Адмиралтейств-коллегию. В 1828 году был образован Морской штаб, переименованный в 1831 году в Главный морской штаб. Начальником его был назначен генерал-адъютант князь А.С. Меншиков. В состав Главного морского штаба вошли управления: генерала-гидрографа, дежурного генерала со всем подчиненным составом и ученый комитет. Адмиралтейств-совет, управления генерал-интенданта и генерал-штаб-доктора, а также вся хозяйственная часть были по-прежнему оставлены в

ведении морского министра, должность которого после смерти адмирала Сарычева была поручена адмиралу А.В. Моллеру. На начальника Главного морского штаба было возложено доводить до императора сведения обо всех предметах, относящихся к военно-морским силам, и объявлять его повеления. Должность была чрезвычайно высока, так как именно начальник Главного морского штаба докладывал обо всех делах на военном флоте непосредственно императору, а также отдавал приказания в соответствии с распоряжениями царя. Таким образом, А.С. Меншиков фактически стал первым лицом в военно-морском флоте.

Морскому министру была сохранена власть, присущая общим учреждениям министерств, с присутствием, по-прежнему, в Государственном Совете, комитете министров и правительствующем сенате, с предоставлением права окончательного утверждения контрактов и условий на подряды и контракты, не превышающие 50 000 рублей ассигнациями. Сделано это было исключительно для того, чтобы обуздать аппетиты черноморской «мафии», которая отныне могла рассчитывать лишь на подряды в таких суммах. Отметим, что, как только Грейг был удален с Черноморского флота, ограничения на эту сумму были сняты.

В светских кругах столицы князь Меншиков слыл самостоятельным и независимым человеком, обладающим большим чувством юмора, и автором многих метких острот, которые до сих пор печатают в исторических изданиях. Кроме того, Меншиков обладал лучшей в России библиотекой, чему завидовали самые известные библиофилы.

Князь Меншиков был храбрым воином и достаточно талантливым военачальником. Так, в апреле 1828 года в связи с начавшейся войной с Турцией Меншиков, уже будучи начальником Морского штаба, отправился во главе десантного отряда в Причерноморье для осады крепости Анапа. За взятие вражеской цитадели ему присвоили звание вице-адмирала и наградили орденом Георгия 3-го класса. В июне того же года он возглавил отряд, действовавший при осаде Варны. Даже получив тяжелое ранение обеих ног, не покинул поле сражения, пока крепость не сдалась. За это ему был пожалован орден Александра Невского, а также подарена одна из трофейных турецких пушек.

Впоследствии в годы Крымской войны 1853–1856 годов Меншиков будет командовать Крымской армией и проведет несколько сражений с англо-французскими войсками. Современники и потомки были слишком предвзяты к нему. Да, Меншикову не удалось разгромить союзников при Альме, но и они не смогли разгромить русскую армию, а фланговый маневр после Альмы военные авторитеты сравнивают по гениальности с

Тарутинским маневром Кутузова. До самого конца обороны Севастополя англичане и французы даже не помышляли атаковать нашу армию, чтобы отрезать город от остальной России. Крымская армия надежно прикрывала фланги, все время угрожая противнику. И если под Инкерманом наша армия не смогла нанести достойный удар союзникам, то в знаменитом Балаклавском сражении победа была все же одержана.

Но все это будет еще не скоро, а пока Меншиков вступил в поединок с Грейгом и его командой. Но одному драться тяжело, и Меншиков ищет и находит себе помощников — двух честных и храбрых офицеров — контр-адмирала Лазарева и флигель-адъютанта Казарского.

Глава шестая.

ЧАША ТЕРПЕНИЯ УЖЕ ПЕРЕПОЛНЕНА

В начале 30-х годов в Николаеве решили, что теперь могут творить, что хотят. Терпение и сдержанность Николая I там расценивали как слабость, а кто считается со слабыми! Потеряв остатки бдительности, Грейг и его окружение стали совершать одну ошибку за другой и каждая из этих ошибок все ближе и ближе подводи́ла их к краху.

В августе 1830 года Николай I учреждает комитет об улучшении Черноморского флота. Председателем комитета был определен Грейг, но зато среди других членов комитета не было ни одного черноморца. В комитет вошли: вице-адмирал Крузенштерн, контр-адмирал Лазарев, генерал-интендант контр-адмирал Авинов, инспектор корпуса корабельных инженеров генерал-лейтенант Брюн-Сен-Котерин и начальник Адмиралтейских ижорских заводов генерал-лейтенант Вильсон. Было очевидно, что, несмотря на номинальное начальство Грейга, фактическая власть в комитете принадлежит балтийцам Крузенштерну и Лазареву. Николай I уже начал операцию по изгнанию Грейга с флота, однако пока делал это исподволь, соблюдая внешнее уважение к главному командиру Черноморского флота.

Когда Грейг обратился в правительство о выделении денег на строительство четырех кораблей и четырех фрегатов с подряда, Николай велел выделить 7 миллионов рублей. В торгах приняли участие купец 1-й гильдии М. Серебряный и действительный статский советник А.А. Перовский и другие. Получив их прошение, Николай обратил внимание, что почти все купцы — евреи. Николай велел заключить договор с Перовским, который просил меньше всех. Но тут встрял Грейг, доказывая, что необходимо заключать договоры с евреями. Николай уступил и велел все же распределить заказы в равных долях между Серебряным и Перовским. После этого сразу началось выдавливание Перовского из проекта, и там вскоре остался один Серебряный. При этом все решалось в обход счетной и исполнительной экспедиций Черноморского флота. Современный защитник Грейга Крючков, не понимая, что выдает сам себя, пишет «Грейг умышленно не пустил контракты обычным путем, зная, сколь прижимисто будут считать рубли и копейки в этих экспедициях, занижая до предела стоимость постройки, в результате чего накануне грядущей войны флот не получит пополнения. Поэтому адмирал поручил

выполнить расчеты стоимости постройки по вольным ценам начальнику кораблестроения инженер-генерал-майору Суровцову...» Логика здесь железная — тот, кто бережет казенную копейку и не допускает воровства — тот плох, а тот, кто раздает те же казенные миллионы налево-направо своим подельникам, тот молодец!

Помимо этого, строительством домов в Николаеве занимался некий личный друг мадам Грейг Мордух Бланк. Постоянно огромные суммы уходили в Англию, якобы на морские инструменты. Да, инструменты действительно закупались, но, по расчетам Яцына, значительно меньше, чем выделялось для этого денег.

Так, помимо двух обсерваторий Грейг начал строительство третьей за 200 тысяч рублей. Конечно, астрономическая обсерватория это хорошо, но для Николаева три обсерватории — это, согласитесь, многовато. Лия заказала и новую новомодную оранжерею. «А между тем, — писал Яцын, — не достраиваются казармы, гошпиталь и другие необходимо нужные флоту сооружения». Деньги же транжирились Греггом и его женой ради собственной прихоти.

С делом Яцына разбирался генерал Сабанеев, старше Грейга по чину, но его личный друг. Генерал от инфантерии Иван Васильевич Сабанеев личность примечательная. Старый ветеран был участником почти всех войн, начиная с Итальянского и Альпийского походов Суворова. Один из современников запомнил Сабанеева таким: «Ловкий, умный, пламенный в ощущениях»... Среди друзей имел кличку Лимон за свой въедливый и желчный характер. Был любителем выпить, частенько бывал крут и мог приложиться кулаком. С Грейгом Сабанеев находился в приятельских отношениях, жены же их вообще ддркили. Причина для дружбы Лии Сталинской и Пульхерии Шиповской была весьма существенная.

Биограф генерала пишет. «Сабанеев женится, “отбив” будущую супругу у “лекаря корпусного гошпиталя” Шиповского и переведя ее мужа в другой корпус. Трудно судить генерала: в его поступке есть и деспотизм, и страсть, и беззаконие, и своеобразная демократическая смелость. Судя по всему, брак был очень счастливым... Генерал во всем этом деле рисковал, кажется, не меньше, чем под Муттеном или Фридландом: если бы лекарь пожаловался по всей форме, то Сабанеева затаскали бы по судам, потребовали церковного покаяния. Впрочем, не меньшую храбрость проявила и сама госпожа Шиповская, на глазах у всех перейдя к Сабанееву с детьми. При этом генерал по всем правилам чести требовал полного уважения к невенчанной супруге, в чем обгонял свой век».

Основой дружбой Лии Грейг и Пульхерии Шиповской было то, что обе

они являлись незаконными женами, и обеих не принимали в аристократических салонах. Поэтому обе дамы были вынуждены учредить свой собственный «полусветский» салон, в котором могли бы блистать. Говорят, когда между собой дружат мужчины — это и дружат мужчины, когда же дружат женщины — это уже дружат семьи. Поэтому вполне естественно, что, начав 11 ноября 1826 года следствие по делу о хищениях семейства Грейгов, Сабанеев сразу принял их сторону и постарался все повернуть в их пользу. Однако храбрый Яцын сдаваться не собирался.

Из протокола следственной комиссии: «После же окончания генералом Сабанеевым следствия Яцын в поданных прошениях и объяснениях суду поместил дерзкие на счет адмирала Грейга и генерала Сабанеева выражения, между прочим, касательно первого, что он выписывал из Англии вещи от одного явного к русским художникам презрения, что построения в Николаеве домов и обсерватории учинены от одной прихоти, а дом для музыкантов построен для удовлетворения собственной высокомерной прихотливости, чтобы дать вблизи себя помещение тем людям, которые обязаны ежедневно игрою услаждать чувства адмирала Грейга и его из евреев сожительницы, что действия его не обращением на казармы и гошпиталь, и на другие построения, суммы показывают в нем совершенный недостаток патриотического усердия...»

2 июня 1827 года суд приступил к рассмотрению дела о хищениях адмирала Грейга, которое закончилось только... через девять лет! Почему так долго? Да потому, что Грейг затягивал суд как мог, а потом еще пытался давить и из Петербурга. Помимо этого Грейг на все время суда посадил Яцына, как какого-то убийцу, в Новомиргородскую гауптвахту, где тот безвинно просидел три года. Вспомним, что именно так, по приказу Грегга, до суда сидел в тюрьме и мичман Даль.

В конце концов генерал-аудитор принял следующее решение: «По сим обстоятельствам генерал-аудитор заключает, что... хотя же Яцын и изъясняет, что он сделал донос из одного только желания быть полезным Отечеству; но напротив того оказалось, что он сделал донос из неудовольствия к адмиралу Грейгу за взыскания с него Яцына по службе; сие доказывается как дерзкими в прошениях и объяснениях Яцына на счет адмирала Грейга выражениями, так и тем, что он, по некоторым вопросам, сделал донос не своевременно (?!), а более всего в дерзких на счет адмирала Грейга, генерала от инфантерии Сабанеева, также и на счет следователей выражениях, то за сие и подверг себя Яцын и лишения чинов и написания в рядовые; но обращая внимание на то, что сделанным Яцыным доносом касательно построения с подряда, по прошению купца

Серебряного, кораблей, обнаружилось неправильные действия, с ущербом казны сопряженные, то посему и в уважение содержания Яцына с 1833 года и до сего времени под арестом, генерал-аудиториат полагает: вменить Яцыну в наказание долговременное содержание под арестом и удалить его от службы».

Николай I подписал решение генерал-аудитора. Однако на стороне Яцына выступил прекрасно знающий всю подноготную этого дела бывший начальник штаба Черноморского флота контр-адмирал Мелихов, ставший в это время товарищем (заместителем) генерал-аудитора. Яцын подал прошение о пересмотре его дела, причем снова обвиняя Грейга и его жену в хищении больших сумм денег и лоббировании приближенных купцов при получении подрядов на строительство флота. Грейг, живший уже к этому времени в столице, не на шутку испугался возможных последствий — ведь могло начаться новое расследование! Встревоженный Грейг торопится уверить Николая в своей преданности: «Сия мысль (о воровстве. — *В.Ш.*) для меня столь крайне обидна и отвратительна, что мне стыдно и унижительно на нее отвечать. Возможно ли думать, чтобы я дерзнул в чем-либо обмануть всемилоштивейшего моего государя, когда вся моя жизнь, могу смело сказать, и все мои действия доказывают неусыпное старание к отвращению зла и строгому соблюдению казенных выгод? Совесть моя ни по сему, ни по какому другому делу службы меня не упрекает, и душа моя покойна». Не письмо по существу дела, а поэма!

Причем Грейг не только клянется в своей любви к императору и своем «отвращении зла», но далее требует ужесточения наказания для Яцына, а заодно и расправы над еще одним своим недругом — контр-адмиралом Мелиховым. Николай I, которому уже поднадоели слезницы Грейга, распорядился никакого нового дела не начинать, а старое за давностью времени прекратить. Тогда же Мелихов добился и возвращения Яцына полковником на военную службу, причем с зачислением ему всех проведенных за решеткой лет в служебный стаж, т.е. фактической реабилитации и компенсаций за нанесенные обиды. Пусть с большим опозданием, но правда в данном случае все же восторжествовала.

Грейга заносило все больше и больше. Так он пытался командовать инженер-капитаном Бурачковым, подчиненным лично князю Меншикову. А когда тот установил факт очередного воровства, Грейг пытался его арестовать, но адъютант Меншикова успел покинуть Николаев раньше, чем за ним пришли. За Бурачкова Грейг получил нагоняй от царя.

Еще большим получился скандал с главным кораблестроителем Черноморского флота полковником Александром Кирилловичем

Каверзневым, одним из талантливейших кораблестроителей своей эпохи. Поначалу отношения Грейга и Каверзнева складывались неплохо, но едва кораблестроитель уличил обер-интенданта Критского в воровстве ценнейшего подольского корабельного леса и попытке заменить его дешевым и некачественным маломерным, Грейг сразу же взял сторону своего любимца. Каверзнева же огульно обвинили в «нецелевом» использовании леса и арестовали, сделав на него начет на 118 тысяч рублей, которые тот не мог бы выплатить и за пять жизней. Каверзнев потребовал объективного разбирательства. Инспекторский департамент Морского министерства очень быстро установил, что дело против Каверзнева сфальсифицировано. Испугавшись последствий, Грейг пошел на попятную, но Каверзнев заявил, что более служить с ворами не желает, и подал в отставку. Так как терять специалиста такого уровня Россия себе позволить не могла, Каверзнева высочайшим указом перевели подальше от Грейга — на Балтику, где его талант раскрылся в полной мере.

Еще более резонансным был конфликт Грейга с начальником штаба Черноморского флота В.И. Мелиховым. Василий Иванович Мелихов был не среднестатистическим офицером, а настоящим интеллигентом и интеллектуалом. Он много плавал, а помимо этого был сведущ в делах административных. В 1922 году Мелихов был уже начальником распорядительной части в канцелярии Черноморского департамента. Должность немалая, но и ответственная. Именно Мелихов предложил Грейгу создать Морскую библиотеку в Севастополе для занятия досуга офицеров. В 1826 году Мелихов предложил Грейгу создать первый на Черном море штаб флота.

Во время Русско-турецкой войны 1828–1829 годов Мелихов, как начальник штаба и «правая рука» Грейга, участвовал в осаде Анапы и Варны, возглавил отряд «охотников», который ночью на шлюпках отправился к крепости и неожиданно атаковал и захватил стоявшие под берегом турецкие суда. За захват этих 14 судов Мелихов получил от императора чин капитана 1-го ранга.

После окончания войны отношения между Грейгом и Мелиховым испортились. Официально из-за разногласия в распределении «призовых денег». На самом же деле — после появления в Николаеве Лии Сталинской, которая всеми силами старалась ему пакостить.

Конфликт между командующим и начальником штаба стал еще большим, когда Мелихов попытался доказать. Грешу, что его пассия чересчур сует свой нос в дела управления флотом. После этого Мелихов был фактически отстранен от всех дел и вынужден был искать защиты у

князя Меншикова. В Петербурге Мелихов получил назначение на пост вице-директора инспекторского департамента. Известно, что Мелихов долго и последовательно боролся против засилья Грейга и его жены на Черном море. В частности, именно он спас от тюрьмы главного бухгалтера Черноморского флота Яцына и добился признания его невиновности. Вместе с Яцыным пытались снова вернуться к вопросу воровства Грейга, но Николай I их не поддержал.

В 1831 году Грейг решается на совсем уж рискованный шаг. Он посчитал, что настала пора воплотить в жизнь его давнюю мечту — превратить Черноморский флот полностью в свою личную вотчину. Честно говоря, я не нахожу логичного объяснения этой выходке Грейга, ведь он был умный человек и просто не мог не понимать, что всему есть свой предел и этот предел он уже перешел. Но он все же делает этот шаг! Думаю, что просто к тому времени сам Грейг был уже чисто фиктивной фигурой, которая ничего не решала, и от него самого в черноморских делах ничего не зависело. Решение на фактическую самостоятельность от Петербурга приняла зарвавшаяся в своей безнаказанности «большая четверка» — Лия, Критский, Серебряный и Рафалович. Уверовав в свою безнаказанность, они потеряли чувство реальности, и это стало их роковой ошибкой.

Без всякого согласования с императором и Морским министерством, Грейг и его окружение реорганизовали флотские управленческие структуры по собственному проекту. Изумленный Николай I был поставлен Грейгом уже перед свершившимся фактом. Взамен нескольких независимых друг от друга и поэтому контролирующих друг друга тыловых структур он создал Главное черноморское управление, замкнув эту структуру, разумеется, на лично преданного ему обер-интенданта Критского. При этом Грейг значительно расширил полномочия Критского, дав ему права директора департамента и замкнув его на себя. Отныне Критскому было подчинено все, что имело хоть какое-то отношение к финансам: кораблестроительная, комиссариатская и артиллерийская экспедиции, учетный кораблестроительный комитет, организация всех закупок и всех выплат. Отныне именно Критский самолично решал, где и за сколько нанимать плотников и мастеровых, кому выдавать наряды на работы по адмиралтействам, заводам и фабрикам, где, у кого и по какой цене закупать корабельный лес, пеньку, парусину, смолу, краски, свинец и т.д. Если ранее в каждом случае следовало проводить тендеры и выгодность любого контракта определяли комиссии, куда помимо чиновников входили и корабельные офицеры, то теперь все это было

отменено. Отныне все единолично решал только Критский, и его решение было законом для выполнения всеми. Отчитывался же оберинтендант лишь перед самим Грейгом, а если быть точнее, то перед его гражданской женой. Самое же главное заключалось в том, что именно только Критский отныне принимал решение, кому давать подряд на постройку кораблей и судов. Такие понятия, как коллективное обсуждение на совете флагманов выгод и невыгод того или иного предложения о постройке, сразу ушли в прошлое, вместе с этим ушли в прошлое и конкурсы (тендеры) подрядчиков, организуя которые, можно было значительно снижать стоимость постройки кораблей и судов.

Отныне друзья Лии и Критского получили монопольное право на сделки с Черноморским флотом, причем на условиях, которые устраивали именно их. Объемы же сделок были фантастическими, достигавшими ежегодно десятков миллионов рублей (по тем временам это гигантские суммы!). К примеру, отныне корабельная древесина для верфей покупалась исключительно у купца Рафаловича (основателя знаменитой в будущем одесской зернотрейдерской и банкирской династии) и близкого родственника Лии Грейг. Задуманная Грейгом и его супругой схема полного выкачивания государственных денег в свой карман стала реальностью.

Одновременно вместе с женой Юлией-Лией Грейг делал все от него зависящее, чтобы превратить Николаев в собственную столицу, в противовес Одессе графа Воронцова и Севастополю, где он должен был считаться с мнением флагманов. С этой целью Грейг принял решение на уничтожение кораблестроения и промышленности в Херсоне и перевод верфей и фабрик в свой стольный град Николаев. Уничтожение казенных верфей обставлялось как забота о благе государства и флота. Чтобы избежать полного разорения Херсона, граф Воронцов был вынужден начать борьбу за херсонскую адмиралтейскую верфь, чтобы сохранить ее для постройки купеческих каботажных судов и вывести ее из-под контроля «грейговской мафии». Несмотря на его многочисленные прошения в Петербург, генерал-губернатору Новороссии удалось решить вопрос только частично. Верфь граф сохранил, но мафия тут же наложила на нее свою тяжелую руку.

Впрочем, Херсонская верфь — это капля в море. Дело было совсем в ином: адмирал Грейг и его окружение фактически начали борьбу с центральной властью за полную самостоятельность от него. Это было уже вызовом, на который Петербург должен был обязательно ответить.

Казенное кораблестроение стало развиваться только после изгнания Грейга и его камарильи. При этом, даже после ухода Грейга с

Черноморского флота, сразу полностью перейти на казенное кораблестроение не было возможности еще на протяжении ряда лет. Поэтому некоторое время Лазареву приходилось пользоваться услугами некоторых частных предпринимателей, в частности семьи Рафалович, с каждым годом, однако, сокращая объемы их судостроения и, соответственно, их денежную прибыль.

У остальных обогатившихся на флотские средства купцов верфи были добровольно-принудительно выкуплены. Так, у Серебряного была выкуплена его «Вольная верфь» и включена в состав Адмиралтейства. Кстати, этот район у жителей Николаева до наших дней носит название «Серебряный док». Сам же Михель Серебряный после выселения евреев из Николаева переехал в Одессу. В Одессу впоследствии переехал и не менее предприимчивый Маркус Варшавский. Ему тоже пришлось продать свой дом и эллинг в собственность Адмиралтейства, т.е. в «в казну».

* * *

К началу 30-х годов XIX века стараниями адмирала Грейга и его окружения в Севастополе сложилась крайне негативная ситуация. Суть случившегося была в следующем. Дело в том, что морские офицеры, и в первую очередь офицерская молодежь, привыкли жить, не считая денег. Для этого в городе истари существовала хорошо отлаженная система греков-ростовщиков, дававших офицерам деньги под небольшой процент. Однако с попустительства Грейга в Севастополе начался передел сфер влияния, и вскоре подавляющее большинство греков были отлучены от своего ростовщического бизнеса, а их место заняли евреи. Мгновенно резко подскочил процент за кредиты, неискушенные в финансовых делах мичманы и лейтенанты, привыкшие жить в долг, разумеется, продолжали пользоваться услугами кредиторов, но уже не греков, а евреев, с каждым заемом все больше и больше влезая в долги. А потому спустя некоторое время практически весь офицерский состав Черноморского флота был не только не в состоянии вернуть местным евреям долги, но даже расплачиваться за проценты. Флот фактически оказывался в руках еврейских ростовщиков. Кто-то, отчаявшись выбраться из долговой ямы, кончал жизнь самоубийством, кто-то опускал руки и переставал интересоваться делами службы, думая только о том, как бы вернуть хоть кое-что. О явно ненормальной ситуации, сложившейся на Черноморском флоте, было доложено Николаю I. Император-рыцарь быстро разобрался в

ситуации. Так как никакой возможности восстановить старое положение дел уже не было, необходимы были экстраординарные меры, и они были применены. Судя по сему, последней каплей, переполнившей чашу терпения императора, был чумной бунт в Севастополе, спровоцированный «черноморской мафией».

Прежде всего, в Севастополе было введено чрезвычайное положение. В 1829 году царский указ объявил «неудобным и вредным пребывание неслужащих евреев в городах Севастополе и Николаеве», как военноморских центрах, и предписал выселить оттуда еврейских жителей: имеющих недвижимость — в течение двух лет, не имеющих — в течение одного года. В отношении Севастополя императорский указ был выполнен, несмотря на все противодействия Грейга и его окружения. В течение 24 часов все севастопольские евреи были выселены из города, с запрещением не только когда-либо возвращаться в Севастополь на жительство, но далее приезжать туда по любым делам. За ослушание грозила каторга. При этом во время отправки евреев из города жандармскими офицерами были уничтожены все имевшиеся у них долговые бумаги. Можно представить восторг и радость черноморских офицеров решением императора! Отныне имя Николая I стало для черноморцев почти священно. Отныне в отличие от балтийцев, которые «любили» императора в соответствии с его должностью, черноморцы обожали Николая I искренне. Зная об этом, последний отвечал им тем же, разрешая, в отличие от всего остального флота и армии, только черноморцам всевозможные послабления в форме одежды и несении службы. Эта взаимная любовь продлилась до самой Крымской войны, и может, именно поэтому кровавая севастопольская оборона и гибель тысяч и тысяч черноморских моряков, которых Николай I не без основания считал своими любимцами, значительно ускорили кончину императора?

Отметим, что если указ о выселении евреев из Севастополя был выполнен, то в отношении же Николаева все вышло несколько иначе. Черноморские власти во главе с адмиралом Грейгом, разумеется, категорически воспротивились этому указу, утверждая, что изгнание евреев повредит развитию Николаева, в особенности ремеслам и кораблестроению. Приложив поистине титанические усилия, Грейг добился, что высылка евреев была отложена до 1832 года, а затем снова перенесена уже до 1834 года. Фактически выполнить указ императора о выселении евреев из Николаева удалось лишь после отстранения от власти самого Грейга. В 1830 году в Николаеве проживало 715 еврейских семей. 24 из них принадлежали к купеческой элите, т.е. являлись миллионерами.

Еще 691 семья являли собой банкиров, ростовщиков, перекупщиков средней руки, у которых в долгах находился весь остальной город.

Современный биограф Лазарева А.А. Черноусов пишет «...20 ноября 1829 года на имя Николаевского и Севастопольского военного губернатора А.С. Грейга был дан высочайший указ “О мерах по переселению евреев из Севастополя и Николаева”, представленный затем в Сенат и Комитет министров. Согласно указу императора евреям запрещалось жить в этих городах, имевших статус военных портов. Они были обязаны продать недвижимую собственность и переселиться в любые другие приморские города. Фактически, началась массовая высылка евреев, продолжавшаяся в течение нескольких лет. Как в Севастополь, так и в Николаев евреи могли приезжать только временно, на срок, произвольно устанавливаемый для них военным губернатором. Затем последовал рескрипт императора о воспрещении “допускать евреев к подрядам по Черноморскому ведомству”. В 1831 году министр финансов Е.Ф. Канкрин сообщил в Главное управление Черноморского флота о том, что император запретил отдавать и постройку военных пароходов с подряда купцам-евреям».

Распоряжение о выселении евреев изменило экономическую ситуацию. Цены на дома упали, домостроительство остановилось. У христиан, купцов и ремесленников прибыли выросли, поскольку они фактически стали монополистами, и это привело к росту цен. Грейгу пришлось ходатайствовать перед императором о переносе сроков выселения евреев, на что последовало Высочайшее соизволение с указанием «производить это дело без потрясений». Если Грейг всеми возможными способами старался не выполнять этот указ, то Лазарев использовал все меры по выселению евреев из Николаева и Севастополя. Кроме того, он предпринимал попытки выселения из этих городов греков. И хотя полностью выселить их не смог, но численность их резко снизилась.

Современный николаевский историк и известный почитатель адмирала Грейга и его супруги Ю.С. Крючков пишет: «С середины двадцатых годов Алексей Грейг, несмотря на свои заслуги и прочное положение главного командира Черноморского флота, стал подвергаться доносам и травле со стороны некоторых шовинистически настроенных офицеров и чиновников, особенно служащих по хозяйственной части. К этому добавлялись и антисемитские выпады, больно ранившие его и семью. Надо сказать, что сам Грейг невольно давал повод для таких выступлений. Он ценил людей и своих подчиненных не по их национальности, а по моральным и деловым качествам. В эти годы в Черноморском флоте среди торгового люда, чиновников и ремесленников было много иностранцев, поэтому Грейг,

будучи по происхождению шотландцем и сам самоотверженно служа своей второй родине — России, не считал необходимым ущемлять способных иностранцев и поощрять некоторых недобросовестных русских. Это, естественно, порождало зависть, недовольство и, как следствие, жалобы и доносы».

Что сказать по поводу этой цитаты? Для защитника Грейга все российские патриоты — это отъявленные шовинисты, а иностранные авантюристы — близкие по духу люди. Разумеется, что были и порядочные иностранцы и непорядочные великороссы, но, увы, история наглядно демонстрирует, что любителей легкой поживы среди иноверцев было куда больше, чем тех, кто, приехав в Россию, вдруг осознал себя россиянином и стал не за страх, а за совесть трудиться на благо нового Отечества. Сомневающимся я попрошу привести мне фамилии современных иностранцев, всей душой и сердцем преданных современной России. Много ли вы таковых найдете? А вот жуликов, рвавших нашу страну на части как в 90-е годы, так и сегодня, можно перечислять десятками. Неужели вы думаете, что раньше все было как-то иначе?

* * *

Порой Грейга заносило даже в мелочах. Но каждая из таких мелочей вызывала раздражение в Петербурге. Ряды врагов Грейга множились. Мне кажется, что какое-то время он и его ближайшее окружение просто не понимали, что времена начали меняться.

Вот один из характерных примеров той эпохи. В 1828 году умирает один из ближайших соратников Лии — бухгалтер Херсонского Адмиралтейства некто Швенднер (почти булгаковский Швондер!). У умершего Швенднера остались два сына. И тут начинаются чудеса. Грейг начинает истово ходатайствовать перед императором Николаем о зачислении сыновей Швенднера... в Морской кадетский корпус, куда, согласно его статусу, принимали исключительно сыновей потомственных российских дворян.

И с чего детям еврейского менялы карабкаться в Морской корпус? С папиными связями всегда им можно было подыскать теплое место в одной из купеческих одесских и николаевских контор. Допустим, мальчики хотели стать моряками. Тогда, не привлекая к себе особого внимания, их можно было отдать в николаевскую штурманскую роту, потом переаттестовать в гардемарины, дать взятку в губернское управление

герольдии и выправить документ, что папаша был дворянином 14-го класса. После этого мальчиков можно было смело переводить в гардемарины, а потом со временем дать и мичманские чины. Дело, конечно, не быстрое, но при толковости мальчиков и терпении их покровителей достаточно верное. Именно таким путем стал позднее мичманом знаменитый в будущем вице-адмирал С.О. Макаров, отец которого служил тюремным надзирателем, и официально его сыновья не имели права быть флотскими офицерами. Но, видимо, настала пора, когда, разбогатев, причерноморские менялы возмечтали о дворянстве, о том, что за деньги можно купить все, о том, что пора их детям становится настоящими аристократами.

Казалось бы, если Грейг, прекрасно понимая ситуацию, с легкостью взялся за это дело, значит, для него оно было заранее выигрышным, иначе чего же зря позориться перед людьми? Однако на практике все оказалось совсем не так. В своем ходатайстве на имя Николая I Грейг обосновывал свою просьбу «в уважение усердной службы отца и не достаточного состояния матери их». Относительно национальности рекомендуемых детей Грейг, разумеется, умолчал, и Николай I решил, что речь идет о немцах, после чего отправил прошение Грейга в Морское министерство, оттуда прошение было спущено директору Морского кадетского корпуса адмиралу Ф.Ф. Крузенштерну, давнему приятелю Грейга. Не теряя времени, в марте 1829 года Грейг отправляет мальчиков Швенднеров в столицу, одновременно «побуждая» Крузенштерна в «принятии оных в особенное свое покровительство». Однако когда братья приехали, выяснилось, что они «не соответствуют правилам поступления», т.е. вскрылось их настоящее происхождение. Казалось бы, ну тут-то надо бы прекратить всю затеянную авантюру. Крузенштерн, попав в затруднительную ситуацию, начинает лавировать. Он пишет Грейгу о том, что «весьма часто получаемы мною на рассмотрение свидетельства о происхождении... недорослей, подобные вышеупомянутым», но при этом заверил друга во «всевозможном внимании» к этому делу. Окончание истории с мальчиками Швенднерами нам неизвестно. Во всяком случае в «Общем морском списке» офицеров российского флота в царствование императора Николая I мичманы Швендеры отсутствуют.

Оговорюсь, что как человек, живущий в XXI веке, автор прекрасно понимает все несовершенство и ущербность существовавшего в XIX веке сословного ограничения в приеме в привилегированные учебные заведения империи. Но таков был закон, о котором знали все, знал, разумеется, и адмирал Грейг. Однако, зная об этом, он все же пошел на столь явный

демарш. Почему? Чтобы обратить внимание общественности на имеющуюся проблему? В этом я сомневаюсь. Общественность в ту пору была дворянская, причем на тот момент весьма запуганная недавним мятежом масонов-декабристов. Реакция этой общественности на новаторство Грейга могло быть исключительно отрицательным, так как посягало именно на их привилегии. Так почему же Грейг пошел на столь опрометчивый шаг? Скорее всего, он все же всерьез рассчитывал добиться приема братьев Швенднеров в Морской корпус, уже полностью уверовав в свое могущество, а потому и предпринял явно демонстративную попытку показать свою всесильность в Петербурге.

Однако все это сущие мелочи в сравнении с тем, на что в конце концов посмела поднять руку черноморская «мафия». Это может показаться невероятным, но факт остается фактом: к началу 30-х годов XIX века главной проблемой, связанной с Черноморским флотом, стал вопрос о сепаратных настроениях его руководства Разбогатов и пресытившись заурыдным воровством, черноморские «мафиози» совершенно потеряли чувство реальности, а потеряв его, уверовали в собственное всемогущество. Теперь им было уже мало власти на местах, теперь хотелось властвовать, теперь желалось независимости от центральной власти. Как здесь не вспомнить знаменитую сказку Пушкина о золотой рыбке! Вспомним, что написана она была как раз в это время! Да и Пушкин не мог не знать о николаевских делах, так как сам сравнительно недавно вернулся из Одессы, как и многие его знакомые (к примеру, тот же Вигель). Не с сожительницы ли Лии списал он образ сварливой бабки? Уж больно все сходится! И дом на берегу Синего моря, и характеры злой и жадной до богатства Лии-бабки и безвольного старика-адмирала Грейга. Да и аппетиты у Лии с бабушкой очень уж схожи! Вначале бабка и Лия желают просто сытной жизни, получив которую, добиваются столбового дворянства (голубая мечта Лии Грейг!), затем уже обоим хочется стать местными царицами, и, наконец, апофеоз — Лия и бабка из пушкинской сказки желают быть владычицами морскими! Применительно к Лее — это ее хрустальная мечта — стать супругой Грейга, т.е. адмиральшей, и властвовать над всем Черным морем.

Пушкинисты давно поняли, что великий поэт был гениально афористичен и многие тайные дела своей эпохи шифровал в своих произведениях. Как знать, может, и сказка о золотой рыбке — это рассказ именно о зарвавшейся грейговской «подрядчице». Уж больно все совпадает в сказке с реалиями событий на Черноморском флоте того времени до мельчайших деталей. А может, гений Пушкина просто поведал нам о

типичном бесчестном возвышении, которое обязательно должно завершиться бесславным крахом?

Если ранее Петербург волновали вопросы экономической вакханалии на Черном море, то теперь проблема стала переходить в политическую плоскость. А это значило, что «грейговский нарыв» надо вскрывать, и как можно быстрее.

Дело в том, что, как это ни покажется странным несведущему читателю, черноморский сепаратизм имел весьма глубокие корни и собственную историю, с которой нам нелишне будет, хотя бы в общих чертах, познакомиться.

Глава седьмая.

К ИСТОРИИ ЧЕРНОМОРСКОГО СЕПАРАТИЗМА

В пятитомном научном труде «Истории отечественного судостроения» под редакцией академика И.Д. Спасского приводится следующая причина снятия Грейга с должности: «Основной причиной освобождения Грейга от должности главного командира явился, следует думать, давний и постоянно тлеющий конфликт с Морским министерством в целом и с министром А.В. фон Моллером в частности. Чиновники не могли забыть и простить Грейгу докладную записку, поданную им на высочайшее имя в 1826 году, где адмирал почти напрямую обвинил их в некомпетентности. Он настоятельно требовал вывести Черноморский флот из подчинения Морскому министерству. Будучи едва ли не самым влиятельным членом Комитета образования флота, А.С. Грейг во многом способствовал реорганизации высшего морского руководства. Он смог добиться вывода Черноморского ведомства из непосредственного подчинения морских властей в Петербурге.

Но министерство дождалось своего часа и сумело рассчитаться с Грейгом, правда, не без его же помощи. Предлогом послужили нарушения в отчетности Главного черноморского управления. В годовых отчетах о деятельности Черноморского ведомства за 1830 и 1831 годы Адмиралтейский совет, занимавшийся их проверкой в соответствии с действующими положениями, обнаружил массу неточностей, противоречий, ошибок, путаницы. Одни и те же отчетные финансовые статьи, проходившие по документам разных экспедиций, разнились на десятки и сотни тысяч рублей. Морское министерство, обратившееся к главному командиру с предложением выправить отчеты, получило отказ, в связи с чем фон Моллер сделал соответствующее представление царю. Николай I вынужден был сам чуть ли не уговаривать строптивого адмирала, напомнив ему, что он, как главный командир, отвечает полностью за Черноморское ведомство, в том числе и за его финансовую деятельность и отчетность. Грейг не подчинился приказу царя, отписав ему, что "...к проверке таковых сведений по обширности и многосложности их главный командир не имел и не имеет никаких средств..." Странная, если не сказать, нелепая позиция, занятая Грейгом в этом конфликте, стоила ему

должности главного командира».

Попробуем разобраться, исходя из данной цитаты, за что же фактически сняли адмирала со столь любимой им должности. Итак, для начала «постоянно тлеющий конфликт» с Петербургом, суть которого в том, что Грейг требовал «самостийности» для своего флота. Как это можно себе вообще представить, что некий флот или армия будут проявлять неподчинение высшей власти? Именно такой была мечта Грейга и его предприимчивой супруги: полная безнаказанность в финансовых делах, полное всевластие над черноморскими портами, верфями, над сотнями тысяч людей. Впрочем, то, к чему стремился Грейг, вполне закономерно, что, накопив богатства, «черноморская мафия» сделала следующий шаг — возжелала фактической независимости от центральной власти. Фактически Грейг, ни много ни мало, но стремился к созданию не подчиненной Петербургу военизированной автономии на юге России. Мог ли пойти на это император Николай вскоре после масонского мятежа декабристов? Да никогда! Но в данном случае совершенно непонятно, чем руководствовался Грейг, выдвигая требования отделения от императорской власти. Неужели он к этому времени потерял чувство реальности и не понимал, что творил? Думается, что, наоборот, он все понимал и прекрасно знал, что творит. Совершенно не случайно свои требования по отделению от центральной власти он выдвигает именно в 1826 году. Это напоминает ультиматум еще молодому неопытному и напуганному декабристским мятежом императору. Грейг напоминает Николаю I, что подчиненный ему флот в мятеже, в отличие от Южной армии и гвардии, никакого участия не принимал. За свою лояльность он и требовал компенсации. Вне сомнений, что к данной интриге приложила руку и вся окружавшая его «черноморская мафия» во главе с его предприимчивой супругой Юлией-Лией. Но император проявил завидную выдержку и требования «черноморской мафии» проигнорировал. Впрочем, как пишут в выше процитированном труде наши историки, демарш Грейга в Морском министерстве не простили, а отложили свой ответный ход до лучших времен. При этом и Грейг, как мы видим, тоже не сложил оружия. Он по-прежнему, используя свои связи, старается реорганизовать Черноморский флот под себя и не мытьем, так катаньем постепенно вывести его из подчинения центру. Сразу возникает вопрос, как можно характеризовать в данном случае деятельность главного командира Черноморского флота и портов?

Что касается истории о нежелании исправлять подтасованные финансовые отчеты, ставшей последней каплей, которая переполнила чашу терпения Морского министерства и императора, то здесь все предельно

ясно. Финансовые отчеты Черноморского флота, подписанные Грейгом, были запутаны совсем не случайно, а преднамеренно с целью скрыть постоянные огромные хищения. Обратим внимание, что если раньше государственные деньги воровались «черноморской мафией» хотя бы опосредованно, через повышение тарифов на постройку кораблей, закупку парусины, таможенные сборы на вывозимый хлеб и ввозимые товары и т.д., то теперь грейговская клика перешла уже к открытому грабежу казны, не стесняя себя ни в чем. Если годовой бюджет всего Черноморского флота состоял из двух с лишним миллионов рублей, то бесследное исчезновение нескольких сотен тысяч, о которых говорится в приведенной цитате, это десятки процентов! Историки говорят о «странной» и «нелепой» позиции, занятой Грейгом в этом конфликте. Думается, что ни о какой странности, а тем более нелепости речи здесь идти не может. У Грейга просто не было иного выхода, как идти на обострение и попытаться «горлом» отбить наскоки министерских ревизоров. Разумеется, если бы все в финансовых делах флота было в порядке и имела место просто ошибка бухгалтера, то Грейг был бы рад исправить отчетные документы. Увы, в тот момент он просто уже не мог этого сделать. Поразителен и тот факт, что Грейг вовсе не боится того, что растратил сотни тысяч рублей! Наоборот, он возмущен тем, что кто-то имеет право его проверять и обвинять, его, того, кто считал себя уже чуть ли не полновластным царьком Северного Причерноморья! Ему не указ не то что морской министр, но и сам император! Это был уже явный перебор, так как Николай I образца 1832 года совсем не был похож на Николая I образца 1826 года, который только взял власть в руки и был благодарен. Грешу за лояльность его флота в декабристских делах. Теперь все было иначе. Такого демарша Николай простить уже не мог. Понимал ли это сам Грейг? Возможно, что к этому моменту зарвавшийся адмирал просто потерял чувство реальности. Вполне возможно и то, что к этому времени сам Грейг уже вообще ничего не контролировал и ни на что не имел возможности влиять, так как был полностью оттеснен от рычагов финансовых дел супругой и ее любовником Критским.

Заметим, что тогда же, в 1832 году, проверка выявила несоответствие запасов леса, материалов и других припасов для постройки заявленных Грейгом 6-пушечного фрегата и корвета. Все деньги, выделяемые на эти суда, куда-то бесследно исчезли, а сами суда еще не были даже заложены!

Грандиозный скандал с подтасованными финансовыми отчетами весьма странным образом совпадает по времени и логике с ревизией Александра Ивановича Казарского в Одессе и Николаеве (которая явилась логическим ответом на отказ Грейга подчиниться требованиям Николая I) и

его последующим убийством. Несмотря на то, что прямых доказательств о сопричастности этих двух событий у автора нет, все же, на мой взгляд, весьма большая вероятность того, что это были звенья одной и той же цепи. И цинично-демонстративное убийство императорского флигель-адъютанта, и столь же демонстративная подтасовка финансовых бумаг с последующим столь же демонстративным отказом разбираться с пропажей сотен тысяч рублей наводит на мысль о том, что именно ревизия Казарского и его смерть стала прологом решительной и последней схватки центральной власти с «черноморской мафией». В тот момент Грейг и его окружение перешли границу дозволенного как в морально-человеческом, так и в политическом отношении и тем самым поставили себя фактически вне закона. Стоит лишь удивляться лояльности Николая I, который отказался от арестов и судов, а ограничился организацией операции по разгону грейговской камарильи!

* * *

Справедливости ради отметим, что черноморский сепаратизм начался, конечно же, не при Грейге. При нем была предпринята лишь последняя дерзкая попытка отстоять былую самостоятельность если не де-юре, то хотя бы де-факто, что, кстати, и было почти достигнуто.

История же этого достаточно необычного явления для России кроется в самой истории создания Черноморского флота. Дело в том, что когда при императрице Екатерине в начале 80-х годов XVIII века началось спешное создание морских сил на Черном море, то руководство страны сразу же столкнулось с массой трудностей, главными из которых было почти полное отсутствие профессиональных кадров для комплектации большого количества строящихся кораблей и судов и отсутствие береговой инфраструктуры. Берега Северного Причерноморья были почти пусты, и искать людские ресурсы приходилось в центральных губерниях, а потом с большими трудностями и потерями этапировать их на юг. Но это рядовой состав, а как быть с офицерами? Разумеется, Балтийских флот выделил некоторую часть своих офицеров, но это не решало вопроса. Тогда решено было обратиться к найму офицерского состава за рубежом. Именно так попали на Черноморский флот контр-адмиралы принц Нассау-Зиген и американский корсар Поль Джонс, англичанин Тиздель, мальтийцы Дама и Ламбард, целая плеяда греческих корсаров во главе с легендарным Ламбро Качиони. Споры нет, большинство из них были профессионалами, но чтобы

управлять этой разношерстной компанией, надо было иметь и авторитет, и реальные рычаги власти. При этом власть должна была и находиться рядом, так как из Санкт-Петербурга разобраться во всех хитросплетениях черноморских дел, да еще в быстро меняющейся политической и военной обстановке, было просто невозможно. Нужна была авторитарная и авторитетная фигура на месте, которая могла бы самостоятельно решать все возникающие вопросы и принимать ответственные решения. Такой фигурой оказался фаворит императрицы Екатерины (а по некоторым сведениям, и ее законный супруг) светлейший князь Потемкин-Таврический, который сосредоточил в своих руках сразу три функции: гражданского правителя края, командующего армией и командующего флотом. Это позволяло эффективно осваивать и заселять причерноморские земли, надежно и эффективно их защищать.

Во многом именно благодаря этому и была победно выиграна нелегкая война с Турцией 1787–1791 годов. Что касается столичной Адмиралтейств-коллегии, то она лишь по возможности обеспечивала Черноморский флот подготовленными кадрами.

После смерти Потемкина и победного завершения войны его пост был передан новому фавориту Екатерины II графу Платону Зубову, и самостоятельность Черноморского флота лишь усугубилась.

Когда же на престол взошел Павел I, то первым делом он отправил бывшего фаворита матери в отставку. Новым командующим Черноморским флотом был определен адмирал Мордвинов, как некогда «невинно» пострадавший от того же Потемкина. Тогда же Павел решил отменить и ставшую ненужной и вредной автономность Черноморского флота и замкнуть его непосредственно на Адмиралтейств-коллегию. Для решения этого вопроса и был определен на Черное море адмирал Мордвинов. Однако, прибыв в Николаев, новый главный командир Черноморского флота и портов сразу же оценил все выгоды своей автономности, почувствовал вкус самостоятельности и идти под длань петербургских адмиралов сразу расхотел. Еще бы, когда ты никому не подотчетен в вопросах финансов, таможни, организации судоходства и морской торговли и властвуешь так, как бог на душу положит, можно чувствовать себя уже не просто морским начальником, а местным властителем!

Личность адмирала Николая Семеновича Мордвинова была и сама по себе весьма примечательна. В войну с турками 1787–1791 годов он показал себя как совершенно бездарный флотоводец и именно поэтому был отрешен от командования кораблями. На берегу Мордвинов чувствовал себя куда уверенней. Он любил заниматься хозяйственными делами,

считался просвещенным экономистом, слыл либералом и значился масоном. Много лет спустя масоны-декабристы будут именно его прочить в будущее масонское правительство России.

Через некоторое время у взошедшего на престол императора наконец-то дошли руки и до черноморцев. Своим указом Павел I официально вернул самостийников в лоно Адмиралтейств-коллегий. Однако одно дело — написать указ и совсем другое — воплотить его в жизнь. Известие о подчинении Адмиралтейств-коллегий мгновенно разделило черноморцев на две партии. Первая из них, состоявшая из чиновников флотских управлений, сидевших в Николаеве, во главе с главным командиром Черноморского флота и портов адмиралом Мордвиновым, была недовольна указом — ведь отныне они не могли единолично распоряжаться огромными деньгами и властвовать как хотела их левая нога. Другая часть черноморского офицерства — корабельные офицеры и в первую голову командиры судов, находящиеся в Севастополе, наоборот, были рады концу чиновничьего произвола и почти узаконенного воровства. Эту партию возглавил командующий Севастопольской корабельной эскадрой вице-адмирал Ушаков. А потому начавшийся в 1797 году на Черноморском флоте частный (на первый взгляд!) конфликт между русофилом адмиралом Ушаковым и масоном-англоманом Мордвиновым на самом деле имел весьма большую подоплеку.

Противостояние двух группировок сразу же стало очень острым. Формальным поводом для конфронтации стала постройка двух новых линейных кораблей — «Святой Петр» и «Захарий и Елизавет». Дело в том, что херсонский корабельный мастер Катасонов впервые в российском кораблестроении применил в них новую конструкцию: бак и шканцы были соединены сплошной палубой. Это давало ряд преимуществ, прежде всего, повышалась жесткость корабельной конструкции. Строительство линейных кораблей происходило по инициативе Мордвинова, и именно это сразу вызвало неприятие нововведения в Севастополе.

Против «новоустроенных» кораблей решительно выступил вице-адмирал Ушаков. Севастопольский флагман и его окружение объявили новые корабли неудобными в работе с парусами, в излишней задымленности при ведении огня и большой парусности корпуса, которая затрудняет маневрирование. В обострении вопроса с новыми линейными кораблями севастопольская группировка видела возможность привлечь внимание императора к Черноморскому флоту, прежде всего, для решения главного для всех корабельных офицеров вопроса — скорейшего и полного перехода флота под юрисдикцию Адмиралтейств-коллегий. Но и

Мордвинов не сидел сложа руки. Когда в Николаеве поняли, что севастопольская оппозиция собирается использовать для решения вопроса новые корабли, там сразу же приняли ответные меры. Немедленно командиром «Святого Петра» был назначен капитан 1-го ранга Сенявин, сторонник Мордвинова и давний личный недруг Ушакова. Когда-то Сенявин, еще будучи молодым генерал-адъютантом светлейшего князя Потемкина, ослушался и сдержил Ушакову, но был быстро поставлен на место самим князем. Теперь же Сенявин нашел поддержку у Мордвинова и, пользуясь этим, снова частенько выходил за рамки субординации.

Однако полностью решить проблему николаевцам не удалось, так как командиром «Захария и Елизавет» уже был определен один из ближайших соратников командующего эскадрой капитан 1-го ранга Ознобишин, и снять его с этой должности без веской причины Ушаков бы просто не дал. Разумеется, что едва два новых корабля вышли в море в испытательное плавание, оба командира сразу же дали диаметрально противоположные оценки мореходным и боевым качествам своих кораблей. Если Сенявин хвалил новую конструкцию, то Ознобишин, наоборот, считал ее очень неудачной. Для Мордвинова негативное отношение Ушакова к его нововведению было очень болезненным, так как в случае проигрыша спора он оказывался в дураках перед императором Павлом и сразу возникал вопрос о его компетенции как моряка вообще. Так как Адмиралтейств-коллегия негативно относилась к сепаратизму Мордвинова и к нему самому, то ее члены немедленно дружно поддержали Ушакова. В затянувшийся на целых два года скандал постепенно втягивался все более широкий круг людей, вплоть до самого Павла I. При этом в ход шло все: подтасовка фактов, давление на подчиненных и доноительство друг на друга Николаевская партия, как более могущественная, владеющая административными и финансовыми рычагами, наступала, севастопольцы отчаянно оборонялись, при каждом удобном случае не упуская возможности и самим нанести удар по противнику.

Поддерживая Ушакова, Адмиралтейств-коллегия провела финансовую инспекцию в Одесском порту, где выявила вопиющее воровство. Над Мордвиновым и его окружением стали сгущаться тучи. Теряя выдержку, он опустил до прямых оскорблений командующего эскадрой

Тот, не оставаясь в долгу, писал жалобы на высочайшее имя, жалуясь «на неприятство и политическое притеснение», которое публично выказывает ему Мордвинов.

Затем последовал откровенный скандал. Началось с того, что на совещании флотских флагманов Ушаков пожаловался Мордвинову на

недостойное поведение его любимца Сенявина

— Вы, Федор Федорович, просто не умеете обходиться со своими подчиненными и поступаете с ними жестоко! — публично одернул Ушакова старший черноморский флагман.

Тот не смог не ответить:

— Таковой сделанный мне штраф делает меня уже недостойным и неспособным выполнять высочайшую волю и повеления!

— А вы и есть точно недостойный! — оскорбил при всех заслуженного флотоводца Мордвинов.

Именно тогда вице-адмирал и написал на высочайшее имя письмо, которое и сегодня нельзя читать без волнения: «Ревность и усердие о сохранении интереса Вашего Императорского Величества с некоторого времени подвергли меня гневу и негодованию моего начальства... Смерть предпочитаю я легчайшую несоответственному поведению и бесчестному служению. Всеподданейше испрашиваю Высочайшего позволения, после окончания кампании, быть мне на малое время в Санкт-Петербурге, пасть к стопам Вашим и объяснить лично вернейшим и обстоятельнейшим донесением о состоянии тех двух кораблей».

Было очевидно, что далее держать двух флагманов на одном флоте нельзя. Но Мордвинов в столицу командующего эскадрой не отпустил. Главный командир Черноморского флота поспешил в столицу сам, формально для того, чтобы предоставить отчет об административной деятельности флота до момента его передачи под начало Адмиралтейств-коллегий, на самом же деле для того, чтобы уладить вопрос о вскрытых злоупотреблениях в Одесском порту и нанести удар по ушаковской партии.

Вместо себя на флоте он вынужден был оставить первого после себя по старшинству. Таковым же являлся Ушаков. Однако вместо того, чтобы ехать в Николаев и править флотом, тот сказался больным и демонстративно большую часть времени провел в Севастополе.

Впрочем, Мордвинова не зря считали одним из лучших экономистов и администраторов России — от всех обвинений он отбился и вернулся победителем.

Тем временем всю кампанию 1797 года Ушаков собирал данные о плохом качестве новопостроенных кораблей и по окончании кампании отправил в Адмиралтейств-коллегию обобщенные данные. Коллегия, в свою очередь, запросила мнение петербургских корабельных мастеров. Те единодушно высказались за нововведения своего херсонского коллеги Катасонова. Но Ушакова дружно поддерживали члены Адмиралтейств-коллегий, а вслед за ними и балтийские флагманы. В этой ситуации Павел I

долго сомневался, чью сторону ему принять. Наконец, он велел пока от нововведений отказаться и строить корабли по-старому. Как показало время, такое решение было ошибочным, и Россия отстала от ведущих европейских держав на полтора десятка лет.

Но Мордвинов сдаваться не собирался. В пику Ушакову в следующем, 1798 году он велел произвести новые испытания «Святого Петра» и «Захария и Елизавет». Состав комиссии на этот раз адмирал утвердил сам, включив в нее своих людей. Исключение составил лишь Ушаков, которого Мордвинов просто не мог не включить, в силу занимаемой тем должности. Разумеется, что мордвиновская комиссия сделала выводы, совершенно противоположные прошлогодней ушаковской. Единственным членом комиссии, который отказался подписать положительное заключение, был, конечно же, Ушаков. Трудно сказать, сколько бы еще продолжался скандал вокруг двух линкоров, если бы 4 августа 1798 года в Севастополь не прискакал императорский фельдъегерь с бумагой, которая сразу ставила точку на всех местных дрязгах. В связи с начавшейся войной с Францией предстояло как можно скорее вести черноморскую эскадру в Средиземное море. Сделать это мог только Ушаков. Ему и была поручена эта ответственная миссия. Отвлекаясь от нашей темы, отметим, что с поставленной задачей великий русский адмирал справился блестяще, освободив от французов Ионические острова, Неаполь и Рим и обессмертив свое имя беспримерным штурмом неприступного острова Корфу.

Пока Ушаков воевал в Средиземном море, Павел I нашел повод выгнать в отставку изрядно надоевшего ему своими интригами Мордвинова. Поводом для отставки стал взрыв бомбового арсенала под Херсоном.

Однако и Ушаков на освободившуюся должность назначен также не был. Павел I решил произвести рокировку адмиралами. С Балтики наместо Мордвинова был назначен бесталаный, но трусоватый и управляемый адмирал Фондезин, а Ушаков после триумфального возвращения в Севастополь был отправлен на достаточно почетную, но полностью подконтрольную должность командующего Балтийским гребным флотом.

Итак, император и президент Адмиралтейств-коллегий решали вопрос, как быть дальше с изрядно уже всем надоевшей историей с двумя линейными кораблями и как лучше развести в стороны двух строптивых черноморских адмиралов.

— Мордвинов хорош как администратор, но совершенно негоден как флотоводец! — внушал императору президент Адмиралтейств-коллегий

Кулешов. — Что касаясь Ушакова, то он прекрасный воин и в преддверии последних событий в Европе будет скоро весьма востребован!

Тогда Павлу I с помощью адмирала Ушакова удалось обуздать черноморских сепаратистов во главе с Мордвиновым. Теперь же, по прошествии четверти века, уже новое поколение черноморских сепаратистов во главе со своим предводителем адмиралом Грейгом снова объявило о своем нежелании делиться доходами с Петербургом и отчитываться перед ним.

В своей книге «Лжегерои русского флота» я уже много и подробно писал о более поздней попытке в 1905 году одесской этнической мафии создать некую Южно-Русскую республику, включавшую Новороссию и Крым, этакий прообраз нынешнего Израиля. Именно тогда произошел мятеж люмпен-пролетариев в Одессе, мятежи броненосца «Потемкин» и крейсера «Очаков» во главе с небезызвестным «красным лейтенантом» Петром Шмидтом (назначенным, кстати, военным протектором будущей республики). Возможно, я ошибаюсь, но выстраивание в хронологическом порядке всех известных мне в данном вопросе фактов говорит о том, что тенденция отделения юга России все время витала в умах этнических торговых диаспор Новороссии, и всегда особое место в этом уделялось именно Черноморскому флоту.

Любопытный нюанс. Историки и краеведы Николаева традиционно восхваляют адмирала Грейга за его многочисленные деяния во благо Николаева: тут и строительство пристаней и улиц, новые дома, фонтаны, сады для гуляний и декоративные беседки. Все это, разумеется, было. Но причина столь большой заботы Грейга о Николаеве — вовсе не в его бескорыстии и любви к горожанам. Все обстояло несколько иначе. Уверовав в свое всемогущество, «полудержавный властелин» Причерноморья создавал собственную столицу, которая бы поражала блеском и богатством. При этом Николаев преобразовывался не просто как столица «державы» Грейга, а как Юлийполь, посвященный его сожительнице Лие. А потому несколько странно читать панегирики современных авторов в честь знаменитого храма богини Весты, который выстроил Грейг в честь Лии на берегах Ингула, о наставленных всюду статуях других античных богинь с ликом его дамы сердца. Как это ни прискорбно, но желание Грейга сделать Николаев не хуже Петербурга имеет под собой всю ту же сепаратистскую базу, что и вообще вся деятельность Грейга в последний период его «царствования».

Огромные деньги, связи с зарубежными торговыми кругами и российским купечеством и непомерные амбиции, в том числе и

политические, делали обе финансово-этнические партии Черноморского флота крайне опасным противником даже для самого российского императора. Думается, все это Николай прекрасно понимал. Перед началом этой борьбы он несколько раз посещает черноморские порты, чтобы, по-видимому, еще раз убедиться в том, насколько далеко зашла коррупция, которую во имя безопасности и благосостояния России необходимо было выкорчевывать как можно скорее. Наверное, «черноморская мафия» была второй после декабристов по значимости опасностью для России. Их надо было как можно быстрее разгромить, но сделать это без крови и излишнего шума, не привлекая внимания Европы.

Надо отдать должное императору Николаю I. Когда он увидел, что Грейг и его окружение от решения своих экономических вопросов начинают переходить к решению вопросов политических, он уже медлить не стал. В Николаеве еще пребывали в полном неведении, что время решительных перемен уже наступило.

Часть третья.
ПОТОМСТВУ В ПРИМЕР

Глава первая.

РАТОБОРЕЦ АДМИРАЛ ЛАЗАРЕВ

Теперь нам предстоит познакомиться с человеком, которому пришлось возглавить борьбу с николаевской кликой адмирала Грейга. Имя адмирала Михаила Петровича Лазарева прекрасно известно потомкам, прежде всего, как выдающегося моряка. При этом главный подвиг его жизни — одоление «черноморской мафии», к сожалению, так остался вне исторических исследований. Конечно, это не случайно. Историки — тоже люди, причем люди, приверженные определенным политическим взглядам, они имеют определенную национальность, воспитание, подвержены политической конъюнктуре, а потому в своих оценках не только почти всегда субъективны, но предвзяты и избирательны. Тема борьбы с коррупцией в России — это вечнозеленое древо. Об этом всегда много говорили и говорят, но никогда почти ничего не делали для полного искоренения этого монстра, изнутри пожирающего государство. И сегодня для многих наших соотечественников пример адмирала Лазарева — пример весьма опасный, и сам он — скорее антигерой, чем герой. Плавал бы себе по морям и океанам, ан нет, дернул его черт не только схватиться с могучей коррупционной машиной, но и ее разломать! А вдруг сегодня, глядя на знаменитого адмирала, объявятся новые Лазаревы? Тогда полетят к черту миллионные откаты, сытое чиновничье благополучие, богатство и власть, рухнут с таким трудом налаженные финансовые схемы, а вместо пляжей на Лазурном Берегу возникнут нары на Колыме. Кто-то сказал, что история — это политика, обращенная в прошлое. Что ж, относительно рассматриваемой нами темы, пожалуй, лучше и не скажешь...

А поэтому присмотримся мы к будущему вождю антигрейговской борьбы поближе.

Будущий адмирал и командующий Черноморским флотом родился 3 ноября 1788 года во Владимире в дворянской семье. То был год первых блестящих побед новорожденного Черноморского флота. Вскоре после смерти отца, сенатора, три его сына — Андрей, Михаил и Алексей — по Высочайшему соизволению императора Павла были зачислены кадетами в Морской корпус.

Известно, что за «отличные успехи» во время обучения в Морском корпусе Михаил Лазарев был премирован секстантом, а в 1803 году произведен в гардемарины и по распоряжению правительства в числе 30

лучших выпускников корпуса был отправлен в Англию для службы волонтером. Проведя 5 лет в непрерывных плаваниях в Атлантическом океане, Средиземном море, а на судах Ост-Индской компании — и в Тихом океане, неоднократно участвуя в боях с французскими кораблями, Лазарев вернулся в Россию уже опытным офицером.

Служба в британском флоте оставила неизгладимый след в характере «юноши острого ума и благородного поведения», как аттестовали его английские капитаны. Именно здесь молодой Лазарев проникся тем чувством долга к службе, любовью к морю, духом спорта, стремлением достигнуть в каждом деле наилучшего результата, которые сразу выделили его в дальнейшей службе. Однако пребывание на английском флоте приучило Лазарева и к иному. Отныне до конца своих дней он будет предельно жесток в обращении с матросами.

Во время начавшейся вскоре войны с Англией и Швецией мичман Лазарев служит под командой капитан-командора Ф.Т. Быченского на линейном корабле «Благодать» в эскадре адмирала П.И. Ханыкова. Именно тогда он вызвался в числе других охотников идти на помощь атакованному при Рогервике английскими кораблями и пленному линкору «Всеволоду». Вскоре после этого Лазарев вернулся в эскадру Ханыкова, на которой служил до конца сентября 1808 года.

В 1809–1811 годах на люгере «Ганимед» и бриге «Меркурий» он крейсирует в Финском заливе. В феврале 1811 года Лазарев уже лейтенант. В Отечественной войне 1812 года, служа на бриге «Феникс», он участвует в высадке десантов в районе Данцига, предпринятых с целью отвлечения от Риги французов.

Получив боевое крещение в сражениях с французскими корсарами, побывав в плену, поучаствовав в двух войнах и испытав на себе все тяготы морской службы, Лазарев с первых шагов ее проникся глубоким убеждением, что «всякое положение человека, прежде всего, возлагает на него обязанности» и что «с точным, безукоризненным их выполнением связана не только служебная, но и личная честь».

Этот принцип и стал основой созданного им впоследствии Черноморского флота, давшего России ряд блестящих морских деятелей — П.С. Нахимова, В.А. Корнилова, В.И. Истомина, Е.В. Путятин, Г.И. Бутакова, И.С. Унковского, С.С. Лесовского и многих других. Характеристика, данная им Нахимову, — «чист душой и любит море» — лучший показатель собственных идеалов Лазарева. По отзывам его учеников, «честность, безукоризненность в выполнении долга и фанатичная заботливость о казенном интересе в хозяйстве составляли

необходимые условия для таких избранных в кружок, близкий к Лазареву».

Значительно превосходя своими организаторскими способностями окружавших его офицеров, Лазарев был всегда ценен начальством и, когда в 1813 году Российско-Американская компания обратилась с просьбой к морскому министру назначить офицера для командования новым компанейским кораблем «Суворов» в предстоявшем ему кругосветном плавании, был выбран именно он. Факт сам по себе поразительный, ведь опытных капитанов для столь трудного, но почетного мероприятия было предостаточно.

1 сентября 1813 года молодой офицер принял в командование свой первый корабль, который должен был доставить груз на остров Ситху через Северное море, Атлантический и Тихий океаны. Это первое кругосветное плавание Лазарева на Аляску, во время которого им были открыты необитаемые коралловые острова, названные островами Суворова, продолжалось без малого 3 года. Здесь заслуживает внимание и судебный процесс, выигранный лейтенантом против тогдашнего начальника колоний Российско-Американской компании коллежского советника А.А. Баранова. Самовластие Баранова заставило Лазарева самовольно оставить Ситху, под выстрелами батареи. Дирекция компании вначале протестовала против такого поступка, но потом, удостоверившись в крайнем положении командира и офицеров «Суворова», окончила спор отставкой Баранова с поста правителя Аляски. Трудности этого возвращения — без медика и суперкарга — показали решительный и твердый характер Лазарева и его глубокие познания в морском деле, что во многом способствовало его последующей карьере.

1 сентября 1816 года «Суворов» благополучно бросил якорь в Кронштадте, и Лазарев, сдав его компании, снова возвратился в разряд флотских офицеров. В 1817 году за выслугу на море 18 шестимесячных кампаний он был в соответствии со статутом награжден орденом Святого Георгия 4-го класса

Лето 1818 года лейтенант Лазарев провел на корабле «Память Евстафия» в плавании по Финскому заливу, а в 1819—1821 годах, командуя шлюпом «Мирный», участвовал в своем втором кругосветном плавании в экспедиции под командованием капитана 2-го ранга Ф.Ф. Беллинсгаузена, направленной для исследования Южного Ледовитого океана. Плавание это длилось 751 сутки, за время которых было пройдено 49 тысяч миль. Во время экспедиции, как известно, была открыта Антарктида, обойден вокруг Антарктический материк и нанесено на карту около 30 новых островов.

В связи с успешным завершением Антарктической экспедиции,

принесшей блестящие научные результаты, лейтенант Лазарев 5 августа 1821 года был произведен через чин в капитаны 2-го ранга «за отличие» и пожалован пенсией по чину лейтенанта, а спустя год награжден еще и орденом Святого Владимира 4-й степени.

Назначенный 24 июля 1822 года командиром 36-пушечного фрегата «Крейсер», Лазарев почти сразу отправился на нем в свое третье кругосветное плавание — на остров Ситху, из которого возвратился спустя 3 года — 24 августа 1825 года. Вместе с «Крейсером» туда был направлен 20-пушечный шлюп «Ладога» под командованием капитан-лейтенанта Андрея Петровича Лазарева — старшего брата Михаила Петровича. Русские корабли у берегов Аляски вели отчаянную борьбу с американскими и английскими браконьерами, хищнически бившими в наших водах пушного зверя и ведшими контрабандную торговлю оружием с туземными племенами. Во время этого плавания экипажем фрегата была также проведена и серия широтных научных исследований по океанографии и метеорологии.

Следует отметить, что уже в дальних плаваниях Лазарев формировался как создатель той особой школы обучения и воспитания, которая впоследствии, в период командования им Черноморским флотом, получила полное развитие, заслужив название «лазаревской». Вокруг него объединялись наиболее способные и инициативные молодые офицеры: на «Крейсере» — Нахимов, Путятин, Завалишин, позднее на «Азове» — Нахимов, Корнилов, Зовойко, Истомин.

Блестящий вид фрегата «Крейсер» при возвращении в Кронштадт после трудного и длительного похода, образцовый порядок на корабле вызывали всеобщее изумление. За успешное выполнение задач этого плавания Лазарев сразу же получил чин капитана 1-го ранга, орден Святого Владимира 3-й степени и был пожалован пенсией по чину капитана 2-го ранга.

А 27 февраля 1826 года он назначается командиром 12-го флотского экипажа и строившегося в Архангельске 74-пушечного линейного корабля «Азов». Изготовив его к плаванию, Лазарев приводит 5 октября того же года корабль в Кронштадт, 10 июня 1827 года в составе эскадры адмирала Д.Н. Сенявина Лазарев отправился на нем в Средиземное море.

В должности флаг-капитана эскадры контр-адмирала Л.П. Гейдена капитан 1-го ранга Лазарев 8 октября 1827 года участвует в Наваринском сражении, где блестящим подвигом увековечил имя своего корабля, уничтожив 80-пушечный линкор, 3 фрегата и корвет противника. Отмечая в своем донесении об этом бое сокрушительную стрельбу артиллерии

«Азова», стойкость и храбрость его экипажа, граф Л.П. Гейден писал: «... Дрались, как львы, против многочисленного, сильного и упорного неприятеля... К чести капитана Лазарева я должен... присовокупить, что строгая дисциплина, ежедневные учения по пушкам и порядок, в коем служители всегда содержались, были причиной, и чему я совершенно обязан, что корабль “Азов” действовал с толикой успеха в поражении и истреблении неприятеля».

«Храбрый и опытный капитан Лазарев, — записал очевидец этого боя в историческом журнале эскадры, — находясь попеременно в разных местах корабля своего, управлял оным с хладнокровием, отличным искусством и примерным мужеством, личным присутствием ободряя мужественный экипаж свой, искусно направляя действия артиллерии, ускоряя тем разрушение сил оттоманов».

За Наваринскую победу Лазарев был произведен в контр-адмиралы и пожалован английским орденом Бани и французским — Святого Людовика. Находившийся же на «Азове» 12-й флотский экипаж был награжден Георгиевским флагом. Таким образом, лазаревский «Азов» стал первым русским кораблем, удостоившимся гвардейского отличия.

Русско-турецкую войну 1828–1829 годов контр-адмирал Лазарев провел в должности начальника штаба эскадры, крейсируя с ней в греческом архипелаге и осуществляя блокаду Дарданелл. С окончанием боевых действий он привел в 1830 году из Средиземного моря в Кронштадт отряд из 10 судов, не сделав ни одного захода в порты.

В 1831–1832 годах Лазарев принял активное участие в работе Комитета образования флота по выработке новых штатов вооружения и запасов военных судов, а также по созданию нового положения об управлении Черноморским флотом. При этом работа в Комитете не снимала с адмирала командования отдельным отрядом судов, с которым он совершал плавания в Балтийском море и Ботническом заливе.

Позднее Лазарев так определил свое жизненное кредо: «Честность, самолюбие и деятельность, соединяясь вместе, расторгают всякие преграды, и никакая бестия против них не устоит».

Знаменитый адмирал, боевой соратник по Наварину лорд Э. Кондрингтон неоднократно публично называл Лазарева «первым моряком нашего времени», что, мягко сажем, весьма нетипично для английских адмиралов. К мнению Кондрингтона весьма внимательно прислушивались в Англии, в связи с чем в британских политических кругах именно его (а не Грейга!) считали наиболее опасным противником на море в возможном англо-русском морском противостоянии.

Можно утверждать, что по своему опыту как моряка, по своим личным качествам, организаторскому и педагогическому таланту, неподкупности и кристальной честности, и авторитету у моряков России и всего мира равного Лазареву тогда в России больше не было. Это и определило и последовавшее вскоре его новое назначение.

* * *

Когда Николай I задумал «революцию» на Черноморском флоте, первым, кого он привлек к решению данного вопроса, был именно Лазарев, которого император, не без основания, считал не только талантливым моряком, но и безукоризненно честным и бескорыстным человеком. Еще находясь на Балтике, Лазарев возглавляет в 1831–1832 годах по его приказу особый Комитет образования флота по выработке новых штатов вооружения и запасов военных судов и созданию нового положения об управлении Черноморским флотом. Не доверяя грейговцам, император поручает разработку этого вопроса балтийцам. На первый взгляд это нелогично, но только если при этом не знать обо всех творимых на юге безобразиях. На самом деле решения императора были на редкость последовательны и логичны. Таким образом, он исподволь вводил Лазарева в курс черноморских дел. А вскоре последовал очередной ход...

Не исключено, что именно он порекомендовал Николаю I послать на Черноморский флот контр-адмирала Лазарева. Как бы то ни было, но на всем протяжении дальнейшей службы Лазарева на Черноморском флоте он сохранял с Меншиковым самые добрые отношения. В начальный период, когда Лазарев оказался один в грейговском стане, помощь и поддержка (в том числе и моральная) были для Лазарева особенно необходимы. Знакомясь с лазаревскими документами того периода, можно увидеть, что откровенные письма о положении дел на Черноморском флоте Лазарев писал лишь двоим — своему другу юных мичманских лет А.А. Шестакову и князю А.С. Меншикову, этим людям он доверял свои мысли, сомнения, с ними он советовался, и они отвечали ему таким же доверием

Что касается Лазарева, то контр-адмирал от нового назначения был не в восторге. 28 февраля 1832 года М.П. Лазарев в письме АА Шестакову писал: «.. я, сверх всякого чаяния и, в особенности против желания моего, назначен начальником штаба Черноморского флота. Как кн. Меншиков и другие ни старались назначение сие переменить, но не удалось...» Понять Лазарева можно: зачем лезть головой в петлю, когда и так служба и карьера

на Балтике шли весьма успешно? Но приказ императора есть приказ императора. К тому же назначение на столь ответственную должность, да еще в такой ответственный момент, было знаком особого доверия со стороны Николая I. Дважды такие назначения не предлагают. Мы никогда не узнаем, о чем говорил император с Лазаревым, но суть разговора была такова, что Лазареву следовало принять дела, вникнуть в обстановку, а затем принимать под свое начало Черноморский флот. Со своей стороны Лазарев, по-видимому, вполне обоснованно поставил свои условия — перевод вместе с ним на Черное море своих людей, которым он лично доверяет, в личной преданности которых он абсолютно уверен, и которых он планирует расставить в ближайшее время на командные посты. Для Николая это не было принципиальным вопросом, так как ставки в начинавшейся игре были слишком велики.

Это вполне логично и оправданно, ибо одному среди враждебного окружения было просто не выжить. Именно поэтому Лазарев начинает добиваться разрешения от морского министра о переводе к себе на Черное море офицеров, на которых он мог бы положиться.

Среди тех, кто должен был отправиться на Черноморский флот вслед за Лазаревым, были: его шурин контр-адмирала Авинов (вскоре он станет начальником штаба Черноморского флота), кузен супруги Лазарева капитан-лейтенант Корнилов (он станет офицером для особых поручений, а затем сменит на должности ослепшего Авинова), друг и однокашник по Морскому корпусу капитан 1-го ранга Бутаков, всецело преданный капитан 2-го ранга Нахимов (они возглавят корабли и корабельные соединения), лейтенант Истомин (станет адъютантом и командиром нескольких кораблей) и многие другие. Сейчас бы сказали, что Лазарев прибыл на Черноморский флот «со своей командой».

По отзывам его учеников, «честность, безукоризненность в выполнении долга и фанатичная заботливость о казенном интересе в хозяйстве составляли необходимые условия для таких избранных в кружок, близкий к Лазареву».

Итак, 17 февраля 1832 года, совершенно неожиданно для Грейга и его окружения, контр-адмирал Лазарев назначается начальником штаба Черноморского флота. Это был уже «шах». Но до окончательного «мата» еще предстояло сделать еще несколько смелых ходов.

Как же встретили в Николаеве контр-адмирала Лазарева? Своему другу А.А. Шестакову Лазарев откровенно признавался об этой встрече: «...Все против меня вооружается, а ответственность предвижу немалую...»

Любопытно, что Н.Д. Критский открыто и откровенно игнорировал

все распоряжения начальника штаба флота, показывая своим поведением, что он подчинен исключительно лично Грейгу, а перед балтийским чужаком отчитываться он не был намерен. Что касается Грейга, то он, будучи умнее Критского, внешне был с балтийским назначенцем предельно вежлив, но никаких мер к обер-интенданту не принимал, а предложения Лазарева реализовывать не торопился. По существу, Лазарев оказался в вакууме, который вокруг него искусственно создавался.

К примеру, командир Севастопольского порта капитан 1-го ранга Г.И. Рогуля 29 декабря 1832 года доложил Лазареву, что обер-интендант Критский препятствует подготовке кораблей, отдавая следующие распоряжения: «Я запрещаю Вашему высокоблагородию переделывать что-либо в нынешнее время на кораблях и фрегатах, изготовляемых к выходу в море, разве будет состоять на то особое предписание от г. Главного командира или какая-нибудь вещь придет в худость, в гнилость, в негодность и испортится или поломается. Оставляйте все в таком виде и положении, в каком были вещи на кораблях, когда Е.И.В. изволил иметь пребывание свое на корабле “Париж”». Запрещение Критского было самым идиотским. Разумеется, Лазарев наложил на жалобу Рогули соответствующую резолюцию: «Ответить, что никто не может запретить г. Рогуле делать все то, что есть законно и согласно с волей государя императора, клонящейся к улучшению флота по всем частям...» Далее Лазарев обращается к Грейгу, но тот ушел от ответа, а Критский открыто торжествовал свою маленькую победу над начальником штаба

Ну а что сам Грейг? Как состоялась встреча главного командира Черноморского флота и его нового начальника штаба? На сей счет осталось письмо Лазарева давнему другу Шестакову: «Будучи на яхте и ходивши по шканцам по несколько часов в день сряду, с адмиралом (Грейгом. — *В.Ш.*) много переговорил я, но толку ничего еще не вышло; и как будто все забывается, Грейгу все наскучило, и он ко всему сделался равнодушным. Ссора его с кн. Меншиковым есть величайшее зло для Черноморского флота, ибо ни одно из его представлений не уважается, а ежели и докладывается государю, то в таком виде, что он поневоле или медлит или вовсе не соглашается. Вот третий уже год, что флот здесь не ходил в море, и Бог знает, от каких причин... Я думаю написать князю письмо, хотя партикулярное, но в таком виде, чтоб он показал государю, не будет ли нам от него легче, а иначе ничего лучшего не придумаю... Грейг говорит, что он ни об чем более представлять не намерен, и ежели хотят, чтобы послан был корабль или фрегат в море, то пусть предпишут, а в противном случае пусть стоят и гниют в порте. Мне поневоле приходит в голову мысль злая —

начинаю думать: не нарочно ли Грейг намерен запустить флот донельзя и потом место сие оставить, чтобы после видели разность между тем временем, когда командовал он, и временем, в котором будет управлять его преемник. Может быть, что я думаю и несправедливо, но что-то так мне верится... Здесь (в Николаеве. — В.Ш.) вступил в свою должность с 1 сентября, покамест (она) не что иное есть, как канцелярская, и не знаю, что Бог даст вперед. Предвижу много преград, а бесполезным быть не хочется. О родненьком твоём (сыне Шестакова Николае. — В.Ш.) я адмиралу говорил, и он мне сказал, что очень хорошо помнит, что представлял о нём уже два раза и вскоре представит в третий раз, а я не забуду напоминать. С Юлией я обошелся попросту, без затей, и надеюсь, что у нас ссоры не будет, ежели она не вздумает только вмешаться как-нибудь в мою должность, — тогда уж не я буду виноват и прошу не прогневаться».

Поняв, что добиться от Грейга он ничего не сможет, Лазарев обращается к начальнику Главного морского штаба Меншикову: «Я неоднократно входил с представлением к г. Главному командиру Черноморского флота и портов... об исправлении оказавшихся на кораблях эскадры худостей... и... всегда получал уведомления, что от него... предложено было обер-интенданту Черноморского флота и портов в удовлетворение таковых требований моих, сделать надлежащее распоряжение, но со стороны последнего (Критского. — В.Ш.) не токмо не было никакого исполнения, но даже не обращалось и малейшего внимания, чрез что... суда эскадры во многом нуждались...»

В другом письме он пишет Меншикову уже куда более откровенно: «..Я не знаю, когда наступит то счастливое для Черноморского флота время, что мы избавимся от столь вредного для службы человека, каков во всех отношениях есть г. Критский». Биограф М.П. Лазарева в журнале «Русский архив» (№ 2 за 1881 год) пишет: «В то время во главе Черноморского флота стоял адмирал Грейг, немало послуживший делу, но уже состарившийся и утративший необходимую энергию. Кораблестроение заставляло многого желать благодаря пронырству евреев, сумевших завладеть с подрядов этою важною отраслью. Личный состав флота переполнился греками, стремившимися удержать значение не столько доблестью и любовью к делу, сколько подмеченной в них еще древним летописцем лестью. Заметно было отсутствие живой подбадривающей силы, способной пробудить дремавший дух и направить всех и каждого к благородной цели совершенствования. С приездом Лазарева все оживо, все почувствовало железную руку, способную не гладить, а поддерживать и направлять. Для Лазарева действительно не существовало других интересов, кроме

интересов моря: в них сосредоточивалось его честолюбие, его надежды, помыслы, весь смысл его жизни. Как ученый, забывающий весь мир ради служения науке, Лазарев забывал все окружающее ради служения морскому делу. Опыт сорокачетырехлетней труженической жизни, обширный запас разносторонних сведений слились в его уме в одно представление. Он не хотел, а может быть, по свойству природы, и не мог, разбрасываться; он слишком страстно любил родное дело, чтобы лишиться его хотя бы какой-либо из своих способностей, и если впоследствии, вечно недовольный результатами, он наивно не понимал, за что ценили так высоко его деятельность, то, конечно, он был так же искренен в своей наивности, как добрый семьянин, неспособный понять похвалу за любовь к собственному семейству. Но еще не сразу довелось Лазареву стать в положение самостоятельного начальника. В Петербурге не хотели огорчить старика Грейга отставкою, а характер Лазарева, чуждый интриги, не домогался ускорить неизбежную развязку».

Да, Лазареву на первых порах пришлось на Черном море несладко. Флот он застал в крайне запущенном состоянии. Из письма Лазарева тех лет: «Я попался в сети, крайне для меня неприятные, тем более, что должность береговая, и черт знает, что еще. Вот третий уже год, что флот здесь не ходил в море, и бог знает от каких причин. А сегодня Севастополь вообще так пуст, что хоть шаром покати — ни одной сажени веревки, ни одного дерева, чтобы сделать стеньгу или марс-рей. Предвижу много преград, но бесполезным быть не хочу».

Еще хуже была обстановка в кругах, близких к командующему. Биограф М.П. Лазарева в журнале «Русский архив» (№ 2 за 1881 год) пишет: «Людская зависть, однако, не дремала; и в то время было немало лиц, гораздо старше по службе и чину, из коих некоторые, как свидетельствует печатаемая переписка, старались делать затруднения...»

А вот как характеризует обстановку на Черноморском флоте сам М.П. Лазарев в письме от 14 января 1833 года начальнику Главного морского штаба А.С. Меншикову, которое мы приведем здесь полностью. В трехтомном собрании приказов и писем Лазарева это единственное письмо адмирала в своем роде. Прочитав его, можно только представить, насколько тяжелым было положение нового начальника штаба флота, когда он его писал. Сколько боли и сарказма вложил в него Лазарев! Итак, перед нами чрезвычайно важный и интересный документ: «За желание успехов в любви прелестной Юлии я благодарен, но признаться должен, что по неловкости своей вовсе в том не успеваю. Доказательством сему служит то, что на другой же день отъезда моего из Николаева она, собрав совет,

состоявший из Давыдки Иванова, Критского, Вавилова, Богдановича, Метаксы, Рафаловича и Серебряного, бранила меня без всякой пощады: говорила, что я вовсе морского дела не знаю (?!), требую того, чего совсем не нужно, и с удивлением восклицала: “Куда он поместит все это? Он наших кораблей (?!) не знает, он ничего не смыслит”, и проч, и проч. Прелести ее достались в удел другому; они принадлежат Критскому, который в отсутствии... (Лазарев из деликатности упускает имя Грейга — *В.Ш.*) по несколько часов проводит у ней в спальне Она тогда притворяется больной, ложится в постель и Критский снова на постели же рассказывает ей разные сладострастные сказочки! (Я говорю со слов тех, которые нечаянно их в таком положении заставляли).

И как же им не любить друг друга? Все их доходы зависят от неразрывной дружбы между собой Критский в сентябре месяце, выпросив пароход, ходил в Одессу и, положив в тамошний банк 100 тысяч, хотел подать в отставку, но министр двора здешнего Серебряный («министром» местного еврейского воротилу Лазарев именует с нескрываемым сарказмом — *В.Ш.*) и прелестница наша уговорили его переждать, рассчитывая, что по окончании всех подрядов он должен получить 65 тысяч. И так как Критский громко везде говорил, что он оставляет службу, то Серебряный столь же громко уверял, что это неправда, что он не так глуп, чтобы отказаться от 65 тысяч, и что он готов прозакладывать в том не только деньги, но даже бороду свою! Что ж, наконец, вышло? Министр, к стыду своему, столь много славившийся верными своими заключениями и расчетами, ошибся. Хотя Критский в отставку не вышел, но получил пятью тысячами менее, нежели, как сказано, было, т.е. досталось на его долю только 60 тысяч!!! Вот вам тайны двора нашего... А хорошо бы, если бы государю вздумалось (подобно тому, как в Кронштадте) прислать сюда генерала Горголи (ревизора — *В.Ш.*) или равного ему в способностях, который взял бы к допросу министра Серебряного и некоторых других: многие бы тайны сделались известными!»

Честно говоря, мне по-человечески жалко Грейга Если жена изменяет своему мужу налево-направо, то ни о какой любви с ее стороны нет и речи. Когда любят, не изменяют. А потому из письма Лазарев совершенно очевидно, что Лия сошлась с Грейгом совсем не по любви к нему, а исключительно ради выгоды: положение в свете, богатство, влияние и власть — вот что двигало помыслами этой циничной и предприимчивой женщины. Старый наивный холостяк Грейг, он, возможно, так до конца своей жизни не понял, в какие ловкие руки попал. А может, и понял, когда было уже слишком поздно...

Итак, Лазарев однозначно пишет, что жена Грейга сразу же по его прибытии в Николаев предложила контр-адмиралу свою любовь и достойное место в мафиозной структуре. Когда же честный начальник штаба отказался от того и другого, Лия-Юлия объявила его своим личным врагом и начала всячески пакостить. Чего стоит только пушенный ею слух о нетрадиционной сексуальной ориентации Лазарева! Логика неверной жены Грейга была предельно проста: если ею посмели пренебречь, значит, этот человек вообще не хочет иметь дело с женщинами! В средствах для достижения цели, как мы видим, представители черноморской мафиозной «державы» особо не стеснялись. В таких условиях сражаться в одиночку с Лией-Юлией и ее окружением у Лазарева пока не было ни сил, ни средств. Совершенно логично, что в конце письма, зная близкие отношения Меншикова с императором, Лазарев намекает тому о ходатайстве перед Николаем I о присылке на Черноморский флот опытного и честного ревизора. Необходимо было нанести по мафии первый удар, и этот удар должен быть, по мнению Лазарева, санкционирован не начальником штаба флота, а Петербургом

Глава вторая.

АДЪЮТАНТ ИМПЕРАТОРА

Мы давно простились на страницах нашей книги с командиром брига «Меркурий» Александром Ивановичем Казарским. И вот пришла пора снова с ним встретиться.

Вскоре после своей знаменитой победы, оправившись от контузии, капитан 2-го ранга Казарский принял под свое начало 44-пушечный фрегат «Поспешный» и успел еще принять участие в одной из последних операций Русско-турецкой войны 1828–1829 годов — взятии Месемврии. А вскоре после окончания войны Казарский назначается командиром линейного корабля «Тенедос». Командир линейного корабля — это уже категория капитана 1-го ранга!

В мае 1830 года Казарский участвует в торжествах по случаю поднятия на корабле «Меркурий» Георгиевского флага и вымпела. Это знаменательное в жизни Черноморского флота событие состоялось утром 3 мая 1830 года, хотя вначале планировалось на март, но было перенесено по причине свирепствования на Черноморском побережье холеры. Церемония началась прибытием главного командира Черноморского флота Адмирал Грейг поднялся на борт брига «Меркурий» в сопровождении вице-адмирала Патаниота, контр-адмиралов Скаловского, Кумани, Беллинсгаузена, командиров кораблей и судов эскадры, стоявших на Севастопольском рейде. Повинуясь команде, взял на плечо караул, взбежали по вантам и выстроились на реях матросы. Грохот пушек заглушил барабанную дробь и медь военного оркестра. Адмирал Грейг сказал прочувственную речь. На кормовом флагштоке и грот-мачте брига «Меркурий» затрепетали Георгиевский флаг и Георгиевский вымпел — символы доблести и славы русского флота. Затем был праздничный банкет для адмиралов и офицеров и двойная чарка матросам к обеду.

Впрочем, долго командовать «Тенедосом» Казарскому не пришлось. Флигель-адъютанта срочно вызывают в Петербург, где он предстал перед императором. Отныне его жизнь круто менялась раз и навсегда

* * *

Было бы неправильным, рассказывая о Казарском, обойти тему его

взаимоотношений с Пушкиным. Как это не покажется странным, но эти взаимоотношения двух великих людей России еще практически никем не исследованы. А ведь их знание помогло бы нам более глубоко понять и нашего великого поэта, и героя-моряка. Если между этими двумя людьми с первой же встречи возникла взаимная симпатия, то это значит, что каждый из них увидел в другом родственную себе душу. Знакомство Казарского с Путиным не было продолжительным, однако в душе обоих оно оставило большой след.

Как известно, в июле 1823 года опального молодого поэта отправили из Кишинева в Одессу, в канцелярию генерал-губернатора Новороссийского края графа Воронцова. А год спустя поэт был сослан в Михайловское. Существует версия, что последней каплей, переполнившей чашу терпения графа Воронцова по отношению к Пушкину, была его тайная отлучка из Одессы в Николаев с помощью начальника Одесской гавани капитана 2-го ранга А.Ф. Сильво. Вначале Пушкин и Сильво были врагами, и поэт даже стрелялся с моряком на дуэли. Но затем они подружились, и Пушкин даже вывел этого колоритного офицера под благозвучным именем Сильвио в известной повести «Выстрел».

Сильво был греком по происхождению и раньше служил в венецианском флоте, так что личностью он был весьма колоритной. В Одесском порту с мая по ноябрь зимовали старый брандвахтенный корвет «Шагин-Гирей» и карантинная бригантина «Волга». Считается, что поэт не раз бывал на этих судах и с удовольствием общался с тамошними офицерами.

Изучением темы взаимоотношений Пушкина и моряков Черноморского флота занимался николаевский историк, председатель местного Пушкинского клуба А. Золотухин. Он пишет: «...В Николаеве с 1805 г. жила семья В.И. Даля, двое братьев Владимир и Карл служили с 1919 г. здесь мичманами Черноморского флота и плавали на кораблях... Летом 1822 г. из Севастополя в Николаев переехала племянница В.А. Жуковского, А.П. Зонтаг. Ее муж, американец по происхождению Е.В. Зонтаг, служил капитаном яхты-брига “Утеха” Главного командира Черноморского флота и портов, вице-адмирала А.С. Грейга. Мать В.И. Даля, Юлия Христофоровна, владела пятью языками и обладала голосом европейской певицы».

Вокруг семей Даля и Зонтагов в Николаеве образовался литературный кружок. В него входили молодой астроном Кнорре, пятеро братьев Рогулей, итальянец Скорабелли, поэт лейтенант Зайцевский, морской артиллерист Петров. Все члены кружка писали стихи и высоко ценили талант Пушкина.

Что касается лейтенанта Зайцевского, то ради сближения с Пушкиным он летом 1824 года даже перевелся служить с брига «Мингрелия» на брадвахтенный «Шагин-Гирей». Поменять по своей воле службу на ходовой бригае на брандвахтенное судно — для этого были нужны серьезные основания. У Зайцевского они были — Пушкин! Сам Пушкин, как известно, в это время начал писать «Евгения Онегина» и был одновременно влюблен в графиню Воронцову, Каролину Собаньскую и Софью Потоцкую.

Николаевский историк-пушкинист А. Золотухин пишет «Из дел Адмиралтейства известно, что 29 апреля 1823 г. бриг “Мингрелия” был направлен из Николаева для обсервации берегов Черного моря с астрономом К.Х. Кнорре. На борту корабля находились также братья Карл и Владимир Даль, Е.П. Зайцевский, братья Рогули. 7 мая во время захода в Севастополь по приказу А.С. Грейга В.И. Даль был снят с борта и отослан в Николаев, где был отдан под суд, якобы за написание пасквиля на Ю.М. Грейг. Кнорре сошел на берег в Николаеве 5 сентября, а 13-го бриг отправился без него и прибыл в Одессу

15 сентября, а оттуда вышел в Николаев 24 сентября 1823 г. Приход брига “Мингрелия” особенно обрадовал поэта (Пушкина. — *В.Ш.*), поскольку это был первый корабль Черноморского флота, на котором Пушкин с Раевскими в ночь с 15 на 16 августа 1820 г. переплыл из Феодосии в Гурзуф. Именно в Одессе он познакомился с прибывшими на брига поэтом Е.П. Зайцевским и К. Далем. Чаше всех в Одессу заходил катер “Сокол”, на котором плавал А.И. Казарский. В рукописи Пушкина нашлось несколько его портретов, относящихся к этому времени, что говорит о знакомстве... Можно предположить, что Е.К. Воронцова 23 октября посылала Пушкина в Николаев с приглашением четы Грейгов на венчание своего родственника Л. Нарышкина с О. Потоцкой 1 ноября в Одессе. И это было второе общение Кнорре с Пушкиным в доме у А.П. Зонтаг, на лицевой стороне листа 28 помещен ее портрет... и строфа XIV. Это дает основание предположить, что в нашем городе поэт написал еще и VII–XIV строфы 2-й главы “Евгения Онегина” и пробыл здесь около недели. 1 ноября он уже точно был в Одессе на венчании Ольги Потоцкой, событие отмечено записью даты в рукописи и рисунком сдвоенных портретов сестер Потоцких. После этих разысканий можно утверждать, что пророческий рисунок Пушкина, находящийся на обороте 26 листа, сделан в Николаеве. На нем поэт изобразил Казарского, Сильво, Фурнье, Даля и Зайцевского (над рисунком сделана подпись заглавных букв фамилий изображенных: Q, S, F, D, Z) и топор, касающийся Даля и Казарского».

Мы не знаем, вспоминал ли впоследствии Казарский о своей встрече с Пушкиным. Думаю, что вспоминал, так как к этому времени Пушкин уже был всероссийской знаменитостью, и общение с ним не могло не оставить след в душе моряка. Ну, а то, что Пушкин вспоминал о Казарском, и не только вспоминал, об этом мы можем сказать с полной уверенностью.

В свое время пушкинистами был расшифрован один из рисунков Пушкина на полях черновиков. Рисунок достаточно сложный, в два ряда друг над другом изображены пять мужских профилей. Сегодня ученые-пушкинисты установили всех, кто был изображен на этом рисунке. Результат просто потрясающий! Итак, в нижнем ряду изображены двое — Даль и Зайцевский. С Далем мы уже знакомы, Зайцевский — герой штурма Варны, вместе с Казарским произведенный за подвиги во флигель-адъютанты, а кроме этого неплохой поэт и почитатель Пушкина.

Еще интересней для нас верхний ряд, в котором Пушкин нарисовал один подле другого три портрета. Рукой поэта справа налево изображены: некто Фурнье, Сильвио и... Казарский! Кто такой Фурнье? Фурнье де Бафлемон был французом и состоял учителем в семье генерала Раевского. Вместе с семьей Раевского и Пушкиным он путешествовал по югу России в 1820 году, затем встречался в Кишиневе и состоял в переписке в Одессе. О капитане 2-го ранга Сильвио мы уже писали выше.

Весьма любопытен для нас и портрет Казарского. До этой находки пушкинистов был известен только один парадный портрет командира брига «Меркурий», где он изображен в фас, со скрещенными руками. Теперь мы в точности знаем, как выглядел национальный герой России в профиль.

Итак, четверо, четверо из пятерых, кого нарисовал в своей достаточно сложной композиции поэт, — реальные исторические личности, что всех их связывало. Трое из них — морские офицеры, одновременно служившие на Черноморском флоте, причем в одних и тех же мичманских чинах и, безусловно, между собой хорошо знакомые. Двое из них — герои войны 1828–1829 годов и любимцы императора, третий не побоялся бросить вызов адмиралу Грейгу и его всемогущей сожительнице. При этом Даль был достаточно близким другом Пушкина, Зайцевский — хорошим знакомым, с Казарским поэт был знаком совсем немного. Что касается Фурнье, то он, по свидетельству современников, был весьма храбрым человеком, участвовал в дуэлях и был остер на язык, за что даже привлекался по делу декабристов, но потом, за отсутствием доказательств, был освобожден из-под стражи. И Фурнье и Сильвио — отчаянные дуэлянты, благородные и храбрые. Так что же объединяет всех пятерых? На мой взгляд, всех пятерых персонажей пушкинского рисунка объединяет

одно — все они в его глазах БЕЗУСЛОВНЫЕ ГЕРОИ!

Ну а что же явилось поводом к написанию рисунка? Дело в том, что Пушкин написал свой пятипортретный рисунок в 1830 году, именно тогда, когда он встретился в Петербурге с Казарским. В том же году (это зафиксировано биографами поэта) Пушкин был на коротке и с Зайцевским. Свидетельством тому служит письмо 1830 года О.М. Сомова В.Г. Теплякову из Петербурга: «Пушкин, князь Вяземский, барон Дельвиг и Зайцевский вам кланяются». Итак, в каком-то салоне, на приеме или на балу Пушкин встречает двух только что назначенных молодых флигель-адъютантов и георгиевских кавалеров Казарского и Зайцевского. Как это обычно бывает, в разговоре они вспоминают и общих знакомых — прежде всего, это Фурнье, известный своим дерзким характером и несколькими дуэлями, о которых в Одессе и Николаеве ходило тогда много разговоров. Помимо этого вспоминают и Даля. У бывшего мичмана, а сейчас военного хирурга и любителя российской словесности главный подвиг — это отчаянное противоборство с семейством Грейга. В его глазах все четверо — несомненные храбрецы, которым Пушкин хотел бы подражать. К ним он приравнивает и своего литературного любимца Сильвио. Именно такой мне видится нить рассуждений великого поэта, когда он в раздумьях чертал на черновом листе дорогие ему профили.

Рядом с профилями Даля и Казарского поэт почему-то изобразил топор, причем не простой крестьянский топор, а самую настоящую секиру палача. Ряд исследователей рисунков Пушкина при этом невнятно говорит о нарисованной секире, как о некоем гениальном провидении Пушкина в судьбе Даля и особенно Казарского. Да, Пушкин — гений, но было ли провидение? Не логичнее ли предположить, что Пушкин имел некую конфиденциальную информацию, которую он не мог озвучить, но которая невольно осталась на странице его черновика. В момент создания рисунка Владимир Даль уже испытал на себе всю силу немилости Грейга и, отсидев почти год в тюрьме, вырвался из Николаева. Что же касается Казарского, то он, наоборот, еще только собирался в поездку с ревизией в Николаев. Судя по рисунку Пушкина, на момент его создания мичман Даль уже прошел грейговские застенки, так что секира рядом с ним вполне логична. Но Казарский? Почему к его профилю также примыкает зловещая секира палача? Что же знал Пушкин такого о Казарском, что заставило его нарисовать столь мрачный рисунок?

В дни появления Казарского в Петербурге в черновиках А.С. Пушкина появилась запись: «Сегодня двору был представлен блистательный Казарский». Несколько ниже еще одна загадочная фраза: «Держава в

державе». Что хотел сказать великий русский поэт этой необычной фразой, так и осталось тайной! Возможно, в тот день в кулуарах вполголоса говорили как раз о созданной на берегах Черного моря «державе» адмирала Грейга и его супруги? Именно ее можно назвать «держава в державе». Что ж, если это так, то мы можем по достоинству еще раз оценить гениальность великого поэта, который в двух словах выразил всю суть грейговской клики. Тайной навсегда осталось для нас и то, удалось ли в те дни Казарскому и Пушкину познакомиться лично или же хотя бы быть представленными друг другу. Если это знакомство все же имело место, а запись о «державе в державе» была сделана Пушкиным под впечатлением рассказа Казарского о происходящем на Черном море, то это говорит о крайне негативной позиции Казарского к творящимся в Николаеве и Одессе безобразиям, а кроме этого, о такой же позиции Пушкина. Что ж, если все обстояло именно так, то и великий храбрец («блистательный Казарский»), и великий поэт предстают перед нами и как величайшие патриоты, которым далеко не безразлично разграбление Отечества. Не знаю, как вам, уважаемый читатель, но мне бы очень хотелось, чтобы знакомство Казарского и Пушкина состоялось и беседа между ними имела место.

* * *

С прибытием в Петербург в жизни Александра Ивановича Казарского начинается новый этап. В 1830 году вместе с князем Трубецким Казарский ездил в Лондон для поздравления английского короля Вильгельма IV, как представитель русского флота. Английские моряки встречали российского героя со всей торжественностью. Посылка именно Казарского в Лондон не была случайностью. Во-первых, приезд в Англию именно командира знаменитого «Меркурия» поднимал военно-морской авторитет России и ее флота, а во-вторых, признание подвига Казарского английскими моряками еще больше укрепляло его личный авторитет среди своих.

После поездки в Англию Николай I за отличие по службе жалует его в капитаны 1-го ранга. Насколько быстро и хорошо освоился Казарский в новой для него роли? Возможно, ему пришлось по душе яркая столичная жизнь, салоны и балы. Возможно, наоборот, выросший в совершенно иной обстановке, он тяготился нахождением в высшем свете. В любом случае особо засиживаться на одном месте ему не дали. Император Николай и сам работал сутки напролет, и своим адъютантам послаблений не делал. Как бы то ни было, в тот период Казарский находился в зените славы, его ждала

самая блестящая карьера. Усложняя задания своему флигель-адъютанту, Николай I явно предполагал сделать из него в перспективе деятеля государственного масштаба, способного решать самые важные общероссийские задачи. Это еще одна неизвестная страница жизни Казарского. Отметим, что, судя по всему, Казарский такое доверие полностью оправдывал и с поручаемыми ему делами справлялся

В 1832 году Казарский инспектирует Казанское Адмиралтейство, выезжает с ревизиями в различные губернии. С каждым разом поручения императора становятся все серьезней.

Затем Николай I поручает своему новому флигель-адъютанту задачу государственной важности. Казарский выезжает на Север, где исследует возможность организации нового водного пути из Белого моря до Онеги.

Идея соединения Балтийского и Белого морей возникла еще в начале XVIII века. В 1702 году Петр I, желавший возратить России выход к Балтийскому морю, проложил сухопутную «государеву дорогу» длиной в 160 верст от Нюхотской пристани на Белом море до Повенца. По ней он переправил в Онежское озеро фрегаты «Курьер» и «Святой Дух». Выйдя затем по реке Свири в Ладожское озеро, эти фрегаты приняли участие в штурме шведской крепости Нотебург.

С основанием в 1703 году Петербурга и переносом внешнеторговых связей на Балтику интерес к водным путям из центра России к Белому морю угас. Однако к 30-м годам XIX века проблема развития водных коммуникаций на Севере, и в особенности сооружения канала между бассейнами Балтийского и Белого морей, приобрела большую остроту и стала вопросом государственной важности.

В 1824 году кемский купец Антонов представил новый проект, к которому приложил подробное описание местности, где должен был пройти канал. Купец отлично обследовал маршрут, доставив летом 1824 году по этому пути груз рыбы из Беломорья в Петербург.

В 1832 году с проектом Беломорского канала выступил геодезист Лашевич-Бородулин. Капитан 1-го ранга Казарский, командированный в 1833 году Николаем I для проверки идеи Лашевича-Бородулина, пришел к выводу, что осуществление проекта вполне возможно. Варианты проектов Лашевича-Бородулина и Антонова были почти аналогичными, но проект 1832 года отличался более детальной проработкой.

Однако затем, как это часто бывает в России, проект канала положили под сукно. Снова к нему вернулись только... в 1922 году, когда был создан проект водного пути, в основе которого лежал стародавний (столетней давности!) проект Лашевича-Бородули, исправленный и дополненный

Казарским. В 1931 году началось строительство Беломоро-Балтийского канала общей протяженностью 227 километров. А уже в 1933 году канал вошел в строй. Водная трасса навсегда соединила берега Белого моря и Онежского озера.

Думаю, что, беря в руки знаменитые папиросы «Беломорканал», мы даже не могли представить себе, что перед нами схема еще одного рукотворного памятника Александру Ивановичу Казарскому, который он оставил потомкам после себя.

Зададимся вопросом: почему императору понадобилось вызывать бывшего командира «Меркурия» к себе в столицу? Служил бы себе на Черном море и служил! Разумеется, что Николаю I нужен был подле себя человек, олицетворяющий в глазах всего народа лучшие качества русских моряков, императору нужен был рядом честный человек, которому он мог доверять во всем.

Дело в том, что после окончания Русско-турецкой войны в 1829 году Николай I взял себе из Черноморского флота сразу двух адъютантов, выбрав их из самых достойных. Первым, как мы уже знаем, был бывший командир брига «Меркурий». Вторым являлся капитан-лейтенант Ефим Петрович Зайцевский (1799–1861), легендарный командир отряда матросов-охотников, показавший чудеса храбрости при осаде Варны в 1828 году и первым ворвавшийся в крепость. Ефим Зайцевский, помимо всего прочего, был и прекрасным поэтом (ныне, к сожалению, почти забытым), дружил с Пушкиным и состоял с ним в переписке. Однако, получив тяжелое ранение при штурме Варны, Зайцевский после войны несколько лет лечился, а потому не мог быть использован для ревизии Черноморского флота. Более же старший и опытный флигель-адъютант «из моряков», воспитанник Балтийского флота Римский-Корсаков, уже ревизовавший в 1830 году Севастополь, не испытывал, думается, особого желания снова ездить в вотчину Грейга и сделал все возможное, чтобы уклониться от этой весьма опасной командировки. Что касается Казарского, то у него никаких оснований для отказа от поездки не было, да и не таков был командир легендарного «Меркурия», чтобы пасовать перед трудностями и опасностями!

Кроме этого, замышляя начать решительную борьбу с адмиралом Грейгом, Николаю Павловичу надо было готовиться к ней тщательно и основательно. Для этого ему нужны были не только храбрые, но и лично преданные ему люди, знающие реальную ситуацию на Черноморском флоте, что называется, «изнутри», имеющие там друзей, готовых, пусть негласно, но помогать. Для этой роли Казарский подходил как никто

другой. Храбрец, не замешанный ни в каких сомнительных сделках, офицер, обязанный императору своей блестящей карьерой, человек, имеющий реальный боевой авторитет на флоте — все это присутствовало в Казарском. Флигель-адъютант — это, прежде всего, исполнительный порученец, грамотный и опытный специалист, если хотите, эксперт, которому доверяются дела особой государственной важности, человек, обладающий правом личного доклада императору по всем вопросам, минуя прочие инстанции. Флигель-адъютанты — это глаза и уши императора. Права у них большие, но и спрос немалый. Теперь молодого флигель-адъютанта Казарского надлежало ввести в высшие сферы власти, а также обучить и попрактиковать в решении инспекторских и финансовых дел.

Дело в том, что процветавшая в то время на флоте система мздоимства и воровства была выстроена в правление императора Александра I, который, как известно, флот не любил и флотскими делами принципиально не занимался. В отличие от своего старшего брата, Николай I, наоборот, к флоту и морякам испытывал огромную любовь. С раннего детства он интересовался кораблями, а потому во флотских делах разбирался неплохо и, что главное, любил ими заниматься. С воцарением Николая было очевидно, что в Морском министерстве начнется наведение порядка. Это был лишь вопрос времени. И шаги, предпринятые Николаем I, не заставили себя ждать. Вначале был наведен должный порядок в самом Морском министерстве и на Балтийском флоте, затем настал черед и флота Черноморского.

17 февраля 1832 года начальником штаба Черноморского флота назначается контр-адмирал Михаил Лазарев. Черноморский флот вступал в новый этап своего существования. Почти одновременно с Лазаревым отправился на Черноморский флот и флигель-адъютант капитан 1-го ранга Казарский, официально он должен был оказать новому начальнику штаба помощь в его становлении. Истинная же цель поездки держалась до поры до времени в строжайшем секрете, о котором знали лишь трое: император Николай, контр-адмирал Лазарев и сам Казарский.

* * *

Осенью 1832 года мятежный египетский паша Мухаммед Али, разгромив главные силы турецкой армии, уже приближался к Стамбулу и мог быть остановлен только благодаря высадке десанта с эскадры одной из европейских держав. Турция обратилась за помощью к Англии и Франции.

Англия помогать не спешила — ей было выгодно вытеснить турок из Египта и занять там место Франции. Франция тем более не стала поддерживать Турцию. Тогда турецкий султан обратился с просьбой о помощи к России.

Николай I решил помочь туркам, усматривая в египетском мятеже французское влияние и не желая в случае победы Египта французского или английского контроля над Босфором. В ноябре 1832 года царь направил для переговоров в Турцию и Египет генерала Муравьева, который обещал султану военную помощь. Одновременно с ним выехал на Черноморский флот и флигель-адъютант Казарский.

Тем временем Франция и Англия заверили Турцию, что немедленно добьются заключения мира, и просили взять назад просьбу о помощи России. Однако российский посол Бутенев ответил султану, что русская эскадра уже вышла в море. Бутенев блефовал, так как Черноморский флот еще стоял в Севастополе, и адмирал Грейг даже не начинал готовить его к походу. Николай I был в ярости от поведения Грейга. Немедленно последовало указание императора спешно готовить флот к походу в Константинополь и по готовности немедленно выходить под началом самого командующего флота.

Срочное снаряжение Черноморского флота для проведения Босфорской операции началось, но возглавить эскадру адмирал Грейг категорически отказался «по состоянию здоровья». Кроме этого, он доложил в столицу, что и годных к походу кораблей у него тоже мало. Это было уже настоящее фрондерство. Из столицы немедленно последовал окрик: эскадру готовить любой ценой, поскольку «...обстоятельства, могущие возникнуть от успехов египтян, могут... принудить в течение еще зимы к высылке в море наших эскадр». Этим же предписанием командующим Босфорской эскадрой был определен совсем недавно назначенный начальником штаба флота контр-адмирал Лазарев.

Но почему отказался от назначения адмирал Грейг? Заметим, что со здоровьем у адмирала было все в порядке. Он посещал балы и вел весьма активный образ жизни. Ведь на первый взгляд возглавить Босфорскую экспедицию было очень престижно. Никаких морских сражений там не предполагалось, а только в случае крайней нужды — артиллерийская поддержка десантного корпуса и турецкой армии против египтян, что тоже было весьма маловероятно. Зато награды и от императора, и от турецкого султана должны быть немалыми, да и слава спасителя Константинополя — это тоже кое-что! Но адмирал Грейг решил иначе. Почему? Скорее всего, Грейг просто боялся надолго оставить флот.

Одновременное появление в своих владениях двух «чужаков» — контр-адмирала Лазарева с полномочиями начальника штаба флота и капитана 1-го ранга Казарского в ранге флигель-адъютанта с неизвестной ему миссией насторожило и Грейга, и его окружение. Было очевидно, что Петербург приступает к боевым действиям против Николаева.

В данной ситуации рассуждения адмирала, возможно, могли быть следующими: если он (Грейг) уйдет к Босфору неизвестно на сколько времени, то во главе Черноморского флота останется присланный с Балтики его открытый недруг Лазарев, который уж не упустит времени даром и постарается собрать побольше материалов обо всех злоупотреблениях на флоте. К тому же неизвестно, с какими целями появился на Черноморском флоте и Казарский. Как флигель-адъютант императора, тот не обязан был докладывать главному командиру Черноморского флота и портов о цели своего прибытия, как и отчитываться об итогах своей работы на флоте. И, как знать, куда в таком случае придется возвращаться с Босфора Грейгу — в свой ли дом, или сразу на арестантские нары! Одновременное появление двух столь знаковых фигур, как Лазарев и Казарский, всполошили «мафию», и она потребовала от своего шефа оставаться на месте, во избежание возможных неприятностей.

Поэтому Грейг и решил найти предлог, чтобы отказаться от Босфорской экспедиции, остаться на месте контролировать ситуацию, тем более, что с убытием Лазарева можно будет получить передышку в несколько месяцев и замести кое-какие следы. Если Грейг рассуждал именно так, то он ошибся. Николай I уже принял решение заняться наведением порядка на Черноморском флоте всерьез и отступить от приятного решения был не намерен. Отдавая приказ об отправке Лазарева, Николай I продумал вопрос и о посылке на Черноморский флот своего личного флигель-адъютанта, чтобы Казарский, не теряя времени, начинал полную ревизию воровского гнезда.

Воистину в это время на Черноморском флоте происходили дела удивительнейшие! Только представьте себе, что император дает указание командующему флотом готовить флот к экспедиции на Босфор, а из Николаева следует раздраженный ответ: кораблей мало, и сил для экспедиции у нас нет! Император приказывает: экспедицию все равно готовить, корабли чинить средства изыскать, а руководить экспедицией лично командующему! В ответ из Николаева от Грейга: руководить не могу, так как болею. Куда уже дальше!

Итак, Лазарев и Казарский прибыли на Черноморский флот. Встретили их далеко не однозначно.

Из письма Лазарева тех дней: «Я попался в сети, крайне для меня неприятные, тем более что должность береговая, и черт знает, что еще. Вот третий уже год, что флот здесь не ходил в море, и бог знает от каких причин. А сегодня Севастополь вообще так пуст, что хоть шаром покати — ни одной сажени веревки, ни одного дерева, чтобы сделать стеньгу или марс-рей. Предвижу много преград, но бесполезным быть не хочу». Под преградами Лазарев понимал то, с чем ему теперь предстояло сражаться не на жизнь, а на смерть — «черноморскую мафию».

Что делать Николаю I в ситуации, когда черноморская фронда полностью блокирует и игнорирует его решения? На черноморский адмиралитет он надеяться уже никак не может. Николай прекрасно понимает, что поручи он организацию экспедиции грейговцам, те преднамеренно и сознательно погубят дело, сославшись при этом на то, что они, дескать, обо всем предупреждали заранее. Выход один — полностью отстранить от организации экспедиции местных флотских начальников и поручить все особо преданным и лично ему подчиненным людям. Но такой человек на Черном море пока у императора был только один — контр-адмирал Лазарев. Одному ему было просто физически всюду не успеть. И тогда срочным порядком на Черное море командировается флигель-адъютант Казарский. Он недавно с флота и знает особенности, поэтому его не обмануть. Он честен, храбр и лично предан императору, а значит, разобьется в лепешку, но выполнит его приказ. Он, наконец, обладает хорошими организаторскими способностями, что в данной ситуации весьма немаловажно. Если Лазарев должен был сосредоточить свое внимание на подготовке кораблей и войск, а также руководстве ими, то на Казарского были возложены все тыловые и хозяйственные функции. Полномочия при этом Казарскому были даны не простые, а адмиральские! Все чины флота обязаны выполнять его распоряжения и указания, оказывать всемерное содействие. Флигель-адъютант действовал от имени императора, и любое противодействие расценивалось как измена интересам России. Казарский действует решительно. Он сразу же отстраняет от подготовки экспедиции все местное начальство и берет всю хозяйственную власть в свои руки. Это не только пощечина Грейгу и его окружению, но и сигнал, что дни их всевластия уже сочтены.

Официально Казарскому вменялось в обязанность организовать отправку эскадры к Босфору. Но это была лишь официальная часть задачи, кроме нее существовала еще и куда более важная — неофициальная. Бывшему командиру брига «Меркурий» Николаем I было велено: произвести доскональную проверку всех тыловых контор Черноморского

флота, разобраться с коррупцией в руководстве флота и на частных верфях, вскрыть механизмы хищения денег при торговле хлебом в портах, то есть разворошить местное воровское гнездо. Эпоха Грейга подходила к своему бесславному концу, и император желал навести, в конце концов, законный порядок на Черном море.

Прибыв в Николаев, Казарский встретился с Лазаревым и получил от него конкретные указания по организации погрузки на корабли экспедиционной эскадры десантных войск и припасов. Уже 13 марта 1833 года Казарский доносил в Главный морской штаб: «...При перевозке с берега войск и тяжестей не произошло ни малейшей потери, хотя корабли стояли в открытом море верстах в 3,5 от берега и не употреблено других гребных судов, кроме принадлежащих Черноморской эскадре». С возложенной на него задачей капитан 1-го ранга Казарский справился блестяще. Николай I мог быть доволен своим флигель-адъютантом. Но можно только представить, какую ненависть вызвала деятельность нашего героя у местной камарильи!

Из записок современника: «С приездом Лазарева все ожило, все почувствовало железную руку, способную не гладить, а поддерживать и направлять. Для Лазарева действительно не существовало других интересов, кроме интересов моря: в них сосредоточивалось его честолюбие, его надежды, помыслы, весь смысл его жизни. Как ученый, забывающий весь мир ради служения науке, Лазарев забывал все окружающее ради служения морскому делу. Опыт сорокачетырехлетней труженической жизни, обширный запас разносторонних сведений слились в его уме в одно представление. Он не хотел, а может быть, по свойству природы, и не мог, разбрасываться; он слишком страстно любил родное дело, чтобы лишиться его хотя бы какой-либо из своих способностей, и если впоследствии, вечно недовольный результатами, он наивно не понимал, за что ценили так высоко его деятельность, то, конечно, он был так же искренен в своей наивности, как добрый семьянин, не способный понять похвалу за любовь к собственному семейству. Но еще не сразу довелось Лазареву стать в положение самостоятельного начальника В Петербурге не хотели огорчить старика Грейга отставкою, а характер Лазарева чуждый интриги, не домогался ускорить неизбежную развязку. Между тем в это самое время требовалась существенная услуга Черноморского флота Ослабленная войною 1828–1829 годов, Турция находилась в критическом положении. Восстание египетского паши Мегмет-Али и быстрые успехи его армии, уже грозившей Константинополю, побудили императора Николая Павловича к решительному поступку. Справедливо рассуждая, что

для России гораздо выгоднее иметь слабого соседа, владеющего проливами, чем соседа сильного, предприимчивого, государь прибегнул к своеобразному способу положить предел успехам мятежника. С этой целью он избрал генерал-лейтенанта Н.Н. Муравьева, который должен был отправиться в Александрию с выражением императорской воли прекратить неприязненные действия, грозя в противном случае вооруженною поддержкою Турции. Черноморскому флоту приказано было изготавиться для отправления в Босфор по первому требованию».

Что касается Казарского, то по прибытии на Черноморский флот он первым делом оказал помощь генералу Муравьеву, до той поры мало знакомому с военно-морским делом. А помощь потребовалась, и немалая. Для поездки Муравьева в Константинополь был выделен фрегат «Штандарт». Вот в каком состоянии находился фрегат, по воспоминаниям Муравьева: «Фрегат наш дурно держался против ветра, который усилился до такой степени, что мы ничего не могли выиграть лавированием. Сделалась сильная буря, продолжавшаяся постоянно трое суток. Три главных паруса изорвало пополам; судно же раскачало до такой степени, что оказалась течь; гнилое дерево старого фрегата подалось под болтами, прикрепленными к русленям, при коих держались ванты бизань-мачты; винты ослабли, и мачта грозила падением; руль перестал действовать, что отнесли тогда к сильному волнению. Команда, мало приобвыкшая к своему делу, до крайности утомилась, так что люди однажды отказались было идти на марс для работ. Капитан судна Щербачев, хотя и не переставал быть деятельным, но не умел распоряжаться».

Приведением в порядок фрегата «Штандарт» Казарский занимался, впрочем, между делом — хватало других, куда более важных забот.

* * *

20 февраля 1833 года 4 линкора, 3 фрегата, корвет и бриг под командованием М.П. Лазарева покинули Севастополь и 26 февраля стали на якорь в Буюк-дере у Константинополя. Султан под давлением европейских держав предложил контр-адмиралу Лазареву покинуть Босфор. Но Лазарев был Лазарев, и отступать он не привык! Лазарев отказался удалиться, сославшись на противный ветер, и даже когда ветер переменился, не тронулся с места. К тому же этим смелым решением он показал черноморцам, что способен взять на себя ответственность в самых критических ситуациях. На Черном море от таких смелых действий

адмиралов давно отвыкли, и поступок Лазарева был оценен всеми по достоинству. Авторитет балтийского адмирала сразу сильно вырос.

Вскоре египетская армия начала новое наступление, и теперь уже сам султан обратился к России с просьбой оставить эскадру Лазарева и прислать русские войска. В начале 1833 года из Севастополя в Турцию прибыли еще две эскадры под командованием контр-адмиралов Кумани и Стожевского с 14-тысячным десантом, поступившие под начало Лазарева. Одновременно 20-тысячный корпус командующего Дунайской армией генерала Киселева получил приказ двигаться к Дунаю.

Дальше — больше. Во время всего долгого стояния эскадры в Босфоре Лазарев неустанно занимался наведением должного порядка на эскадре, обучением офицеров и команд, ремонтом кораблей и судов. Энергичный адмирал не давал покоя ни себе, ни другим. В дела большой политики он особенно не вникал, справедливо полагая, что разберутся и без него. Его же дело — навести порядок на флоте. В Николаеве, получая сведения о тех преобразованиях, которыми занимается Лазарев в Константинополе, нервничали, понимая, что «балтиец» уже вбивает первый гвоздь в гроб их всевластия. Интригуя, Грейг пытался настроить против Лазарева генерала Муравьева. В какой-то мере ему удалось вбить клин в отношения между генералом и контр-адмиралом. Муравьев с подачи Грейга стал относиться к Лазареву осторожно и с определенным предубеждением. В своих «Записках» генерал писал: «Лазарев сделался известным после Наваринского сражения, где он, командуя адмиральским кораблем “Азов”, отличался деятельностью и храбростью. Он имел достаточное образование для морского офицера, был довольно начитан по части морского дела, путешествовал; но в занятиях своих до того времени едва ли выходил из границ звания командира корабля; еще недолгое время был начальником штаба Черноморского флота, не обнял вполне новой обязанности своей и был взыскателен только по наружному отправлению службы. Он чуждался всяких сношений с турками, потому что обращение их казалось ему дико, и что необычайность такого рода сношений не соответствовала тем служебным занятиям, к коим он издавна привык. Пребывая в Босфоре, он много заботился об устройении судов, состоявших под его начальством; но затем не хотел или не умел вникнуть в обстоятельства того времени, а потому и устранял от себя все распоряжения, выходившие из круга его прямых обязанностей как командира эскадры».

Весьма странно читать упреки в адрес адмирала, который денно и нощно занимается приведением эскадры в боеготовое состояние. Но простим Муравьеву его заблуждения — генерал (кстати, с большим

масонским прошлым!) не был моряком, да к тому же верил наветам Грейга.

Итак, Лазарев с эскадрой на Босфоре. Между тем события на Черноморском флоте развиваются своим чередом. В конце июля 1833 года морской министр выслал Грейгу проект о переводе всех черноморских управлений в Севастополь, ближе к кораблям, где «главный командир и прочие лица не могут обращать своего внимания лично на действия в Севастополе».

Грейг, конечно же, был категорически против. Ответ его достоин цитирования. В нем много слов, но мало смысла и нет никаких доказательств: «...Он (проект. — *В.Ш.*) оказался не заслуживающим ни малейшего внимания, как потому, что составлен единственно из побуждений, более или менее маловажных, даже ничтожных; причин, основанных на ошибочных соображениях сочинителя, с вредом государству сопряженных, коих ожидать надлежало бы с приведением в исполнение помянутого предположения, если бы сие и возможно было. А потому проект этот в существе своем ничего не обещает, кроме величайших и невознаградимых пожертвований многолетними издержками и попечениями правительства, разорения одного из лучших городов в Новороссийском крае с большой частью его жителей, необычайных и даже отличительных для казны расходов на возведение того в Севастополе, что в Николаеве уже существует, на тот только конец, дабы в будущем навсегда увеличить государственный расход и что всего важнее подвергнуть опасности разорения господствующий пост на Черном море...»

* * *

А Александр Иванович Казарский, как всегда, работает не покладая рук, проводя большую организаторскую работу по подготовке Босфорской экспедиции и обеспечению ее всеми необходимыми материалами и продуктами. Но это была только первая часть того, что ему предстояло сделать на Черном море. К раску окружения Грейга, после отправки эскадры Лазарева к Босфору Казарский не покидает флот, как ожидалось, а, наоборот, принимается за генеральную ревизию тыловых контор и складов в черноморских портах. Вначале он работает в Одессе, где, разумеется, вскоре вскрывает ряд крупнейших хищений и недостатков.

Тем временем блестяще завершается Босфорская экспедиция Лазарева. Константинополь был спасен от египтян, а Россия получила гарантии в пользовании Черноморскими проливами. Командование эскадрой.

Черноморского флота, в ходе которой Лазарев проявил свои незаурядные качества, стало дебютом его флотоводческой деятельности.

2 апреля 1833 года Лазарев производится «за отличие» в вице-адмиралы; таким образом, он теперь и по заслугам и по чину вполне готов возглавить Черноморский флот. Еще через три месяца, т.е. в июле, Лазарев становится генерал-адъютантом — это значит, что теперь он может действовать от имени императора, а еще через месяц Высочайшим указом Михаил Петрович Лазарев назначается «исправляющим должность» главного командира Черноморского флота и портов, николаевского и севастопольского губернатора. Таким образом, в командуящие флотом (с получением двух чинов!) Лазарев был произведен почти мгновенно, в течение каких-то четырех месяцев. Понять Николая I в данном случае можно. Терпеть выходки Грейга, который зарывался все больше и больше, было далее уже невозможно. Следовало как можно скорее наводить порядок на Черноморском флоте, возвращать ему утраченную боеспособность.

Тем временем Казарский завершает ревизию Одесского порта. Масштабы размеров вскрытых хищений потрясают! После этого Казарский переезжает в Николаев, чтобы разобраться с состоянием дел в центральных управлениях Черноморского флота. В Николаеве он продолжает напряженно работать, но спустя всего лишь несколько дней внезапно умирает. Комиссия, разбиравшаяся в обстоятельствах смерти Казарского, сделала вывод: «По заключению члена сей комиссии помощника флота генерал-штаб-лекаря доктора Ланге, Казарский помер от воспаления легких, сопровождавшегося впоследствии нервною горячкой».

Произошло это 16 июля 1833 года. Было в то время Александру Ивановичу Казарскому неполных тридцать шесть лет.

Но была ли смерть царского флигель-адъютанта случайной и естественной?

Обратим внимание на еще одну весьма значимую деталь. Момент смерти Казарского поразительным образом совпал с назначением Михаила Петровича Лазарева главным командиром Черноморского флота и портов Черного моря. И то и другое события произошли практически одновременно — в июле 1833 года. Учитывая тогдашнюю обстановку на Черноморском флоте, деятельность капитана 1-го ранга Казарского и вице-адмирала Лазарева, яростное противостояние им со стороны адмирала Грейга, его жены, контр-адмирала Критского, целой своры местных чиновников и купцов-миллионеров (миллионщиков, как их тогда называли), в совпадение этих двух событий совершенно не верится.

24 апреля 1833 года с помощью европейских стран Турция и Египет заключили мир. 26 июня 1833 года Турция и Россия подписали Ункиар-Искелесийский договор, согласно которому Россия обязывалась оказывать Турции военную помощь. В обмен на это турки закрывали проливы для всех стран. Этим обеспечивалась безопасность южных границ России. Англия и Франция признавать этот договор отказались, но Россия ответила, что будет соблюдать его твердо и никому не позволит его нарушить. На это в Лондоне и Париже уже отмолчались.

28 июня эскадра Лазарева покинула Босфор. За удачную экспедицию Лазарева произвели в вице-адмиралы, одновременно с присвоением чина генерал-адъютанта. Такое двойное чинопроизводство, конечно же, не было только данью отличного исполнения Лазаревым своих обязанностей на Босфоре. После этого двойного производства даже последним дуракам стало ясно, что к Константинополю Лазарев уходил в ранге начальника штаба Черноморского флота, а возвращается уже фактически в ранге главного командира Черноморского флота и портов. В июле 1833 года русский десант был перевезен из Босфора в Феодосию, а в августе последние корабли Лазарева вернулись в Севастополь.

Едва последний корабль эскадры бросил якорь в Севастопольской бухте, из Петербурга был доставлен высочайший указ, вызвавший радость у одних и безумное смятение у других. А 2 августа того же 1833 года Михаил Петрович был назначен исправляющим должность главного командира Черноморского флота и портов (в 1834 году он будет утвержден в новых обязанностях). Историк пишет: «Назначение это, состоявшееся по личному выбору покойного государя, в Черном море встречено было всеобщим сочувствием. Предшествовавшая репутация первоклассного моряка-практика и теоретика, испытанная твердость характера, неподкупная честность и беззаветная любовь к морскому делу возбуждали радужные надежды. Людская зависть, однако, не дремала; и в то время было немало лиц, гораздо старших по службе и по чину, из коих некоторые, как свидетельствует печатаемая переписка, старались делать затруднения своему счастливому товарищу. Впрочем, Михаил Петрович личными заслугами и сказавшимся наглядно доверием государя снискал себе веских доброжелателей».

Эпоха адмирала Грейга закончилась.

Глава третья.

ПОСЛЕДНИЙ ПОДВИГ КАЗАРСКОГО

Итак, нам предстоит теперь заняться исследованием обстоятельств внезапной смерти Александра Ивановича Казарского в Николаеве, как раз накануне возвращения из Босфора вице-адмирала Лазарева, и, как мы уже знаем, не просто возвращения, а возвращения уже фактически в ранге главного командира Черноморского флота и портов. Случайными ли были все эти странные совпадения? Или кто-то очень уж не желал встречи этих двух людей, действовавших по единому плану, начертанному им императором?

Начнем с того, что посылка А.И. Казарского на Черное море с предварительной ревизией как раз в период наибольшего обострения противостояния старой и новой флотской власти вполне укладывается в схему действий Николая I по наведению порядка на Черноморском флоте. Казарский, как мы знаем, всю свою жизнь прослужил на Черноморском флоте и в силу этого был хотя бы в общих чертах в курсе происходящих там событий.

Во-вторых, во время своей службы на Черноморском флоте он не занимал сколько-нибудь значительной (в глазах местной «мафии») должности, так как должность командира брига не была в числе должностей, имевших доступ к флотской кормушке. А потому находился от нее в стороне. Когда же Казарский стал известен после своего знаменитого боя, то он почти сразу был переведен в Петербург, где состоял в свите Николая I.

В-третьих, при направлении Казарского для ревизии в черноморские порты можно было рассчитывать, что многие давно и хорошо знавшие его сослуживцы будут давать ему ту неофициальную информацию о творящихся на Черноморском флоте безобразиях, которую они никогда никому другому бы просто не рассказали.

В-четвертых, будучи флигель-адъютантом императора на Черном море, Казарский подчинялся только М.П. Лазареву, имевшему, между прочим, чин свитского контр-адмирала. Таким образом, Лазарев, как и Казарский, был в определенной мере подотчетен только императору. Одновременно он являлся и старшим представителем императора по отношению к Казарскому. Надеюсь, приведенных мной фактов вполне достаточно, чтобы понять — Лазарев и Казарский действовали единой

командой, выполняя одну и ту же задачу Николая I, хотя и каждый по своему направлению.

И, наконец, выбор на должность императорского ревизора по Черноморскому флоту определялся высокими личными качествами Казарского. Характеризуя А.И. Казарского как человека, современники наряду со всеми другими высокими качествами, присущими ему, единодушно отмечали честность и неподкупность. И это при всем том, что Казарский был весьма беден. В его «Формулярном списке о службе и достоинствах» в графе «Имеет ли за собою, за родителями или, когда женат, за женою недвижимое имение» значится лаконичный ответ: «Не имеет».

Зная о высоких моральных качествах А.И. Казарского, император, как мы уже знаем, именно ему поручает в 1831–1832 годах провести несколько крупных ревизий, чтобы хоть как-то приостановить размеры хищений. Бывший командир «Меркурия», со свойственной ему ответственностью, провел такие ревизии в Нижегородской, Симбирской, Саратовской и в целом ряде других губерний. При этом Казарский вскрыл там очень большие злоупотребления и недостатки, что, естественно, вызвало серьезное раздражение чиновничьих кругов, так или иначе причастных к этим делам. Однако это была, скорее всего, своеобразная репетиция перед тем важнейшим делом, к которому его, безусловно, готовили, и которое ему предстояло исполнить. В ходе этих поездок Казарский разобрался в нюансах своей новой работы, приобрел определенный опыт, доказал императору свою неподкупность и честность. Только теперь он был готов для решения дела чрезвычайной государственной важности. По существу, посылка Казарского, наделенного особыми полномочиями, в главнейшие порты Черного моря с независимой ревизией были объявлением Николаем I войны местным «олигархам», войны, в которой капитану 1-го ранга Казарскому предстояло выполнить роль своеобразного авангарда.

Еще в декабре 1831 года, несмотря на яростное противодействие Грейга, Николай I начал постепенную реорганизацию управления Черноморским флотом. Вместо прежних органов было создано Главное черноморское управление. Флотом по-прежнему управлял главный командир, при котором действовали канцелярия, штаб и интендантство. При этом начальник штаба приобретал по новому положению с февраля 1832 года статус первого заместителя главного командира. На эту, ставшую сразу ключевой, должность и был назначен контр-адмирал М.Л. Лазарев. Глава Черноморского интендантства, обер-интендант получил права директора департамента. В интендантство входили канцелярия,

кораблестроительная, комиссариатская и артиллерийская экспедиции и ученый кораблестроительный комитет. В подчинение постоянной Кораблестроительной экспедиции перешли рабочие экипажи и морские арестантские роты, прежде подчинявшиеся бригадным командирам рабочих и ластовых экипажей. Это позволяло сосредоточить усилия на казенном кораблестроении.

В 1832 году Адмиралтейский совет обнаружил новые многочисленные вопиющие финансовые неурядицы в отчетности Черноморского флота за 1830–1831 годы. По существу, более половины флотского бюджета уходило налево. Помимо этого еще хуже обстояло дело с контролем за вывозом хлеба из черноморских портов. Там, вообще, царил полный произвол местной мафии. Выправлять положение дел и дать объяснение по творимым безобразиям Грейг категорически и демонстративно отказался. Николай I напомнил Грейгу, что по должности тот несет личную ответственность и за денежную отчетность, но строптивый Грейг ответил царю: «К проверке таковых сведений по обширности и многосложности их главный командир не имел и не имеет никаких средств». После этого заявления судьба Грейга была решена окончательно.

Весной 1833 года к встрече Казарского на юге России, безусловно, готовились. Вне всяких сомнений, что для этого были задействованы самые значительные силы. Вполне вероятно, что была предпринята и попытка подкупить столичного ревизора, но если она и была, то окончилась безрезультатно. Казарского подкупить было невозможно, и казнокрады это быстро поняли! А деятельность капитана 1-го ранга в Одессе показала местным чиновникам, что он настроен весьма решительно. Тогда-то, видимо, и встал вопрос о том, как обуздать столичного чиновника. Силы у них для этого были, тем более что покровительствовали им уже известный нам контр-адмирал Критский и правитель канцелярии командующего Иванов. Против них был бессилен даже тогдашний (с 1832 года) начальник штаба Черноморского флота М.П. Лазарев, который в одном из своих писем жаловался главнокомандующему русскими вооруженными силами на юге России А. Меншикову: «...Явное препятствие обер-интенданта в изготовлении эскадры надежным образом и столь дерзкое усилие его препятствовать мне в выполнении высочайшей воли я доводил до сведения главного командира, но получил отзыв... оправданиями обер-интенданта все остается постарому и ничего не делается...» Но и Меншиков не мог ничем помочь Лазареву. В отчаянии он пишет своему другу Шестакову, характеризуя состояние кораблей эскадры, оставшихся без ремонта и припасов: «“Париж” совершенно сгнил, и надобно удивляться, как он не

развалился... “Пимен” кроме гнилостей в корпусе имеет все мачты и бушприт гнилыми до такой степени, что через фок-мачту проткнули железный шомпол насквозь!.. А фрегат “Штандарт” чуть не утонул... Как мне благоразумнее при теперешнем случае поступить, не знаю — должность генерал-адъютанта есть быть фискалом и доносчиком, а я до сего времени ни тем, ни другим не бывал, хотя вовсе не считаю бесчестным выводить наружу злоупотребление. Меншикову писал партикулярно о здешних злоупотреблениях, но толку все мало».

Сейчас уже почти невозможно установить точно, имел ли место разговор о творимых на флоте и в черноморских портах безобразиях между Лазаревым и Казарским. Однако логика подсказывает, что такого разговора просто не могло не быть. Испытывая трудности со снабжением уходящих к Босфору кораблей, Лазарев и обратился за помощью к облеченному большой властью флигель-адъютанту императора. Сталкиваясь с посланником Николая I в открытую было далеко не безопасно, а потому Казарский с успехом выполнил внезапное и важное поручение Лазарева.

После этого флигель-адъютант императора начинает работу в Одессе, которая являлась в то время крупнейшим российским портом по вывозу хлеба, а потому там крутились преогромные деньги. Результаты работы Казарского были страшны для местных властей, ибо вскрытые масштабы творимого произвола говорили уже не столько о воровстве, сколько о подрыве всего экономического могущества России. Вполне возможно, что во время своей работы в Одессе Казарскому удалось заполучить некие чрезвычайно важные бумаги, которые могли послужить обвинением для представителей местных «мафиозных» структур. Против императорского посланца надо было предпринимать срочные и самые кардинальные меры.

В это время у Казарского происходит несколько встреч с Лазаревым. Это не подлежит сомнению. Казарский, как флигель-адъютант императора, находился в подчинении у императорского генерал-адъютанта. В своих разговорах с бывшим командиром «Меркурия» Лазарев не мог, естественно, не коснуться и общего положения дел на Черноморском флоте и в черноморских портах. Это видно и из приведенных выше его писем, и из того, что сразу же после отправления Босфорской эскадры во главе с Лазаревым в Константинополь Казарский направляется в Николаев, туда, где были сосредоточены тыловые конторы Черноморского флота. Кроме этого Николаев по важности являлся вторым после Одессы торговым портом Черноморья. Можно предположить, что Лазарев, будучи главным командиром Черноморского флота и портов Черного моря, а также военным губернатором Севастополя и Николаева, снабдил Казарского какой-то

конфиденциальной информацией, однако больше он помочь Казарскому ничем не мог. Как мы уже знаем, он сам только недавно прибыл на Черноморский флот. В 1830–1831 годах М.П. Лазарев еще командовал дивизией кораблей на Балтийском флоте, а потому просто не успел войти в курс всех местных дел.

В такой обстановке не могли бездействовать и казнокрады, понимавшие, что после ревизии Одессы и столкновения с ними при подготовке Босфорской экспедиции Казарский уже кое-что знает. Тогда-то, видимо, и был вынесен окончательный смертный приговор не в меру приткному ревизору. Разумеется, заговорщики знали, что император не оставит без последствий смерть своего личного адъютанта, однако другого выхода у них просто не было, к тому же, возможно, они были слишком уверены в своем всемогуществе. Вполне возможно, что заговорщики прежде надеялись запугать Казарского, а в качестве крайней меры, если он не согласится на их условия, предусматривали его физическое уничтожение. Но учли они не все. Вспомним, что Александр Иванович в свое время окончил Николаевское штурманское училище, много лет прослужил на Черноморском флоте. Вскоре Казарский узнал о заговоре. Фаренникова описывает это так: «Казарский был предупрежден раньше, что посягают на его жизнь; оно и понятно: молодой капитан 1-го ранга, флигель-адъютант был назначен ревизовать, а на флоте тогда были страшные беспорядки и злоупотребления».

Сразу же Александр Иванович стал перед дилеммой: что делать — продолжать свою деятельность, рискуя жизнью, или немедленно прекратить проверки и вернуться в Санкт-Петербург? Дело осложнялось еще и тем, что рассчитывать Казарский мог в сложившейся ситуации только на свои силы.

М.П. Лазарев уже ушел с эскадрой к Босфору, а адмирал А.С. Грейг, как мы уже говорили, в таких делах был скорее врагом, чем помощником. Всеми делами Черноморского флота в то время ведали еще ставленники старой флотской власти контр-адмирал Критский и правитель канцелярии командующего Иванов, повязанные по рукам и ногам с взяточниками и казнокрадами. Но Казарский, несмотря ни на что, бросает вызов своим врагам! Мы никогда не узнаем, был ли это поступок человека, уверенного в своих силах, или, наоборот, шаг отчаявшегося в неравной борьбе с воровством патриота... Ясно одно: бывший командир «Меркурия» прекрасно понимал, на что он шел, и все же решил не отступать, дать бой!

Глава четвертая.

СМЕРТЬ ГЕРОЯ

...В первых числах июля 1833 года Александр Иванович Казарский на пути в Николаев остановился отдохнуть у супругов Фаренниковых, проживавших в небольшом имении в двадцати пяти верстах от города. Елизавета Фаренникова в своих записках отмечает подавленное состояние Казарского, его необычайную задумчивость и нервозность. Приводит его слова «Не по душе мне эта поездка, предчувствия у меня недобрые». И еще одна важная фраза сказанная им: «Сегодня я уезжаю, я вас прошу приехать ко мне в Николаев в четверг, вы мне там много поможете добрым дружеским советом, а в случае, не дай Бог чего, я хочу вам передать многое». Итак, в четверг в Николаеве должно было произойти что-то очень важное и опасное. Видимо, А.И. Казарский нуждался в помощи надежных и преданных друзей, потому и хотел встретиться в этот день с супругами Фаренниковыми. Более того, он уже располагал определенной информацией и боялся, что она может исчезнуть после его гибели. Александр Иванович ошибся в своих подсчетах всего лишь на один день, но эта роковая ошибка стоила ему жизни.

Спустя несколько дней после прощания Казарского с супругами Фаренниковыми к ним в четверг (!) под утро прискакал верховой с известием, что Александр Иванович умирает. Примчавшись, загнав лошадей, в Николаев, Фаренниковы нашли Казарского уже в агонии в доме его дальнего родственника Охоцкого. Умирая, Казарский успел лишь прошептать им всего одну фразу: «Мерзавцы меня отравили!» Из показаний денщика Казарского В. Борисова о последних словах капитана 1-го ранга: «Бог меня спасал в больших опасностях, а теперь убили вот где, неизвестно за что».

Через полчаса в страшных муках Казарский скончался. Уже к вечеру, как отмечает в своих воспоминаниях Фаренникова, «голова, лицо распухли до невозможности, почернели как уголь; руки распухли, почернели аксельбанты, эполеты, все почернело... когда стали класть в гроб, то волосы упали на подушку». Налицо были все признаки, бывающие при сильнейшем отравлении!

О загадочной смерти Казарского ходило тогда по Николаеву много толков. Супруги Фаренниковы, не покинув сразу город, попытались восстановить события последних дней жизни Казарского. Они установили,

что, прибыв в Николаев, Александр Иванович, за неимением гостиницы, снял комнату у некой немки. У нее и столовался, причем, обедая, как правило, просил ее саму вначале испробовать приготовленную пищу. «Делая по приезду визиты, кому следует, — пишет Фаренникова, — Казарский нигде ничего не ел и не пил, но в одном генеральском доме дочь хозяина поднесла ему чашку кофе... Посчитав, видимо, неудобным отказать молодой девушке (а на этом, видимо, и строился весь расчет), Казарский выпил кофе. Спустя несколько минут он почувствовал себя очень плохо. Сразу же поняв, в чем дело, он поспешил домой и вызвал врача, у которого попросил противоядия. Мучимый страшными болями, кричал: “Доктор, спасайте, я отравлен!” Однако врач, скорее всего, тоже вовлеченный в заговор, никакого противоядия не дал, а посадил Казарского в горячую ванну. Из ванны его вынули уже полумертвым. Остальное известно...»

* * *

Анализ обстоятельств смерти А.И. Казарского, внешних изменений после его кончины дает веское основание полагать, что командир «Меркурия» был отравлен наиболее известными в то время ядами — мышьяком или ртутью. При этом доза, которую дали Казарскому, была настолько чудовищна, что ее хватило бы на несколько человек. Избрав для осуществления своей подлой цели отравление, убийцы могли рассчитывать, прежде всего, на то, что криминалистики как науки тогда еще не было и в помине. Сам факт отравления ртутью и мышьяком врачи научились выявлять несколько позднее — в 60-х годах XIX века, когда стала известна реакция так называемого «мышьякового зеркала». Но к тому времени о загадочной смерти Казарского уже забыли...

Исследователь-криминалист Евгений Баринов так описывает возможную причину смерти нашего героя: «Казарский мучился сильными болями и кричал: “Доктор, спасайте, я отравлен!” Какого характера были боли, неизвестно, но, по-видимому, у него был поражен желудочно-кишечный тракт. Это очень похоже на действие деструктивного яда, то есть вещества, вызывающего дистрофические и некробиотические изменения почек, печени, миокарда, желудочно-кишечного тракта, головного мозга и др. Многие яды этой группы поражают слизистые оболочки пищеварительного тракта и способны накапливаться в организме. Ртуть и ее соединения, наряду с фосфором, мышьяком и цинком, относятся именно

к деструктивным ядам.

Похоже, Казарского отравили ртутью и фосфором — веществами, которые проще всего было достать в Николаеве.

Хлориды ртути — сулема и каломель — довольно часто применялись в то время в фармацевтике и парфюмерии; не составляло большого труда раздобыть и белый фосфор. Учитывая осторожность Казарского, вряд ли можно допустить хроническое отравление малыми дозами. Куда вероятнее, что ему поднесли сразу большую дозу. Данные яды плохо растворяются в воде, даже горячей, и Казарский мог заметить беловатый или желтоватый осадок в своей чашке, что укрепило его в убеждении — он отравлен. При приеме сулемы слизистые оболочки рта, губ, глотки приобретают сероватый оттенок, набухают, покрываются налетом. Появляется боль в области желудка, рвота с кровью, частый водянистый стул с примесью крови и слизи (ртуть вызывает сильное слабительное действие). После наблюдается нарастающая слабость, мышечные судороги, металлический вкус во рту и потеря сознания.

Из записки Бенкендорфа видно: Казарский “беспрестанно плевал”, и на полу образовались черные пятна, которые было невозможно смыть. Можно полагать, что помимо металлического вкуса во рту и усиленного слюноотделения у Казарского развился ртутный стоматит с кровоточивостью десен. Иногда при большой дозе ртути пострадавшие ощущают лишь жжение в желудке и тошноту, а через 1–2 часа состояние резко ухудшается, человек теряет сознание, у него развивается острая сердечно-сосудистая недостаточность, и наступает смерть. Таким образом, в целом картина кончины Казарского соответствует симптомам отравления соединением ртути, а именно — сулемой. Яд был принят в очень большом количестве, что вызвало острое отравление и сравнительно быстрый летальный исход.

Учитывая уровень науки того времени, можно с уверенностью сказать, что при правильном проведении экспертизы трупа Казарского можно было с полной достоверностью установить причину смерти капитана. Руководство по отравлениям, составленное тогдашним профессором Медико-хирургической академии Нелюбиным, долгое время считалось ценнейшим пособием по вопросам токсикологии. Современниками Казарского были такие известные судебные медики, как С.А. Громов, С.Ф. Храповицкий и И.В. Буяльский. Даже через полгода после смерти, когда была произведена эксгумация трупа и изъяты внутренние органы, можно было установить истинную причину смерти, обнаружить ртуть или другое вещество, вызвавшее отравление. Однако этого не сделали».

Не будем долго искать, а наберем в Интернете статью по теме «Симптомы отравления мышьяком». Вот что она гласит: «При желудочно-кишечной форме через 30 мин. — 2 часа и более после приема мышьяка ощущается металлический вкус во рту, царапание в полости рта и в зеве, боль и жжение по ходу пищевода (за грудиной), упорная повторная рвота, сильная боль в животе. Через несколько часов начинается холероподобный (испражнения типа рисового отвара) болезненный понос с тенезмами. Из-за быстрого обезвоживания возникают жажда, потеря тургора тканей, голос делается хриплым или беззвучным, отмечаются боль и судороги в икроножных мышцах. Наступает увеличение и болезненность печени, гемоглобинурия, олигурия или анурия, похолодание конечностей. В тяжелых случаях бывают цианоз вследствие недостаточности дыхания, снижение артериального давления с частым, плохого наполнения пульсом, общая судорожная реакция. Смертельный исход наступает через 1–2 дня после приема яда».

Обратим внимание, что симптомы при отравлении мышьяком и ртутью весьма схожи с симптомами при заболевании холерой! Для тех, кто мог организовать тремя годами ранее уничтожение адмиралов Сарычева и Головнина, это сходство симптомов могло быть решающим. Кто устроит особое разбирательство во время холерной эпидемии, когда у умирающих налицо все признаки именно холеры?

Однакостораживает тот факт, что спустя три года именно с такими симптомами умирает и Казарский. В его случае опять были налицо симптомы холеры! Почему же никому в Николаеве и в голову не пришло забить тревогу, объявить если уж не карантин, то срочное и тщательное медицинское обследование всех лиц, общавшихся с Казарским, а значит, имевших вероятность заразиться. Да и похоронили Казарского не как умершего от холеры, где-нибудь подальше от населенных пунктов в яме с известью, а со всеми положенными почестями и на городском кладбище. Но ничего подобного сделано, как мы знаем, не было. Возникает сразу вопрос почему? Вариантов ответов здесь только два. Во-первых, это могло произойти по причине низкой квалификации николаевских врачей и отсутствия какого-либо порядка в николаевской администрации. В это не слишком верится. Вспомним, что на юге России только что закончилась эпидемия холеры, и врачи прекрасно знали ее симптомы, так как в своем подавляющем большинстве они недавно имели дело с холерными больными. Кроме этого адмирал Грейг, как мы знаем, любил Николаев, всячески заботясь о его благополучии и процветании. Как-никак Николаев был его «столицей»! Неужели адмирал был сам себе врагом, чтобы, не

среагировав на тревожные симптомы смерти Казарского, фактически сознательно превратить свою «столицу» в новый очаг холеры, что сразу бы вызвало создание карантинных и для людей, и для товаров, а это нанесло бы грейговцам огромные убытки? Тут уж бы ему от Николая I досталось по полной программе! Да и не мог Грейг так легко рисковать жизнью жены и своих маленьких детей. Поэтому остается второй вариант — врачи, пользовавшие Казарского, с самого начала были прекрасно осведомлены, что именно с ним случилось и что ни о какой холере при заболевании флигель-адъютанта речи быть не могло.

Кстати, врач, как мы помним, поместил Казарского в горячую ванну. Именно это и требуется при отравлении мышьяком и ртутью. Помимо этого необходима была срочная промывка желудка взвесью активированного угля, обкладывание тела грелками, обильное питье, так как происходило интенсивное обезвоживание организма.

Что касается холеры, то при ее лечении главное — это также преодоление обезвоживания организма обильным приемом подсоленной воды. Ванна также рассматривается врачами, как дополнительное средство, так как помогает клеткам тела восполнять дефицит воды. Это в равной степени мог быть и диагноз отравления мышьяком, и диагноз холеры.

Отсюда следует вывод, что штаб-лекарь Петрушевский, который лечил Казарского, действовал в принципе правильно. Но ведь диагноз Петрушевский поставил совершенно иной — воспаление легких! Лечение пневмонии ни для кого не является секретом. Каждый может заглянуть в многочисленные медицинские справочники. Но заталкивать больного воспалением легких в ванну! Кто из нынешних врачей на такое решится? Получается, что Петрушевский знал, что случилось с Казарским, и, как мог, пытался его спасти, делая именно то, что и надо делать при отравлениях. Однако официально Петрушевский указал совершенно иную причину болезни и последующей смерти. Почему? Сам ли он так решил поступить или кто-то ему подсказал? Похоже, что Петрушевскому просто посоветовали держать язык за зубами, и он мудро последовал этому совету.

Нелишне будет вспомнить здесь и странную смерть императора Николая I, который, по одним слухам, простудился и умер от осложнений гриппа, а по другим — отравился, потеряв надежду выиграть Крымскую войну или вообще был отравлен своим лейб-медиком Мандтом. Так как, умирая, Николай запретил вскрывать свое тело, тайна его смерти так и осталась тайной.

Суммируя все четыре случая возможных отравлений (Казарский, Сарычев, Головин и Николай I), мы можем сделать вывод о том, что

данная метода тайных убийств была в то время весьма модной (если так только можно выразиться) в высших кругах. По крайней мере, она была на слуху, а дыма без огня, как известно, не бывает.

Итак, все можно было бы выяснить, но почему-то выяснено не было. Случайность или небрежность в таком деле, которое было на контроле у самого императора, в данном случае исключена. Что же остается? А остается только то, что некие очень и очень могущественные силы сделали все возможное и невозможное, чтобы скрыть правду смерти императорского флигель-адъютанта. И что самое прискорбное — это им удалось в полной мере. До глубины души обидно, что национальный герой России остался неотомщенным. Впрочем, это был последний успех «черноморской мафии». Конец ее был уже не за горами.

Любопытно, что комендант Николаева генерал-майор Федоров заявил, что сразу же после смерти Казарского он предлагал Петрушевскому произвести вскрытие тела. Однако против этого категорически выступил Петрушевский, а за ним и сам Грейг. Свое решение Грейг объяснил весьма странно: так как Казарский умер не сразу, а несколько дней болел, значит, он умер именно от воспаления легких! Кроме этого Грейг заявил, что он и так на слово верит Петрушевскому, а потому вскрывать тело нечего. Согласитесь, аргументация более чем странная, тем более, что речь идет не просто о военном служащем, и не просто об офицере, а о личном адъютанте императора и о национальном герое России! Здесь могут быть только две причины: полный идиотизм Грейга (что о нем никак не скажешь!) или вполне сознательные действия адмирала, имеющие определенный смысл и цель. О том, какой смысл и какая цель преследовались Грейгом, можно лишь догадываться.

Знал ли вообще адмирал Грейг о затеваемом заговоре и участвовал ли в нем? Четно говоря, мне очень хочется, чтобы не знал и не участвовал. Возможно, все обстояло именно так, но поведение адмирала во время расследования убийства оставляет определенные сомнения в его непричастности.

15 ноября, спустя пять месяцев после смерти, могила Казарского была все же вскрыта. Мы не знаем, кто производил обследование, но результаты подтвердили диагноз Петрушевского. Заметим, что выводы членов комиссии утверждал еще адмирал Грейг, да и обследование было самым примитивным.

Во время проведения эксгумации были изъяты внутренние органы и куда-то отправлены. О результатах эксгумации нам ничего не известно, по крайней мере, никакого документа на сей счет не существует. Даже

император не в силах был разорвать цепь воровской круговой поруки своих чиновников... В процессе поиска материалов о смерти Казарского автору пришлось столкнуться с суждениями некоторых историков о том, что Казарский заявил о своем отравлении злоумышленниками из-за якобы присущей ему мнительности (надо понимать — трусости?!), а причиной смерти стал будто бы заурадный грипп. Ужасные внешние изменения после кончины пытаются объяснить летней жарой и тем, что Казарский был очень толст...

Думается, что подобные утверждения бездоказательны, более того — они просто оскорбительны для памяти столь отважного человека, каким был Александр Иванович Казарский. В отношении же того, толст или не толст был А.И. Казарский, дает ответ его портрет. На портрете Казарский — уже флигель-адъютант и капитан 1-го ранга, а значит, портрет написан не ранее 1831 года, когда ему и были присвоены флигель-адъютантские вензеля. С портрета на нас смотрит не просто худощавый, а даже несколько изможденный человек с запавшими глазами. Вряд ли при той службе, что была у Казарского (почти непрерывные поездки на перекладных по всей России), он смог бы за какие-то полтора года сильно растолстеть...

Заканчивая же разговор о мышьяке, уместно вспомнить, что он имеет одну существенную особенность: этот яд можно выявить в останках и спустя столетия. Так, например, сравнительно недавно был научно установлен факт отравления мышьяком Наполеона (по накоплениям этого яда в волосах умершего).

К сожалению, в силу политических и экономических причин думать сегодня об эксгумации тела командира «Меркурия» не приходится...

* * *

Но вернемся к событиям лета 1833 года в Николаеве. Похороны А.И. Казарского его знакомая описывает так: «За гробом народу шло много, в том числе вдовы, сироты, которым он так много помогал. Все они, рыдая о своем благодетеле, кричали вслух: “Убили, погубили нашего благодетеля, отравили нашего отца!” Впереди гроба несли его ордена и золотую шпагу с надписью “За храбрость”, которой Казарский был награжден за штурм крепости Варна Черноморцы тяжело переживали смерть героя. Один из друзей Лазарева писал адмиралу на Босфорскую эскадру: “...Не буду говорить о горестном чувстве, которое произвело во мне сие известие: оно отзовется в душе каждого офицера Российского флота”».

Первым расследованием смерти Казарского занимался жандармский полковник Гофман. Он же первым послал письмо в Петербург, где прямо утверждал, что Казарский отравлен. По предварительному расследованию Гофмана получалось, что Казарского могли отравить в двух местах: 9 июня на обеде в доме генерала Тулубьева, где дочь генерала дала Казарскому чашку кофе, и 14 июня в доме капитан-командорши Михайловой, где он также выпил из рук молодой девушки чашку кофе. При допросах свидетели путались в показаниях, а затем вообще дружно отказывались от своих же первоначальных показаний. На них явно кто-то давил, но попробуй найди, кто! Отметим, что если доклад полковника Гофмана об отравлении Казарского был признан клеветой, почему он так и не был за это наказан? Значит, дело вовсе не в честном жандармском офицере, а в чем-то другом?

В качестве отравительницы, как мы знаем, фигурирует некая девушка. Трудно себе представить, чтобы молодая девушка-христианка могла спокойно сидеть и, поддерживая беседу, с интересом наблюдать, как обаятельный молодой мужчина пьет глотками смертельный яд. Если отравление все-таки состоялось именно через чашечку генеральского кофе, то уж точно, что собеседница Казарского о содержимом напитка не знала.

По Николаеву ходила и версия любовной мести. Мол, некая дама была отвергнута Казарским и, как следствие, убивает его из мести. Версия слабая, ибо влюбленные до безумия девушки способны на отчаянный поступок только когда у них не остается шансов, например, в случае женитьбы предмета их обожания на другой. Как мы знаем, ничего подобного с Александром Ивановичем в 1833 году не происходило. У него на тот момент даже не было невесты. Значит, у николаевских девиц все еще оставался шанс на выгодный брак, для чего же травить потенциального жениха? Ко всему прочему, у нас нет и никаких фактов в пользу этой гипотезы.

Ну а что если Казарского отравили завистники его стремительного карьерного взлета? Что ж, в истории бывало и такое, однако, как правило, за недалекими завистниками никогда не стояли серьезные фигуры, да и сами завистники должны быть людьми в местном обществе заметными, ведь до покушения они должны были еще позлословить в адрес ненавистного им человека. В этом случае комиссия, скорее всего, докопалась бы до истины. Кроме того, как и в «любовной» версии, здесь нет никаких фактов.

Существует и вообще уж экзотическая версия ритуального убийства. Будто бы некая мистико-таинственная организация принесла знаменитого православного моряка в жертву своему идолу. В качестве доказательства

сторонники этой версии приводят масонские знаки на памятнике Казарского в Севастополе. Но это, конечно же, несерьезно. Кто-то договаривается до того, что Казарского могли отравить по чистой случайности: мол, перепутали яд с сахаром. Эта версия не лучше предыдущей.

Что же у нас остается? А остается, как говорят сегодняшние следователи, версия об убийстве, связанном с профессиональной деятельностью убитого, т.е. его работой по ревизии тыловых контор Черноморского флота.

Реакцию властей на столь внезапную и подозрительную смерть столичного ревизора Фаренникова описывает следующим образом: «Были доносы (надо понимать — письма друзей А.И. Казарского. — *В.Ш.*), что Казарского отравили, через полгода прибыла в Николаев следственная комиссия, отрыли труп, вынули внутренности и забрали их в Санкт-Петербург. На этом все и кончилось». Удивляться здесь не приходится. Ведь даже если предположить, что члены комиссии, прибывшие для расследования этой загадочной смерти, не были подкуплены, криминалистика того времени была еще слишком слаба, чтобы устанавливать причину смерти спустя годы...

И еще один факт. В это самое время из Николаева на имя императора Николая I поступило письмо о неестественной смерти А.И. Казарского, подписанное николаевским купцом первой гильдии Василием Корневым, в котором он также указывал на существование заговора злоумышленников. Военный российский историк В.Н. Малышев в своем труде «Флигель-адъютант его императорского величества капитан 1-го ранга Александр Иванович Казарский», вышедшем в Петербурге в 1904 году, пишет по этому поводу: «Донос сей, по произведенному исследованию, оказался не имеющим никакого основания, и государь император по донесению об этом его императорскому величеству высочайше указать соизволил: “Николаевского 1-й гильдии купца Василия Коренева, за упомянутый выше неуместный донос, опубликовать от Сената, со строгим подтверждением удерживаться впредь от подобных действий”. Это было исполнено указом Сената от 22-го марта 1834 года». Говоря современным языком, Корневу было приказано держать язык за зубами. Обращает на себя внимание, что Корнев являлся не просто горожанином Николаева и даже не просто купцом, а купцом первой гильдии, то есть наиболее богатым и влиятельным. Навряд ли человек такого положения, обладающий трезвым, расчетливым умом, стал бы писать заведомую напраслину, заранее подвергая себя возможности быть наказанным и

лишенным каких-нибудь привилегий. Уж он-то, торговый человек, наверняка немало знал о заговоре флотских казнокрадов, с которыми вращался в одной среде.

Более Коренев уже ничего никуда не писал. А вскоре купец внезапно для всех умер от «апоплексического удара». О внезапной смерти энергичного здоровяка купца в Николаеве много судачили, но дальше разговоров дело не пошло. После смерти Коренева никто в городе уже и не помышлял о каких бы то ни было обличениях. Пример правдолюбца Коренева был весьма очевиден...

Возникает справедливый вопрос: почему Николай I не настоял на более тщательном расследовании причин смерти своего флигель-адъютанта? Ответить на него непросто. Но вспомним, что отравлен Казарский был в доме генерала, и сразу станет ясно: в том, чтобы замять «дело Казарского», были заинтересованы самые высокие инстанции, имевшие связи и в столице. При таком положении дел, естественно, весьма несложно было организовать должным образом и подачу материала о смерти Казарского императору. К чести Николая I, он предпринял все возможные усилия, чтобы разобраться с таинственной смертью своего флигель-адъютанта. Расследование дела он поручил шефу корпуса жандармов генералу Бенкендорфу.

8 октября 1833 года Бенкендорф передал императору записку, где значилось следующее: «Дядя Казарского Моцкевич, умирая, оставил ему шкатулку с 70 тысячами рублей, которая при смерти разграблена при большом участии николаевского полицмейстера Автамонова. Назначено следствие, и Казарский неоднократно говорил, что постарается непременно открыть виновных. Автамонов был в связи с женой капитан-командора Михайловой, женщиной распутной и предприимчивого характера; у ней главной приятельницей была некая Роза Ивановна (в других бумагах она проходит как Роза Исаковна), состоявшая в коротких отношениях с женой одного аптекаря, еврея по национальности. Казарский после обеда у Михайловой, выпивши чашку кофе, почувствовал в себе действие яда и обратился к штаб-лекарю Петрушевскому, который объяснил, что Казарский беспрестанно плевал и оттого образовались на полу черные пятна, которые три раза были смываемы, но остались черными. Когда Казарский умер, то тело его было черно, как уголь, голова и грудь необыкновенным образом раздулись, лицо обвалилось, волосы на голове облезли, глаза лопнули, и ноги по ступни отвалились в гробу. Все это произошло менее чем в двое суток. Назначенное Грейгом следствие ничего не открыло, другое следствие также ничего хорошего не обещает, ибо

Автамонов ближайший родственник генерал-адъютанта Лазарева».

* * *

Странно, что все историки и биографы Казарского почему-то пропустили один весьма важный момент. Дело в том, что Александр Иванович родился 16 июня 1797 года. Умер же он 16 июня 1833 года, прожив, таким образом, день в день ровно тридцать шесть лет! Учитывая, что умер Казарский в тот же день, когда и почувствовал себя отравленным, можно без особых натяжек предположить, что вся операция по устранению царского флигель-адъютанта была заранее назначена именно на этот день. Каждый из нас с особым чувством относится к дню своего рождения, и всякому приятно, когда оказывается, что в этот день люди помнят о твоём празднике и без всяких напоминаний тебя поздравляют. Да, Казарский был извещен, что замышляется его убийство, причем даже знал, каким способом его собираются убить. Как мы уже знаем, он принимал все возможные в его положении меры предосторожности. Но именно в канун дня рождения, в момент, когда черноморское чиновничество кинулось наперебой его поздравлять, Казарский на минуту потерял бдительность, расслабился и позволил себе взять, причем не рюмку водки или фужер вина, а всего лишь чашечку кофе (всего-то!), но именно эта ошибка и оказалась роковой. Я просто уверен, что если бы Казарский тогда отказался от кофе, то в запасе у заговорщиков имелось еще несколько вариантов убийства. Но сработала именно чашка кофе, поданная милой молодой девушкой. Так день рождения стал для бывшего командира «Меркурия» днем его смерти. Учитывая, что в году 365 дней, то вероятность случайного совпадения здесь составляет всего $1/365$! Согласитесь, что величина это весьма и весьма малая. На мой взгляд, «странное совпадение» с датами рождения и смерти служит еще одним косвенным доказательством того, что летом в 1833 году в Николаеве имел место заранее спланированный заговор, целью которого было убийство Казарского.

Выше мы уже отмечали, что, согласно расследованию жандармского полковника Гофмана, 9 июня на обеде в доме генерала Тулубьева дочь генерала дала Казарскому чашку кофе, а 14 июня в доме капитан-командорши Михайловой он также выпил из рук молодой девушки еще одну чашку кофе. На эти факты жандармский полковник обратил внимание, конечно же, не случайно. Обратим на них внимание и мы.

Уважаемый читатель, не возникает ли у тебя подозрения, что две девушки, угощающие Казарского по очереди чашечкой кофе, — это какое-то странное совпадение? У меня, честно говоря, возникает, и вот почему.

О личной жизни Казарского мы знаем только благодаря изысканиям севастопольской писательницы В. Фроловой, о которых уже писалось выше. Напомним лишь, что Казарский перед войной оказался вовлеченным в любовный треугольник между своим сослуживцем-соперником Стройниковым и некой Вознесенской. Последняя отдавала предпочтение Стройникову — георгиевскому кавалеру и любимцу Грейга. Скорее всего, и сама Вознесенская была вхожа в круг Юлии Грейг. Скромный Казарский не выдерживал никакой конкуренции с блестящим Стройниковым. Однако затем в течение нескольких дней все полностью перевернулось — Стройников стал изгоем общества, Казарский лее, наоборот, национальным героем. Что касается Вознесенской, то она ушла в монастырь. Чтобы молодой, жизнерадостной и полной жизненных планов женщине решиться на такой шаг, надо пережить огромное психологическое потрясение. Несомненно, что решение Вознесенской стало потрясением и для Казарского. Не будем ханжами — каждый мужчина рад, если исчезает его соперник на любовном фронте. Казарский, казалось, был в шаге от счастья, — конкурент повержен и ничего уже не мешало ему (герою!) завоевать сердце любимой, но в этот момент любимая решительно и навсегда покидает мирскую жизнь, демонстрируя всем свою преданность изгую Стройникову и полное равнодушие к чувствам Казарского. Кто из мужчин спокойно переживает такое! Насколько долго и сильно страдал Казарский по Вознесенской, мы данных не имеем, но, зная его глубокие и искренние чувства к этой женщине, думается, что и долго, и сильно.

Теперь вернемся к приезду Казарского на Черноморский флот в качестве проверяющего. Ситуация с самого начала сложилась весьма непростая. Казарский ехал, чтобы выявить огромные растраты. В Николаеве об этом прекрасно знали, как знали и о том, что Казарский обязательно все выявит (при огромных масштабах хищения не выявить фактов воровства было просто невозможно!). Знали в Николаеве и характер Казарского, что подкупить его не получится. Но могли ли казнокрады сидеть сложа руки и ждать, когда за ними явится жандарм с кандалами? Неужели у них не сработал инстинкт самосохранения? Еще как сработал! Мы уже знаем, что возник заговор, в ходе которого было решено физически устранить флигель-адъютанта. Убить его из-за угла кинжалом или пулей было нельзя, так как это сразу выдавало заговорщиков, а потому лучшего способа, чем отравление, не было. Заговор, однако, оказался секретом

Полишинеля, о котором вскоре узнал весь Николаев.

Мало того, о готовящемся отравлении знал и сам Казарский! В свою очередь и сами заговорщики знали, что флигель-адъютант знает их намерения и принимает соответствующие меры. Казалось, все потеряно? Но нет! Обладая информацией о личной жизни Казарского и определенных чертах его характера, заговорщики находят единственно верное, я бы сказал, гениальное решение. Операция по физическому устранению инспектора была проведена на высочайшем профессиональном уровне с тончайшим знанием человеческой психологии.

Вначале Казарский был приглашен в дом генеральши Толубьевой, где ее дочь подала флигель-адъютанту чашечку кофе. Следуя логике вещей, девица Тулубьева должна была внешне быть похожей на Вознесенскую (это сразу повышало доверие), еще лучше, если девушка была знакомой Вознесенской и обещала флигель-адъютанту рассказать за чашкой кофе какие-то душещипательные новости о молодой монахине. Итак, Казарский и девица Тулубьева пьют кофе, предаваясь приятным для обоих воспоминаниям. Девушка, разумеется, не имеет никакого отношения к заговору, а кофе действительно вкусен.

Спустя пять дней в доме у капитан-командорши Михайловой к Казарскому снова подходит девушка, говорит, что восхищена его подвигами, поздравляет с предстоящим днем ангела и снова предлагает выпить с ней кофе. К этому моменту флигель-адъютант, как мы понимаем, уже имеет психологическую установку: девушка с кофе — это безопасно. Остальное нам известно...

Чтобы выстроить столь сложную многоходовую схему и мастерски ее исполнить — нужно было обладать не только большим талантом, но и реальным опытом организации подобных операций. Лучшими профессионалами же в этом вопросе в Николаеве на тот момент были имевшие большой опыт полицейской работы николаевский комендант (а в прошлом местный полицмейстер) генерал Федоров и тогдашний городской полицмейстер, некто Автомонов.

Вернемся еще раз к версии генерала Бенкендорфа. Совпадая в целом с рассказом Фаренниковой, она имеет и ряд существенных различий. Прежде всего, обращает на себя внимание полное игнорирование производимой Казарским ревизии и упоминание каких-то «дядюшкиных денег», о которых Фаренникова, как ближайшая знакомая всего семейства Казарских, безусловно, должна была знать. Но она не упоминает об этом ни слова, зато настойчиво указывает на боязнь ревизии Казарского со стороны николаевских чиновников. В записке упоминается и адмирал Лазарев.

Однако он в это время находился с эскадрой в Босфоре и оттуда влиять на ход следствия в Николаеве никак не мог. Какую цель преследовала ссылка на известного адмирала, непонятно. Возможно, что здесь сказалась давняя неприязнь между ним и Грейгом. Данный факт упоминания имени Лазарева говорит об огромном накале этой борьбы, перешедшей и на личные отношения между старым и новым командующим. Вспомним здесь еще раз обвинения жены Грейга в адрес Лазарева! А потому не вызывает удивления, что терпящий поражение по всем фронтам Грейг (или его жена) не упустил случая выставить своего соперника в неприглядном свете перед императором. При этом он не учел доскональное знание императором всего происходящего на флоте.

Автору не удалось найти никаких свидетельств о каких-либо родственных связях Лазарева и Автамонова, думается, что таковых и не было. Скорее всего, если какое-то родство между Лазаревым и Автамоновым все же и имелось, то это было родство, связанное с крещением детей, что в то время весьма практиковалось. Однако крестничество ни к чему особенному не обязывало.

В истории Николаева полицмейстер Николаева Г.Г. Артамонов остался известен тем, что якобы он предложил адмиралу Грейгу назвать центральную улицу Николаева, носившую ранее название Купеческой, Большой Морской. Название «Большая Морская» было предложено полицмейстером Г.Г. Автамоновым в 1835 году. Николаевские краеведы считают, что определение «большая», по-видимому, означало, что на этой улице жили «большие» морские чины. Так что был, судя по всему, полицмейстер Автамонов человеком не без подхалимства.

Павел Автамонов происходил из купеческой семьи, прапорщиком участвовал в войне 1812 года, с 1827 года на службе в Адмиралтействе. В чине майора Автамонов стал командиром 12-го рабочего ластового экипажа. Являлся любимцем Грейга, и в 1829 году адмирал назначил Автономова «исправляющим должность» николаевского полицмейстера вместо уехавшего в Одессу полковника Федорова (буквально через год Федоров вернулся в Николаев градоначальником). И вскоре был высочайшим указом утвержден в должности. После смерти Казарского над Автамоновым сгустились тучи. Однако Автамонов выкрутился. Он отпирался до конца, а конкретных улик против него не нашли. Да если они и имелись, поди, уличи городского полицмейстера! Умер Автамонов внезапно в 1850 году, по официальной версии от сердечного приступа, навсегда унеся с собой свои тайны.

Но если в отношении фигуры Автамонова никаких сведений найти не

удалось, в то же время на Черноморском флоте прославился наиболее масштабными и громкими воровскими делами главный флотский шкипер Артамонов, заведующий всем снабжением кораблей и судов, всеми видами имущества. Известно, что у этого Артамонова было еще два брата. Один из них участвовал в декабристском движении, когда же его арестовали, то черноморский Артамонов сразу же подсуетился и прибрал к рукам имение брата. В отношении третьего из братьев Артамоновых никаких сведений нет. Однако возникает предположение: не был ли уже известный нам полицмейстер Николаева Автамонов на самом деле Артамоновым? Описка в фамилии для того времени дело весьма обычное. Фамилия того же Казарского писалась тогда в одних случаях как Казарский, а в других как Касарский и так далее. Если «Автамонов» и Артамонов были действительно представителями одной фамилии и братьями, то можно представить, какую власть и какое влияние они сконцентрировали в своих руках! Ведь полицмейстер главного порта Черного моря осуществлял всю полицейско-следственную власть во всех портах Черного моря!

Еще одна весьма любопытна для нас личность — это николаевский градоначальник Федоров. Именно этот человек знал больше всех о причинах и обстоятельствах смерти Казарского. Но, будучи верным слугой Грейга, градоначальник умел держать язык за зубами. Биография Федорова буквально кишит бесконечными разбирательствами с его финансовыми махинациями и служебными злоупотреблениями. Бестия он был еще та! Когда перед Крымской войной распоряжением правительства был запрещен вывоз хлеба за границу, несколько судов все же ушли с зерном в иностранные порты. Федоров был обвинен в злоупотреблении с корыстной целью — отпустил суда за взятку. Его уволили от должности и предали суду. Несколько лет длилось расследование. Наконец, в 1856 году Федоров был вызван в Москву, чтобы предстать перед судом. Но, не доезжая Москвы, он, желая избежать позорного суда, отравился. Согласитесь, что способ ухода из жизни для офицера весьма необычен! Уважающие свой мундир офицеры, как правило, стреляются. А здесь перед нами поступок малодушного человека. Но главное не в этом! Получается, что Федоров имел при себе яд, в использовании которого неплохо разбирался. Это наводит на определенные размышления. Может, вороватый градоначальник травился именно тем ядом, которым четверть века назад он уничтожил Казарского? А может, уходя из жизни с помощью яда, Федоров решил таким образом признать свое участие в отравлении Казарского. Интересно бы прочитать акт осмотра тела Федорова. Оставил ли он после своей смерти записку, если да, то какую?

Теперь вспомним об аудиторе Михайлове, который полтора годами ранее пытался скрыть наличие контрабанды на борту иностранного судна, пришедшего в Николаев, за что и был бит по лицу мичманом Спицыным. Должность флотского аудитора — это уровень чина капитана 1-го ранга. За прошедшие полтора года аудитор Михайлов вполне мог получить и следующий капитан-командорский чин, так как явно входил в ближайшее окружение Грейга и его жены. Если все это так, то, разумеется, Казарского совсем не случайно заманили в дом именно этого прожженного интригана, где он и был отравлен...

А что же Николай I? Как он отреагировал на записку Бенкендорфа? Поверх докладной император наложил размашистую резолюцию: «Поручаю вам (главнокомандующему вооруженными силами России на юге страны Меншикову. — *В.Ш.*) лично, но возлагаю на вашу совесть открыть лично истину, по прибытии в Николаев. Слишком ужасно. Николай».

Из резолюции видно, что император был очень сильно потрясен содержанием записки по обстоятельствам смерти своего флигель-адъютанта и писал свою резолюцию достаточно сумбурно, дважды не слишком к месту употребив слово «лично».

Любопытно и то, что, отказываясь от услуг департамента Бенкендорфа, Николай перепоручил расследование Меншикову. В чем причина, что жандармы были отстранены от «дела Казарского», неизвестно. Только ли в том, что Бенкендорф в своей записке дает недвусмысленно понять, что не верит в результат расследования и не очень-то хочет им заниматься? Снова вопросы, ответа на которые пока нет.

Расследование князя Меншикова тоже никакой ясности в раскрытие истинных причин смерти бывшего командира брига «Меркурий» не внесло. В Николаеве умели хорошо прятать концы в воду. А прошло еще какое-то время, и дело за давностью и недоказанностью было предано забвению. По всей видимости, тайну смерти Александра Ивановича Казарского знал полицмейстер полковник Григорий Григорьевич Автамонов, но он внезапно умер в 1850 году прямо в полицейском участке и унес тайну с собой в могилу.

* * *

К сожалению, и сегодня находятся историки, которые не прочь опорочить память героя брига «Меркурий». Вот, к примеру, как описывает

события, связанные со смертью Казарского, николаевский историк и фанатичный почитатель адмирала Грейга и его сожительницы Ю. Крючков «Печальной оказалась также и судьба главного героя Черноморского флота Александра Казарского. В апреле 1831 года он был уволен от командования кораблем и переведен в Николаев, в штаб Черноморского адмиралтейского правления (это ложь, Казарский был забран в Петербург. — В.Ш.). Здесь он, как флигель-адъютант, выполнял различные поручения императора. Дело в том, что звание флигель-адъютант — это административно-фискальное, такое звание давалось царем особенно доверенным лицам, которые могли напрямую связываться с ним и должны были замечать все недостатки и преступления и доносить непосредственно Николаю I. За выполнение этих поручений в 1831 году Казарский был пожалован чином капитана первого ранга. Надо полагать, имея честную и прямую натуру, Александр Иванович ретиво (!) исполнял свой долг перед царем и Отечеством. Из архивных документов известно, например, что он принял деятельное участие в работе комиссии, расследовавшей деятельность Севастопольского порта по доносу (адъютанты императора не доносили, а докладывали. — В.Ш.) флигель-адъютанта Римского-Корсакова Согласно распоряжению императора, Грейг назначил комиссию в составе контр-адмирала Беллинсгаузена с правами председателя, флигель-адъютантов Римского-Корсакова и Казарского, капитана 2-го ранга Юрьева и одного из аудиторов Черноморского флота Комиссия работала три года, но так и не смогла доказать злоупотребления, так что Николай I указом от 4 февраля 1831 года прекратил это дело до производства общей ревизии по Севастопольскому порту.

Судя по архивным материалам, Казарский был холостым и не прочь был, кажется (!), приударить за дамами николаевского “полусвета” (дамами “полусвета” традиционно называют проституток, таким образом, Ю. Крючков обвиняет Казарского в низких моральных качествах, не имея к тому никаких доказательств. — В.Ш.). И они, по-видимому, весьма интересовались этим красивым моряком с блестящей карьерой, который с некоторых пор стал и довольно богатым (Казарский никогда не был богат. — В.Ш.). Дело в том, что в Николаев переехал жить из Белоруссии дядя Казарского Моцкевич. Вскоре он умер и завещал Александру Ивановичу приличную сумму наличными. Однако при его смерти наследство это было разграблено, и, как установила николаевская жандармерия с помощью своих тайных агентов, к этому приложил руку городской полицмейстер Г.Г. Автономов.

Возмущенный таким разбоем, Казарский стал везде высказываться,

что он выведет всех на чистую воду.

14 июня 1833 года Казарский обедал у вдовы капитан-командора Михайлова. Выпив после обеда чашечку кофе, Казарский почувствовал себя плохо. Он обратился к штаб-лекарю Петрушевскому, но было уже поздно. Лекарь застал Александра Ивановича в тяжелом состоянии и признал отравление. Мучительная агония Казарского продолжалась почти двое суток, и 16 июня герой русско-турецкой войны скончался. Жандармерия выявила, что с Михайловой был связан также Автономов, а сама жена капитан-командора была “женщиной беспутной и предприимчивого характера”. Она дружила с некоей Розой Ивановной, “состоявшей в коротких сношениях с женой одного аптекаря”. Вот такую ниточку обнаружила николаевская жандармерия, о чем и донесла своему шефу графу Бенкендорфу в Петербург.

В связи со смертью Казарского родилась еще одна легенда: в одном из исторических журналов конца прошлого века появились воспоминания николаевского жителя того времени, в которых он обвинил в отравлении Казарского не кого иного, как адмирала Грейга в отместку за то, что Александр Иванович якобы разоблачил его в злоупотреблениях, а исполнителем этого мерзкого плана был николаевский полицмейстер Федоров. Но, как это обычно бывает, мемуары пишутся в преклонных годах, и память начинает подводить (?) их авторов (и это основание, чтобы не доверять воспоминаниям Фаренниковых?. — *В.Ш.*); в самом деле, нигде в архивных документах лично Грейг не был обвинен в злоупотреблениях по службе. Единственное участие Казарского в работе комиссии — не повод, чтобы его травить. Он там был “мелкой сошкой” (и это о национальном герое России! — *В.Ш.*), уж если и травить кого — так это председателя комиссии Беллинсгаузена. Но самое главное, о чем забыл мемуарист — это то, что Федоров в 1833 году уже давно не был николаевским полицмейстером. В то время Федоров был комендантом города, а николаевским полицмейстером с 6 декабря 1829 года состоял Г.Г. Автономов (в том разницы особой нет, все — одна шайка. — *В.Ш.*). Так документы развенчивают легенды.

Прошло несколько месяцев. В октябре 1833 года начальнику Главного морского штаба князю Александру Сергеевичу Меншикову была доставлена от шефа жандармов графа Бенкендорфа личная записка о результатах расследования этого преступления, заставившая надменного князя изрядно поволноваться.

Князь, держа голубоватый листок дрожащими (почему, именно «дрожащими»? — *В.Ш.*) руками, читал: “Дядя Казарского Моцкевич,

умирая, оставил ему шкатулку с 70 тыс. руб., которая при смерти разграблена при большом участии николаевского полицмейстера Автомонова. Назначено следствие, и Казарский неоднократно говорил, что постарается непременно открыть виновных...” — Меншиков на мгновение отвлекся от чтения: он хорошо знал характер Казарского, его честность, принципиальность и смелость. Да, такой, как Казарский, смог бы докопаться до истины.

Меншиков быстро пробежал текст записки: “Когда Казарский умер, все тело его стало черно, как уголь”. Князь брезгливо поморщился, читая описание ужасной смерти Казарского и стараясь скорее дочитать до конца. “Все это произошло менее чем в двое суток. Назначенное Грейгом следствие ничего не открыло...”

Александр Сергеевич злорадно (!) улыбнулся, его явно обрадовала еще одна служебная неприятность адмирала Грейга. Он знал, что Грейг уже на пути в Петербург, что место главного командира Черноморского флота занял вице-адмирал Лазарев, и что эта смена администрации произошла не без его, Меншикова, решительного участия. А Грейгу здесь можно преподнести еще одну “горькую пилюлю” как бывшему губернатору Николаева, не сумевшему уберечь любимца императора флигель-адъютанта Казарского.

Князь невзлюбил Грейга после нескольких их споров, когда Алексей Самойлович (Грейга звали Алексеем Самуиловичем. — *В.Ш.*) в мягкой форме, намекнул, что хотя Николай I и пожаловал князю чин адмирала, но моря-то и флота он не видел, будучи уже начальником Главного морского штаба (хотя и “исправляющим должность”), при штурме Анапы он оказался по воле царя в подчинении у Грейга, и Алексей Самойлович представлял князя к наградам — благодаря Грейгу он и был утвержден в должности, и получил чин адмирала. Нет, этого князю никогда не забыть: унижение, как он считал, требовало отмщения-Александр Сергеевич ухмыльнулся в свои холеные (!) усы, но вспомнил о записке. Последние строки заставили несколько расстроиться самоуверенного и торжествующего князя. Первая реакция быстрого ума подсказала, что лучше всего эту записку “утопить” в бездонных архивах Морского министерства, доступ в которые был фактически закрыт для всех. Но под запиской стояла подпись могучего шефа жандармов Бенкендорфа; не исключено, что копия записки уже легла на стол Николая I. С Бенкендорфом не так-то легко совладать, расстроенный князь, кряхтя, оторвался от кресла и велел подать карету. Через несколько минут он уже был в кабинете царя.

Стараясь подавить волнение, Меншиков читал записку Бенкендорфа царю, но на последних строках он все же почувствовал неприятное томление (что это за состояние такое?. — *В.Ш.*); дрожащим голосом (!) он дочитал: “...другое следствие также ничего хорошего не обещает, ибо Автономов ближайший родственник генерал-адъютанта Лазарева”.

— Слишком ужасно, — произнес глухим голосом (!) царь и, обмакнув перо, собственноручно написал резолюцию: “Поручаю вам лично, но возлагаю на вашу совесть, открыть лично истину по прибытии в Николаев”. Немного задумавшись (?), Николай дописал ниже: “Слишком ужасно” и расписался.

Прошло более 160 лет. Я ищу следы этой трагической истории, которой внезапно закончилась жизнь героя-моряка. Да, комиссия, назначенная адмиралом Грейгом, не смогла установить истину. Но лично Грейгу было уже не до этого: происки Меншикова и Лазарева сделали свое дело — пришел приказ о переводе его в Петербург — и он готовился сдать дела вице-адмиралу Лазареву, своему помощнику. В архиве Николаевского порта хранилось дело о следственной комиссии (на 29 листах), назначенной для расследования “дошедшего до его императорского высочайшего слуха о неестественной смерти в городе Николаеве флигель-адъютанта Казарского”. Следует полагать, что вряд ли вице-адмирал и генерал-адъютант Лазарев в самом начале своей службы на посту главного командира Черноморского флота допустил, чтобы была доказана причастность главного полицейского начальника города, его родственника, к ограблению и убийству Казарского (а почему он должен был прикрывать преступление, которое произошло до его вступления в должность? При этом, как генерал-адъютант, он был просто обязан разобраться обстоятельством странной внезапной смерти флигель-адъютанта. — *В.Ш.*). Маловероятно также, чтобы князь Меншиков смог “лично открыть истину”. Скорей всего, он погрешил против совести (!) и постарался не открывать правду: слишком тесные и “приятельные” отношения были у него с Лазаревым. Открытие истины могло вызвать отставку и Лазарева, и Меншикова. Да и Бенкендорф, возможно, не дал дальше хода этому делу, считая невыгодной для себя борьбу с двумя приближенными царя — князем Меншиковым и генерал-адъютантом Лазаревым».

В рассуждениях Ю. Крюкова все поставлено с ног на голову. Он обзывает личного адъютанта императора Казарского «мелкой сошкой», сочиняет о его шашнях с николаевскими проститутками, врет относительно личного богатства, хотя стоит вспомнить запись в личном деле героя о том, что он «никакого движимого и недвижимого имущества за собой не

имеет». О том, что Казарский и Лазарев действовали как единая команда, направляемая волей императора Николая I, я уже писал выше. Попытка представить Лазарева и Меншикова, не имевших никакого отношения ко всем безобразиям, творившимся на Черноморском флоте при Грейте и его камарилье, подельниками Грейга, вообще чудовищна и оскорбительна для памяти этих выдающихся государственных деятелей. Об огульном обвинении супругов Фаренниковых, написавших, что Казарский лично им рассказал о раскрытии на флоте воровства в огромных размерах и о том, что его уже предупредили о готовящемся покушении, в том, что они писали свои воспоминания в состоянии старческого маразма, вообще непорядочно. Кстати, сам Юрий Семенович Крючков (1928 года рождения) сочиняет свои опусы на 82-м году жизни. Так кому стоит больше верить: седому старцу Крючкову или лично знавшим Казарского Фаренниковым?

Я полагаю, что именно трагическая смерть Казарского и стала той последней каплей, которая переполнила чашу терпения Николая I. Именно тогда, в июле 1833 года, получив известие о таинственной смерти своего любимого флигель-адъютанта, он принял окончательное решение как можно быстрее убрать адмирала Грейга и навести порядок на Черном море. Именно тогда он подписывает высочайший указ о присвоении Лазареву чина генерал-адъютанта, что автоматически давало ему почти неограниченные полномочия для наведения этого порядка.

Николай I, казалось бы, обладавший почти абсолютной властью в государстве, на самом деле оказался бессильным не только защитить своего собственного адъютанта, но и до конца разобраться в истинных причинах его таинственной смерти, не говоря уже о том, чтобы найти и покарать виновников его смерти! На полное наведение порядка на Черноморском флоте и в черноморских портах у Николая I и адмирала Лазарева ушли долгие годы. История трагической смерти Александра Ивановича Казарского служит наглядным доказательством того, насколько тяжелой даже для императора-самодержца была борьба с коррупцией в 30-х годах позапрошлого века. Впрочем, а когда она была легкой?

* * *

История смерти флигель-адъютанта Казарского странно похожа на историю смерти великого композитора Вольфганга Моцарта. Разумеется, и время, в котором жили эти люди, и сами личности достаточно разнятся. Однако многое, очень многое и в том и в другом случае удивительным

образом совпадает. А это заставляет нас еще раз познакомиться с обстоятельствами смерти Моцарта и сравнить их с обстоятельствами смерти Казарского.

Для начала отметим, что и Моцарт и Казарский были на момент смерти примерно в одном и том же возрасте. Оба буквально за день до своей смертельной болезни были бодры и здоровы. У обоих имелись весьма могущественные враги, способные на совершение преступления. У Казарского — всесильная чиновно-купеческая черноморская мафия. У Моцарта — подозревавшие его в измене масоны, ревнивцы мужа и завистники-композиторы.

Официально считается, что причиной смерти великого композитора стала простуда и последовавшая за ней лихорадка. Официальной причиной смерти А.И. Казарского тоже была объявлена простуда и «нервная лихорадка». Примечательно, что и русский офицер, и австрийский композитор перед смертью поняли истинную причину своего смертельного недуга и пытались сообщить, что они отравлены. Моцарт несколько раз говорил об этом своей жене Констанции, а Казарский — супругам Фаренниковым. В обоих случаях лечащие врачи не захотели даже слушать умирающих... Моцарта по мнению ряда историков, отравили ядом, состоящим из мышьяка сурьмы и окиси свинца именуемым «аква тофана». Наличие яда в организме композитора доказали в 1962 году немецкие врачи. О составе яда, которым, судя по всему, отравили Казарского, мы уже говорили выше. По своему составу он не мог особо отличаться от яда, с помощью которого умертвили Моцарта.

Смерть обоих — и Моцарта, и Казарского — была весьма скоротечной. И у Моцарта, и у Казарского сильно распухли тела, оба испытывали острые боли, а после смерти тела обоих быстро почернели. И черноморского моряка, и композитора похоронили наскоро, в обоих случаях никакой судебно-медицинской экспертизы не проводили. Из гроба Моцарта вообще была похищена голова, а самого его зарыли в общей могиле для нищих. Тела обоих спустя некоторое время вроде бы все же эксгумировали, но документы эксгумации в обоих случаях странно пропали и до сих пор неизвестны.

В обоих случаях во властных структурах вокруг смерти и Казарского, и Моцарта шла напряженная борьба противоборствующих сил, стоявших за преступлением и пытавшихся установить истину. Впрочем, любой любопытствующий может ознакомиться с обстоятельствами смерти Моцарта и сравнить их с обстоятельствами ухода из жизни капитана 1-го ранга Казарского.

В истории со смертью Казарского есть еще один немаловажный нюанс. До сих пор совершенно непонятно, куда делись после смерти Казарского все его бумаги и записи, которые, как у императорского ревизора, у него обязательно должны были иметься. При этом бумаги были не простые, а с конкретными результатами проведенной ревизии, с конкретными цифрами и вполне определенными выводами. Ни в одном из дошедших до нас документов о них не говорится. Все бумаги бесследно исчезли!

Это весьма странно, потому, что если были основания усомниться в естественной смерти Казарского, то всякое расследование обстоятельств его гибели следовало начинать именно с изучения бумаг, наверняка содержащих много весьма опасной для местной «мафии» информации.

Но о бумагах нигде не сказано ни слова. Не дает ли это нам право предположить, что после смерти Казарского исчезли и все бывшие при нем бумаги? Кто был заинтересован в их пропаже, думается, тоже ясно.

Вот, пожалуй, и все, что нам известно о смерти Александра Ивановича Казарского. Идя на верную гибель, он все же вступил в неравное противоборство со всемогущим чиновничьим аппаратом крепостной России, пал, но не отступил в этой борьбе.

Глава пятая.

РЕШАЮЩАЯ БИТВА ЗА ФЛОТ

Итак, Лазарев высочайшим указом назначается «исправляющим должность» главного командира Черноморского флота и портов, николаевского и севастопольского губернатора. В том же году Лазарев награждается орденом Святого Владимира 2-й степени, а 31 декабря 1834 года утверждается в занимаемых им должностях. Взлет карьеры адмирала стремителен! Император очень рассчитывал, что именно Лазарев расчистит «грейговские конюшни», и не ошибся!

Интересный момент произошел по возвращении Лазарева с Босфора в Севастополь. Контр-адмирал шлет письмо в Николаев, прося прислать опытных мастеров и необходимые материалы для ремонта судов. Критский не ответил. Лазарев шлет новое письмо с тем же результатом. Третье... Наконец, в ярости он пишет напрямую князю Меншикову. Тот, понимая, что и его бумага на Грейга и его камарилью впечатления не произведет, несет бумагу к императору. Николай накладывает резолюцию: «Князю Меншикову привести в ясность по прибытии в Николаев». Меншиков едет в Николаев разбираться в ситуации, но и он ничего не может поделать. И тогда Меншиков объявляет то, что повергает в шок и Грейга, и Критского, и красотку Лею. Он объявляет о присвоении Лазареву вице-адмиральского чина (это всего после неполного года в должности!), но, что самое главное, Меншиков объявляет о назначении Лазарева генерал-адъютантом. Акции Лазарева сразу возросли на несколько порядков. Помимо всего прочего, императорские милости ясно всем показали, что у Николая I особое отношение к новому начальнику штаба и нынешняя должность для него не последняя. По всей видимости, Грейг и его окружение попытались предпринять какие-то шаги, но было уже поздно.

Интересна реакция Лазарева на свое столь резкое возвышение. Как всегда, он открывает свое сердце другу юности Шестакову. «Как мне благоразумнее в теперешнем случае поступить, не знаю — должность генерал-адъютанта есть быть фискалом и доносчиком, а я до сего времени ни тем, ни другим не бывал, хотя вовсе не считаю бесчестным выводить наружу злоупотребление, но покамест не знаю, как это сделать».

А затем последовал следующий удар, уже нокаутирующий 2 августа 1833 года Николай I подписывает указ о назначении Лазарева временно исполняющим обязанности главного командира Черноморского флота и

портов в связи с переводом адмирала Грейга в Петербург.

Грейг и Лия, оскорбленные и обиженные, принялись паковать чемоданы. Критский же, понимая, что его песня спета, немедленно подал в отставку, при этом начав на прощанье полное разграбление Николаевского адмиралтейства Лазареву лишь в самый последний момент удается предотвратить подписание Критским новых дорогостоящих подрядов по поставке некачественной парусины. 8 октября 1833 года Лазарев официально вступает в управление Черноморским флотом и портами.

Итак, Грейга (вместе с его женой) отозвали в Петербург, где ему выразили высочайшую благодарность за многолетнее руководство флотом и определили в почетную отставку в сенат, назначив сенатором. При этом Николай старался сохранить все внешние приличия в отношениях с отстраненным командующим флотом, чтобы лишний раз не будоражить общественное мнение и «не гневить» до поры до времени «черноморскую мафию». Именно поэтому, еще незадолго до перевода Грейга в Петербург, император согласился стать крестным отцом новорожденного сына адмирала, названного Самуилом. Здесь тоже многое непонятно. Если Лия-Юлия оставалась в иудействе или приняла протестантство, то как тогда православный Николай I мог стать крестным отцом? Значит, Лия все же перешла в христианство. Но когда именно? По велению души много лет назад или в самый последний момент, когда надо было спасти себя и мужа?

Как бы то ни было, но данным актом была достигнута определенная компромисс. Грейг и его жена полностью отстранялись от черноморских дел, в обмен на это им гарантировалось почетное существование в столице, а также давались гарантии будущей карьеры их совместным сыновьям. Именно поэтому новорожденного ребенка Николай сразу же произвел в мичманы. После этого акта проявления благожелательности при переводе Грейга в столицу уже никто не мог сказать, что это явилось следствием опалы командующего Черноморским флотом. Думается, что и сам Грейг, будучи человеком далеко неглупым, сразу же принял правила игры императора.

Официальной причиной перевода Грейга в Петербург было подорванное многолетней неутомимой деятельностью здоровье адмирала. Были, однако, и другие обстоятельства, способствовавшие оставлению Грейгом своего поста. Историк русского флота Е.И. Арене, явно не желая «выносить сор из избы», писал об устранении Грейга с флота весьма расплывчато: «Последние годы службы почтенного адмирала Алексея Самуиловича Грейга на юге были сильно омрачены доносами и наветами

подпольных клеветников, вымещающих на нем свои неудачи в разного рода нечистоплотных аферах или иные неудовольствия». Многие авторы туманно говорят об «усталости и пассивности» Грейга в последние годы командования флотом,

В «Морском сборнике» №12за1861 год были опубликованы любопытные воспоминания одного из приближенных Грейга, морского врача Н. Закревского. О причинах этой публикации у нас будет еще отдельный разговор. Пока же ознакомимся с небольшим отрывком из этого опуса: «В этот период деяний адмирала Алексея Самуиловича (имеется в виду период отстранения Грейга от должности. — *В.Ш.*) замечателен следующий вопрос какое бы заключение следовало вывести из того, что адмирал в это время, снисходя к некоторым личностям, исходатайствовал им чистую отставку... а личности эти, по мнению адмирала Лазарева, были будто бы нечисты и ответственны?.. Беспристрастие должно решить вопрос этот в пользу адмирала Грейга, ибо личности эти были ему гораздо лучше известны, нежели адмиралу Лазареву; притом же первый, имея в виду оставить по себе добрую память, не хотел бросать на жертву людей, быть может не настолько действительно преступных, насколько не разделявших с другими уважения к последнему (т.е. к Лазареву. — *В.Ш.*). Из числа таких личностей никто столько не контрировал (т.е. пакостил. — *В.Ш.*) Лазареву, как обер-интендант контр-адмирал Критский, которому Алексей Самуилович действительно против желания Лазарева исходатайствовал чистую отставку с ограждением от контроля действий и распоряжений его за время управления интендантством. Критский и адмирал Грейг одновременно выехали из Николаева навсегда, оставив в нем первый — быть может, несколько и справедливые нарекания, но последний — чистые, задушевные благословения».

Что и говорить, воспоминания Н. Закревского весьма красноречивы. Желая обелить своего кумира, он невольно оказал ему «медвежью услугу». Чего стоит признание в том, что Грейг занимался спасением от суда своих воров-подельников! Ничего себе! Лазарев пытается восстановить законность и спросить с казнокрадов, а Грейг сознательно и демонстративно спасает их от закона! При этом Закревский честно признает, что подельники были «действительно преступны», но Грейг был настолько «благороден», что не мог их бросить на «растерзание» законолюбивому Лазареву. Ну а то, что написал Закревский о Критском, вообще не поддается пониманию нормального честного человека. Зная, что Критский вор (да еще какой!), Грейг выторговывает у императора ни много ни мало, а ограждение его от всех возможных расследований за все годы

воровства (сейчас бы сказали, «в особо крупных размерах»). Даже апологет Грейга вынужден признать, что имели место «несколько справедливые нарекания»...

Возникает закономерный вопрос почему Николай I пошел на такую нелицеприятную сделку с Грейгом? Точного ответа на этот вопрос мы, скорее всего, никогда не узнаем. Однако вспоминая историю с тем, как энергично защищал какого-то незаконнорожденного Герцена его одноплемянник Ротшильд, можно вполне предположить, что во имя спасения черноморских коррупционеров были привлечены весьма солидные силы из числа международных банкиров, в том числе и тот же Ротшильд. Если все обстояло именно так, то решение российского императора было вполне логично — сворованного уже не вернуть, а ухудшать внешнеэкономическое положение государства из-за нескольких мерзавцев было глупо.

* * *

Сразу же после отъезда Грейга начинается массовая ротация балтийских и черноморских офицеров. Свидетель этих событий пишет: «... 1834 и 1835 годы замечательны переводом значительного числа морских офицеров из Черноморского флота в Балтийский и обратно. Черноморцы этими переводами обязаны большей частью Алексею Самуиловичу, но некоторые из самонадеянных грейговцев — по преимуществу греки — не хотели оставлять юг и Черное море, с которым они сроднились (еще бы не сродниться, когда в их руках была и торговля, и таможня всех черноморских портов. — *В.Ш.*). Из числа таких был Михаил Николаевич Кумани (ныне полный адмирал), который в отношении предубеждения Лазарева к грекам и грейговцам — по случаю перевода их в Балтику, а также и по введению в употребление волчьих билетов — высказался перед ним слишком резко, но справедливо, и Лазарев не нашелся остановить его, чему свидетелями были многие из грейговцев и лазаревцев».

Из послужного списка адмирала А.С. Грейга: «1833 г. Назначен в члены Государственного совета 1834 г. Награжден табакеркою, украшенною бриллиантами с портретом государя императора 1843 г. Получил единовременно 2000 червонцев и награжден орденом Св. апостола Андрея Первозванного». Что ж, Николая I не зря называли «императором-рыцарем»! Несмотря на все, что вскрылось за время руководства Грейгом, Николай не забыл ни его боевых заслуг, ни

лояльности в страшном для него 1825 году.

Любопытно, что уже в бытность свою членом Государственного совета адмирал Грейг продолжил самое активное лоббирование еврейского вопроса. Так, в 1835 году при разработке нового «Положения о евреях» департамент законов Государственного совета предложил даровать право постоянного жительства вне черты оседлости еврейским купцам, пробывшим три года в гильдии. Большинство членов Государственного совета решительно выступило против этого, заявив, что евреи, «довольствуясь вообще в домашнем быту весьма малым», могут стать опасными конкурентами русских купцов, а также ссылаясь на то, что эта мера произвела бы «неприятное впечатление» на простой народ. Меньшинство Государственного совета во главе с адмиралом Грейгом считало, что евреи могут своей деятельностью принести России экономическую пользу, поэтому им надо разрешить жить и торговать по всей стране. Император Николай I, разумеется, присоединился к точке зрения большинства «Положение» было утверждено Николаем I в апреле 1835 года. Оно представляло собой свод всего антиеврейского законодательства с прибавлением ряда новых установлений. Согласно «Положению», в Белоруссии евреям разрешалось проживать только в городах, в Малороссии — везде, кроме Киева и сел, принадлежащих государственной казне, в Новороссии — во всех населенных пунктах, за исключением Николаева и Севастополя. В прибалтийских губерниях могли жить только их уроженцы. Евреям было запрещено вновь селиться в 50-верстной пограничной полосе. Во внутренние губернии евреям разрешалось приезжать не более чем на шесть недель по паспортам, выдаваемым губернаторами, и при условии ношения русской одежды. Был подтвержден запрет христианам работать в еврейских домах.

Вспомним, что, покидая Николаев, адмирал Грейг фактически тайно вывез с собой и главного подельника — обер-интенданта Черноморского флота контр-адмирала Критского, который потом благополучно навсегда исчез за границей. После бегства Критского Лазарев немедленно назначает на его должность опытного и честного интенданта балтийца генерал-майора А.Н. Васильева, которого давно лично знал и которому доверял. Именно на генерал-майора Васильева возлагалась задача вычистить «черноморские конюшни» от грейговской грязи. Забегая вперед, отметим, что со своей задачей выдвигенец Лазарева справился отлично.

Последние годы жизни Алексей Самуилович Грейг подолгу жил в своем имени «Сан-Эннуи» близ Ораниенбаума, проводя время за чтением книг из своей обширной библиотеки. Ради объективности следует

отметить, что за адмиралом Грейгом числились и достойные свершения. В молодости он был неплохим моряком, хорошо зарекомендовал себя как младший флагман в Средиземноморской экспедиции Сенявина. Считается, что в российском военно-морском флоте штабную службу (в современном ее понимании) ввел тоже именно он. Занимался Грейг и конструированием кораблей. Насколько они были лучше, чем те, которые конструировали профессиональные корабельные инженеры, сказать сложно, но это было одним из любимых хобби адмирала. Кроме этого Грейг со вниманием относился и к развитию гидрографической службы. Уже будучи в Петербурге, он увлекся астрономией и создал известную впоследствии Пулковскую научную обсерваторию. Однако огромный вред, нанесенный Российскому государству при его попустительстве и самом непосредственном участии, увы, не идет ни в какое сравнение с тем, что он успел сделать хорошего.

Характерно, что в 1835 году Грейг не был представлен и не получил весьма почетного среди высших сановников знака «50 лет беспорочной службы». Весьма показательный факт настоящего отношения к нему императора

Великосветский Петербург так и не принял Лейку Грейг. Столичная аристократия откровенно игнорировала ее, не приглашая чету Грейгов в салоны и на балы. Если старый адмирал относился к этому достаточно равнодушно, проводя все вечера за занятием астрономией, то супругу такое отношение к себе, разумеется, обижало. Историк российского флота Е. Арене пишет: «Даже в Петербурге, люди, пользовавшиеся радушным гостеприимством (Грейга. — *В.Ш.*), втихомолку злорадно подсмеивались над его “жидовскими” балами». На балах у Грейгов присутствовали по этой причине еврей-купцы, предприниматели, модные художники и музыканты.

Помимо астрономии Грейг в последние годы жизни весьма интересовался финансовыми вопросами империи. Болела душа старого моряка за финансы России. Да и сыновей своих направил на это нелегкое поприще: деньги считать — это не корабли по морям водить!

Из всех российских адмиралов Алексей Самуилович Грейг был самым финансово образованным. Еще бы, после «николаевских университетов» он мог уже мыслить во всероссийском масштабе. К моряцкому делу к этому времени адмирал остыл окончательно, да и как не остыть, когда дружбу водишь с банкирами да купцами! Именно поэтому Грейг в 1837 году, прослышав о затеваемой денежной реформе, начал неожиданно бомбардировать императора Николая своими письмами по финансовым вопросам. В своих письмах Грейг печалился о бесполезности введения

билетов депозитной кассы, без учреждения повсеместно разменных касс на серебро, сетовал на возможность внесения еще больших стеснений во всех коммерческих оборотах страны при замене звонкой монеты в обращении новыми билетами депозитной кассы, ввиду высокого размера минимальных купюр.

В другом письме Грейг предлагает принять за новую монетную единицу количество серебра, соответствующее по ценности ассигнационному рублю. Для сего надлежало к тогдашнему серебряному рублю, равному по среднему сложному биржевому курсу 3 рублям 55 копейкам, придать серебра на 45 копеек, т.е. получить слиток ровно в 400 копеек ассигнациями, и четвертую часть такого рубля признать за постоянную единицу, назвав ее рублем.

Эта новая монета, содержа в себе действительную единицу — рубль, или 100 копеек ассигнациями, по мнению Грейга, принята будет без затруднения.

Возражая Грейгу, министр финансов граф Канкрин говорил:

— Зачем с единицей гнаться за ассигнациями, т.е. основывать единицу на размере непостоянном?

На это Грейг возражал графу:

— Затем, что в погоне легче поймать то, что под руками, нежели то, что вдали!

Эти слова адмирала документальны! Что и говорить, умели и любили супруги Грейги ловить то, что было у них под руками!

Но а с чего бы, казалось, такой большой интерес Грейга к финансовым делам империи? Секрет такой заботы адмирала о финансовых делах России предельно прост. Очень уж желал адмирал Грейг поучаствовать в грядущей финансовой реформе России. Думается, что не он один желал. Вместе с ним мечтали добраться до российского золота и его неутомимая супруга, о том же мечтали и ее многочисленные сородичи — купцы, ростовщики и банкиры. Грейг же, как и всегда раньше, выступал в затеваемой всеми ими афере таким локомотивом, за которым тянулся длинный состав жаждущих наживы. Если бы только Грейгу удалось стать членом комитета по денежной реформе, он сразу бы привел с собой команду «николаевских профессионалов». Однако тогдашний министр финансов граф Канкрин был тоже не лыком шит. И о Грейте, и о его черноморских делах, он был наслышан. А потому в предложениях Грейга пользы министр не нашел и в участии в денежной реформе адмиралу наотрез отказал.

Попытка поучаствовать в финансовой реформе стала его последней попыткой поучаствовать в государственных делах. Но не получилось.

Умный и бережливый граф Канкрин зорко стоял на страже российских интересов и Грейгов к финансам империи не подпустил.

В 1839–1843 годах граф Канкрин, как известно, осуществил в России весьма успешную денежную реформу, установившую систему серебряного монометаллизма, начал обмен всех ассигнаций на государственные кредитные билеты, обменивающиеся на золото и серебро, и эмиссию платиновой монеты. Команда Грейгов осталась тогда за бортом. Увы, граф Канкрин не мог и представить, что последнее слово в его противостоянии с Грейгами останется все же за противником..

Умер адмирал Грейг в 1845 году и был со всеми почестями похоронен на Смоленском лютеранском кладбище в Петербурге.

Из дневника графа М.А Корфа: «18 января скончался, 69 лет от роду, член Государственного Совета Алексей Самойлович Грейг, англичанин родом и подданством, сын знаменитого в Екатерининский век адмирала и сам стяжавший себе славу как моряк и как ученый. Всю карьеру свою он сделал во флоте или, по крайней мере, во флотском мундире. Быв зачислен в службу в самый год своего рождения (1775) и трижды послан потом, в отроческом и юношеском возрастах, в Англию, для усовершенствования в морском деле, участвовав во всех кампаниях. Грейг с 1816 по 1833 год нес звание и обязанности главного командира Черноморского флота и портов и Николаевского и Севастопольского военного губернатора. Пользовавшись в прежнее время общим почетом, уважением и отличае́мый государем, наконец, всеми любимый, Грейг утратил много из того через брак с пронырливой жидовкой, дотоле его наложницей, которая во время его управления Черноморским флотом позволяла себе, в роли адмиральши, как по крайней мере все тогда говорили, разные неблагоприятные поступки. С тех пор, потеряв расположение к себе государя, бедный старик сделался для публики более или менее предметом насмешек и почти пренебрежения, так что пожалование ему Андреевской ленты возбудило общее порицание против исходатайствовавшего ее князя Васильчикова. В последние годы, изнуренный более еще болезнью, нежели летами, одряхлевший, оглохший и действительно уже выживший из ума, Грейг только прозябал, и каждого невольно брал смех при уверениях его жены, все еще тревожимой видами честолюбия, будто бы ее “Алексей Самойлович” проводит целые ночи за чтением советских записок... “Видно, — говорили шутники, — эти-то бессонные ночи он и старается вознаграждать в Совете”, где, в самом деле, Грейг постоянно дремал — и иногда предавался даже глубокому сну».

19 декабря 1834 года Лазарев был окончательно утвержден в должности командующего Черноморским флотом. Начальником штаба флота он определил своего друга и сослуживца А.И. Авинова, а когда тот стал болеть, подыскал ему достойную замену в лице ВА Корнилова П.С. Нахимов в это время тоже успешно продвигался по служебной лестнице, командуя кораблями, а потом и корабельными соединениями.

Новый командующий, прежде всего, доложил Министерству о необходимости срочно восполнить убыль в стареющих судах и в связи с этим ходатайствовал о развитии подрядной постройки или вольнонаемного труда при сооружении кораблей на казенных верфях. В ответ Николай I потребовал строить за счет штатных ассигнований ежегодно по линкору и в 2 года по фрегату, а по дополнительным суммам — в течение 4-х лет еще по линкору. Так началось возрождение Черноморского флота из грейговского небытия.

Отметим, что первым делом, которым занялся Лазарев, став главным командиром Черноморского флота и портов, было т.н. парусиновое дело. Дело в том, что используя свою отдаленность от столицы, Грейг выстроил собственную схему закупки корабельной парусины на единственном тогдашнем производителе этого продукта — Александровской мануфактуре. В отличие от Балтийского флота, который закупал там достаточно качественную парусину по фиксированной государственной цене, Черноморский флот в лице Грейга и Критского закупал на той же Александровской мануфактуре самую худшую по качеству парусину (т.е. фактический брак) по рыночным ценам. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что при данной схеме существовала отлаженная система взаимных финансовых откатов. Из личного письма М.П. Лазарева о качестве закупаемой Грейгом парусины: «Надеюсь, что года через два прежней парусины более на флоте не останется — так была редка, что сквозь парус можно было брать высоту солнца, и так слаба, что беспричинно рвалась». Помимо этого Грейг организовал и собственную небольшую парусную мастерскую некоего Вольфа (компаньона М Серебряного), который также получал от главного командира немалые денежные суммы. Но производимая Вольфом парусина, несмотря на свою астрономическую стоимость, оказалась еще хуже Александровской. Из отчета командира линейного корабля «Норд Адлер» капитана 1-го ранга И.И. Сторжевского: «У самых швов так растягиваются, что начинают

сначала сквозить, или, как будто, дыры по швам покажутся. А после немедленно по сим местам рвутся». Через некоторое время «парусиновый» проект Грейга и Лии окончательно лопнул

Из воспоминаний адмирала И.А. Шестакова: «Лазарев, назначенный главным начальником флота, застал его (Черноморский флот. — *В.Ш.*) отдыхавшим на лаврах последней турецкой кампании. Насколько отдых этот был основателен, известно уже из истории; что он был положительно вреден, как всякий продолжительный отдых, доказала Босфорская экспедиция 1833 года. Ее значение и цель наших морских сил на юге выказались осязательно, но вместе с тем уяснилась необходимость всегдашней готовности, вечного бодрствования, на которые тогдашний личный состав и состояние материальной части никак не позволяли рассчитывать. Опыт в подчиненном положении, где недостатки усматриваются легче и удобнее, в особенности знакомство с личностями не в тумане канцелярской атмосферы, а на доступном безошибочной оценке поле живой действительности, приобретенные адмиралом во время командования Босфорской экспедицией, утвердили его взгляд и укрепили решимость изменить совершенно существовавший порядок. Он провел эту решимость до конца, не останавливаясь с препятствиями, не колеблясь в мерах и стоически вынося оскорбления из Петербурга, на которые не скупился в начале предпринятой им реформы. Когда дело наладилось, когда убедились, что перемены не были безотчетным взметом новой метлы, а указывались насущной необходимостью, положение деятеля изменилось, и ему протягивали дружескую руку помощи; но вначале тьма препятствий остановила бы человека иного закала.

Усовершенствование материальной части не представляло затруднений. Познания и ревность при данных правительством средствах скоро подвинули дело, в котором адмирал находил истинное наслаждение и отдохновение душе, болевшей от интендантских и канцелярских уязвлений. Не в кораблях и адмиралтействах было главное и труднейшее дело. В величественные массы, в затейливые механизмы нужно было вдунуть дыхание жизни, провести в них электрический ток, одарить их силой мысли, духом ревности. Предстояло создать людей.

Прискорбны гонения вообще, в особенности — поднимаемые на целые сословия, общества или расы. Но если крепко сплотившаяся ассоциация упорно держится привычек, вредящих общей пользе, если, слепая к новым требованиям, она отвергает прогресс только потому, что им изменяется существующее, если, вдобавок, за упорство и недвижимость закоснелых староверов может в будущем пострадать государство, общественному

деятелю, крепкому убеждению и преданностью родине, никто не может вменить в преступление ожесточенной борьбы с подобными элементами. Он не должен поступать иначе; грустная доля жертвовать многими в его положении осветляется уверенностью, что обеспечивается польза и спокойствие всех. Наряду с усилиями по возрождению флота, вместе с приглашениями прежних сослуживцев прийти помочь ему в многотрудном деле, Лазарев начал преследовать греческий элемент тем с большей ревностью, что нестрогие принципы местного греческого общества возмущали его как человека».

Из письма Лазарева тех лет: «Я попался в сети, крайне для меня неприятные, тем более, что должность береговая, и черт знает, что еще. Вот третий уже год, что флот здесь не ходил в море, и бог знает от каких причин. А сегодня Севастополь вообще так пуст, что хоть шаром покати — ни одной сажени веревки, ни одного дерева, чтобы сделать стеньгу или марс-рей. Предвижу много преград, но бесполезным быть не хочу».

Из высказываний Истомина: «Для всех носивших морской мундир Лазарев казался божеством».

Из высказываний Нахимова: «За год пребывания Лазарева в Черноморском флоте команды кораблей научились выполнять сложные операции с парусами менее чем за 3 минуты вместе прежних 17-ти минут. Матрос есть главный двигатель на корабле, а мы только пружины, которые на него действуют, — говорил он».

Интересно, почему наши историки всегда с завидным упорством приписывают последнюю фразу Нахимову, в то время как он сам указал ее истинного автора?

Журнал «Русский архив» № 2 за 1881 год писал: «Считая необходимостью здоровому духу дать здоровое тело, Лазарев безотлагательно приступил к улучшенному кораблестроению. Тяжела была борьба его с установившимися подрядными порядками. Евреи и инженеры, как свидетельствует переписка, возбуждали в нем неодолимую энергию для борьбы, и в скором времени Лазаревское адмиралтейство стало образцовым. Из недр этого адмиралтейства за восемнадцатилетнее управление Черноморским флотом вышел определенный комплект линейных судов, в том числе 14 кораблей и 6 фрегатов. Суда эти, отличаясь прочностью и изяществом отделки, обращали на себя внимание не только соотечественников, во и чужеземцев. Быстрый рост морской силы на юге России уже возбуждал ревнивые опасения всемирных мореплавателей; велика должна была быть их затаенная радость в сознании, что недостаток денежных средств лишит Лазарева возможности довести дело не до конца,

определенного положенными штатами, а до конца, намеченного его государственным умом. Замечательный хозяин, Лазарев, высчитывая ограниченные средства, отпускаемые на кораблестроение, считает грехом рисковать хотя бы ничтожною суммою; прислушиваясь к мнениям иностранных знатоков и приглядываясь к их опытам, Лазарев боится еще не вполне определившихся достоинств винтового двигателя и стоит за колесные пароходы. Страх ошибки и непроизводительной затраты сдерживает его порывы; холодный расчет и знание ответственности перед государем и родиной в расходовании народных денег заставляют его принимать только то, что уже не подлежит сомнению. Но и колесные пароходы большого ранга не даются Лазареву. Недостаток средств кладет преграду его деятельности! Для постройки судов сооружены адмиралтейства в Николаеве и Новороссийске, и вырабатывается план и готовится место для такового же в Севастополе. Этому последнему не суждено, однако, было возникнуть при жизни Михаила Петровича; но по смерти его, по высочайшему повелению, оно названо Лазаревским. По свидетельству лиц, составлявших лазаревский некролог, Гидрографическое депо, почти не существовавшее в 1833 году, приведено в состояние, согласное требованиям времени; в нем выгравировано много прекрасных карт, напечатано много правил, положений, руководств, лоций и других книг, относящихся до морского искусства; из них издание атласа Черного моря можно назвать трудом совершенным и изящным. Параллельно со специальными работами по флоту идут классические постройки в Севастополе, и ни одна мелочь не ускользает от внимания главного руководителя. Дважды воздвигается библиотека для морских офицеров — сначала в 1844 году, а потом, по истреблении пожаром, в 1849-м. Приводится к окончанию капитальная постройка севастопольских доков; строится в античном, греческом, стиле церковь Петра и Павла, дом Морского собрания, девичье училище и т.п. Укрепленный Севастополь растет год от году и служит предметом общего удивления. Адмирал все недоволен, и шире, шире растут его замыслы, уже подтачиваемые в корне смертельною болезнью».

Возглавив Черноморский флот, адмирал Лазарев на протяжении всего своего многолетнего командования флотом и портами неукоснительно и последовательно проводил линию Николая I по уменьшению иностранного влияния в армии и на флоте, действуя подчас весьма решительно.

Помимо всего прочего, Лазарев весьма энергично занимался выполнением указа Николая I о выселении евреев из Николаева и Севастополя. Не оставил он своим вниманием и греческую диаспору.

Современный биограф Лазарева А.А. Черноусое пишет: «...С выселением евреев и греков, которые в большинстве своем занимались коммерцией, сложившиеся экономические условия были нарушены, что еще долго давало о себе знать, и адмирал Лазарев счел необходимым увеличить численность оставшихся николаевских купцов и ремесленников. Для достижения этой цели адмирал ходатайствовал о предоставлении и николаевским купцам льгот в уплате сборов за право торговли. В своей докладной записке адмирал, свидетельствуя, что с выселением евреев из Николаева и Севастополя торговля в этих городах упала, просил о предоставлении обоим городам тех же льгот, какими пользуются и “знатные торговые города Одесса, Керчь, Таганрог и Феодосия”. Затем именным указом Николая I от 7 января 1838 года севастопольским и николаевским купцам было предоставлено право платить половину за гильдейские свидетельства, а купцов, вновь поселяющихся в Николаеве и Севастополе и выстраивавших дома, Указ на три года освобождал от всяких денежных повинностей. Что касается ремесленников, они также на три года были освобождены от натуральных и денежных повинностей в пользу города. Но эти льготы, уменьшив доходы казны и города, не привели к заметному переселению купцов и ремесленников в эти города. Скорее всего, именно в процессе борьбы с национальными преступными группировками укрепились неприязнь и недоверие Лазарева к “инородцам”. Но эти неприязнь и недоверие проистекали из убеждения, что только русский человек способен беззаветно служить России, а иностранные преследуют только личные корыстные интересы, “вообще склонны к интересу и воровству”».

Впрочем, Лазарев одними евреями не ограничился. Вместе с еврейской «мафией» он взялся и за «мафию» греческую. По воспоминаниям Н. Закревского, «много выказалось принадлежащих к сословию “отыскивающих дворянства в России”, когда по представлению М.П. Лазарева, последовало Высочайшее разрешение выгнать из Севастополя всех праздно пребывающих иностранцев, и без особенной надобности не пускать их в город». Недоверие к иностранцам Лазарев сохранил на всю оставшуюся жизнь, и основания на это у него имелись. Кстати, в советское время по «методу Лазарева» также стали закрывать для посещения иностранцев военно-морские и военные гарнизоны и, разумеется, не зря.

Да и местные греки, традиционно занимавшиеся торговлей, жили в целом гораздо богаче местного русского населения. Врач Н. Закревский в своих «Записках врача морской службы» вспоминал; «...Большая часть греков и весьма немного русских старожилов имели у Севастополя собственные... участки земли (хутора)...»

В своих воспоминаниях поклонник адмирала Грейга врач Н. Закревский дал Лазареву следующую характеристику. «Тверд, несговорчив и даже груб... Он не терпел искательств и неправильных просьб, в особенности, если вместо ...ова или ...ского назначить куда-то ...аки или ...пуло. За это его и невзлюбили».

АА Черноусов отмечает в своей биографии М.Н. Лазарева: «...факт разгула казнокрадства и мздоимства на Черноморском флоте подтверждается документами и многочисленными свидетельствами современников. Во-вторых, Лазарев, как мы отмечали выше, боролся с преступными группировками, образовавшимися по национальному признаку — не только греческой, но и еврейской. В-третьих, И.В. Мосхури в своей книге опирается в основном на один источник — «Записки...» Н. Закревского, автора пристрастного и не всегда объективного. Свое расположение к грекам он не только не скрывал, напротив — всячески подчеркивал.

В мемуарах Н. Закревского находим утверждения о том, что греки «...первенствовали перед русскими и первенствовали безукоризненно...», и это первенство «без пристрастия и лицепрятия» признавалось Грейгом. Таким образом, выводы, основанные на воспоминаниях одного, к тому же пристрастного, человека скорее тенденциозны, чем объективны. Следует оспорить и другие утверждения И.В. Мосхури. Так, он указывает, что Лазарев препятствовал грекам в продвижении по службе исключительно по национальному признаку, но факты говорят об обратном. Многие офицеры греческой национальности своей усердной и честной службой заслужили признание и уважение М.П. Лазарева и под его началом успешно продвигались по служебной лестнице, среди них П.Л. Аркас (будущий главный командир Черноморского флота), М.Н. Кумани, Е.П. и М.П. Манганари и другие. Также несправедливо обвинять Лазарева в расположении к немцам. В своем письме Унковскому Лазарев писал, вспоминая какой-то бунт немцев: «А все-таки лучше подлых наших соседей немцев, которые за то, что Россия спасла их Германию в 1812 году, негодуют теперь на русских с самым зверским остервенением, пора приходить и очистить святую нашу Русь от этого поганизма (?) и выгнать... на свою землю, — много вреда творят они в России». Подобные

высказывания Лазарева встречаем и в других источниках, например, в письме АА Шестакову: «...нельзя ожидать, чтобы немец расположен был делать добро русским, оно не натурально, и надеяться на них нечего. Надобно самим о себе думать».

Все тот же Н. Закревский, питавший к грекам особую приязнь, признавал, что «...были и между ними (греками. — *В.Ш.*) такие труженики!.. Но это исключения...» Он же в своих «Записках...» приводит письмо отставного унтер-офицера К.Е. Ефимова к одному из офицеров корабля «Императрица Мария»: «...но я не позабыл, и не забуду по гроб моей жизни, как в турецкую кампанию, в бытность Вашу на корабле «Императрица Мария», под командою Папа-Христо, где все офицеры были греки, кроме Вас, одного между ними русского, какие неприятности Вы переносили тогда! Я и теперь вспоминаю, как нам было больно за Вас, как вся команда жалела о Вашем положении».

Глава шестая.

РЕВАНШ АДМИРАЛА ЛАЗАРЕВА

Дальнейшая эпоха в истории Черноморского флота, включая Севастопольскую оборону 1854–1855 годов, по справедливости называется Лазаревской.

На первых порах новому главному командиру Черноморского флота и портов пришлось нелегко. Чета Грейгов убралась в Петербург и начала там отчаянно интриговать против Лазарева. Ученик Лазарева И.А. Шестаков так писал впоследствии о начале командования вице-адмиралом флотом: «Он провел решимость до конца, не останавливаясь перед препятствиями, не колеблясь в мерах и стойчески вынося оскорбления из Петербурга, на которые не скупился вначале предпринятой им реформы. Когда дело наладилось, когда убедились, что перемены не были безотчетным взметом новой метлы, а указывались насущной необходимостью, положение деятеля изменилось и ему протягивали дружескую руку помощи, но вначале тьма препятствий остановила бы человека иного закала».

По свидетельству современника, «Михаил Петрович... не говорил речей, не тщился издавать инструкции, даже не выгнал чиновников, что составляет атрибут новой метлы, а являясь повсюду, все видел и словесными приказаниями исправлял необходимое...»

Дорогу, как известно, одолевает только идущий. Что касается Лазарева, он упорно шел к своей цели, и постепенно реальные успехи Черноморского флота заставили примолкнуть недругов и завистников. Неутомимый работник, настойчивый в достижении цели, преданный морскому делу, Лазарев и в своих офицерах умел вызвать те же чувства и стремления. Сам в душе спортсмен, прекрасно управлявшийся под парусами, он обратил внимание на развитие в личном составе здорового духа соревнования в работе, учениях и в особенности управлении судами. Пользуясь каждым выходом флота в море на эволюции, Лазарев обыкновенно заканчивал их гонкой судов, невзирая на ранги. Эта система постоянных состязаний во многом способствовала развитию любви и гордости за свой корабль.

Черноморский флот в 30–40-е годы XIX века нес крейсерскую службу у берегов Кавказа, срывал контрабандные перевозки англичан и турок для горцев, перебрасывал свои войска, доставлял им различные грузы, поддерживал огнем корабельной артиллерии, высаживал морские десанты.

Постепенное занятие Кавказской береговой линии дало Черноморскому флоту богатый опыт в производстве совместных действий с армией. В экспедициях по занятию береговых пунктов Кавказа, руководимых лично командующим, проверялась боевая готовность флота, посадка войск на суда, организация высадки, результатом чего и явился план десантной операции Лазарева на Босфор в декабре 1852 года, уже после смерти адмирала принятый Николаем I за основу плана военных действий против Турции. Насколько подготовленным к десантным операциям был в то время Черноморский флот, наглядно показала перевозка 13-й пехотной дивизии осенью 1853 года. Доживи Лазарев до Крымской войны, он обязательно настоял бы на Босфорской операции. Авторитета бы и настойчивости у него хватило. Вне сомнений, что этим он смог бы изменить весь ход войны и спасти Севастополь и изменить весь ход Крымской войны.

В период командования Лазаревым Черноморский флот, как в технике судостроения, так и в организации службы шел впереди Балтийского, лишенного единой власти. Все штаты, положения, судовые расписания, всякое новое слово в подготовке и обучении флота шло из Севастополя.

Вступив в должность, Лазарев сразу же доложил министерству о необходимости срочно восполнить убыль в стареющих судах и в связи с этим ходатайствовал о развитии подрядной постройки или вольнонаемного труда при сооружении кораблей. В ответ Николай I потребовал строить за счет штатных ассигнований ежегодно по линкору и в 2 года по фрегату, а по дополнительным суммам — в течение 4-х лет еще по линкору. Судовой штат предлагалось установить Главному черноморскому управлению, исходя из числа флотских экипажей, что обеспечивало лучшее соотношение строительства судов и укомплектования их командами. К октябрю 1834 года составили три варианта штатного расписания, причем Лазарев склонялся к штатам 1832 г.ода только с заменой люгеров на малые бриги, уменьшением военных пароходов на один и перераспределением транспортов разной грузоподъемности. Достройку судов по дополнительным суммам Лазарев предполагал отдать на подряд. Новые штаты утвердили в мае 1835 года: три 120- и двенадцать 84-пушечных линкоров, четыре 60- и три 44-пушечных фрегата, 5 корветов, 7 больших и 3 малых брига, 6 шхун, 4 тендера, 3 бомбардирских судна, 2 яхты, 2 военных парохода, 6 больших, 6 средних и 3 малых транспорта.

Негативно настроенный к еврейскому судостроительному подряду, Лазарев вложил значительные средства в модернизацию и расширение устаревшей казенной адмиралтейской верфи. В июне 1834 года в

Николаевском Адмиралтействе заложили военный пароход «Северная звезда», 2 шхуны, 4 тендера и яхту, спустили фрегат «Агатополь» и корвет «Ифигения». В Севастополе 24 апреля спустили корвет «Месемврия». В 1835 году на левобережном эллинге в Николаеве сошел на воду 84-пушечный линкор «Силистрия», заложен второй флагманский 120-пушечный линкор «Три Святителя», 84-пушечный «Султан Махмут», корвет «Орест» и транспорт «Березань», а в Севастополе — фрегат «Браилов». Черноморский флот начал свое возрождение.

Необходимо заметить, что после выселения по указу императора евреев из Севастополя и Николаева подрядчики кораблестроения в Николаеве Рафалович, Серебряный продолжали строить корабли, но были взяты под жесткий контроль. Держа его в узде, Лазарев лично два раза каждую неделю ездил в Спасское Адмиралтейство, контролируя строительство кораблей и судов. Про строительство кораблей Рафаловичем Лазарев писал, как всегда, откровенно: «Присмотр за этим (Рафаловичем. — В.Ш.) таков, что если бы он и вздумал сплутовать и употребить какую-нибудь штуку не совсем хорошего леса, то ему не удастся». Что и говорить, времена для друзей настали не те, и спустя некоторое время Рафалович, а за ним и другие стали уходить из судостроительного бизнеса, оставляя заказы казенным верфям.

Отныне корабли и суда закладывались и спускались на воду ежегодно. 120-пушечный линейный корабль «Двенадцать Апостолов» Лазарев строил для себя как флагманский корабль, лично следил за отделкой адмиральской каюты, соорудил в салоне мраморный камин, из Одессы привезли мебель красного дерева, из Турции — ковры. Командиром линкора стал один из лучших офицеров — капитан 2-го ранга В.А. Корнилов, будущий герой обороны Севастополя. Сам линкор являлся одним из сильнейших в мире.

К 1838 году Лазарев пересмотрел свои взгляды на Николаевские верфи как на вспомогательные, и в начале января 1837 года император утвердил лазаревский план модернизации Адмиралтейства в Николаеве. Началось и сооружение сухих доков в Севастополе. Вместе с доками строилось новое Севастопольское Адмиралтейство.

Отметим, что к началу 1834 года из двенадцати линейных кораблей Черноморского флота лишь 120-пушечная «Варшава» могла считаться современной, остальные или устарели, или пришли в негодность. По существу, Лазареву предстояло возрождать Черноморский флот после грейговского разорения.

По ходатайству Лазарева в мае 1835 года был утвержден новый численный состав кораблей, в число которых вошли три трехдечных 120-

пушечных и двенадцать двухдечных 84-пушечных, прототипом для последних явился хорошо зарекомендовавший себя в плаваниях 84-пушечный линейный корабль «Силистрия». В том же 1835 году началась интенсивная постройка линейных кораблей в Николаевском, а также в так называемом Спасском Адмиралтействах. Каждый такой корабль с полным вооружением обходился казне недешево: трехдечный — свыше 2,5, двухдечный — более 1,8 млн. руб. Иностранные специалисты высоко оценивали качества кораблей Черноморского флота. Так, главный сарвайер английского флота Уильям Саймондус, побывав в 1841 году в Николаеве и Севастополе, писал английскому консулу в Одессе: «...Там пахнет морской нацией, и ежели правительство поддержит, то морская часть в Черном море в скором времени очень усилится...» Сам Лазарев отмечал, что Саймондус «...Судами нашими очень любовался и всем, что на них есть, както: красивой постройкой, покровом парусов, рангоутом, гребными судами, кузнечной работой и отделкой вообще...» Известен и такой факт: английский капитан Дринкуотер, осматривавший в 1835 году строившиеся в Николаеве корабли, получил у адмирала Лазарева разрешение взять чертежи «Трех Святителей».

За 18 лет, в течение которых Лазарев командовал Черноморским флотом, было построено 16 линейных кораблей и свыше 150 других судов, в том числе первые пароходо-фрегаты и корабли с железным корпусом, часть судов вооружена бомбическими орудиями. В Севастополе в возведенных мощных фортах он установил береговые батареи, доки и мастерские, учредил Адмиралтейство, построил казармы для флотских экипажей, Морскую библиотеку. Адмирал был избран почетным членом Русского географического общества, Морского ученого комитета и Казанского университета, а также членом Одесского общества истории и древностей.

Одни ценили его за флотоводческий талант, другие — за административный, третьи — за ученый..

Адмирал Шестаков в своих воспоминаниях так описывает «секрет» Лазарева: «...Помимо собственной его личности, вызывающей невольное уважение, состоял главнейше в оправданной опытом аксиоме: окружил человека порядочностью — и он станет порядочным человеком».

Некоторые историки утверждают, что Лазарев не любил и не понимал новоявленных пароходов, считая их лишь модной игрушкой, так и оставшись до конца своих дней истинным парусником. Ряд историков считают, что, займись Лазарев пароходами серьезно, то к началу Крымской войны Черноморский флот был бы куда более подготовлен к встрече

паровой англо-французской армады. Но все это лишь предположения!

Апологеты адмирала Грейга настаивают на том, что именно с Грейга началась эпоха пароходства на Черном море. Конечно, определенная доля участия Грейга, впрочем, как и Лазарева, в строительстве пароходов имеется. Но говорить о Грейге как о главном «пароходостроителе» не приходится. Крупнейший специалист по начальному периоду пароходостроения в России Н.А. Залесский в своей известной книге «Одесса» выходит в море» (1987) пишет: «М.С. Воронцов, как известно, первые пароходы для Черного моря заказывал в Николаеве, но, получив такие “шедевры” пароходостроения, как “Одесса”, “Наследник” и другие, стал заказывать пароходы в Англии, где, как правило, их строили быстрее, надежнее и лучше. Вопрос же развития отечественного пароходостроения не беспокоил ни Воронцова, ни царя, с ведома которого заказывались все пароходы. Между тем при большей требовательности к качеству заказываемых пароходов со стороны Воронцова как заказчика и при более добросовестном отношении к своим обязанностям адмирала С.К. Грейга, в ведении которого находилось кораблестроение в Николаеве, можно было бы при постройке отечественных пароходов добиться лучших результатов».

Что из этого следует? А то, что инициатором пароходостроения на Черном море был вовсе не адмирал Грейг, а граф Воронцов. Именно он попытался строить первые пароходы в Николаеве. Граф не был моряком, но почему-то значение пароходов понимал лучше адмирала Грейга. Последний, судя по всему, вообще не понимал сути происходящего, а потому никоим образом не стремился развивать судостроительную базу для насыщения флота пароходами. Более того, он и его окружение были не против поживиться за счет Воронцова. Именно поэтому, когда граф столкнулся там с «черноморской мафией», то плюнул на Грейга и начал заказывать пароходы в Англии. Что же касается Грейга, то Н.А. Залесский прямо обвиняет его в непонимании развития пароходов и недобросовестном отношении к своим прямым обязанностям как главного командира Черноморского флота и портов. О каком гениальном прозрении или хотя бы о новаторстве здесь вообще может идти речь?

Не интересно ли будет нам узнать, как оценивает Н.А. Залесский роль М.П. Лазарева в развитии пароходства на Черном море? Историк пишет: «Он (Лазарев. — *В.Ш.*) считал плавание на них (на пароходах. — *В.Ш.*) офицеров и матросов средством подготовки личного состава для паровых судов флота Так, в том же рапорте А.С. Меншикову Михаил Петрович, приведя в пример Францию, писал: «Коммуникация на Средиземном море не только не verursacht издержек на поддержание ее делаемых, но ежегодно

стоит французскому правительству 1 500 000 франков, при всем том нельзя отвергать пользы в существе этого сообщения, если обратить внимание, что оно дает средства офицерам, матросам, машинистам и прочим людям, составляющим экипаж парохода, приобретать необходимые в управлении сими судами познания, которые... дают перевес на сторону тех, кто успел ими воспользоваться. В начале июня 1841 г. по докладу согласованных между заинтересованными сторонами соображений об организации пароходных сообщений с Константинополем Николай I принял решение заказать в Англии четыре пароходофрегата в 250 сил “с тем, чтобы в военное время можно было их обратить на полезное употребление при флоте”. Заказ же этих пароходов царь поручил Воронцову при участии адмирала Лазарева».

Что ж, Н.А. Залесский весьма высоко оценил роль Лазарева в развитии пароходства, в отличие от «недобросовестного отношения к своим обязанностям» Грейга. И это притом, что традиционно, с легкой руки прогрейговских историков, Михаил Петрович считается чуть ли не мракобесом, совершенно не понимавшим значения пароходов и всячески препятствовавшим их развитию, в отличие от гениального провидца Грейга. Увы, перед нами не что иное, как еще одна искусственно созданная легенда, имеющая своей целью приписать чужие лавры тому, кто в реальной жизни был их совершенно не достоин. На истории приоритета в понимании и развитии пароходства на Черном море мы остановились исключительно для наглядности того, как легко можно оклеветать даже самых выдающихся государственных деятелей России, если это необходимо определенному могущественному клану.

10 октября 1843 года Лазарев за отличие был произведен в полные адмиралы. Он был награжден всеми существовавшими орденами Российской империи, в том числе и высшей степенью отличия — орденом Андрея Первозванного.

Уже будучи командующим флотом, Лазарев женился на Екатерине Фандерфлит — молоденькой дочери своего бывшего сослуживца, капитана 2-го ранга в отставке Тимофея Ефремовича Фандерфлита, и двоюродной сестре Владимира Корнилова. Несмотря на весьма значительную разницу в возрасте супругов, их брак оказался счастливым. У Лазаревых было два сына и три дочери. После смерти отца дочь Татьяна передала всю его личную библиотеку (более тысячи томов) в Севастопольскую морскую библиотеку.

Женившись поздно, в последние годы жизни, Лазарев находился под определенным влиянием своей супруги. Вот характерный пример. В одну

из поездок в Севастополь Екатерина Тимофеевна, жена Лазарева, сопровождала мужа. С берега была положена сходня, по которой должны были пройти дамы на пароход. Адмирал вел под руку свою жену. Когда она вступила на доску, часовая цепочка оторвалась и часы, подарок Михаила Петровича жене, упали в воду. «Утонули», — проговорил адмирал, продолжая идти далее и не дав времени взглянуть, куда и как упали часы. Екатерина Тимофеевна очень дорожила этими часами. Как только пароход скрылся из виду, то немедленно водолаз стал искать часы. Они вскоре были найдены и, к чести английских мастеров, крышки были сделаны так, что вода не проникла в механизм. По возвращении адмиральши часы были переданы ей. Она тщательно скрывала от адмирала о находке их. Спустя некоторое время Екатерина Тимофеевна вошла в кабинет мужа и увидела, что он, припоминая что-то, чертил на бумаге часы, желая, как открылось потом, заказать подобные в Лондоне. Узнав всю правду, адмирал рассердился и настоятельно потребовал, чтобы она объявила ему, кто осмелился употребить водолаза на частную надобность. Но адмиралу не удалось вынудить признание, и имена виновных оказались ему неизвестны.

При этом, несмотря на его любовь к жене, в отличие от сожительницы Грейга, супруга адмирала Лазарева никогда не вмешивалась в служебные дела мужа, да адмирал и не допустил бы этого. Впрочем, разве можно сравнивать этих двух женщин: благородную дочь потомственного моряка Екатерину Фандерфлит, выросшую в семье, соблюдающей морские традиции, и прошедшую «Крым и рым» мадам Лию Сталинскую, профессиональную интриганку и аферистку.

Оба брата Михаила Петровича также достойно служили русскому флоту, воевали против французов и турок, совершали океанские плавания. Андрей Петрович Лазарев закончил службу вице-адмиралом, начальником 1-й флотской дивизии Балтийского флота, а младший брат, контр-адмирал Алексей Петрович Лазарев, являлся командующим Каспийской флотилией и керчь-еникальским градоначальником.

К глубокому сожалению, в отечественной истории стало традицией избегать полутонов при описании тех или иных деятелей. Если какой-либо царский министр или генерал был плох в чем-то одном, то на него добросовестные историки сразу же вешали «кучу собак». Те же, кто удостоился быть произведенным в ранг национального героя, становились непогрешимыми. На их недостатки и просчеты накладывалось негласное молчаливое табу.

Это более чем странно. Для чего нам снова и снова придумывать себе святых, чтоб затем в них разочаровываться? К тому же, зная не только о

достоинствах кумиров, но и об их недостатках, мы лучше понимаем их, как нормальных живых людей, а не механических истуканов!

При всех положительных деяниях Лазарева было бы неправильным считать, что у него не было недостатков. Конечно же, как у каждого человека, они были и у него. Так, наученный опытом грейговцев, Лазарев до последних дней своей жизни был сторонником авторитарного стиля правления, что не всегда себя оправдывало, хотя и значительно уменьшило размеры воровства. При этом Лазарев всем сердцем любил Севастополь, с неприязнью относясь к Николаеву — бывшей столице четы Грейгов и их окружения.

Современный биограф Лазарева, капитан 2-го ранга АА Черноусов пишет: «Рассмотрение деятельности адмирала М.П. Лазарева на посту военного губернатора Николаева и Севастополя позволяет утверждать, что она носила сложный и противоречивый характер. С одной стороны, Лазаревым был полностью перестроен Севастополь, что дало современникам основание восхищаться им и сравнивать со столичными городами. С другой стороны, Лазаревым практически ничего не было сделано для развития Николаева. Главной заслугой адмирала явилось строительство и развитие города Севастополя. Адмирал до конца жизни оставался в первую очередь военным моряком, и приоритетом для него являлся флот. Развитие Севастополя при Лазареве объясняется тем, что, строя новый флот, Михаил Петрович понимал, что новому флоту нужна новая инфраструктура. Кроме того, по своему внешнему облику город никак не соответствовал статусу главной базы флота. При ограниченности в средствах Лазарев перераспределял имеемые финансы на развитие Севастополя как более перспективной базы флота. Немаловажным фактором явилось и пристальное внимание к городу Николая I. Часть инициатив по перестройке города принадлежат именно ему, а все предложения Лазарева утверждались именно императором. Подмяв под себя все органы гражданского управления, Лазарев практически лишил их законодательной и управленческой функций, оставив функции исполнительные. Органы гражданского управления были поставлены адмиралом в такие условия, что функционировали только по его указке при жестком контроле. В результате это привело к тому, что при ослаблении Лазаревым во время болезни контроля органы гражданского управления Севастополя и Николаева практически прекратили свою работу. Это негативно отражалось на развитии городов, прежде всего, в экономическом отношении».

Впрочем, после того, что пережил Лазарев в бытность начальником

штаба флота при Грейте, понять его можно. В Николаеве Лазареву все напоминало о Грейге — и дом главного командира, и храм Весты, и бывшие грейговские прихлебатели. В Севастополе же все было наоборот. Нелюбимый Грейгом город Лазарев обожал и старался бывать там как можно чаще и дольше. Он любил этот город на берегах Ахтиарской бухты, и тот платил ему тем же.

Столь жесткому контролю Лазаревым николаевской братии имеется вполне логичное объяснение Воспитанник М.П. Лазарева И.А. Шестаков позже писал: «Была и другая, чисто нравственная причина, требовавшая изменения приросших к службе невыгодных для нее условий... Соблазнительная близость арсенала и адмиралтейства, доставлявших огромные средства, вместе с властью распоряжаться рабочей государственной силой смешали понятия о частной собственности с казенной... К должной идее о собственности не могли привыкнуть люди, всю жизнь не знавшие относительно общественных средств различия между моим и твоим». Так что волей-неволей, но Лазареву приходилось контролировать вороватых купцов и подрядчиков.

Были у адмирала Лазарева и другие особенности. Воспитанник британской морской школы, он был до жестокости требователен к матросам, не прощая им ни малейшей оплошности. Недаром во время третьего кругосветного плавания два раза (!) команда была на грани бунта, доведенная до такого состояния Лазаревым и его старшим офицером

Зная отношение к матросам Лазарева, становится понятным и поступок его лучшего из воспитанников — лейтенанта Павла Нахимова, избившего матроса на «Азове». Кем бы стал впоследствии лейтенант, если бы разбором этого дела не занялся старик адмирал Сенявин? Но это произошло, и Нахимов, покайся в содеянном, отныне никогда уже не поднимал руку на матроса.

Отдавая должное Лазареву как моряку, надо признать, что, будучи в небольших чинах, он никогда не чурался лести в отношении сильных мира сего. Что поделать, иначе карьеру во все времена сделать невозможно!

Вот весьма характерный пример. Перед отправкой эскадры кораблей в Средиземное море корабли разыгрывали перед императором Николаем I учебный бой. «Азов», которым тогда командовал Лазарев, сманеврировал столь неудачно, что подставил свою корму одному из линкоров противной стороны. По условиям учений это было равносильно уничтожению. Репутация Лазарева перед императором, как опытного из моряков, была сильно подмочена. А потому уже на следующий день при посещении его корабля Лазарев готовит Николаю приятный сюрприз. Когда царь со свитой

спустились посмотреть крюйт-камеру, то увидели, что из орудийных замков на палубе выложена фраза: «Гангут, Чесма и...»

— Что же означает многоточие? — спросил император у командира.

— Первая из побед флота Вашего Величества! — четко доложил Лазарев заготовленный заранее ответ.

Николай I остался доволен. К слову сказать, зная и понимая, не в пример своему старшему брату, флот, он любил и всегда особо покровительствовал Лазареву, по праву считая его лучшим из своих адмиралов.

Став адмиралом, Лазарев стал и самим собой, нередко позволяя в отношении даже самого Николая I поступки, за которые иные давно бы поплатились карьерой и эполетами. Иногда его грубость с императором носила порой далее вызывающий характер. Вот лишь несколько примеров.

Из воспоминаний адмирала К.И. Истомина: «По возвращении Михаила Петровича из Средиземного моря, после блистательной Наваринской битвы, еще бывши лично мало известен государю Николаю Павловичу, он удостоился поручения исследовать причину пожара на корабле “Фершампенуаз”, который, возвращаясь из-за границы, вез все отчеты в истраченных суммах за пять лет по управлению целую эскадрой. Входя в гавань в Кронштадте, корабль этот неожиданно сгорел до основания. Злонамеренность казалась явною причиною пожара. Сделав строгое исследование, Лазарев открыл, что корабль загорелся от неосторожности. Государь, приехав в Кронштадт, обратился к Лазареву с вопросом: “Корабль сожгли?” “Сгорел, государь!” — отвечал хладнокровно Михаил Петрович. “Я тебе говорю, что корабль сожгли”, — возразил император, рассерженный ответом. “Государь, я доложил Вашему Величеству, что корабль сгорел, но не сказал, что его сожгли”, — отвечал адмирал, видимо, оскорбленный недоверием к себе».

Из воспоминаний Н.И. Лорера: «В последнюю свою поездку в Петербург, накануне возвращения в Николаев, адмирал Лазарев отклонялся государю Николаю Павловичу. После милостивого приема, желая показать особое расположение, государь сказал: “Останься у меня обедать”. “Не могу, государь, — отвечал Михаил Петрович, — я дал слово обедать у адмирала Г. (который, кстати сказать, был не в милости в ту пору при дворе) и, вынув свой толстый хронометр, он взглянул на часы: — Опоздал, государь!” — с этими словами он поцеловал императора и вышел из кабинета. В это время вошел князь А.Ф. Орлов, чрезвычайно уважавший адмирала. “Наш Лазарев — единственный человек в империи, который не желает обедать со мной! — сказал ему Николай, глядя вслед вышедшему

адмиралу, — что ж, придется обедать в одиночестве!”»

Николай прощал Лазареву все странности его характера, оберегая для больших дел. Поступает императору бумага о публичном оскорблении Лазаревым инженер-полковника Стоке. Николай, не читая, откладывает ее в сторону:

— Если Лазарев оскорбил, значит, тому были причины!

Черноморский флот времен Лазарева был, по существу, единственным «островом свободы» в николаевской России. Там напрочь отсутствовали муштра, парадность и шагистика. Там морские офицеры, вопреки всем существовавшим уставам, расстегивали мундиры, выпуская поверх них белоснежные воротники рубах, прозванных «лиселями». Так обожал ходить их кумир Лазарев. Так ходили и они. И что же Николай — ярый поборник муштры и порядка? Да за одни «лиселя» он, не задумываясь, снял бы десяток генералов! Но, приезжая на Черноморский флот и видя все там происходящее, он молчит. Когда же императора уж слишком доносили доносители, он просто отмахивался от них:

— Оставьте Лазарева в покое! Он знает, что делает!

Все человеческие слабости великого адмирала никоим образом не умаляют его заслуг перед Севастополем. А потому лучшей характеристикой, данной адмиралу, я считаю публикацию его биографа. А. Хрипкова в журнале «Русский архив» в 1877 году: «Главной чертой его характера была резкая самостоятельность. Его рыцарская, без страха и упрека душа стояла так крепко за правду, что не существовало, буквально сказать, никакой власти на земле, которая могла бы поколебать его убеждения и заставить отказаться от цели, им раз для себя определенной. Эти-то душевные качества, любовь к службе и высокое понятие о ее значении доставили Лазареву исключительное доверие всех подчиненных...»

С 1849 года Лазарева начал буквально заживо съедать рак желудка. К концу 1850 года стало ясно, что жить адмиралу остались считанные недели. В начале 1851 года по настоянию императора Николая I, пытавшегося хоть что-то предпринять для адмирала, он был отправлен на лечение в Вену. Сам Лазарев прекрасно понимал, что дни его уже сочтены. Но присутствия духа, однако, не терял, позволяя себе даже шутить над собственной скорой кончиной. Так, когда перед отъездом на лечение ему выдали пенсию на год вперед, Лазарев брать ее отказался.

— Отсчитайте на несколько месяцев, более мне уже не понадобится, так зачем же разорять государство!

В этой фразе — весь Лазарев... Разве можно после этого сравнивать

кристальную честность и бескорыстие великого русского патриота адмирала Лазарева с воровской камарильей супругов-космополитов Грейгов?

После жесточайших шестимесячных страданий, которые Лазарев переносил с завидным мужеством, не выказывая их даже близким, адмирал скончался в столице Австрии 11 апреля 1851 года. Как здесь не вспомнить проникновенные строки Тютчева:

И вот в рядах отечественной рати
Опять не стало смелого бойца.
И вновь вздохнули в горестной утрате
Все честные, все русские сердца...

Прах адмирала, привезенный в Россию 7 мая 1851 года, был предан земле в склепе севастопольского Владимирского собора

В Севастополе именем Лазарева были названы Адмиралтейство, казармы на Корабельной стороне, улица. На карте мира имя русского адмирала носят острова в Тихом океане, научная станция, берег, горы, залив, море в Антарктиде, мыс в Охотском море и у Алеутских островов, остров в Аральском море, пик и риф в Тихом океане, шельфовый ледник в Антарктиде. А на том же Тихом океане несет службу тяжелый атомный ракетный крейсер «Адмирал Лазарев».

Достойными учителя оказались и ученики адмирала: П.С. Нахимов, В.Л. Корнилов, В.И. Истомин и другие. Именно им принадлежит честь Синопской победы и 11 -месячной героической обороны Севастополя.

История уже давно все поставила на свои места Имя Грейга знают разве что историки, тогда как имя Лазарева сегодня известно как великого мореплавателя и флотоводца, реформатора флота и истинного патриота России. В честь адмирала Лазарева вот уже более полутора веков называют мощнейшие корабли отечественного флота. Меккой для россиян стало и место последнего упокоения адмирала Лазарева и его учеников во Владимирском соборе в Севастополе.

Иллюстрации

Адмирал А.С. Грейг. Из фондов РГАДА

Гражданская супруга А.С. Грейга — Ю.М. Сталинская (Грейг). Художник С.К. Зарянко

А.С. Меншиков. Художник Ф. Крюгер

Флигель-адъютант капитан 1-го ранга А.М. Казарский. Неизвестный художник

Рисунок А.С. Пушкина. А.И. Казарский — в верхнем ряду слева

Герб А.И. Казарского с изображением брига «Меркурий» и пистолета. Рисунок Г. Нарбута

Знаменитая картина И. Айвазовского «Бой брига “Меркурий”...», неверно изображающая события

Бриг «Меркурий» после победы над двумя турецкими судами. Художник И.К. Айвазовский

Бой брига «Меркурий» с турецкими кораблями 14 мая 1829 г. Художник М.С. Ткаченко

*Наиболее точная картина боя брига «Меркурий», написанная участником этого боя
штурманом И. Прокофьевым*

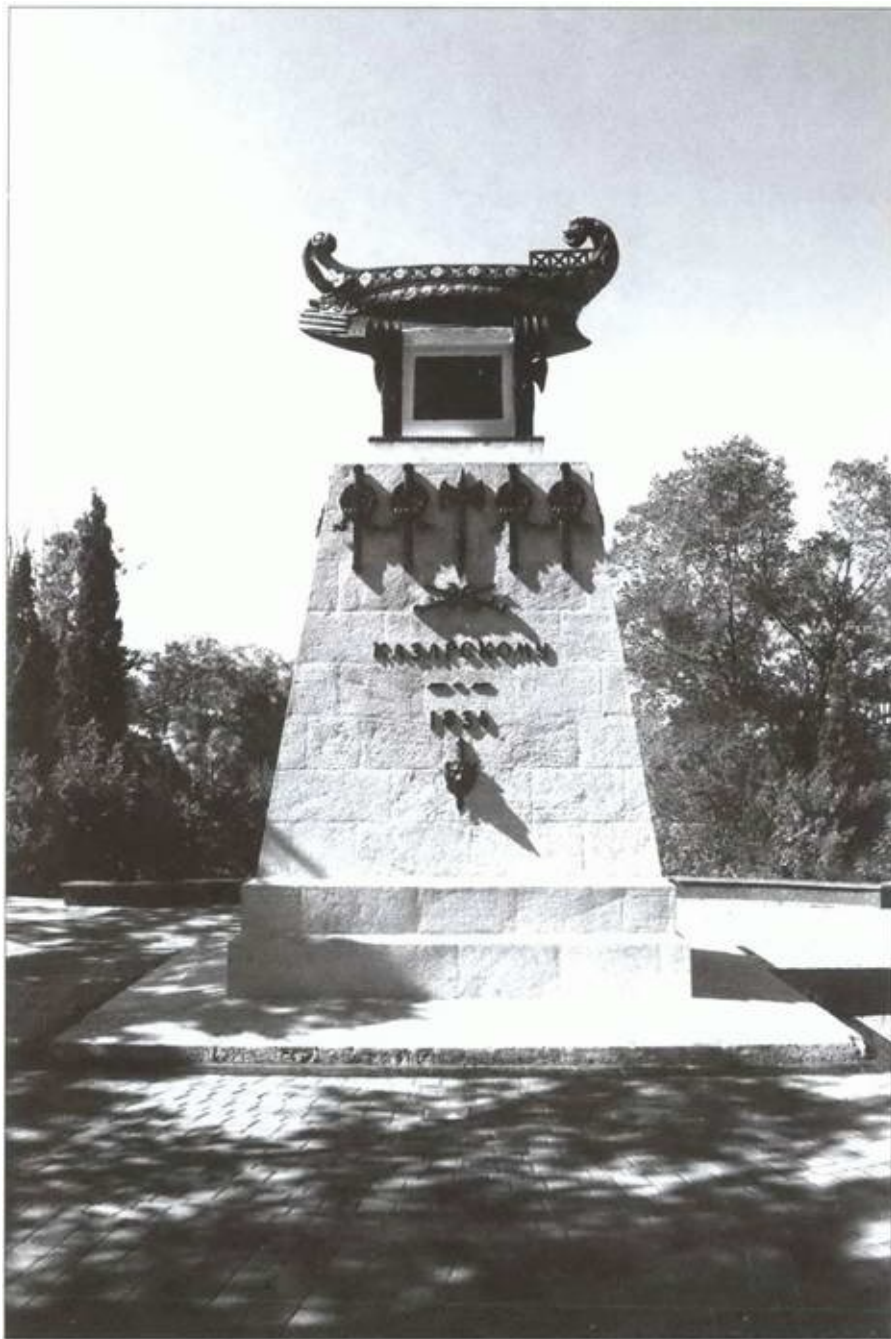
*Адмирал Ф.М. Новосильский, бывший старший офицер брига «Меркурий». Неизвестный
художник*

Смотр Черноморского флота в 1849 году. Художник И.К. Айвазовский

М.П. Лазарев. С картины К.П. Брюллов

Памятник подвигу А.С. Казарского на Матросском бульваре в Севастополе

* * *

Морская летопись

Книга известного российского писателя-мариниста капитана 1-го ранга Владимира Шигина посвящена драматическим событиям, происходившим на Российском Черноморском флоте в 20—30-х годах XIX века и связанных с деятельностью адмирала А.С. Грейга и его супруги, завладевших всей внешней торговлей юга России и пытавшихся превратить Черноморский флот в особое «удельное княжество». Вот уже почти двести лет эти события были сокрыты непроницаемой завесой тайны. Собрал и обобщив редкие архивные материалы, свидетельства современников, автору книги впервые удалось воссоздать полную и правдивую картину тех давних событий, раскрыть тайну смерти легендарного командира брига «Меркурий» А.И. Казарского, ответить на многие другие загадки военно-морской отечественной истории.

ISBN 978-5-4444-2734-7

9 785444 427347

